

Роберт ГОВАРД

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

Сага дальних миров

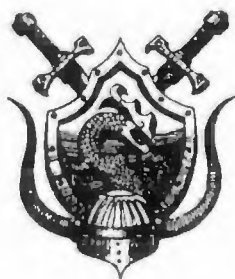

Роберт И. Говард

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

Сага
дальних миров

«СЕВЕРО-ЗАПАД»
Санкт-Петербург
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Говард Р. И.

I 57 Гончие смерти: Повести и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 448 с.

ISBN 5-7906-0050-6.

Просторы дальних миров полны неисчислимых опасностей. Схватки с вероломными дикарями, кровожадными песчаными червями и крылатыми людьми ожидают отважного героя, волею судеб попавшего на таинственный Альмарик — планету, затерянную в глубинах Вселенной.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

Авторские права защищены.

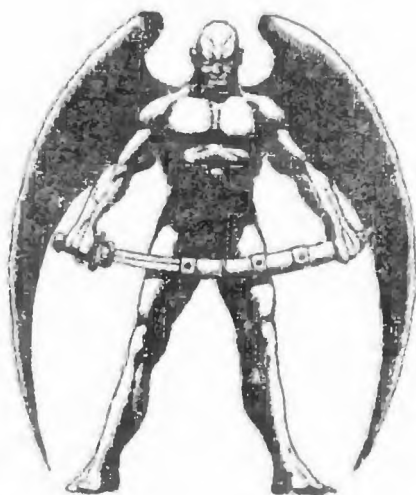
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

ISBN 5-7906-0050-6

© Ken Kelly, 1991
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

АЛЬМАРИК

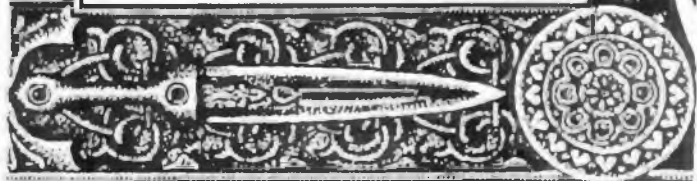
ВСТУПЛЕНИЕ

1

С

обственно, открывать тайну исчезновения Исы Кэрна я никогда не собирался, более того, нарушить молчание меня заставила именно его воля. И я могу понять, что им двигало, потому что желание поведать миру, отвергнувшему его, поставившему вне закона, а теперь бессильному настичь жертву, свою невероятную историю совершенно оправдано. То, что решил рассказать Иса, — его личное дело, я же, со своей стороны, не собираюсь ничего добавлять. Пус-

как тайна, каким образом мне удалось совершить это, кстати наделавшее много шума, исчезновение и переместить Ису Кэрна в неведомый мир, так и останется тайной. Останется тайной и то, каким способом мне удалось связаться с мистером Кэрном, находящимся так далеко от Земли, на планете, кружащей вокруг неведомого солнца, свет которого будет идти до нас еще тысячи и тысячи лет. Тем не менее я слышал слова Исы Кэрна, дошедшие из неведомых глубин космоса, словно он поведал мне свою историю за чашечкой кофе, сидя в удобном кресле рядом со мной.

Единственное, что я считаю нужным сказать, что перемещение мистера Кэрна отнюдь не было спланировано заранее. На идею Большого Скачка я натолкнулся совершенно случайно, в ходе научных изысканий, проводимых совсем с другой целью. Я даже и не предполагал использовать свое открытие в практических целях до того злополучного вечера, когда ко мне в обсерваторию ввалился мистер Кэрн, преследуемый безжалостной сворой охотников, с кровью другого человека на руках.

И привела этого человека ко мне чистая случайность, гот инстинкт, который заставляет загнашного, затравленного и истерзанного собаками матерого волка вновь и вновь бросаться на преследователей в том сражении за жизнь, которое он никогда не сможет выиграть. Я сразу разглядел в нем человека того сорта, который никогда не сдается, предпочитая поражению смерть.

В этом месте я должен со всей ответственностью заявить, что мистер Кэрн — не преступник и никогда им не был. Увы, он, как и многие прежде, просто оказался винтиком зловещей криминально-

политической машины, и машина эта обрушила на непокорную деталь всю свою исполинскую мощь. Стоит ли говорить, что почувствовал странный парадоксальный разум Исы Кэрна, осознав весь ужас и всю грязь сопричастности к этой системе?

Наука психология в наши дни еще лишь подбирается к пониманию феномена людей, о которых мы говорим «родившиеся не в свое время». Но всем известно, что есть люди, столь жестко привязанные к определенному историческому периоду, что, родившись в другое время, они испытывают невероятные трудности, чтобы приспособиться к своему веку. Скорей всего, это явление — одно из тех нарушений небесной гармонии законов мироздания, какие человеческая наука объяснить не в силах.

Есть множество примеров людей, родившихся не в своем веке, и Иса Кэрн явно ошибся эпохой. Появившись на свет в современной Америке, причем вовсе не среди отбросов общества, он тем не менее был совершенно чужим здесь. Мой бог, мне просто не доводилось видеть человека, настолько не вписывающегося в индустриальную цивилизацию двадцатого века, полную законов, правил и условностей, которые зачастую он просто не в состоянии был постичь.

Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что я говорю о нем «был». Он жив в метафизическом значении этого слова, но для Земли он мертв — ибо никогда более нога его не коснется этой планеты.

Так вот, независимая, можно даже сказать дикая, натура этого человека не принимала никаких посягательств на его личную свободу. Любое самое незначительное ущемление его прав вызывало в нем бурю протеста. В проявлении своих поистине первобытных страстей он был прост и безудержен, как

дикарь. А его храбрости, отчаянности и рискованности не было равных на всей планете. Можно сказать, вся его жизнь была конфликтом разума и чувств, сдерживанием своих сил (даже на спортивных площадках он был вынужден себя ограничивать, действуя не в полную силу, чтобы не покалечить противника). В общем, по всем параметрам Иса Кэрн был чужаком в современном мире. С его силой, накалом эмоций и животным магнетизмом ему следовало бы родиться на заре человечества.

Однако провидение рассудило по-своему, хотя, родившись здесь, на северо-западе Соединенных Штатов, он впитал в себя дух борьбы, живший в суровом краю его предков, — борьбы с врагом, с диким зверем, с силами природы. Детство его прошло в Скалистых горах, где до сих пор в почете древние традиции первых поселенцев.

Иса Кэрн по натуре был неисправимым индивидуалистом и любой вызов воспринимал как личный. Соперничество — вот был стержень его жизни, ее соль. Без него Иса не видел смысла бытия. Невероятная физическая сила этого человека оказалась чрезмерной даже для игры в американский футбол. Он заслужил репутацию человека, выходящего на поле, скорее, чтобы расправиться с противником, нежели для того, чтобы привести свою команду к победе. В азарте борьбы с него слетал налет цивилизованности. Выведенный из себя атмосферой поединка, он уже с трудом контролировал свои действия, добавляя в свой послужной список еще чьи-нибудь сломанные ребра или проломленный череп. Неудивительно, что матчи с его участием были ознаменованы множеством травм и повреждений у спортсменов, причем не только соперников, но и членов родной команды.

В этом не было его злого умысла, просто силы, дарованные ему богом, намного превосходили физические способности окружающих. Кэрн абсолютно не был похож на столь распространенный тип заплывших жиром медлительных силачей. Наоборот, он был весь полон энергии, всегда напряжен и готов к действию.

Это была не последняя причина, по которой ему пришлось бросить колледж, после чего он решил попробовать свои силы на профессиональном ринге. И вновь безудержность натуры сослужила ему плохую службу. Накануне своего первого боя он чуть не до смерти изувечил своего будущего противника, кстати куда более именитого и известного боксера, чем он сам. Пронюхавшие об этом бульварные газетенки раздули сенсацию, и в результате Кэрн был лишен лицензии с пожизненным запретом заниматься профессиональным боксом.

Озлобленный, неудовлетворенный, он бесцельно брел по жизни — этаким Геркулес, сжигаемый жаждой приложить к чему-нибудь свои невероятные силы, ищущий только повода, чтобы совершить новые подвиги. Что мог ему предложить наш цивилизованный мир, в котором не осталось дикого и неосвоенного пространства?

О последних днях его пребывания в нашем мире, превратившихся в девятидневное бегство от смерти, нет нужды рассказывать отдельно: газетчики, захлебываясь словами, на все лады обсасывали эту историю. Что тут можно добавить? Погрязшая в коррупции мэрия, подкупленные политики, козлы отпущения — и человек, выбранный для того, чтобы стать инструментом, орудием (вернее сказать, смертельным оружием) закулисной борьбы.

Кэрн, уставший от бесцельного существования и жаждущий настоящего дела, был идеальным орудием

ем, но — до поры до времени. Я уже подчеркивал, что он не был преступником, не был он и глупцом. Достаточно быстро сообразив, в какую грязную историю оказался втянут, он, не заботясь о последствиях — таков уж был его характер! — бросил вызов системе, никогда раньше не встречавшейся с таким упорным сопротивлением одиночки.

И даже тогда можно было избежать трагедии, если бы настроившие его против себя политиканы, выковавшие Кэрна-орудие, были бы чуть-чуть поумнее. Но им и в голову не могло прийти, что найдется на свете человек, которому будет наплевать на все их деньги и связи.

К этому возрасту Иса Кэрн научился сдерживать свой буйный нрав в достаточной мере. Видимо, мистеру Блейну пришлось весьма постараться, оскорбляя мистера Кэрна, чтобы тот все же позволил восторжествовать своему характеру. Впервые за долгие годы его эмоции смели все защитные барьеры — и в результате череп Блейна лопнул, как гнилой орех, от одного-единственного удара в лоб. Могущественный политик, игравший в своем кабинете судьбами десятков тысяч людей, был убит прямо на рабочем месте, за письменным столом.

Как бы ни затмил гнев разум Кэрна, он прекрасно понимал, что попадания от системы, контролирующей целиком округ, ждать не приходится. Вовсе не в страхе покидал он кабинет Блейна. Нет, вел его тот самый первобытный инстинкт, запрещающий смиряться человеку с неизбежностью смерти и заставлявший его до последнего вздоха цепляться за жизнь.

И завершил он свой земной путь в стенах моей обсерватории в силу несповедимости путей providения. Поначалу Иса Кэрн, увидев, что в помещении есть кто-то еще, сразу решил уйти, чтобы не

втягивать никого постороннего в свои проблемы. Но я усадил его в кресло и заставил рассказать всю его историю. Честно говоря, меня нисколько не удивил ее финал — несмотря на железную волю и выдержку этого человека, такой конфликт чувств и разума не мог не привести к трагедии.

Никакого плана у него тогда не было — Кэрн просто хотел забаррикадироваться где-нибудь и вести бой со всей полицией округа, пока свинцовый плевок не поставит точку в его жизни.

Сначала я согласился с ним, не видя другого выхода. Я не был столь наивен, чтобы предположить, будто суд присяжных может вынести оправдательный приговор, случись делу Исы Кэрна дойти до суда.

Он ничего у меня не просил, а я ничего не мог ему предложить. И вдруг мне в голову пришла невероятная, но вместе с тем предельно простая и логичная мысль. Большой Скачок! Я не только рассказал ему о своем открытии, но и продемонстрировал кое-какие возможности своего изобретения, чего до сих пор не проделывал ни перед одним живым существом.

Короче говоря, я предложил Исе Кэрну рискнуть совершить перелет через космос. При всей опасности и немыслимости такого предложения, оно сулило ничуть не больше неприятностей, чем та судьба, которая ждала Ису Кэрна, останься он на Земле.

Космос не место для людей, наша планета счастливое исключение, но, хвала небесам, не единственное. Мне, исследовавшему всю Вселенную, удалось открыть еще всего лишь единственную планету, чьи природные условия более или менее походили на земные. Эту далекую, суровую и странную планету, лежащую на краю мироздания, я называл Альмарик.

Кэрн прекрасно осознавал риск такого предприятия. Но этот человек поистине не ведал стра-

ха — он принял мое предложение без раздумий и лишних вопросов.

Вот и все. Иса Кэрн покинул планету, на которой был рожден, и перенесся на другую — чужую, полную опасностей планету, где ему суждено было теперь закончить свои дни.

Что же, я рассказал довольно, теперь пришло время предоставить слово мистеру Кэрну, который, не смотря ни на что, сохранил известную привязанность к роду людскому, пускай и обошедшемуся с ним так несправедливо.

РАССКАЗ ИСЫ КЭРНА

2

Все свершилось в одно мгновение. Только что я находился внутри этой странной машины профессора Гильдебрандта — и вот я уже стою посреди бескрайней равнины, залитой ярким солнечным светом. Ошибки быть не могло — я действительно находился в каком-то другом неведомом мире. Хотя пейзаж оказался не таким фантастическим и невероятным, как можно было бы ожидать, он все же не имел ничего общего с любым земным ландшафтом.

Но прежде чем уделить должное внимание изучению окрестностей, я оглядел себя с головы до ног, чтобы убедиться в том, что совершил это невероятное путешествие в целостности и сохранности. Результаты осмотра оставили меня удовлетворенным: все было при мне и на первый взгляд работало как надо.

Меня больше беспокоил тот факт, что я был абсолютно гол. Профессор Гильдебрандт объяснил мне, что его машина не в состоянии перенести не-

органические вещества. Только органическая, наполненная вибрациями жизни материя может, не претерпев необратимых изменений, выдержать Большой Скачок. Мне еще повезло, что я оказался не на северном полюсе или в пучине вод. Местное светило приятно припекало, и теплый ветер овеивал мою обнаженную кожу.

Во все стороны от меня, до самого горизонта, расстилалась гладкая, как стол, равнина, поросшая короткой густой травой, вполне земного зеленого цвета. В некоторых местах трава становилась выше, и там сквозь зеленую стену можно было различить блеск воды. Вскоре я обнаружил изрядное количество нешироких извилистых речек, кое-где разливавшихся озерами, что неспешно несли свои воды по равнине. На их берегах сквозь прибрежные заросли мне удалось рассмотреть движущиеся черные точки, но на таком расстоянии я не смог определить, что это было. По крайней мере, мне стало ясно, что загадочная планета, на которой я оказался, не была абсолютно необитаемой. Оставалось выяснить, каковы же были ее обитатели. Воображение уже услужливо рисовало химерические образы, порожденные самыми страшными ночными кошмарами.

Странное чувство испытывает человек, оторванный от привычного мира и заброшенный в невероятные дали на другую планету. Если бы я не сказал вам, что стиснул зубы, чтобы не застучать ими от ужаса, и не побледнел от сознания того, что со мной произошло,— я бы соврал. Человек, который доселе не ведал, что такое страх, превратился в обнаженный комок натянутых как струны нервов, вздрагивающий от звуков собственного дыхания! В тот момент меня впервые в жизни охватило отчая-

ние — казавшиеся до той поры надежной защитой в любых жизненных ситуациях сильные и мускулистые ноги и руки показались мне хрупкими и слабыми, как у младенца, только что появившегося на свет. Впрочем, так ведь оно и было. Как я смогу защитить себя в новом мире?

Если бы мне тогда подвернулась возможность вернуться на Землю, пускай и напрямик в лапы своих преследователей, а не сражаться в одиночку с кошмарами, которыми мое воображение уже населило Альмарик, я бы не раздумывал ни секунды. Очень скоро мне предстояло узнать, что никакие воображаемые опасности не сравнятся с реальными, на которые столь щедра жизнь, и что мое слабое тело будет меня выручать в таких переделках, которые я не смог бы представить себе даже в бреду.

Конец моим душевным метаниям положил негромкий звук за моей спиной. Развернувшись, я изумленно уставился на первого встреченного мной жителя этого мира. И каким бы грозным и враждебным он ни казался, я почувствовал себя вновь уверенно: оцепенение оставило мышцы, кровь ровно потекла в жилах. То, что можно увидеть и пощупать, всегда страшит меньше, чем неведомое и невидимое.

В первый момент мне показалось, что передо мной стоит горилла. Но, присмотревшись, я понял, что это все-таки разумное существо, подобного которому, я в этом уверен, не доводилось видеть еще ни одному жителю Земли.

Незнакомец был непамяного выше меня ростом, но значительно шире в плечах и более атлетического сложения. Могучие мышцы бугрились на его руках и бочкообразной груди. Из одежды на нем был какой-то кусок ткани, напоминавшей шелк, наброшенный через плечо и перехваченный в поясе ши-

роким кожаным ремнем, с которого свисал большой кинжал в кожаных же ножнах. Обут он был в плетеные сандалии с высокой шнуровкой. Но все эти детали я заметил лишь краем глаза, потому что мое внимание было приковано к лицу незнакомца.

Что там вообразить, описать его — будет занятием не самым легким. Представьте себе чуть сплюснутой формы голову, крепко сидящую на могучих плечах почти без признаков шеи. Из-под узкого покатого лба яростно взирают на мир маленькие, налитые кровью глаза, нацеленные на меня словно два стальных острия; квадратный волевой подбородок выдается вперед как таран — его покрывает короткая густая борода, над верхней губой топорщится щетка пышных усов; приплюснутый нос едва выступает с лица, а широко раздутые ноздри постоянно вздрагивают, принюхиваясь к исходящему от меня запаху; с головы существа свисают спутанные космы густых волос, из-под которых едва удастся разглядеть маленькие, плотно прилегающие к черепу уши. Когда тонкие губы незнакомца разошлись в животном рыке, вырвавшемся из глотки, я разглядел полный рот длинных, острых, словно наконечники стрел, клыков.

Борода и шевелюра человека, а я уже отнес его к представителям человеческого племени, были иссиня-черными. Такого же цвета волосы покрывали практически все его тело. Он не был, как вы могли бы подумать, покрыт шерстью, как обезьяна, но был определенно куда более волосат, чем любой земной человек.

Я инстинктивно определил, что, случись мне вступить с незнакомцем в бой, противник у меня будет опаснейший. Его фигура словно излучала силу, даже скорее не силу, а необузданную первобытную мощь.

Ни единой унции жира или дряблой плоти не было места на его могучем торсе, а покрытая волосами кожа казалась крепкой, как шкура опасного хищника. Но не только тело, его поза и осанка говорили моему опытному глазу об угрозе, заключавшейся в незнакомце. Взгляд, манера смотреть — все демонстрировало готовность обрушиться на любое препятствие всей яростной мощью, управляемой диким необузданным разумом. Встретившись с ним взглядом, я физически ощутил исходящую от него волну агрессивного недоверия. Мои мышцы инстинктивно напряглись.

Можете представить мое удивление, когда в следующий момент я услышал слова, произнесенные на самом настоящем отличном английском:

— Тхак! Ты что за человек?

В хриплом голосе слышалось явственное презрение. Во мне начал вскипать гнев, но я постарался сдержать свои чувства.

— Меня зовут Иса Кэрн, — коротко ответил я и замолк, не в силах объяснить мое появление на этой планете.

Незнакомец, презрительно скривившись, оглядел мое обнаженное безволосое тело и уже совершенно невыносимо унижительно для меня брезгливо бросил:

— Тхак тебя разорви, мужик ты или баба?

Ответом ему был мой яростный удар в грудь, от которого мой собеседник грохнулся на землю.

Мое действие было совершенно инстинктивным. Вспыльчивость подвела меня в очередной раз, затмив рассудок. Но времени на никчемные переживания у меня не было. Взревав, как гризли, от боли и ярости, незнакомец вскочил на ноги и бросился на меня. Мы сошлись лицом к лицу в сражении не

на жизнь, а на смерть, и в мире не осталось ничего, кроме нашего первобытного гнева.

Впервые в жизни я, вынужденный везде и всюду соразмерять и сдерживать свою силу, столкнулся с железной хваткой человека, скажу откровенно, бывшего сильнее меня. Это я в полной мере ощутил в первые же мгновения нашего поединка, приложив неимоверные усилия, чтобы вырваться из захвата, просто раздавившего бы мне ребра.

Бой был коротким и отчаянным. Меня спасло только то, что как бы ни был силен мой противник, он понятия не имел о боксе. Естественно, он мог, я это почувствовал на себе, наносить мощнейшие удары кулаками, но они были беспорядочными и неприцельными, хотя и достаточно опасными. Трижды я уворачивался от ударов, наносить которые скорей пристало бы молоту, — если бы хоть один из них достиг бы цели, вы бы никогда не услышали моего рассказа. При этом мой противник совершенно не умел уходить от ударов. Не думаю, что кто-либо из профессиональных боксеров моей родины сумел бы остаться в живых, пропустив такое количество ударов, которое он получил от меня. Но он продолжал без усталости осыпать меня ударами. Ногти на его пальцах скорее напоминали звериные когти, и вскоре из пары дюжин порезов на моем теле уже сочилась кровь.

Почему он сразу не схватился за кинжал, так и останется для меня загадкой. Скорей всего, он посчитал, что вполне управится со мной голыми руками. Не скрою, у него были все причины считать именно так. Но теперь, выплевывая выбитые зубы и то и дело отирая с лица кровь из разбитых бровей и скул, он потянулся к рукоятке кинжала. Это движение оказалось для него роковым и позволило мне выиграть схватку.

Вырвавшись из клинча, в который я зажал его, чтобы лишить преимущества более длинных рук, он начал опускать правую руку к поясу, где висели ножны. Казалось, мир вокруг меня остановился и в нем осталась только волосатая рука, неумолимо тянущаяся к оружию. Призвав на помощь все свои силы, я в этот миг вогнал свой левый кулак в его печень, вложив в свой удар всю массу тела. Мой противник споткнулся, замер, из его груди донесся вскрик, глаза подернулись пеленой, и, не теряя ни секунды, я обрушил страшный удар кулаком правой в челюсть.

У незнакомца подогнулись колени, и он рухнул навзничь, как оглушенный кувалдой бык; из его открытого рта на траву вытек ручеек крови — мой удар раскроил ему губу, разорвал щеку и, пожалуй, раздробил челюсть.

...

Стараясь успокоить дыхание, потирая содранные кулаки, я смотрел на поверженного мною человека, прикидывая, что наверняка сам подписал себе приговор. Теперь мне точно нечего было ожидать доброжелательного отношения со стороны азьмарикан. Но эта безрадостная мысль не помешала мне снять с бедняги его скудную одежду и, подпоясавшись его же ремнем, прихватить в качестве трофея кинжал. Снявши голову, по волосам не плачут. Если меня поймут, то обвинение в воровстве будет лишь несущественной добавкой к главному обвинению в покушении на жизнь. Но меня еще надо было поймать, а вместе с одеждой и оружием я обрел уверенность.

Я внимательно осмотрел кинжал. Не скажу, что мне доводилось раньше видеть столь идеально подходящее для убийства оружие, как это. Обоюдоост-

и клинок, острый как бритва, был дюймов двадцати в длину. У рукояти он был широк и постепенно заострялся к концу, тонкому, как игла. Гарда и навершие были серебряными, а рифленую рукоять обвивала кожа, по виду напоминавшая змеиную. Клинок несомненно был стальным, но никогда прежде мне не доводилось держать в руках сталь такого качества. Да, этот кинжал являлся настоящим произведением оружейного искусства и свидетельствовал о достаточно высоком уровне, по крайней мере, материальной культуры этого мира.

Оторвавшись от кинжала и оглянуться вокруг меня оставили стоны медленно приходящего в себя незнакомца. Глубоко погруженный в свои мысли, я не заметил двигающуюся в нашу сторону группу людей, находившихся, по счастью, еще довольно далеко. Блеск на солнце стальных клинков, которые они сжимали в руках, был довольно убедительным аргументом. Если они застанут меня рядом с полумертвым сородичем, к тому же одетым в его одежду и с его оружием в руках, — нетрудно догадаться, что они сделают со мной.

Пора размышлений прошла, я огляделся вокруг себя в поисках подходящего убежища. С одной стороны равнина упиралась в гряду пологих холмов, которые постепенно переходили в более основательные возвышенности, сменяемые, в свою очередь, горными отрогами. В тот же момент приближающиеся фигуры скрылись в густой траве, переходя вброд разделявшую нас речку.

Я решил не дожидаться, пока они снова выйдут на открытое место, и со всех ног помчался к холмам. Покрыв отделявшее нас расстояние и оказавшись у подножия ближайшего, жадно хватая ртом воздух, я оглянулся. Поверженный мной незнако-

мец казался отсюда черной точкой, окруженной черными силуэтами соплеменников, выбравшихся к этому времени из прибрежных зарослей.

Задыхаясь от усталости и обливаясь потом, я вскарабкался на вершину холма и, не переводя дыхания, бросился вниз по склону, чтобы скрыться из виду этой компании.

Пройдя еще несколько миль, я оказался в самой неровной и изрезанной местности, какую едва ли можно было найти даже в родных Скалистых горах, где прошло мое детство. Со всех сторон к небу вздымались отвесные скальные кручи и изломанные утесы, порой настолько растрескавшиеся, что, казалось, могли в любой момент с грохотом обрушиться вниз, похоронив под обломками человека, так жалко и неуместно выглядевшего здесь. Повсюду выходила на поверхность коренная порода — какой-то красноватого цвета камень. Растительность была небогатой: невысокие изломанные деревья, размах веток которых порой превышал высоту ствола, да несколько разновидностей колючего кустарника. На некоторых кустах росли весьма странные по цвету и форме плоды, больше напоминающие орехи. Расколов о камень один из них, я принюхался к маслянистой мякоти. Хотя запах не вызывал опасений, попробовать плод неизвестного растения, даже несмотря на сильный голод, я не решился.

Куда больше мучений мне доставляла жажда, но, по крайней мере, у меня была возможность утолить ее. Пробираясь вперед, я оказался в узком ущелье между двумя заросшими кустами скальными грядками. Двигаясь вдоль узенького ручейка, я достиг небольшого озера, наполняемого, без сомнения, горными ключами — вода в нем весело бурлила.

Я устало опустился на поросший мягкой травой берег и опустил лицо в кристально чистую воду, оказавшуюся ледяной. Прекрасно понимая, что эта жидкость может быть вовсе не живительной влагой, а смертельнейшим для земного организма ядом, я все же, не в силах сдерживаться, решил рискнуть. У воды оказался какой-то странный привкус, что не помешало мне вдоволь напиться. Освеженный, я так и остался лежать, наслаждаясь тишиной и спокойствием, то и дело блаженно опуская лицо в воду. Я даже не подозревал, насколько был близок к гибели. Ешь на бегу, пей на ходу, спи вполглаза и не засиживайся на одном месте — вот основные принципы выживания первобытного мира, и короток век того, кто ими пренебрегает.

Живительные лучи солнца, журчание воды, чувство безопасности и истома, сменившая упадок сил после драки и долгого бега, заставили меня погрузиться в приятную полудрему. Должно быть, пресловутое шестое чувство, доставшееся мне в наследство от диких предков, предупредило меня об опасности, когда до моего слуха донесся легкий шорох, явно не имеющий отношения к плеску воды и шелесту травы. Еще до того, как я осознал в нем приглушенную поступь массивного зверя, я уже откатывался набок, одновременно пытаюсь извлечь из ножен кинжал.

В тот же миг огромная тень, взметнувшаяся над травой, оглашая окрестные скалы диким ревом, накрыла то место, которое я занимал долю секунды назад. В мгновение ока чудовищный зверь, ловкость и манера двигаться которого делали его похожим на смертельно опасную дикую кошку, сориентировался и набросился на меня.

К сожалению, я не успел убратъся достаточно далеко, и одна из лап хищника (а что это был хищник, сомневаться не приходилось) с выпущенными когтями прошлась по моему бедру, разорвав плоть. Успев, однако, увернуться от оскаленных клыков, щелкнувших прямо у моего горла, я рухнул как подкошенный. Одновременно раздалось раздосадованное рычание хищника, отдаленно походившее на рычание леопарда, сменившееся фырканьем, когда зверь тоже влетел передними лапами в ледяную воду, подняв фонтан брызг. На мгновение оглушенный падением и болью, я потерял ориентировку, а когда вынырнул, то успел заметить лишь могучее тело, исчезнувшее в кустах у подножия скал.

Внимательно оглядев берега и не увидев больше ничего опасного, я вылез из озера, стуча зубами от холода. Мой кинжал так и остался в ножнах. Мне не хватило буквально доли секунды, чтобы выхватить его. Спасло меня лишь то, что эта гигантская кошка, походившая на леопарда, если бы леопард, конечно, мог бы вырасти размером с небольшую лошадь, наподобие своих земных сородичей ненавидела воду.

Я решил заняться своими ранами. Четыре пореза на плече меня не сильно беспокоили, чего нельзя было сказать о большой рваной ране на бедре. Из нее толчками лилась кровь, и я опустил ногу в воду, вздрогнув, когда ледяная вода проникла внутрь. Лишь когда нога совсем онемела от холода, кровь перестала идти.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что оказался в весьма неприятном положении. Меня мучил голод, вот-вот должно было начать темнеть; где-то по соседству скрывается разъяренный хищник, да и неизвестно, какие страшные звери тут есть еще. В завершение всего я был серьезно ранен.

Современный человек слишком изнежен благами цивилизации. С той раной, которая украшала мою ногу, дома меня бы отправили на больничную койку на несколько недель. Уж на что я всегда с презрением относился к боли и травмам, и то привык, когда до меня дошло, что мне нечем смазать и перевязать рану. Похоже, ситуация полностью выходила из-под моего контроля.

Подумав, я, хромая, направился к скальной гряде, где рассчитывал найти какое-нибудь укрытие из камней или, еще лучше, пещеру, чтобы провести ночь. Судя по тому, как быстро падала температура воздуха, она обещала быть не такой теплой и приятной, как день. Вдруг за моей спиной послышалось какое-то дьявольское твяканье. Оглянувшись, я увидел стаю каких-то гиеноподобных созданий, которые целенаправленно трусили ко мне со стороны входа в ущелье. Звуки, которые они издавали, были еще более жуткими и отвратительными, чем у земных гиен. Я не ошибался насчет их планов, твари явно решили меня сожрать.

Нужда — жестокая хозяйка. Еще минуту назад я медленно ковылял, постанывая от боли. И вот уже несусь во весь дух к скалам, словно не был измучен и ранен. Каждый шаг отзывался адской болью в бедре; из раны снова хлестала кровь, но, стиснув зубы, я не снижал скорость.

Проклятые твари тоже прибавили ходу, и я было начал терять надежду добраться раньше них до росших у подножия скал деревьев, на которых надеялся спастись. Однако когда нас уже разделяли считанные метры, я достиг ближайшего дерева и, радостно подпрыгнув, вскарабкался на сук, располагавшийся выше человеческого роста. К моему ужасу, преследователей это не смутило, и они начали карабкаться по стволу дерева следом за мной.

Бросив отчаянный взгляд вниз, я понял, что звери эти изрядно отличались от земных гиен, как и все на Альмарике отличалось от земного: их гибкие мускулистые тела с кошачьими когтистыми лапами прекрасно подходили для лазания по деревьям.

Я приготовился принять последний бой, когда обратил внимание на нависший над головой скальный выступ, в который упирались ветви дерева. Срывая кожу с коленей и локтей, я вскарабкался по каменной стене и, перевалившись через край каменного языка, лег на скалу, глядя на своих преследователей.

Гиеноподобные создания повисли на верхних ветвях дерева и, злобно скалясь на меня оттуда, были в бессильной ярости. Похоже, их способность к лазанию ограничивалась сравнительно прямыми древесными стволами. Одна из гиен все же решила меня сожрать и попыталась вспрыгнуть на скалу, в результате чего рухнула вниз с душераздирающим воплем. Судя по рычанию и чавканью, ее спутницы не теряли времени даром.

Между тем солнце стемнело и на небе появились маленькие тусклые звезды, складывающиеся в незнакомые мне созвездия; взошла огромная, золотистого цвета луна. Гиеноподобные твари, похоже, уходить не собирались. Они сидели на ветках и на земле под деревом и, издавая отвратительные звуки, были на луну, видимо жалуясь на неудачную охоту.

Мало сказать, что ночь была холодной — на камнях даже выступила изморозь. Я совершенно окоченел. Единственный лоскут ткани, бывший в моем распоряжении, я использовал как жгут, чтобы остановить делавшееся уже опасным кровотечение из раны на ноге.

Никогда я еще не чувствовал себя таким беспомощным. Ночь я провел, стуча зубами от холода, скорчившись на голой скале. Буквально на расстоянии вытянутой руки горели холодным огнем глаза гиен. Ночь переполняли звуки жизни и смерти. Где-то вдали слышались рычание и вой невидимых в темноте чудовищ, визг, крики, стоны и лай. И я лежал, голый как младенец, терзаемый холодом, голодом и болью, дрожа от страха за свою жизнь, словно один из моих далеких предков-обезьян, покинувших безопасное дерево.

Теперь я понял, почему наши предки обожествляли солнце. Когда наконец холодная луна уступила место теплему солнцу Альмарика, я был готов пропеть осанну. Гиены подо мной, полаяв и повыв еще немного, отправились на поиски другой, более легкой добычи. Мало-помалу тепло проникло в мое окоченевшее тело и расслабило одеревеневшие мышцы. Я с трудом поднялся на ноги, размял руки и ноги и триумфальным криком поприветствовал наступление нового дня — совершенно так же, как делал первобытный человек десятки тысяч лет назад, дожив до очередного рассвета.

Более-менее придя в себя, я спустился из своего убежища на землю и решительно направился к ореховым кустам. Расколов полдюжины плодов, я съел их содержимое — лучше умереть от отравления, чем от голода. В этот момент мне казалось, что ни одно блюдо на Земле не было таким вкусным. Орехи прекрасно утоляли голод, и никаких симптомов отравления не последовало. Я начал адаптироваться к окружающим условиям. По крайней мере, стало ясно, что с голоду я не умру. Первое препятствие было преодолено — я осваивался с жизнью на Альмарике.

...

Описывать подробно следующие несколько месяцев моей жизни не имеет смысла. Я жил среди скал и холмов, испытывая столько страданий и лишений, сколько люди на Земле уже не испытывали тысячелетия. Не будет преувеличением заметить, что только человек невероятной силы и упорства мог бы выжить там, где удалось мне. Но я не просто выжил. Я приспособился и освоился в этом негостеприимном мире.

Первое время я не отваживался покидать свое ущелье, где, по крайней мере, у меня была вода и пища. Я построил себе что-то вроде шалаша из веток на каменном языке, ставшем для меня ночным пристанищем. Нельзя сказать, что я там спал, нет, сном это состояние назвать было трудно. Я, скорчившись, лежал, обхватив себя руками, коротая время до рассвета, чтобы днем при малейшей возможности впасть в неглубокий, чуткий сон. Постепенно у меня выработалась способность просыпаться от малейшего непривычного шороха.

Остальное время я проводил, бродя по окрестным холмам в поисках орехов. Нельзя сказать, что эти прогулки были безопасным занятием. Не единожды мне приходилось спасаться бегством или искать убежища на крутых скалах или высоких деревьях. Предгорья населяло огромное количество разных зверей, в большинстве своем кровожадных хищников.

Именно по этой причине я держался своей территории, где был в сравнительной безопасности. В холмы же меня гнала та самая сила, из века в век двигавшая человечеством — от неандертальцев до колонизаторов-европейцев, — поиск пищи. К этому времени я объел уже почти все орехи поблизости, и хотя жизнь на природе и набор мышечной массы

пробуждали поистине зверский аппетит, не я один был виновником истощения запасов. Полакомиться орехами приходили сюда и огромные животные, напоминающие медведей, и другие — похожие на покрытых густым мехом бабуинов. Несмотря на любовь к орехам, судя по вниманию, проявляемому ими к моей персоне, не чурались они и мясной пищи.

Избежать встречи с медведями было не так уж трудно. Эти исполины не очень быстро двигались, не умели лазать по деревьям и, к счастью, не отличались остротой зрения. Но вот бабуинов я ненавижу всеми фибрами своей души и смертельно боялся. Эти твари буквально не давали мне жизни; они отлично бегали и лазали, да и каменные кручи не были для них препятствием.

Как-то раз им удалось загнать меня в мое убежище, и один из бабуинов перепрыгнул с ветки на выступ скалы вслед за мной. Проклятая тварь не учла, что человек, прижатый к стенке, становится куда опаснее, чем можно ждать от него в данной ситуации. Все мое существо затопил ослепительный гнев, я не желал более быть объектом охоты. Инстинкт защиты жилища заставил меня броситься на врага грудью. Я выхватил кинжал и изо всех сил вонзил стальное жало прямо в грудь бабуину, пригвоздив его к скале — добрая сталь пронзила плоть и почти на дюйм вошла в рыхлый песчаник.

Этот случай доказывает не столько отличное качество альмариканской стали, сколько возросшую крепость и силу моих мышц. Я, привыкший быть сильнейшим у себя дома в Америке, здесь, на Альмарике, оказался слабаком. Но в отличие от безмозглых тварей у меня была способностью тренировать свое тело и свой разум. Постепенно я стал заново обретать уверенность в себе.

Чтобы выжить, мне нужно было окрепнуть и закалиться. И я это сделал. Моя кожа, выдубленная солнцем, дождем и ветром, стала практически нечувствительной к холоду, жаре и боли. Я больше не синел от холода по ночам, острые камни не ранили мне подошвы при ходьбе и лазании. Мышцы не только налились новой силой, но и стали куда более выносливыми. Могу с уверенностью сказать, я достиг физической формы, какую не набирал вот уже многие поколения ни один житель Земли.

Я мог с ловкостью обезьяны взлетать по отвесным скалам, цепляясь за малейшие выступы и трещины, мог часами бежать без остановки, а на коротких дистанциях перегнать меня могла бы, пожалуй, только скаковая лошадь. Раны, единственным лекарством для которых была ледяная вода, заживали сами собой.

Буквально за несколько месяцев до моего вынужденного перемещения на Альмарик одно из медицинских светил, эксперт в области физической культуры, назвал меня идеально подходящим для жизни в дикой природе. Так вот, доктор и представить себе не мог, насколько он окажется прав. И если говорить по-ложа руку на сердце — я тоже. Сравнить меня сейчас с тем, кого обследовал тот ученый, — так я был просто неженкой и слабосильным хлюпиком.

Я на этом останавливаюсь лишь по одной причине — чтобы показать, какой тип человека формирует дикая природа. Если бы она не выковала из меня совершенное существо из кремня и стали, я просто не смог бы уцелеть в кровавой схватке, которая на Альмарике называется жизнью.

С ощущением собственной силы ко мне вернулась и присущая мне уверенность. Я крепко стоял

на ногах, чтобы с презрением поглядывать на своих соседей — жестоких, но неразумных тварей. Больше я не убегал сломя голову от одинокого бабуина. Наоборот, я вел настоящую войну с этими зверюгами, будто основанную на кровной вражде. Я относился к ним так, как к людям-врагам на Земле. Ведь они поедали те самые орехи, которыми питался и я.

Достаточно скоро бабуины уяснили новый расклад сил и перестали преследовать меня. И наконец настал тот день, когда я один на один встретился с вожаком их стаи. Косматая тварь набросилась на меня из-за кустов, сверкая полными ненависти глазами. Отступать было поздно, да и в любом случае делать этого я не собирался. Увернувшись от скрюченных пальцев обезьяны, норовившей вцепиться мне в горло, я хладнокровно вонзил кинжал прямо в сердце осмелившейся бросить мне вызов твари.

Но заглядывать в долину и куда более опасные вери, встречаться с которыми я не хотел бы ни при каких обстоятельствах: гиены, саблезубые леопарды (теперь мне хорошо удалось рассмотреть животное, с когтями которого я познакомился в первый день пребывания в этом ущелье) — больше и выжелее, чем земные тигры, и куда более кровожадные; огромные, похожие на лосей звери с крокодильими челюстями; гигантские вепри, покрытые толстым слоем свалывшейся щетины, которую, казалось, было бы не пробить и самому острому мечу. Встречались и другие чудовища, появившиеся только по ночам, Впрочем, не могу сказать, как они выглядели. Двигались эти зверюги совершенно бесшумно, лишь изредка издавая низкий вой или глухое уханье. Инстинктивно мне они показались куда более опасными, чем те, с которыми я встречался при свете дня.

А однажды я проснулся на своей скале от непривычной тишины, в которую погрузился ночной лес. Тишина эта была напряженной и буквально сочилась угрозой. Луна только что зашла, и вокруг была абсолютная тьма. Ни воли бабуинов, ни леденящий душу вой гиен не нарушали злое молчание. Меж каменных отрогов что-то двигалось. Я слышал лишь шелест травы, отмечавший бесшумное движение какого-то огромного тела, но в темноте мои глаза смогли лишь уловить гигантскую бесформенную тень — нечто, неестественно большее в длину, чем в ширину. Через какое-то время монстр скрылся за скальной грядой, и сразу же словно вздох облегчения пронесся над долиной. Ночь снова наполнилась привычными звуками, и я уснул, больше ощутив животом, нежели осознав головой, что лишь случай спас меня, да и большинство остальных обитателей долины, от неведомого, но смертельно опасного чудовища.

Я уже говорил, что причина соперничества с бабуинами крылась в нехватке съедобных орехов. Вскоре мне пришлось покинуть ущелье, чтобы найти источник пропитания. Я забирался на вершины холмов, перелезал через скалы, карабкался по горным кручам и пересекал ущелья. Мне нечего рассказать вам об этих днях: я голодал и объедался до отвала, нападал на более слабых и убегал от тех, кто был сильнее меня, защищал свою жизнь в кровавых схватках — в общем, я жил обычной, полной радостей и опасностей жизнью дикаря.

Вы наверняка сочтете, что я страдал от отсутствия общества себе подобных, книг, одежды, развлечений, всех этих атрибутов цивилизованной жизни. С точки так называемого человека моя жизнь выглядела жалким прозябанием. Мне так не кажется. В этом существовании не только полностью нашли

применение все мои способности, но я еще рос и совершенствовался. Я уверен, что истинная сущность человеческой жизни — борьба против враждебных сил природы, а все остальное — иллюзии для слабаков, не имеющие реального значения.

Мою жизнь наполняли события и приключения, заставлявшие работать мозг и тело на сто процентов. Просыпаясь утром, я знал, что увижу закат только благодаря своей силе, выносливости и храбрости. Тысячи ликов смерти взирали на меня со всех сторон. Даже во сне я не мог ослабить бдительность. Закрывая глаза вечером, я никогда не был уверен, что увижу рассвет живым и невредимым. Я все время был начеку. Поверьте, эта фраза значит куда больше, чем может показаться вам на первый взгляд. Внимание изнеженного цивилизацией человека всегда рассеяно. Его отвлекают тысячи вещей. Он даже не понимает, скольким ему пришлось пожертвовать, борясь за развитие своего интеллекта.

Жизнь на Альмарике заставила меня понять, что я тоже был сыном своего времени, и мне пришлось переделывать себя, перестраивать сознание, учиться концентрировать внимание. И только когда мне удалось стать другим человеком, я стал по-настоящему живым. Любой шорох, каждая тень, каждый след имели для меня значение. От ногтей до кончиков волос я был напряжен и готов к действию.

Меня переполняла жизненная энергия, каждая клеточка, каждая жилка, каждый мускул вибрировали в беспрестанном гимне жизни. Наконец-то мой рассудок стал совершенно здоров. Почти все мое время и силы уходили на то, чтобы добыть пропитание и спасти свою шкуру, поэтому мне было не до комплексов и никчемной рефлексии. Тем же угонченным умникам, которые сочтут такое миропони-

мание упрощенным, я напомним, что легко рассуждать о сложных материях, когда о твоём пропитании и жизни позаботились другие. Моя жизнь и раньше была не слишком усложнена, а теперь она и вовсе упростилась. Я жил одним днем, не задумываясь о прошлом и будущем.

Зато теперь моя душа находилась в гармонии с миром и с собой, чего не можете сказать о себе вы, кому, как мне ранее, всю жизнь приходится обуздывать инстинкты и умирять страсти. Я же стал свободен, свободен использовать все свои силы в не скованной надуманными рамками борьбе за выживание, и я знал, что о такой свободе другие не могут и мечтать.

Итак, в своих странствиях — с тех пор как покинул ущелье — я прошел огромное расстояние. И на всем протяжении моего пути мне не встретилось никаких следов деятельности человека или других разумных существ.

Встреча с человеческим существом была для меня совершенно неожиданна. В один из дней, поднявшись на вершину холма и оглядывая окрестности, я совершенно случайно наткнулся взглядом на фигуру человека. Впрочем, замеченному мной загоревшему дочерна атлету, как две капли воды походившему на предыдущего хозяина моей одежды и оружия, было сейчас не до меня. Этот человек вел неравный бой с саблезубым леопардом на травянистой поляне ниже по склону. Исход боя не вызывал у меня сомнений: ни один человек не может противостоять в поединке гигантской кровожадной кошке.

Тем не менее чернокожий боец размахивал стальным кинжалом, очерчивая границу между зверем и

его добычей. Судя по блестящей от крови шкуре леопарда, альмариканин уже некоторое время противостоял хищнику, но было ясно, что он долго не продержится и схватка завершится гибелью человека.

Даже не потрудившись додумать эту мысль до конца, я уже мчался вниз по склону. Разумеется, я не был ничего должен тому человеку, но его отчаянная храбрость нашла чувствительный отклик в глубине моей огрубевшей души. Я не стал кричать, экономя дыхание, а молча бросился на леопарда со спины. Мне не хватило буквально мгновения. Когда я нанес зверю сильнейший удар кинжалом под лопатку, воин выронил свой клинок и рухнул под натиском хищника, сомкнувшего огромные клыки на горле несчастного.

Зверь выпустил свою жертву и с диким ревом покатился по траве, орошая ее кровью, в агонии вырывая когтистыми лапами громадные куски земли. Зрелище было не для слабонервных; я с облегчением вздохнул, когда саблезубый демон конвульсивно выгнулся и затих.

Я подошел к человеку, лежащему в луже крови. Горло его было разорвано, но в глубине раны пульсировала неповрежденная артерия. Куда страшнее выглядела рана на животе. Когти леопарда расправили человека от подреберья до паха — через рваные края раны виднелись синевато-белые внутренности и надломленные ребра. К моему невероятному удивлению, человек был не только жив, но и оставался в сознании. Однако жизнь покидала его с каждой каплей крови.

Я как мог перевязал альмариканину раны его же одеждой и посмотрел бедняге в сереющее лицо. Да, этот человек явно принадлежал к тому же народу, что и тот, с которым я подрался в первый день

пребывания на Альмарике. Его невероятная живучесть и воля к жизни, которые, как я уже имел удовольствие узнать, были свойственны людям его расы, ничем не могли помочь ему.

Стоило мне лишь на минуту отвлечься и предаться воспоминаниям, я сразу же чуть не поплатился за это жизнью. Я услышал свист, и что-то пролетело мимо моего уха, обдав меня ветерком. Обернувшись, я увидел длинную стрелу, торчащую из земли. До меня донеслись громкие крики: ко мне со всех ног неслись полдюжины волосатых варваров, на ходу прилаживая стрелы к лукам.

Я зигзагами понесся прочь. Свист стрел вокрут меня изрядно помог мне набрать нужную скорость. Добравшись до спасительной стены зарослей, я вломился в кусты и полез вглубь, царапаясь о шипы и обдирая локти и колени. Этот случай окончательно уверил меня в воинственности и враждебности людей Альмарика и укрепил мою решимость по возможности избегать встреч с ними.

Вспоминая бежавших ко мне людей, я изумленно сообразил, что кричали они на чистейшем английском. Кроме того, по-английски говорил и мой первый противник. Тщетно я искал ответа на этот вопрос. За время, проведенное на Альмарике, я разобрался, что все местные растения, вещи и живые существа, при некоторой схожести с земными, имеют куда больше различий, чем общих черт с ними. Невозможным казалось предположить, что эволюция на столь отдаленных планетах привела к созданию абсолютно одинакового языка. С другой стороны, не верить собственным ушам я тоже не мог. Выругавшись, я решил не тратить времени на бесплодные размышления.

И тем не менее это происшествие, эта встреча с братьями по разуму, пускай и враждебными, не шла у меня из головы. Мучимый тоской, я начал страстно желать попасть в общество себе подобных, а не скитаться в одиночестве по дикому краю, населенному одними кровожадными хищниками. И когда однажды горы сменились бескрайней равниной, доходящей до самого горизонта, я решил попытаться и идти вперед на поиски равных мне по уму созданий, несмотря на то что не ожидал встретить взаимопонимание и доброжелательное отношение.

Прежде чем покинуть холмы, я, повинувшись неясному внутреннему требованию, сбрил острым, как бритва, кинжалом изрядно выросшие бороду и усы и, насколько мог, подровнял гриву волос на голове. Не могу сказать точно, зачем я так поступил; должно быть человек, отправляясь в новые места, старается привести себя в порядок, чтобы «лучше выглядеть». Решив отложить свое выступление на завтра, я последний раз заночевал в холмах.

Я вступил на бескрайнюю равнину, простиравшуюся на юг и восток, с первыми лучами солнца и на первый день без каких бы то ни было происшествий покрыл немалое расстояние. По пути я пересек несколько небольших речек, трава по берегам которых поднималась выше человеческого роста. Я слышал, как в этих густых зарослях ворочаются и чавкают какие-то крупные животные, которых я с превеликой осторожностью старался обходить стороной.

В местах разливов речек в изобилии летали птицы самых разнообразных размеров и раскрасок. Одни молча парили над моей головой, другие же с пронзительными криками падали в воду, чтобы схватить какую-нибудь рыбешку.

Кроме того, мне несколько раз встречались стада травоядных, похожих на некрупных оленей, а один раз я наткнулся на совершенно невероятное создание: представьте себе средних размеров свинью с невозможно толстым животом, которая, подобно кенгуру, на длинных и тонких ногах передвигается неравномерными скачками. Это зрелище настолько меня позабавило, что я рассмеялся во весь голос, впервые, кстати, после моего появления на этой планете.

В ту ночь я уснул прямо в густой траве неподалеку от мелкой речушки и мог бы стать добычей какого-нибудь ночного хищника. Но судьба оказалась ко мне благосклонна; хотя темнота вокруг была полна ревом и рыком охотящихся чудовищ, ни одно из них не заинтересовалось мной. Ночь была теплой и приятной и так не похожа на ледяные ночи в предгорьях.

Следующий день был щедр на открытия. Я не упоминал об этом, но с тех пор как я оказался на Альмарике, я не видел огня. Скалы и холмы здесь были сложены из какого-то неизвестного на Земле камня, напоминающего мягкостью песчаник. И вот на равнине я наткнулся на кусок зеленоватого камня, очень напоминавшего на ощупь кремь. Затратив некоторые усилия на первые неудачные попытки, я все же сумел высечь из него искры скользящим ударом кинжала и запалить ими раскрошенную в труху сухую траву. Несколько минут осторожного раздувания, и я становлюсь счастливым обладателем небольшого костерка.

Следующей ночью я окружил место своего привала огненным кольцом из долго горящих стеблей растения, похожего на бамбук. Впервые я чувствовал себя в безопасности, хотя и привычно вздраги-

нал, слышав крадущиеся шаги неподалеку или увидев отражающие огонь глаза в темноте.

На этой равнине основное мое меню составляли те плоды, которые, как я видел, поедали птицы. Эти фрукты были вкусны, хотя им явно недоставало питательности уже привычных мне орехов. Имея возможность развести огонь, я начал плотоядно присматриваться к оленям, прикидывая, каким способом можно было бы прикончить одного из этих крайне осторожных и боязливых созданий.

Так я много дней шел по равнине, которой, казалось, не будет ни конца ни края, пока не набрел на большой, огороженный стеной город.

Увидал я его перед самым закатом, и, как бы мне ни хотелось побыстрее войти в него, я заставил себя повременить до утра. Привычно соорудив костер, я гадал, заметят ли огонь с городских стен и не вышлют ли горожане отряд, чтобы выяснить, кто и зачем всю ночь напролет жжет сухостой и стебли бамбука.

Как всегда, быстро стемнело, и в неясном свете звезд я не смог разглядеть никаких подробностей крепости. Однако в размытых тенях угадывались массивные стены с могучими сторожевыми башнями.

Я так и не смог уснуть. Лежа на прогретой солнцем земле в огненном кольце, я пытался представить себе, как могут выглядеть обитатели этого сурового города. Окажутся ли они членами дикой и кровожадной расы, с представителями которой у меня уже был печальный опыт встреч? Хотя вряд ли такие примитивные создания смогли бы построить столь внушительное сооружение. Может быть, мне предстояла встреча с более цивилизованным народом. Может быть... Хотя местная жизнь приучила меня к тому, что любые предположения могли оказаться неверными.

Когда наконец взошла луна, мои догадки подтвердились. Могучая крепость возвышалась черным монолитом на темно-синем бархате неба. Словно позолоченные, сверкали стены, башни и крыши за ними. Внезапно меня посетила мысль, что будь во власти людей-обезьян построить хоть что-то, именно таким бы оказался плод их трудов.

3

Как только горизонт начал светлеть, я уже бодро шел по равнине к таинственному городу, предчувствуя, что, скорее всего, совершаю самый безрассудный поступок в своей жизни. Но любопытство, помноженное на одиночество, а также привычка никогда не сворачивать с избранного пути — все это пересилило осторожность.

Чем ближе я подходил к крепостным стенам, тем больше деталей города открывалось моему взгляду. Так, я рассмотрел, что стены и башни были сложены из огромных каменных блоков со следами грубой обработки. Похоже, после того как их вырубili в каменоломнях, их не касалось тесло камнетеса и уж точно никому не пришло в голову их полировать или облицовывать. Эта мрачная цитадель создавалась для одной-единственной цели — защищать ее обитателей от врагов.

Как ни странно, пока что не было видно самих обитателей. Город можно было бы счесть покинутым, если бы не утоптанная множеством ног дорога, ведущая к воротам. Никаких садов или огородов вокруг города не было и в помине, густая трава подходила к самому основанию стен. Подойдя к воротам, прикрываемым с обеих сторон двумя мас-

сивными сторожевыми башнями, я заметил несколько темных голов, мелькнувших над стеной и на верхних площадках башен.

Я остановился и поднял руки в знак приветствия и в старинном жесте мира. В эти минуты солнце как раз взошло над стенами и ослепило меня. Не успел я открыть рта, чтобы обратиться к крепостной страже, как послышался звонкий хлопок, очень мне напомнивший винтовочный выстрел; над стеной поднялось облачко белого дыма, и сильнейший удар в голову заставил меня рухнуть без сознания.

Пришел я в себя сразу же, а не пребывал в полубеспамятстве, словно рывком, повинувшись усилию воли. Я лежал на голом каменном полу в просторном помещении, стены и потолок которого были сложены из уже знакомых мне блоков зеленоватого камня. Уже достаточно высоко поднявшееся солнце равнодушно глядело на меня сквозь узкое зарешеченное окно. Комната, если не считать единственную грубо сколоченную скамью, была совершенно пуста.

Вокруг моего пояса была обмотана тяжелая железная цепь, скрепленная каким-то странным замком. Противоположный ее конец был закреплен на вмурованном в стену большом железном кольце. Мне бросилось в глаза, что в этом странном месте все было крупным и массивным.

Голова сильно болела. Я поднес к ней руку и обнаружил, что рана, оставленная неизвестным предметом, пущенным со стены, умело перевязана тканью, весьма похожей на шелк. Посмотрев на пояс, я убедился в правильности своего предположения — кинжала там не было и в помине.

Я от души выругался. С тех пор как я попал на Альмарик, я не был уверен в своем будущем, не мог загадывать даже на день вперед, но, по крайней

мере, я был свободен. Теперь же я оказался в лапах одному богу известных тварей, которые явно ничего не слышали о священности человеческой жизни. Но, привыкший к самым злонамеренным поворотам судьбы, я не потерял самообладания и не впал в панику. Правда, в первый момент меня охватил ужас, сродни тому чувству, которое испытывает загнанное в ловушку или пойманное животное, но очень быстро оно уступило место дикой ярости. Вскочив на ноги, я заметался по комнате, насколько позволяла моя железная привязь.

Прекратить бесплодные попытки освободиться от оков меня заставил звук открываемой двери. Я сжался как пружина, приготовившись к отражению любого нападения, но совершенно не был готов увидеть то, что предстало перед моими глазами.

В дверном проеме появилась девушка. Совершенно обычная земная девушка, если не считать странной одежды; разве что более стройная, чем большинство встречаемых мной раньше. Черные как смоль волосы незнакомки резко контрастировали с алебастрово-белой кожей. Некое подобие туники без рукавов из тонкой воздушной ткани позволяло рассмотреть гладкие изящные руки, а глубокий вырез более подчеркивал, чем скрывал прекрасную грудь. Ее одеяние, перехваченное тонким ремешком на поясе, было чуть выше колен. Крепкие икры обвивала шнуровка изящных сандалий.

Незнакомка замерла в дверях, широко распахнув от удивления при виде меня фиалковые глаза и приоткрыв кораллово-красные губы. В следующий момент она взвизгнула от страха и, повернувшись, опрометью бросилась вон.

Я смотрел ей вслед. Если она была типичной представительницей населявшего этот город наро-

да, мои предыдущие выводы были ошибочными. Эта девушка явно принадлежала к народу с развитой и утонченной культурой.

Мои размышления были прерваны звуком тяжелых шагов, голосами спорящих людей, в следующий миг в комнату ввалилась целая толпа мужчин, сразу же замолчавших, увидев меня пришедшим в сознание и на ногах. Их вид рассеял мои иллюзии относительно утонченности строителей города. Все они, как на подбор, относились к знакомому мне типу низколобых здоровяков, заросших черными волосами, с обезьяноподобными лицами со свирепым выражением налитых кровью глаз. И хотя они отличались по росту или по оттенку кожи и волос, от каждого из них буквально исходили флюиды первобытной дикой силы и грубости. В дюжине пар обращенных в мою сторону серо-стальных глаз ясно читалась враждебность. Все вошедшие были вооружены, и при виде меня руки их инстинктивно легли на рукояти кинжалов.

— Тхак! — прорычал один из них. — Да он пришел в себя!

— Думаешь, он сможет говорить или понимать человеческий язык? — огрызнулся другой

Все это время я, задохнувшись от удивления, прислушивался к их речи. Наконец-то я разобрался, что говорили они не по-английски! Это откровение просто поразило меня. Как могло случиться, что я прекрасно понимал речь этих дикарей, говоривших не на каком-либо из земных языков. Более того, я даже понимал смысл понятий, не имевших аналогов в земной речи. Однако сейчас не время было ломать голову над причинами этого явления.

— Я не хуже тебя говорю и все понимаю, — выпалил я недолго думая. — И хотел бы знать: кто

вы? Что это за город? И с какой стати вы напали на меня? Почему, в конце концов, я закован в цепи?

Дикари ошалело заморгали, словно не знали, верить или нет своим ушам.

— Он говорит, Тхак его разорви! — хрюкнул один из них. — Я же говорил, что он вылез из-за Барьера!

— Из выгребной ямы он вылез, — злобно рявкнул другой. — Это просто мерзкий тонконогий выродок, оскорбивший свет своим появлением. Такую пакость надо давить во младенчестве.

— Надо поинтересоваться, как у него оказался кинжал Костолома, — предложил еще кто-то.

Один из мужчин поздоровее отделился от группы и, с откровенным недоверием глядя на меня, издала показал мне мой кинжал.

— Где это ты украл его? — поинтересовался он.

— Я ничего не крал! — рявкнул я, придя в неописуемую ярость, словно доведенный до бешенства зверь. — Я отобрал этот кинжал у прежнего хозяина в честном бою один на один!

— Ты убил его? — раздались недоверчивые голоса.

— Нет, — буркнул я уже тише. — Мы дрались голыми руками, пока он не схватился за оружие. Тогда я его так отделал, что он остался лежать без сознания.

Мои слова были встречены шумными криками. Сначала я подумал, что дикарей взбесили мои слова, но вскоре я разобрался, что они просто спорили между собой.

— А я говорю, что он врет! — перекрыл общий гвалт зычный рев, похожий на бычий. — Неужели не ясно, что Логар Костолом не тот парень, который уступит в драке этому изнеженному сопляку.

Голько Гор Медведь смог бы справиться с ним. И никто другой!

— Да? А кинжал у него откуда? — яростно взревел другой.

Скандал разгорелся с новой силой, и вскоре в качестве аргументов спорщики начали обмениваться оплеухами и зуботычинами, казалось, еще немного — и спор перейдет в грубую поножовщину.

Делу положил конец тот самый дикарь, что спрашивал меня о кинжале, который из всех сил засучивал рукояткой моего оружия по стене и заорал с невероятной силой:

— Заткнитесь! Все заткнитесь! Если еще хоть кто-нибудь разинет рот, я балку ему оторву!

Видимо, он был у моих тюремщиков самый главный, так как его призыв и угрозы возымели действие. Шум быстро затих, и предводитель, как будто ничего не произошло, продолжил более спокойно:

— Кинжал сам по себе ничего не значит. Костолома могли застать спящим, заманить в засаду, наконец, этот парень мог просто украсть клинок или найти его. Нам-то какое дело, мы же не братья Логара Костолома, чтобы волноваться о его судьбе?

Одобрительное хмыканье встретило его слова. Кем бы ни был этот Логар Костолом, здесь он большой любовью не пользовался.

— Вопрос сейчас в другом: что нам делать с этим созданием природы? Нужно собрать совет и обсудить это дело. По крайней мере, я не думаю, что эта тварь съедобна. — Лицо дикаря распустилось в улыбке.

Оказывается, этим полуобезьянам не было чуждо чувство юмора, пусть и такого животного.

— Можно попробовать выделать его шкуру, — с сомнением предложил кто-то.

— Тонковата будет, — не согласился с ним сосед.

— Вообще-то я не сказал бы, что он очень мягкий, — вновь заговорил главный. — Когда мы его тащили, я подумал, что у него под кожей камни.

— Нашли о чем спорить, — вмешался еще один, — сейчас отрежем кусочек да посмотрим, на что годится его шкура и что у него внутри.

С этими словами он направился ко мне, вынимая из ножен кинжал. Все остальные с интересом следили за его действиями.

Это переполнило чашу моего терпения. Меня погребла под собой мутная волна гнева, глаза застила кровавая пелена. И когда я понял, что это животное вполне серьезно намерено попробовать на мне остроту своего оружия, я окончательно потерял над собой контроль. Взыв, я схватил перекинутую через плечо цепь обеими руками, обмотал ее вокруг запястий для крепости захвата и, расставив покрепче ноги, откинулся назад, обрушившись на железные звенья всем своим весом. Мои мышцы вздулись, из носа хлынула кровь, но наградой мне был треск разламываемого камня — не выдержало вмурованное в стену кольцо. Я, словно живой снаряд, отлетел прямо под ноги дикарям, которые не замедлили наброситься на меня.

Мой звериный вопль едва ли не перекрыл весь их хор, а мои кулаки заработали как два стальных поршня. Да, знатная удалась потасовка! Мои противники не пытались убить меня и не стали доставать оружие, решив взять меня живой массой. Мы сцепились в один визжащий, царапающийся и кусающийся ком, перекатывающийся из одного угла комнаты в другой. В какой-то момент мне показалось, что в дверном проеме появились женские лица, похожие на виденную мной красавицу, но

сейчас мне было не до них. Со всех сторон на меня навалились огромны туши, глаза заливал пот, и в них все плыло от основательного удара в нос. Мои зубы впились в чье-то покрытое волосами ухо, и я не преминул сжать их изо всех сил.

Несмотря на мое удручающее состояние и подавляющее численное превосходство противников, я сумел достойно постоять за себя. Перебитые челюсти, расплющенные уши, сломанные носы, выбитые зубы — вот была главная награда, а стоны пострадавших от моих могучих кулаков звучали для меня горжественным маршем. К сожалению, проклятая цепь обвилась вокруг моих ног, лишив меня подвижности, да к тому же повязка слетела с головы, рана раскрылась, и мое лицо оказалось залитым кровью. Спутанный и ослепленный, я не смог точно наносить удары, и вскоре повисшим на моих руках и ногах противникам удалось меня скрутить.

Бросив меня в углу, альмарикане расползлись в разные стороны и, кто сидя, кто лежа, постанывая и охая, принялись осматривать полученные увечья. Я же продолжал осыпать их бранью и проклятиями. Несмотря на то что сам почти терял сознание, я очень порадовался тому жалкому состоянию, в котором пребывали мои противники. Еще больше меня обрадовало заявление одного из них, что у него сломана рука. Другой и вовсе вырубился, и, чтобы привести его в чувство, потребовалось вылить на него кувшин холодной воды. Кто принес воду — я со своего места видеть не мог, но наверняка это была одна из женщин, наблюдавших за дракой из дверей.

— Его рана опять открылась, — пробурчал один из бойцов, тыкая в меня пальцем. — Так он истечет кровью и подохнет.

— Надеюсь, не сразу,— простонал другой, лежавший, скорчившись в углу.— Как он пнул меня! Я умираю. Принесите вина.

— Если ты действительно умираешь, нет смысла переводить на тебя доброе вино,— сурово оборвал его жалобы их предводитель, скорбно разглядывая выбитый зуб, но тем не менее бросил: — Акра, перевяжи-ка пленника.

Тот, которого звали Акра, без особой охоты подошел ко мне и наклонился.

— Только попробуй дернуть своей тупой башкой,— злобно рыкнул он.

— Убирайся прочь! — огрызнулся я.— Ничего мне от вас не нужно. Только попробуй дотронуться до меня, я тебе руки вырву!

Человек, раздраженный моим тупым, с его точки зрения, упрямством, ткнул резким движением меня пятерней в лицо, попытавшись прижать мою голову к полу. Это было ошибкой с его стороны. Я со всей силой вцепился зубами в его палец — слышался хруст, за которым последовал душераздирающий вой, и лишь с помощью товарищей неудачливому Акре удалось освободить изувеченный палец от моей хватки. Обезумев от боли, он вскочил на ноги и изо всех сил пнул меня в висок. Ударившись раненой головой об угол скамьи, я надолго потерял сознание.

Когда я очнулся, то обнаружил, что рана моя перевязана, сам я связан по рукам и ногам, а опутывающая меня цепь приклепана к новому кольцу, несомненно, более основательно вмурованному в стену, нежели первое.

За окном стояла ночь, и сквозь решетку я различил ставшие уже привычными звезды. Мой угол освещал одинокий факел, укрепленный в специаль-

ной нише и горевший странным ровным белым пламенем, остальную часть комнаты скрывала полутьма.

Прямо напротив меня, на скамейке, подперев голову руками и поставив локти на колени, сидел мужчина, видимо уже какое-то время внимательно наблюдавший за мной.

— Я уже думал, ты вообще никогда не очухаешься,— наконец сказал он.

— Паршивого пинка будет маловато, чтобы покончить со мной,— оскалился я в ответ.— И уж тем более это сможет сделать не такая свора хилаков, как ваша. Если бы не рана и не эта проклятая цепь, я бы вам показал...

Похоже, мои оскорбления ничуть его не разозлили, а, наоборот, вызвали интерес. Почесав покрытую свежей залекшейся кровью ссадину на скуле, он спросил:

— Кто ты такой? Откуда ты вообще взялся?

— ...!

— В Котхе никто не должен быть голодным,— сказал он невозмутимо, одной рукой поднимая стоявший у ног котелок, положив другую на рукоять кинжала.— Я поставлю эту чашу рядом с тобой, чтобы ты смог подкрепиться, но учти, если тебе в голову придет укусить или ударить меня, испытаешь на своей шкуре остроту моего клинка.

Я промышал что-то неопределенное. Альмариканин поставил чашу рядом со мной, одним движением перерезал связывающую мои руки веревку и торопливо отступил на безопасное расстояние. В чаше оказалась нечто вроде похлебки, утолившей одновременно голод и жажду. Наполнив желудок, я почувствовал, что настроение мое улучшилось, и уже с большей охотой ответил на вопросы стражника.

— Меня зовут Иса Кэрн, я американец, с планеты Земля.

Альмариканин не понял.

— Это где? За Барьером? — спросил он, нахмурив брови.

Теперь пришла моя очередь удивляться.

— Я не понимаю тебя, — был мой ответ.

— Значит, мы оба не понимаем друг друга, — покачал он головой, — но если тебе неизвестно даже, что такое Барьер, значит, ты не мог прийти из-за него. Ладно, с этим разберемся потом. Ты лучше ответь, откуда ты шел, когда мы заметили тебя на равнине. Это твой костер горел неподалеку всю прошлую ночь?

— Скорей всего, мой, — признался я. — Много месяцев я прожил в предгорьях к западу отсюда. Лишь несколько дней назад я спустился на равнину.

Мой собеседник вытаращил на меня глаза.

— Ты жил на холмах? Один, вооруженный всего лишь кинжалом? — спросил он, мотая головой не в силах отпавиться от удивления.

— Ну да, а что такого? — пришла моя очередь удивляться.

Он покачал головой, не зная, верить мне или нет.

— Еще несколько часов назад я сказал бы, что ты лжешь, и даже не стал бы терять время, разговаривая с тобой. Но теперь я уже не настолько в этом уверен.

— Как называется этот город? — спросил я его.

— Котх, город племени котхов. Наш вождь Кошут Скуловерт. А меня зовут Таб Быстроног. Меня назначили сторожить тебя, пока остальные воины держат совет.

— Что еще за совет? — поинтересовался я.

— Они обсуждают, как с тобой поступить. Совет начался на закате, и не похоже, чтобы дело шло к концу.

— А в чем разногласия?

— Ну, — чуть пожал плечами Таб, — одни парни хотят тебя повесить, другие же настаивают на том, чтобы содрать с тебя кожу живьем.

— А никому не пришло в голову предложить отпустить меня с миром? — мрачно пошутил я.

Таб бросил на меня холодный взгляд.

— Не прикидывайся дураком, — буркнул он.

Нашу беседу прервали легкие шаги за дверью, и в комнату вошла девушка — та самая, которая, ранее испугавшись меня, убежала. Таб неодобрительно покосился на нее.

— Что ты здесь делаешь, Альта? — спросил он.

— Я хочу посмотреть на незнакомца, — ответила та мягким мелодичным голосом. — Я никогда не видела подобных ему. Его кожа почти такая же нежная, как моя, и на ней нет волос. А какие странные у него глаза! Откуда он пришел?

— Говорит, что с холмов, — не слишком любезно ответил Таб.

Альта даже руками всплеснула.

— Но ведь на холмах, за исключением диких зверей, никто не живет! Неужели это тоже какое-то животное? Я слышала, что он умеет говорить и очень понятливый...

— Так оно и есть, — подтвердил Таб, — а еще он умеет вышибать мозги прямо голыми руками, у него кулаки тверже и тяжелее, чем булыжники. Так что шла бы ты отсюда от греха подальше. Если этот дьявол схватит тебя, то сожрет целиком — и хоронить нечего будет.

— Я не буду подходить к нему, — заверила моего стража девушка. — А ведь глядя на него не скажешь, что это чудовище. Смотри, в его изгляде совсем нет злобы. Скажи, а что с ним сделают?

— Совет решит. Может быть, предоставят ему шанс сразиться один на один с саблезубым леопардом голыми руками.

Альта закусила кулачок — такого, полного чувства и притом чисто человеческого жеста здесь, на Альмарике, я еще не видел.

— В чем его вина, Таб? Он ведь ничего не сделал. Он пришел один, без оружия, не скрываясь. Стражники выстрелили в него без предупреждения, а теперь...

Таб с раздражением взглянул на девушку:

— Довольно, если твой отец узнает, что ты вступаешься за пленника...

Видимо, угроза была вполне серьезной, потому что девушка тотчас же потушилась.

— Не говори ему, пожалуйста, — сказала она жалобно и пошла к выходу. Дойдя до дверей, она вдруг вскинула голову и выкрикнула: — И все равно так нельзя! Даже если отец до крови выпорот меня, я не откажусь от своих слов!

Она выбежала из комнаты закрыв лицо руками.

— Что это за девушка? — спросил я.

— Альта, дочь Заала Копьеносца.

— А он кто?

— Один из тех, кого ты так любезно отделал некоторое время назад.

— Ты хочешь сказать, что эта девчонка — дочь такого... — Мне не хватило слов.

— А что с ней не так? — не понял меня Таб. — Она ничем не отличается от остальных женщин нашего племени.

— Выходит, все женщины похожи на нее, а мужчины — на тебя?

— Естественно, а как же еще? Ну, все в чем-то отличаются друг от друга, но в общем... А что, у твоего народа все по-другому? Точно-точно, ты, наверное, не единственный с своим племенем уродец!

— Эй, полегче! — Я опять разозлился.

Тут в дверном проеме появился другой воин.

Войдя, он сказал:

— Можешь идти, Таб. Я тебя сменяю. На совете решили отложить дело до возвращения Кошута утром.

Таб ушел, а его место на скамье занял новый котх. Я не стал пытаться разговорить его. Моя голова и так была переполнена, к тому же я очень хотел спать. Я устроился поудобнее, насколько позволяли обстоятельства, и погрузился в глубокий сон без сновидений.

Видимо, все пережитое за день оказалось велико для меня, настолько утомив, что даже притупило остроту восприятия. Иначе как можно объяснить, что, почувствовав прикосновение к своему лицу, я не вскинулся, готовый к бою, а лишь наполовину вынырнул из состояния дремоты. Из-под полужакрытых век я сквозь сон увидел склоненное надо мной девичье лицо. Фиалковые глаза испуганно рассматривали меня, губы слегка приоткрылись от волнения. Я ощутил свежий запах ее свободно рассыпавшихся по плечам волос. Девушка осторожно и как-то робко прикоснулась ко мне и тотчас же, отдернув руку, отпрянула, испугавшись того, что сделала.

Стражник мерно храпел на скамейке. Факел почти догорел, и лишь тусклое красное свечение лилось из ниши в стене. За окном взошла луна, бросив золотую полосу через всю комнату. Все это я смутно отметил про себя, проваливаясь в сонное забытие,

в котором вновь и вновь возвращался к склоненному надо мной и так тронувшему меня прекрасному лицу Альты.

4

Проснулся я на рассвете, когда к приговоренным обычно являются палачи. Надо мной стояла группа людей, один из которых не мог быть никем иным, кроме как Кошутом Скуловертом.

Этот суровый воин на добрую голову возвышался над всеми остальными и превосходил всех шириной плеч. Лицо и тело вождя покрывали старые шрамы. Этот котх-великан был темнее большинства виденных мной альмарикан и явно старше всех по возрасту. В роскошной гриве его волос пробивалась седина.

Этот воплощенный символ дикаря бесстрастно глядел на меня, поглаживая ладонью рукоять широкого меча. Увидев, что я открыл глаза, он сказал:

— Говорят, ты хвалился, что победил в честном поединке Логара из Тугры? — От его глухого голоса веяло спокойствием могилы.

Я ничего не ответил, а продолжал молча лежать, глядя на котха снизу вверх, чувствуя, как во мне поднимается гнев.

— Почему ты молчишь? — наконец спросил вождь.

— Потому что мне нечего сказать тем, кто мне не верит.

— Зачем ты пришел в Котх?

— Потому что устал жить среди зверей. Теперь я вижу, что оказался глупцом. По мне, так компания саблезубых леопардов и бабуинов куда безопаснее и честнее, чем общество людей.

Вождь покрутил седые усы:

— Мои воины говорят, что ты бьешься, как бешеный леопард. Я ценю смелость. Но что нам с тобой делать? Если мы освободим тебя, то твоя ненависть к нам наверняка заставит мстить за причиненную обиду. А судя по всему, твою ненависть укротить непросто.

— А почему бы вам не принять меня в свое племя? — нагло предложил я.

Седовласый великан покачал головой:

— Мы не ягья, у нас нет рабов.

— А я и не раб, — огрызнулся я. — Разрешите мне жить среди вас как равному. Я буду охотиться и воевать, и я докажу, что ничем не хуже любого воина твоего племени.

К этому моменту к свите Кошута присоединился еще один воин. Он был больше всех котхов, которых я уже видел. Не выше, а именно больше, массивнее.

— Да уж, тебе лучше постараться доказать это! — рывкнул он и выругался. — Развяжи его, Кошут, развяжи! Говорят, это парень не из слабых. Сейчас посмотрим, кто кого...

— Он ранен, Гор, — указал вождь.

— Ну так пусть его лечат, пока он не выздоровеет, — рывкнул Гор, потрясая могучими руками.

— У него просто железные кулаки, — вставил кто-то из уже познакомившихся с ними воинов.

— Тхака вас всех разорви! — взревел Гор, вращая глазами. — Прими его в наше племя, Кошут! Пусть он пройдет испытание. Если выживет — клянусь бородой Тхака, — этот парень будет достоин носить имя котха!

— Над этим стоит подумать, — ответил Кошут после напряженных раздумий.

Все успокоились и вслед за вождем потянулись к выходу. Таб, выходявший последним, ободряюще помахал мне рукой на прощание. Выходит, и этим дикарям не было чуждо чувство раскаяния и дружелюбия.

...

День прошел без событий. Таб больше не появлялся; другие воины принесли мне еду и питье, и я позволил им перевязать мои раны. Когда ко мне начали относиться боле или менее по-человечески, я перестал впадать в буйную ярость, хотя гнев, конечно, не угас совсем.

Альта не появлялась, хотя несколько я раз слышал за дверью легкие шаги — не знаю, ее или других женщин.

Под вечер за мной пришли. Несколько воинов объяснили мне, что доставят на общий совет племени, где Кошут, выслушав все аргументы, решит мою судьбу. Можете представить мое удивление, когда я узнал, что будут представлены аргументы не только против меня, но и в мою пользу.

С меня взяли обещание ни на кого не нападать и, открыв замысловатой формы ключом замок, освободили меня от ненавистой цепи, заменив веревки на ногах и руках легкими кандалами.

Следуя за своими конвоирами, я пошел по каменным коридорам. Коридоры эти были на редкость функциональны, их не украшали ни резьба, ни роспись, ни облицовка. Каждые пару десятков шагов на стенах белым огнем горели факелы.

Миновав целую анфиладу комнат, залов и переходов, наконец мы оказались в просторном круглом помещении, над которым нависал не низкий каменный потолок, а высокий свод к, пола. У про-

тиноположной от входа стены прямо в массивном куске скалы был вырублен трон, на котором, облаченный в пятнистую шкуру леопарда, восседал сам Кошут Скуловерт, вождь котхов. Перед ним, занимая три четверти зала, уходящего ступенями кверху наподобие амфитеатра, собралось, видимо, все племя: впереди — мужчины, восседавшие по-турецки на шкурах, ближе к стенам — на верхних ступенях, стоя, женщины и дети.

Удивительное это было зрелище. Я имею в виду разительный контраст между грубыми волосатыми мужчинами и стройными женщинами с молочно-белой кожей.

Мужчины были одеты в набедренные повязки и кожаные сандалии на высокой шнуровке. Плечи некоторых украшали шкуры животных — охотничьи трофеи. Женщины носили свободные туники того же покроя, что и Альта, которую я успел заметить среди остальных. Одни женщины были обуты в легкие сандалии, другие ходили босиком. Различия между полами были явно различимы даже у младенцев. Девочки были тихими, худенькими и симпатичными; мальчишки же походили на обезьян даже больше, чем их отцы и старшие братья.

Мне отвели место чуть в стороне от пьедестала вождя. Сидя на камне в окружении эскорта, я оценивающе присматривался к занимавшему почетное место по правую руку от Кошута Скуловерта Гору. Тот морщил лоб, то и дело непроизвольно поигрывая могучими мышцами.

Как только я занял свое место, совет начался. Кошут просто объявил, что желает выслушать все доводы, а потом ткнул пальцем в человека, который должен был защищать меня. Судя по реакции котхов, это был заведенный обычай на подобных

мероприятиях. Назначенный моим опекуном молодой помощник вождя — Гушлук Тигробой, тот самый, что командовал моим избиением, первоначально не проявил энтузиазма по поводу порученного ему дела. Потирая синяки и ссадины, нанесенные моими кулаками, он без особого желания вышел вперед и, отстегнув ножны меча и кинжала, положил оружие на пол передо собой. Так же поступили и остальные воины.

Все умолкли, и Кошут объявил, что сперва желает выслушать доводы тех, кто считает, что пленник по имени Иса Кэрн (надо отдать должное котху, совершенно правильно выговорившему непривычное для его языка имя) не должен быть принят в племя.

Аргументов таких, ясное дело, была прорва. С полдюжины воинов вскочили со своих мест и разом заговорили, сорвавшись тут же на крик (я уже успел заметить за котхами черту: чуть что — кричать). Гушлук общался со всеми одновременно, в той или иной мере удачно приводя контрдоводы своим оппонентам. Я сник и понял, что дело плохо. Но оказалось, что это только начало. Мало-помалу Гушлук разошелся, впал в ораторский раж, его глаза заблестели — он исступленно и уверенно доказывал остальным их неправоту. Судя по его неподдельному энтузиазму, обилию аргументов в мою пользу, можно было подумать, что мы с ним просто друзья с детства.

Хорошо еще, что не было назначено отдельного обвинителя. Каждый, кто хотел, мог выступить. И если Гушлуку удавалось разбить его доводы, то еще один голос присоединился к голосам в мою пользу. Так что все новые и новые воины присоединялись к нашему лагерю. Крики Таба, рев Гора и зажигательные речи моего заступника Гушлука слились в еди-

ном потоке, и вскоре почти все воины поддержали идею принять меня в племя котхов.

Совет котхов! Как бы я ни старался, я все равно не смогу донести до вас всю невообразимость этого зрелища. Восточный базар, паника на бирже, сумасшедший дом не шли ни в какое сравнение с племенным залом котхов, в котором могло одновременно звучать до тысячи голосов, и никогда один. Как Кошут умудрялся хоть что-то понимать — осталось для меня загадкой. Но он явно держал в руках все нити спора, восседая на своем каменном троне, словно мрачный бог, осматривающий подвластный ему мир.

Чуть позже я понял, что откладывать в сторону оружие был мудрый обычай. Спор необузданных котхов нередко переходил в грубую свару. Дикари, забыв, о чем шла речь первоначально, переходили на личности, поминая близких и дальних родственников, а также животных, благодаря которым те появились на свет; всплывали давние обиды, а когда кончались слова, в ход шли зубы, кулаки, ноги. Руки, привыкшие к оружию, тянулись к поясам, где обычно висело оружие. Изредка приходилось вмешиваться даже Кошуту Скуловерту, чье слово было законом.

Я тщетно пытался следить за ходом дискуссии. С моей точки зрения, многие аргументы, как за меня, так и против, были лишены не только мало-мальской логики, но и вообще какого бы то ни было смысла. Мне не оставалось ничего другого, как просто ждать, чем так или иначе кончится дело.

Ко всему прочему, котхи частенько настолько далеко уходили в сторону от темы, что, вернувшись, не могли вспомнить, на чьей они стороне. Пыл и красноречие воинов не ослабевали, и каза-

лось, они никогда ни о чем не договорятся. В полночь они все так же яростно спорили, крича как оглашенные, пихаясь и таская друг друга за бороды.

Женщины не принимали участие в обсуждении. После полуночи они стали потихоньку расходиться, уводя с собой детей. В конце концов на верхних ступенях осталась лишь одна хрупкая фигурка. Это была Альта, с неподдельным интересом следившая за ходом споров.

Сам я уже давно бросил это дело. Гушлуку моя помощь была не нужна, он и сам отлично справлялся. Гор подбежал к трону вождя и умолял яростным басом позволить ему свернуть кое-кому из особо упорных спорщиков шею.

Мне же это действо больше всего напоминало конвент сумасшедших домов. Наконец все происходящее меня так утомило, что, не обращая внимания на шум и на то, что решается моя судьба, я начал клевать носом и вскоре крепко заснул, предоставив доблестным воинам-котхам драть глотки и бороды друг друга, а планете Альмарик нестись по своему извечному маршруту под мудрыми звездами, которым не было ни малейшего дела до эфемерных человечков с их эфемерными проблемами.

На рассвете радостный Таб растолкал меня и жизнерадостно гаркнул прямо в ухо:

— Мы победили! Ты станешь членом племени, если поборешь Гора!

— Я сверну ему шею,— буркнул я и снова уснул.

5

Вот какие события предшествовали началу моей жизни среди людей Альмарика. Я, начавший свой путь на этой суровой планете голым дикарем, пе-

перескочил на следующую ступень эволюции, став варваром. Как ни крути, племя котхов было варварским племенем, несмотря на все их шелка, стальные клинки и каменную крепость. Сегодня на Земле нет народа, стоящего с ними на одной ступени развития. И никогда не было. Но об этом чуть позже. Пока же я опишу вам мой поединок с Гором Медведем.

Сразу же после совета племени с меня сняли оковы и определили на жительство в одну из башен — до моего окончательного выздоровления. Тем не менее я все еще оставался пленником. Котхи в изобилии снабжали меня питьем и пищей и регулярно меняли повязку на голове. Кстати сказать, рана эта была не такой серьезной, как те, что наносили мне дикие звери, да и прекрасно заживала сама по себе, безо всякого лечения. Однако котхи очень серьезно отнеслись к решению Кошута, чтобы я подошел к поединку абсолютно здоровым и мог сразиться с Гором на равных. Если я одержу над ним победу, то докажу свое право стать одним из них, если же проиграю, то, судя по услышанному и увиденному, проблем, что со мной делать дальше, не будет. Пожиратели падали позаботятся о моих останках.

За время, которое я провел взаперти в башне, я не видел ни одного знакомого лица, за исключением Таба Быстронога, проникшегося ко мне глубокой привязанностью. Остальные котхи относились ко мне равнодушно. Ни Кошут, ни Гор, ни Гушлук, ни Альта ни разу не появились.

Ничего, кроме скуки и тоски, я в этот период не чувствовал. Предстоящего поединка с Гором я совершенно не боялся. Не могу сказать, что я был заранее уверен в победе — просто мне столько раз приходилось рисковать жизнью, что страх за соб-

ственную шкуру почти выветрился из моей души. Куда хуже я переносил сам факт заключения. Было ужасно прожить долгие месяцы свободным, как вольный ветер, и вдруг оказаться запертым в каменном мешке. Если бы мое заточение продлилось чуть дольше, боюсь, я не выдержал бы и попытался сбежать. Лучше погибнуть в бою за свободу, чем смиряться с заключением. Но во всем происходящем была и положительная сторона: раздражение и злость не давали мне расслабиться, так что я всегда был в форме и готов к любым переделкам.

Увы, среди моих бывших соотечественников нет людей, настолько сильных и постоянно готовых к бою, как обитатели Альмарика. И тем не менее альмарикане нормальные люди, хотя и дикари, их жизнь полна опасностей, я тогда еще и не подозревал насколько, сражений с хищниками и другими племенами.

Занять мне себя в башне, кроме размышлений о прошлом, было нечем. Однажды мне вспомнился чемпион Америки по классической борьбе, который, в шутку повозившись со мной, назвал меня самым сильным человеком в мире. Посмотрел бы он сейчас на пленника крепости Котх! Если бы мне довелось встретиться с ним ныне, я без труда переломил бы борца о колено, как связку тростника. Я играючи порвал бы некогда казавшиеся мне могучими мышцы, как газетную бумагу, и перебил бы кости, как трухлявые доски. Что касается скорости, то ни один, пускай самый быстрый, бегун, Земли не был бы в состоянии соперничать с тигриной мощью и выносливостью, таящейся в моих связках и сухожилиях.

И несмотря на все это, я понимал, что мне придется полностью выложиться, чтобы устоять против первозданной мощи моего противника, дей-

ствительно изрядно походящего на пещерного медведя.

Таб Быстроног поведал мне не одну историю о победах Гора. Такой череды поверженных противников и зверей я еще не встречал. Жизненный путь этого славного воина был отмечен переломанными конечностями, свернутыми шеями и разбитыми головами его противников. И никто ни разу не смог устоять против него в схватке без оружия; правда, молва гласила, что Логар Костолом был ему равней.

Логар, как я выяснил, был вождем тугров — племени, враждебного котхам. На Альмарике враждовали друг с другом абсолютно все племена, местное человечество было расколото на бесчисленное количество обособленных групп, постоянно воевавших между собой. Как вы понимаете, вождя тугров прозвали Костоломом за его недожинную силу. Отобранный мной кинжал был его любимым оружием. Таб совершенно искренне уверял меня, что клинок выковал некий сверхъестественный кузнец.

Котх назвал это существо «горх», и я обнаружил, что этот странный народец рудокопов поразительно напоминает гномов-кузнецов из древних германских мифов моей родной планеты. Вообще Таб оказался незаменимым источником информации не только о котхах и других народах, но и обо всей планете, но к этому я еще вернусь чуть позже.

Но вот наконец наступил день, когда в сопровождении свиты воинов ко мне в башню пожаловал Кошут и, осмотрев мои раны, нашел меня в добром здравии, а следовательно — полностью готовым к испытанию.

* * *

В вечерних сумерках я впервые прошел по улицам Котха. Я с интересом поглядывал на окружающие меня стены домов. В этом городе все строения были выстроены на века, с большим запасом прочности и мощности, но без единого намека на украшения. Наконец мои конвоиры привели меня к некоторому подобию стадиона — овальной площадке, граничившей с крепостными стенами, вокруг которой поднимались широкие ступени каменной лестницы, на которых и размещались зрители. Сама арена поросла невысокой густой травой, наподобие бейсбольного поля, и с внутренней стороны была огорожена импровизированной сетью. Я решил, что та нужна для того, чтобы уберечь головы соперников от чересчур сильного прикладывания к каменным трибунам. Площадку заливал белый свет многочисленных факелов.

К моему прибытию зрители, а их было не меньше, чем на финальном матче по бейсболу в Америке, уже расселись по местам: мужчины у самой арены, женщины и дети — на верхних ярусах. Среди моря лиц я с удовольствием заметил прекрасное лицо Альты, не отводившей от меня бездонных фиалковых глаз.

Таб проводил меня на арену и быстро присоединился к остальным воинам за сеткой. Почему-то на ум пришли подпольные кулачные бои, пользующиеся у меня на родине огромной популярностью: голая земля, неверный свет, утрюмые мужчины... Устремив взгляд на полное неярких звезд небо, красота которого не переставала поражать меня, я вдруг от души расхохотался. Господи, кто бы мог подумать! Я, Иса Кэрн, родившийся в двадцатом веке в самой передовой стране мира — Америке, должен сей-

час, почти обнаженный, за исключением узкой набедренной повязки, кровью и болью доказывать свое право на существование в мире дикарей, о которых на моей родной планете даже не подозревают.

С другой стороны арены к сетке подошла вторая группа воинов. В ее центре возвышался Гор Медведь, живо подлезший под сетку и приветствовавший стадион диким воплем. Он был в ярости, уязвленный, что я опередил его и появился на ристалище первым.

Кошут, восседавший на возвышавшемся над первым рядом помосте, встал на ноги. Воинственные котхи заорали и затопали ногами. Вождь взял в руки копье, размахнулся и послал его в центр арены. Проследив короткий полет глазами и увидев, как копье вонзилось в траву, мы с Гором ринулись друг на друга — две горы мышц, полные яростного желания победить.

Правила поединка были просты: запрещалось наносить удары любыми частями тела, как кулаком, так и раскрытой ладонью, локтями, коленями; равно запрещалось пинаться, кусаться и выцарапывать глаза. Все остальное было разрешено.

Когда заросшая густыми черными волосами туша навалилась на меня, я успел подумать, что Гор, пожалуй, сильнее Логара. Лишенный своего лучшего оружия — кулаков, — я терял единственное преимущество перед противником.

Такого соперника мне не попадалось ни разу в жизни: восемь стоунов железных мышц, обладающие рефлексамии огромной кошки. К тому же привычный к подобным поединкам Гор владел богатейшим арсеналом приемов и уловок, о которых я не имел понятия. В довершение ко всему его голова так плотно сидела на плечах — на короткой шее,

сплошь покрытой мускулами, что бесполезно было пытаться свернуть ее.

Меня спасли только упорство и выносливость, приобретенные за время жизни в холмах, да неукротимый дух сына Земли. К тому же, проигрывая в массе и силе, я был более быстр и подвижен.

О самом поединке говорить особенно нечего. Казалось, само время приостановило свой бег, превратившись в неподвижную, скрытую кровавой пеленой вечность. Что удивительно, стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь нашим хриплым дыханием, потрескиванием факелов да шарканьем по траве босых ног. Наши силы оказались почти равны, что делало невозможной быструю развязку. В отличие от подобных состязаний на Земле, тут мало было уложить противника на лопатки. Нет, состязание шло до тех пор, пока один или оба противника не рухнут на землю замертво, прекратив сопротивление.

Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая, какой концентрации физических и моральных сил стоила мне эта схватка. Уже грянула полночь, а мы, совершенно измотанные, но не потерявшие боевого духа, все еще стояли, упершись друг в друга плечами. Казалось, весь мир утонул в кровавом тумане. Все мое тело превратилось в единый сгусток напряжения и боли. Некоторые мышцы просто онемели, и я перестал чувствовать их, другие же сводило невыносимыми приступами боли. Кровь сочилась у меня изо рта и из носа. Я полуослеп от нечеловеческого напряжения. Ноги дрожали, дыхание сбилось.

Утешало меня лишь то, что Гор был не в лучшем состоянии. У него кровь текла не только изо рта и носа, но и из обеих ушей. Его грудь неравномерно вздымалась.

Сплюнув кровавый сгусток, он с рычанием, похожим больше на хрип, в очередной раз попытался вывести меня из равновесия и сбить с ног. Для этого он прогнулся вперед и, опершись на меня, перенес центр тяжести повыше.

Понимая, что такого чудовищного напряжения я больше не выдержу, я вложил ту кроху сил, которая еще у меня осталась, в одно движение. Перехватив выставленную вперед руку богатыря-котха, я перекинул ее через плечо и резко рванул на себя... То, что Гор рванулся, пытаюсь вырваться из моего захвата, наоборот, помогло мне провести прием.

Перелетев через меня, альмариканин рухнул на траву, приземлившись на шею и одно плечо, и затих. Мгновение я стоял в тишине, глядя на поверженного голиафа, а затем ночь взорвалась дикими воплями котхов, признавших меня победителем. Тут мои ноги подкосились, в глазах померк свет, и я, рухнув на лежащего соперника, потерял сознание.

Уже потом мне сказали, что сперва нас обоих сочли покойниками. Много часов пробыли мы без сознания. Как выдержали наши сердца — одному Всевышнему известно. Старики утверждали, что за всю свою жизнь не видели такого долгого поединка.

Гору пришлось худо, даже по здешним меркам. В результате моего броска он не только сломал плечо и заработал кучу менее значительных травм, но и раскроил череп. Что касается меня, то я отделался тремя сломанными ребрами, однако все мои мышцы и суставы настолько перетрудились, что я несколько дней не мог даже подняться с постели. Котхи лечили нас, используя все свои немалые познания в искусстве врачевания ран, но, в первую очередь, своим излечением мы были обязаны нашей природной живучести. Жизнь на Альмарике беспощадна к тем,

кто не умеет быстро зализывать раны. Тут уж ты либо быстро выздоравливаешь, либо погибаешь.

Когда я более-менее пришел в себя, то поинтересовался у Таба, не будет ли теперь Гор моим кровным врагом. Мой вопрос донельзя озадачил молодого котха: до сих пор Гор никогда не проигрывал. Но вскоре мои сомнения рассеялись самым приятным образом.

В один прекрасный день дверь в мою комнату распахнулась и шестеро воинов бережно внесли носилки, на которых лежал Гор, обмотанный повязками как мумия. Однако голос Медведя был бодр и силен. Этот удивительный воин заставил своих приятелей принести себя в мою комнату, чтобы поприветствовать меня. Зла он на меня не держал, даже наоборот. В его чистой, первобытной, большой душе нашлось место для искреннего восхищения человеком, сила которого превзошла его собственную.

Как только носилки с раненым воином поставили, он тотчас же издал приветственный рев, от которого заложило уши. После того как дыхание его восстановилось, он выразил надежду, что мы вместе еще повоюем и поразбиваем немало вражьи головы на благо нашего племени.

Его уже уносили обратно, а он все продолжал восхищаться мною и строил планы будущих битв. Неожиданно для себя я почувствовал нежность и симпатию к этому созданию природы, которое было куда ближе к человеку, чем многие ученые хлыщы на Земле, кои так любят кичиться цивилизованностью.

Вскоре, когда я уже мог стоять на ногах без посторонней помощи и самостоятельно передвигаться, я предстал перед Кошутом Скуловертом и тот провел церемонию принятия меня в племя. Сперва

он начертил над моей головой острием меча древний символ племени котхов, а затем вручил мне знак воина — широкий кожаный ремень с железной пряжкой и оружие — мой кинжал и боевой котхский меч. Это был длинный прямой меч с серебряной крестовиной и массивным навершием, заканчивающимся острым шипом.

После этого ритуала передо мной по очереди прошли все воины племени, начиная с вождя. Каждый клал мне руку на голову и называл свое имя. Я должен был повторить его и назвать себя, произнеся свое имя (вызвавшее всеобщее одобрение) — Железная Рука. Эта самая утомительная часть заняла почти целый день, так как в настоящий момент в Котхе было около двух с половиной тысяч воинов. Но это была неотъемлемая часть ритуала посвящения, по завершении которого я стал таким же полноправным котхом, как если бы родился в этом городе.

Еще в башне, меряя шагами свое узилище, словно тигр в клетке, я многое узнал из рассказов Таба о котхах и о том, что им самим было известно об их собственной планете.

Это племя и другие, ему подобные, были единственной человекоподобной расой на Альмарике, хотя и не единственной разумной. Далеко на юге, например, обитал таинственный злобный народ, который котхи называли «ятъя». Себя же они именовали «гура».

Слово «гура» использовалось на Альмарике так же, как мы на Земле используем слово «человек». Множество племен гура населяло похожие на Котх города. В каждом из племен было от двадцати до пятидесяти сотен воинов и соответствующее число женщин и детей. Племя котхов было самым многочисленным — в нем было более пятидесяти сотен воинов.

Не существовало никаких карт Альмарика, и ни один из котхов не совершал кругосветного путешествия, хотя, будучи охотниками, они уходили очень далеко от родного порода. Интересно, что до моего прибытия они никак не называли свой мир. Так вот, пообщавшись со мной, кое-кто из племени стал называть его Альмариком, то есть словом, которое я принес с Земли.

Далеко на севере лежал безжизненный край льдов и вечных сумерек. Люди там не жили, хотя многие охотники, ходившие на тамошнего зверя, клялись, что слышали странные крики, доносящиеся с ледяных гор, и видели тени, мелькающие по поверхности ледников. А вот что касается южного направления, то на расстоянии меньшем, чем путь до ледяных торосов, возвышалась гигантская каменная стена, через которую никто из людей никогда не перебирался. Препяния гласили, что эта стена опоясывает всю планету, поэтому-то она и получила название Великого Барьера. Что скрывалось за этим Барьером — не знал никто. Некоторые верили, что это — конец мира, а за ним — лишь пустота. Другие утверждали, что за ним располагается такая же земля, как и эта.

Последняя версия, естественно, показалась мне более логичной, но я, как и другие, не мог представить доказательства ее правоты, и большинство котхов продолжало считать ее лишь сказкой для детей.

Во все стороны от Котха лежали города народов гура — от Барьера до Страны Льдов. В этом полушарии не было ни морей, ни океанов. С Западных гор по Великой равнине (ее еще называли Стол Тхака) текло бесчисленное количество рек, изредка разливаясь в неглубокие озера. Самые большие реки текли на юг и уходили под Барьер. Время от

времени разнотравье Стола Тхака сменялось дремучими лесами, вздымались невысокие, сплаженные эрозией горные гряды и холмы.

Города племен гура строились только на равнине и на большом расстоянии друг от друга. Их архитектура являлась типичным продуктом цивилизации строителей. Города служили лишь крепостями для защиты от врагов и непогоды. Отражая характер и облик строителей, города эти были грубыми, массивными, с чрезвычайным запасом прочности, но совершенно лишенными каких бы то ни было украшений; традиции украшать что-либо словно не существовало на этой планете.

В чем-то гура походили на землян как две капли воды, в чем-то — разительно отличались. Безусловно сильной стороной гура, и котхов в частности, было умение воевать, охотиться и создавать оружие. Последнее ремесло передается в роду старшим сыновьям, но прибегают к услугам этих умельцев не так уж часто. Дело в том, что оружие делается так хорошо и служит практически вечно, что не требует замены. Его передают от отца к сыну, иногда пополняя запасы за счет трофеев. Кроме того, общая численность воинов племени держится примерно на одном уровне, поэтому работы оружейникам немного.

Странно, но гура используют металл только в оружейном деле, для изготовления пряжек и застежек на одежде и снаряжении, редко — в строительстве. Ни мужчины, ни женщины не носят украшений.

Монеты, да и деньги вообще, здесь неизвестны. Между городами торговля не ведется, а внутри города все как-то умудряются обойтись натуральным обменом.

Гура достигли неплохих результатов в изготовлении ткани для одежды, которую плетут из волокна, получаемого из одного странного растения — какого-то сорняка, растущего даже внутри городских стен. Другие растения обеспечивают гура фруктами и вином, но все посадки находятся на территории их городов-крепостей. Домашних животных здесь нет, свежее мясо, их основная пища, добывается на охоте. Охота — вообще любимое занятие мужской части гура, их работа, отдых и средство самовыражения.

Племя котхов ничем не отличалось от прочих племен гура. Котхи ковали мечи. Ткали шелк, охотились и занимались собирательством. С некоторым удивлением я обнаружил у них зачатки письменности — что-то вроде примитивных иероглифов, которые наносят на тростниковые листья острым, как кинжал, металлическим стержнем, который обмакивают в бордовый сок какой-то травы. Но, кроме вождей, мало кто умеет читать и писать. Литературы у них нет. Ничего не знают альмарикане и о живописи, скульптуре или науке — они вообще лишены интереса к этим абстрактным вещам. Вся их культура сугубо утилитарна, приспособлена к выполнению насущных повседневных задач и удивительно статична.

Правда, как у большинства первобытных племен, у них существует нечто вроде народной поэзии, повествующей только о битвах, сражениях и подвигах героев. Среди гура вообще нет такой профессии, как барды и менестрели. Каждый взрослый мужчина знает свои родовые песни и после нескольких кружек крепкого пива исполняет их голосом, по сравнению с которым иерихонская труба казалась бы тростниковой дудочкой. А когда набирается пара

дюжин таких певцов, упоенно орущих и совершенно не обращающих внимания друг на друга, создается впечатление, будто ты угодил под артобстрел.

Тексты песен никто не записывает, полагаясь на память. Потеря строфы-другой никого не расстраивает — всегда можно придумать новую. Письменная история тоже не ведется. Вот почему события прошлого перемешиваются друг с другом и с явным вымыслом.

Хронология отсутствует как таковая. Никто не знает, сколько лет городу Котх. Монументальные каменные блоки прочны, как сама вечность, и им может быть как десять лет, так и десять тысяч. Мне кажется, что меньше пятнадцати сотен лет этому городу быть не может. Гура — древняя раса, несмотря на то что ее первобытная дикость производит впечатление молодого, полного сил народа. Об эволюции этой расы и о том, откуда она появилась, мне ничего узнать не удалось. У гура даже нет таких понятий, как эволюция, развитие, прогресс. С детской непосредственностью они считают, что все их окружающее существовало изначально, всегда, и будет существовать так же вечно в будущем. У них даже нет преданий, объясняющих их происхождение.

• • •

Пока я в основном вел речь о мужчинах племени котхов. Дело в том, что женщины достойны отдельного рассказа. После всего, что я увидел и узнал, различия между полами у народов гура уже не казались такими необъяснимыми. Они были лишь результатом эволюции особого отношения мужчин к своим женам и сестрам. Я уверен, что в основном ради женщин и были воздвигнуты первые города-крепости, в которых, скрепя сердце, пришлось по-

селиться и беспашашным воинам и охотникам, которые до сих пор в душе остались первобытными кочевниками.

Женщины, на протяжении тысячелетий оберегаемые от всех опасностей, равно как и от тяжелой работы, постепенно превратились в те утонченные создания, которые я уже описал. Мужчины же, наоборот, вели невероятно активную, требующую постоянных усилий и выносливости жизнь. И началось это с тех самых пор, когда первая обезьяна на Альмарике встала на задние лапы.

Естественно, выжившие в результате безжалостного естественного отбора идеально приспособились ко всем тяготам жизни: их могучие звериные тела, толстая шкура и грубые волосы, напоминающие шерсть, крепкие мощные челюсти и толстая черепная коробка вовсе не результат вырождения или деградации, а те необходимые свойства организма, без которых мужчины гура были бы непригодны к той жизни, которую они ведут.

Поскольку мужчины берут на себя весь риск, всю ответственность и весь физический труд, закономерно, что власть и авторитет в племенах тоже принадлежит им. Женщины не имеют права голоса ни в управлении делами города, ни в определении политики племени. По этой же причине власть мужа над женой абсолютна. С другой стороны, в случае угнетения или издевательств женщина вправе пожаловаться на своего господина в совет племени.

Большей частью женщины очень ограничены, мало знают и мало чем интересуются. Это неудивительно — ведь большинство из них ни разу в жизни и шагу не ступали за городские стены, если только не были захвачены другим племенем во время набега.

Все это не значит, что женщины так несчастны, как можно было бы подумать. Дело в том, я уже упоминал об этом, что забота и нежное отношение к женщине — одна из отличительных черт гура. Любое проявление жестокости или злобности к ним, встречающееся чрезвычайно редко, сурово и единогласно осуждается племенем.

Гура моногамны. Хотя они не сильны в искусстве ухаживания, оболыщания и взаимных комплиментов, удивительны те нежность и забота, которые мужчины и женщины проявляют по отношению друг к другу. В этом они напоминают американских поселенцев.

Обязанностей у женщин гура немного, и по большей части связаны они с воспитанием и заботой о детях. Самая тяжелая работа, выпадающая на их долю, — это прядение нитей и изготовление ткани из волокон растений.

Женщины-альмариканки, в отличие от своих мужчин, удивительно музыкальны. Почти все они умеют играть на небольшом струнном инструменте, похожем на лютню, и удивительно мелодично поют. Кроме того, женский ум куда более остер и гибок, чем мужской. Женщины, которым приходится самим себя развлекать, очень весело проводят время в шутках и играх. Ни одной из них и в голову не придет сунуться за пределы города: они ясно сознают те опасности, которые их там поджидают, благоразумно предпочитая оставаться под защитой мужчин племени.

Мужчины-гура честны, презируют ложь, обман и воровство. Для меня они почему-то ассоциировались с древними викингами. Эти доблестные воины с удовольствием охотятся и воюют, но не жестоки беспричинно, если только ярость не ослепляет их на время. Они немногословны, грубы, легко впада-

ют в гнев и чуть что хватаются за оружие, но так же легко и быстро успокаиваются. Альмарикане вообще не злопамятны, однако если речь не идет о кровном враге. У них своеобразный, хотя и очень грубый, юмор; они совершенно беззаветно любят родной город и племя. Но больше всего, по-моему, они дорожат личной свободой.

Из боевой экипировки в ходу у котхов, равно как и у остальных племен, мечи, копья, кинжалы и некое подобие огнестрельного оружия, похожего на мушкет; доспехов они не признают. Мушкеты эти заряжаются с дула и весьма недальнобойные. Вместо пороха здесь используется высушенное и растертое в порошок определенное растение, а пули отливаются из какого-то мягкого металла, очень походящего на свинец. Огнестрельное оружие используется в основном в военных конфликтах — на охоте удобнее и эффективнее лук со стрелами.

Часть воинов племени постоянно находится на охоте в разных частях Великой Равнины. Но в любом случае не меньше тысячи воинов остается внутри городских стен, всегда готовые отразить возможное нападение, что, надо сказать, случается нечасто. Гура редко нападают на города других племен. Штурмом их взять практически невозможно, а заморить защитников голодом еще труднее: в каждой крепости накоплены огромные запасы съестного и есть, по крайней мере, один обильный источник воды. Кроме того, воины привыкли голодать и в случае необходимости неделями могут обходиться без пищи.

Охотники часто, правда большими группами, отправляются за добычей в предгорья, в которых я прожил несколько месяцев. Общеизвестно, что эти места населяют самые свирепые и опасные хищники Альмарика. Лишь самые отчаянные отряды про-

водят на холмах несколько дней, прочие же предпочитают на ночь спускаться обратно на равнину. Гот факт, что я прожил здесь немалый срок один, вооруженный всего лишь кинжалом, придал мне в глазах котхов едва ли не больший авторитет, чем победа над Гором Медведем.

За непродолжительное время мне довелось узнать об Альмарике очень многое. Но это повествование не научный отчет, и я не могу подробно останавливаться на описании местных обычаев и традиций. Я запоминал все, что мне рассказывали котхи, — когда-нибудь подобная информация могла пригодиться.

Гура считали, что они — первая человеческая раса, населяющая Альмарик, мне же так не кажется. На Великой Равнине изредка встречаются руины городов, возведенных в незапамятные времена неизвестными народами, хотя наивные гура считали, что их строители жили одновременно с их дальними предками. Но мне довелось узнать, и поверьте, эта информация мне досталась нелегко, что таинственные древние расы появились, прошли период расцвета и заката и исчезли за много веков до того, как первый гура взялся за кирку каменотеса. Как мне удалось узнать то, что не было известно гура, — отдельная история. И может быть, когда-нибудь она станет известна и вам.

Среди гура ходят легенды и более-менее правдоподобные рассказы о наследниках тех древних хозяев Альмарика. Я уже говорил о ягья. Так вот, это страшный и жестокий народ крылатых людей, обитающих далеко на юге, почти у самого Колыца. Их главный город именуется Югга; он воздвигнут на горе Ютла, на реке Джог. Страну свою они именуют Яг, и в эти гибельные края не ступала нога нормального человека.

Время от времени крылатые бестии вылетают за стены Юggi и обрушиваются с небес на города гура, сжимая в руках разящий меч или горшки со сжигающим все огнем, чтобы унести с собой молодых девушек в качестве пленниц. Что с ними происходит потом — неизвестно, ибо никто еще не возвращался из страны Яг. Одни утверждают, что девушек отдают на съедение отвратительному чудовищу, которому крылатые поклоняются как богу, другие же говорят, что летучие твари не поклоняются никому, кроме самих себя. Однако доподлинно было известно, что властвует над ягья Повелительница Ясмина, вот уже полтысячи лет правящая со своего каменного трона на вершине Юглы страной Яг. Ее тень, ложащаяся на мир, заставляет людей вздрагивать и втягивать голову в плечи, с опаской посматривая на небо. Гура считают, что ягья не люди, а демоны в человеческом обличье, что вовсе не мешает воинам их убивать.

Рассказывали гура и о других не менее коварных и опасных существах мира: о собакоголовых чудовищах, обитающих в развалинах древних городов; о заставляющих трястись земли колоссах, являющих свои страшные лики лишь звездам. Имелись еще и огнедышащие летающие рептилии, падавшие из-за туч, словно молнии; полуночные лесные хищники, что утаскивали в чащу неосмотрительных охотников. На Альмарике водились и летучие мыши-вампиры, чьи похожие на безумный смех крики сводили людей с ума, и множество других жутких монстров, которым и близко не подобрать земного соответствия. Я, в безмерной гордыне здравомыслящего человека, посчитал их выдумкой, за что не раз проклинал себя впоследствии, ибо на этой планете порой принимает кошмарные формы не только жизнь, но и нежить.

Быть может, я порядком утомил вас многословными страшными описаниями. Но будьте терпеливы, они имеют прямое отношение к развернувшимся впоследствии трагическим событиям, которые начали развиваться с такой скоростью, что мое повествование будет едва справляться с ними.

Долгие месяцы я жил обыкновенной жизнью котов, совершенствуясь в искусстве охоты, вволю надеясь и изрядно прикладываясь к крепкому, хмельному пиву. Я совершенно сроднился с окружающими меня людьми. Меня еще не проверили в войне с иноплеменниками, но и внутри города хватало возможностей размять кулаки в дружеской потасовке и в пьяных драках, когда, закипая от одного слова, мужчины бросали на пол кружки и начинали таскать друг друга за бороды. Я наслаждался этой жизнью. Здесь, как и в предгорьях, я был свободен от любых ограничений и условностей и мог проявить в полной мере все свои силы. А главное, я был не один, а в компании таких же свободных людей. Мне не были нужны картины, книги, утонченные развлечения, создающие слабым духом интеллектуалам иллюзию полноценного бытия. Я охотился, дрался, ел и пил. Я вцепился в жизнь руками и ногами, впился в нее как клещ. И в череде моих занятий я почти перестал вспоминать одинокую хрупкую фигурку, напряженно следящую за советом, решающим мою судьбу.

6

Однажды, проведя несколько дней на охоте, я возвращался в город. Я неторопливо брел, размышляя о том, о сем, не забывая отметить про себя замеченные следы животных или подозрительный

шорох в кустах. Места были знакомые, но до самого Котха оставалось еще несколько миль, потому что его могучие башни пока не были видны.

Из состояния задумчивости меня вывел пронзительный женский крик. Не веря своим глазам, я увидел, что в мою сторону со всех ног несется нечто знакомая стройная женская фигурка, преследуемая чудовищем. С каждым шагом ее нагонял тигростраус, одна из самых огромных хищных птиц, что обитали на Столе Тхака.

Птица эта достигает в высоту десяти футов и покрыта густым мехом в красно-желтую полоску и считается едва ли не самым опасным обитателем равнин. Тигростраус сложен наподобие земного аналога, за исключением невероятно острого и словно заточенного по краям трехфутового клюва, страшного орудия, выкованного природой. Удар этого похожего на ятаган клюва протыкает человека насквозь, а острые кривые когти на мускулистых лапах птицы без труда отрывают ногу у крепкого мужчины.

И вот эта машина смерти стремительно нагоняла девушку — еще секунда, и она ее сомнет, как прекрасный цветок, прежде чем я смогу подоспеть на помощь. Проклиная судьбу за то, что приходится рассчитывать лишь на мою меткость, чего греха таить, не самую высокую, я рывком освободил плечи от кипы шкур, сбросив их на землю. Упершись понадежнее ногами, я вскинул мушкет, который всегда носил заряженным, и прицелился.

Девушка бежала прямо на меня, закрывая корпус птицы. Я не мог стрелять в тигрострауса, не рискуя угодить в человека. Ситуация не оставляла мне ничего другого, как целиться в огромную голову на длинной шее, воздетую над несчастной жерт-

вой. Я затаил дыхание и, уповая на расположение Тхака, нажал курок.

Удача улыбнулась мне — пуля угодила точно в цель. Меня окутало облако дыма, но я успел заметить, что злобное создание споткнулось, словно налетев на невидимую стену. Тигростраус забил короткими, почти лишенными шерсти крыльями, начал загребать переставшими держать ее вес ногами и рухнул в траву.

В тот же момент упала как подкошенная и девушка. Подбежав, я с удивлением обнаружил, что это Альта, дочь Заала. Слава богу, целая и невредимая, она смотрела на меня своими бездонными фиалковыми глазами. Девушка очень запыхалась и к тому же была до смерти перепугана. Птице повезло меньше: пуля угодила ей точно в лоб и вместе с мозгами вылетела с другой стороны.

Снова переводя взгляд на Альту, я недоуменно спросил:

— Что ты делаешь за стенами города? Ты что, с ума сошла — болтаешься без охраны Тхак знает где!

Девушка не ответила, но явно была испугана. Постаравшись смягчить голос, я сел на корточки рядом с ней и сказал:

— Странная ты девчонка, Альта. Ты не такая, как другие женщины племени. Все знают, что ты решительная, упрямая и своенравная, причем иногда совершенно неоправданно. Чего тебе не хватает? Ну зачем, скажи мне, так рисковать жизнью?

— Что ты теперь сделаешь? — вдруг спросила она.

— Как что? Отведу тебя в Котх, конечно.

При этих моих словах она нахмурилась и упрямо покачала головой

— Ну что ж, vedi. Отец меня выпорет. Ну и пожалуйста! Я все равно опять убегу!

— Но зачем ты убегаешь? И куда? Здесь тебя рано или поздно просто сожрет какая-нибудь тварь. Ты этого хочешь?

— Ну и пускай! Может, я хочу, чтобы меня сожрали, тебе почем знать!

— Тогда зачем же ты убегала от тигрострауса?

— Инстинкт сохранения жизни,— недовольно ответила она.

— Почему ты так стремишься к смерти? — воскликнул я.— Ведь женщины племени котхов счастливы, чего тебе не хватает?

Она отвернулась и обвела взглядом бескрайнее море травы.

— Есть, пить и спать — это далеко не все,— на удивление серьезно ответила Альта.— Это могут и животные.

Я рассеянно почесал в затылке. Мне частенько доводилось слышать подобные речи на Земле, но здесь, на Альмарике, это было в диковинку. Альта продолжала, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе:

— Я не могу так больше жить. Должно быть, я не такая, как остальные. Я все время чего-то ищу, все время чего-то жду...

Удивленный словами, от которых совершенно отвык, я взял ее голову в руки и бережно повернул, чтобы посмотреть ей в глаза. Мятущийся взгляд девушки встретился с моим.

— Пока ты не появился — было трудно,— продолжала она негромко.— А теперь стало во сто крат труднее.

В растерянности я разжал руки, и Альта опустила голову.

— Почему же из-за меня стало хуже?

— Скажи мне, что такое жизнь? — ответила она вопросом на вопрос. — Неужели то, как мы проводим время, и есть настоящая жизнь? Неужели нет ничего другого, ничего, кроме наших повседневных потребностей и мелочных интересов?

Я задумчиво покачал головой и сказал:

— Знаешь, на моей планете, на Земле, я встречал многих людей, стремившихся к какому-то туманному идеалу. Но я не скажу, чтобы они были очень счастливы

— Сначала я думала, что ты не такой, как другие, — с горечью сказала она, глядя куда-то вдаль. — Когда я увидела тебя, связанного веревками, впившимися в твою нежную, гладкую кожу, то подумала, что ты тоньше, нежнее, умнее, чем наши мужчины. А на поверку вышло, что ты такой же грубый и дикий, как и все остальные. Ты так же, как и они, проводишь время на охоте, в драках и пьянках.

— Но ведь все так живут! — возразил я.

Она кивнула, соглашаясь.

— А я не хочу, как все. Выходит, мне действительно лучше умереть.

Мне почему-то стало стыдно. Я понимал, что землянину жизнь на Альмарике должна была бы показаться грубой, жестокой и бессмысленной, но услышать такое из уст местной женщины... До этого момента мне казалось, что женщин полностью удовлетворяет положение дел и они были довольны заботой и защитой и терпеливо сносили грубость мужского племени. Неужели среди них попадались и такие, кто желал большего внимания и участия со стороны своих мужчин?

Не зная, что ответить, я напрасно искал подходящие слова. Я как-то разом почувствовал себя гру-

бым, жестоким варваром. Помолчав, я безнадежно сказал:

— Пойдем, Альта. Я отведу тебя обратно в город.

Она согласно кивнула и вдруг, всхлипнув, добавила:

— И можешь посмотреть, как отец будет меня пороть. Тебе понравится!

Уж что ответить на это, я не раздумывал ни секунды, гневно бросив:

— Он больше никогда в жизни пороть тебя не будет. Пусть только дотронется до тебя — я ему голову оторву!

Альта быстро перевела на меня заинтересованный взгляд. Моя рука легла ей на талию, а лицо оказалось совсем рядом с ее лицом. Полные губы девушки взволнованно приоткрылись — и, продлился этот блаженный миг дольше, я не знаю, чем бы все это кончилось... Но вдруг с лица Альты схлынула кровь и с губ сорвался испуганный крик. Девушка в ужасе смотрела на что-то за моей спиной. Воздух наполнился шорохом больших сильных крыльев.

Я молниеносно развернулся и увидел, что в воздухе над нами мечутся большие крылатые существа. Ягья! А я, глупец, смеялся над рассказами Таба, считая их страшилками для непослушных детей. Но вот ягья оказались передо мной, воплотившись в ужасающей реальности.

Не теряя драгоценного времени на бесплодные сожаления, я подхватил с земли незаряженный — моя оплошность! — мушкет. Пока крылатые демоны выжидающе кружили над нами, мне удалось рассмотреть, что ягья походили на высоких, хорошо сложенных людей, только с большими кожистыми крыльями за спиной. Люди-птицы не носили другой

одежды, кроме узких набедренных повязок; вооружены они были узкими изогнутыми кинжалами.

Когда первый из них спикировал на меня, я, по всем правилам бейсбола, встретил его ударом приклада. Тонкокостный череп кровожадной твари лопнул, как перезревший орех, забрызгав меня кровавой кашей. Остальные ягья, ни в малой степени не ошарашенные, обрушились на меня, размахивая сверкающей сталью. По счастью, их нападение было бесплодным, они, сталкиваясь в воздухе крыльями, только мешали друг другу, не давая себе возможности напасть на меня одновременно с нескольких сторон.

Сжимая мушкет за ствол, я отмахивался импровизированной дубинкой от наседавших врагов. Улучив момент, я основательно приложился по голове еще одному летающему гаду. Тот перезревшей сливой рухнул на землю без памяти. Вдруг за моей спиной раздался пронзительный крик, и крылатые ягья прекратили атаковать меня как по команде.

Крылатые твари стремительно набирали высоту. А в руках одного из них, к своему ужасу, я увидел знакомую хрупкую фигурку Альты, протягивавшей ко мне в отчаянии руки. Ягья похитили девушку и теперь уносили ее в свой мрачный город, где ее ожидала ужасная участь. Крылатые люди летели очень быстро, и вскоре я уже едва мог различить их силуэты в синем небе.

Сгорая от бессильной ярости, я посылал проклятия равнодушному небу, потрясая кулаками. Внезапно я почувствовал какое-то шевеление под ногами. Посмотрев вниз, я увидел, что оглушенный мной ягья пришел в себя и сидит на траве, потирая голову. Я замахнулся мушкетом, чтобы выбить мозги из чертовой птичьей бабки, да так и замер. Меня озарила дерзкая мысль: я вспомнил, с какой

скоростью ягья уносил Альту, держа ее руками под собой.

Вытащив кинжал из ножен, я упер его под подбородок крылатому человеку и заставил того подняться на ноги. Ягья был чуть выше меня ростом, такой же широкоплечий, но какой-то костистый и гораздо гоше в кости — как у всех пернатых, кости его должны были быть тонкими и легкими. Черные глаза ягья смотрели на меня немигающим взглядом ядовитой змеи... или грифа, пожирателя падали.

Таб как-то упоминал, что язык крылатых существ похож на их собственный.

— Ты отнесешь меня на себе туда, куда полетели твои дружки. — сказал я.

Он неуклюже поежился и хрипло ответил:

— Я не смогу нести твой вес.

— Тем хуже для тебя. — сообщил я ему и, обойдя пленника, рывком заставил его нагнуться и влез ему на плечи.левой рукой я обхватил его шею, а правой приставил кинжал к боку дьявольского создания.

Понукаемый острием, ягья был вынужден расправить крылья, захлопал ими по ветру и, хотя и пошатнулся под моим весом, все же сумел взлететь.

— Давай, двигай! — злобно рявкнул я, для большей убедительности кольнув человека-птицу кинжалом. — Быстрее... Или я тебя на куски нарежу!

Мы медленно поднимались над землей. Ощущение было фантастическое, но предаться радости полета мне мешала злость на себя за то, что не смог уберечь Альту, и боль потери.

* * *

Когда мы поднялись на высоту примерно тысячи футов, я смог различить на горизонте несколько черных точек. Это и были похитители Альты. Я

отчаянно понукал своего крылатого скакуна, двигавшегося, как мне казалось, еле-еле.

Несмотря на все мои угрозы и тычки кинжалом, группа ягья потихоньку исчезала из виду, и вскоре мы отстали окончательно. Но я продолжал держать направление на юг, рассчитывая, что если и не догоню тварей, то, по крайней мере, долечу до черной скалы, на которой, по словам Таба, возвышалась их мрачная цитадель.

Ягья, которому я не оставил ни малейшего выбора, держал приличную скорость, учитывая двойную нагрузку на его крылья. Через несколько часов полета пейзаж под нами изменился. Внизу проплывал лес — первый настоящий лес, не считая рощицы в ущелье, увиденный мной на Альмарике. Я отметил, что деревья в этом лесу намного превышали земные.

Незадолго перед закатом показалась граница леса, за которой на большом лугу лежали руины древнего города. А к небу, откуда-то из этого каменного лабиринта, поднималась тонкая струйка дыма. Я поинтересовался у своего пленника, не его ли приятели готовят там ужин, но он только что-то злобно хрюкнул себе под нос, за что получил хороший удар по уху.

Теперь мы спустились ниже, и вершины деревьев убегали назад прямо у нас под ногами. Сделано это было по моему приказу: я не хотел раньше времени попадаться ягья на глаза. Раздававшийся мощный рев заставил меня посмотреть вниз.

Мы как раз пролетали над небольшой полянкой, на которой разворачивалось кровавое сражение. Стая гиен напала на огромное бурое животное с одним рогом на лбу. Этот единорог был куда крупнее земного хозяина прерий — бизона. С полдюжины хищников уже лежали бездыханными, а в тот

момент единорог поддел гарпуном рога последнюю гиену и, мотнув головой, отбросил ее футов на двадцать, переломав ей при этом все кости.

Засмотревшись на эту сцену, я, видимо, чуть ослабил хватку. Почувствовавший свободу ягья резко извернулся и сумел сбросить меня со спины. Освободившись от груза, он резко метнулся в сторону и вверх, а я камнем полетел вниз и, проломив крону какого-то дерева, рухнул на мягкий ковер травы и прелой листвы, прямо перед мордой разъяренного единорога.

Я едва успел перевернуться и встать на одно колено, как его туша заслонила небо, а огромный рог оказался нацеленным мне в грудь. Я, увернувшись, попытался обеими руками отвести рог в сторону. Словно выточенный из слоновой кости шип чуть изменил направление движения и прошел рядом с моим боком, едва не прищиплив меня к земле, как бабочку. Воспользовавшись секундным замешательством огромного зверя, я выхватил кинжал и вонзил его в основание черепа единорога. Но тут, получив сильнейший удар по голове, я рухнул без сознания, погрузившись в темноту.

7

Отключился я, наверное, совсем ненадолго. Первое, что я ощутил, придя в себя,— это страшную тяжесть, навалившуюся на мое тело. Инстинктивно попытавшись скинуть ее с себя, я понял, что лежу, придавленный исполинской тушей. Оказывается, мой кинжал пронзил мозг зверя, но уже в падении, мертвым, тот все-таки задел меня основанием рога и отправил сильным ударом в нокаут. Только пере-

превшие листья за спиной спасли меня от участи быть раздавленным всмятку.

Выбраться из-под мертвой зверюги было задачей, достойной самого Геркулеса. Не буду вас утомлять малоприятными подробностями, скажу лишь, что я справился и, полузадохнувшийся, залитый кровью единорога, все-таки вылез из-под туши. Я напряженно всматривался в небо: скинувшего меня вниз летающего мерзавца нигде не было видно, правда, высокие деревья ограничивали обзор. Выбрав дерево повыше, я, как мог быстро, вскарабкался на его вершину и оттуда, словно с мачты, оглядел расстилавшееся вокруг меня зеленое море.

Примерно в часе быстрой ходьбы к югу лес редел, сменяясь густым кустарником. Из руин мертвого города все еще поднимался дымок. В то же мгновение я заметил, как мой бывший пленник спикировал к развалинам. Наверное, избавившись от меня, он еще некоторое время кружил над местом моего падения, чтобы удостовериться в моей гибели или просто перевести дух и дать крыльям отдохнуть после изнурительного полета с двойной нагрузкой.

Я выругался — если он заметил, что единорог не убил меня, то шанс незаметно напасть на отряд людей-птиц безнадежно упущен. Вдруг я с удивлением заметил, что ягья, не успев приземлиться среди развалин, дал свечку и понесся оттуда как угорелый. Он помчался на юг, бешено махая крыльями, и скоро затерялся в предзакатном небе. Я только диву давался. Что могло вызвать такое поспешное бегство человека-птицы? Кого он обнаружил внизу вместо своих товарищей? Может быть, он просто наткнулся на покинутую стоянку и поторопился нагнать соплеменников? Нет, слишком явно было

видно, что его полет был не чем иным, как паническим бегством.

Пожав плечами, я, теряясь в догадках, слез с дерева и направился к руинам с наибольшей скоростью, которую позволял развить густой подлесок, не обращая внимания на шорохи и шелест листьев вокруг меня.

Когда я выбрался на опушку, солнце уже село, и пришедшая ему на смену луна залила призрачным светом мертвый город. Достигнув первых каменных строений, я, вопреки ожиданиям, обнаружил, что здания были сложены не из уже знакомого мне зеленоватого камня, похожего на кремнь, а из настоящего мрамора. Углубляясь в развалины туда, где видел костер, я невольно вспомнил легенды котхов, в которых говорилось о старинных мраморных городах, населенных привидениями. Никто уже не помнил, когда возникли эти города и кто, вообще, их построил.

Плотные густые тени от полуразрушенных колонн и остатков стен ложились мне под ноги. Сжимая в руках меч, я передвигался короткими перебежками от одного укрытия к другому, готовый отразить нападение ночного хищника или встретиться с засадой поджидавших меня крылатых людей.

Полная тишина окружала меня, когда я пробирался по широким безжизненным улицам. Не было слышно ни далекого львиного рыка, ни гнусного тьяканья гиен, ни пронзительных криков ночных птиц — ничего. Мне показалось, что я остался один в окаменевшем мире. Плотная тишина оказывала поистине физическое давление.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше, но я упорно пробирался по грудам камней, пока не оказался на открытом ровном месте —

видимо, раньше здесь располагалась городская площадь. Сделав шаг вперед, я в ужасе остолбенел и покрылся холодным потом.

В центре площади догорал костер, над которым на жердях были закреплены уже совершенно обугленные куски мяса. Ягтя, несомненно, собирались подкрепиться. Но сейчас они по частям были разбросаны по всей площади, напоминая кучи тряпья, — участь их была ясна с первого взгляда.

Никогда еще мне не доводилось видеть результатов такой дикой резни, лучше даже сказать — бойни. Оторванные руки, ноги, отделенные от тел головы, вперемешку с внутренностями и просто кусками тел, покрывали площадь равномерным слоем. Фонем же в этом витраже смерти служила кровь, кровь, кровь. Меня поразила безумная картина: освещенная золотым мягким светом, на камне, оскалившись, лежала совершенно целая с виду голова. Уже подернутые смертной пеленой глаза бессмысленно таращились в небо.

Что бы это ни было — ужасное чудовище или могильная печисть, оно набросилось на крылатых людей в тот момент, когда они, собравшись у костра, только приступили к трапезе. У костра лежало несколько рук, все еще сжимавших куски мяса. На большинстве останков ягтя были видны следы зубов, а некоторые кости были разгрызены так, чтобы можно было добраться до находящегося в них мозга.

Меня бросило в дрожь. Я не знал другого животного, кроме человека, которое так целенаправленно ломает кости. Да и сама беспощадная, но методичная резня создавала впечатление осознанной атаки, а быть может, возмездия, совершенного с ритуальной жестокостью, начисто отсутствующей у лишенных разума зверей.

Но куда подевалась Альта? Все останки на площади принадлежали крылатым ягья. Случайно зацепившись взглядом за импровизированный вертел над костром, я содрогнулся от омерзения. Таб в очередной раз оказался прав: ягья готовили себе на ужин человечину. Сдерживая ярость и тошноту, я тщательно осмотрел страшные куски и, с изрядной долей облегчения, обнаружил, что они принадлежали мужчине. Об этом свидетельствовали крупные мышцы и мощные кости. После такого зрелища вид разорванных в кровавые клочки отвратительных созданий доставил мне почти удовольствие.

Но все же, куда могла исчезнуть Альта? Может, ей повезло укрыться в развалинах во время расправы над ягья, или нападавшие захватили девушку и увели ее с собой? Напряженно вглядываясь в полуразвалившиеся башни, поваленные колонны, груды камней там, где некогда высились стены, я шестым чувством ощущал затаившуюся до поры до времени угрозу. Кожа на спине покрылась мурашками от миазмов зла, пропитавших это проклятое место. Я просто чувствовал, что за мной из темноты следят чьи-то глаза.

Досадуя на себя за мелькнувший в глубине души страх, я, больше не таясь, перешел площадь, переступая через куски плоти и лужи крови, и наткнулся на уходящую куда-то в сторону цепочку кровавых капель. Что ж, этот след был не хуже любого другого. Я двинулся по кровавой дорожке, уверенный, что она выведет меня к убийце или убийцам крылатых людей.

Миновав колоннаду, от которой остались лишь несколько колонн, торчащих, как гнилые зубы древней старухи, я вступил в темноту, под крышу огромного здания. Пробиравшиеся сквозь многочис-

ценные прорехи в крыше лунные лучи позволили мне различить черные пятна крови на светлом мраморе пола. Они уводили прямо в узкий коридор, куда я решительно направился. И чуть не свернул шею, оступившись в темноте о ступеньки уходящей вниз лестницы. Миновав один пролет, я, поколебавшись, остановился и уже было решил идти обратно наверх — там был хоть какой-то свет, как до моих ушей донесся до боли знакомый женский голос, звавший меня. Откуда-то снизу и издалека слабо слышалось: «Иса! Иса Кэрн!»

Вне всякого сомнения, это был милый голос Альты. Кто же еще мог меня знать в этом месте. Но почему же я так вздрогнул, почему же на меня повеяло могильной жутью? Я уже было раскрыл рот, чтобы отозваться, но что-то заставило меня промолчать. Как Альта могла узнать, что я рядом и слышу ее? Быть может, она звала меня, как смертельно перепуганный ребенок зовет взрослого, которого последним видел рядом? Решив не спешить, я осторожно двинулся дальше по коридору в том направлении, откуда, как мне показалось, донесся крик. Донесся и исчез, оборванный на полуслове.

Вытянутая рука наткнулась на дверной косяк. Я остановился в проеме, совершенно отчетливо ощущая живое присутствие в этом помещении. Напрасно вглядываясь в темноту, я громко позвал Альту. И словно в ответ передо мной загорелись два огонька.

Некоторое время я разглядывал их, пока меня не осенило, что это чьи-то глаза. Расстояние между ними было с мою руку, они тлели каким-то непередаваемым внутренним светом. За этими омерзительными гнилушками угадывалась огромная бесформенная масса. Меня захлестнула волна непреодолимого ужаса, и я, развернувшись, бросился бежать по коридо-

ру назад, к выходу. За спиной я чувствовал движение, сопровождаемое тошнотворными звуками — словно огромный слизняк терся о камень, скрипя по нему острыми, как скальпель, чешуйками.

Через непродолжительное время я понял, что заблудился. Подземный коридор вывел меня не к лестнице в мраморный зал, а к другому подземному помещению, от которого во все стороны расходились темные туннели. И вновь где-то поблизости раздался крик: «Иса! Иса Кэрн!»

Я сломя голову бросился на звук. Сколько я так бежал, не помню. Остановила меня каменная стена, перегораживавшая туннель. А где-то совсем рядом тот же голос издевательски провыл: «Иса-аа! Иса Кэ-э-э-ррррн!» Застыв на воющей ноте, он вдруг перешел в нечеловеческий хохот, от которого кровь стыла в жилах.

Неведомый враг меня откровенно морочил. Впрочем, я с самого начала подсознательно понимал, что этот голос не мог принадлежать Альте. Понимал, но не мог сам себе в этом признаться. Поступить так означало согласиться с существованием чего-то необъяснимого, сверхъестественного. Поэтому я до последних секунд отказывался соглашаться с тем, что твердили мои интуиция и разум.

Теперь со всех сторон на меня обрушились демонические голоса, с издевкой на все лады повторяющие мое имя. Казавшиеся минуты назад пустыми и необитаемыми, коридоры наполнились эхом множества голосов, зазывавших меня в преисподнюю. Мой страх сменился ужасом, ужас — отчаянием, а оно в свою очередь перешло в безотчетную ярость. Впав в состояние амока, я бросился в сто-

ропу, откуда звучали наиболее громкие и глумливые крики,— и налетел на камень стены. Развернувшись, я ринулся в противоположную сторону, обураваемый лишь одним-единственным желанием — сойтись в схватке с моими мучителями и размазать их по камню. На этот раз я угодил в туннель, который вывел меня в лишенное крыши большое помещение, залитое лунным светом. И вновь я услышал свое имя, на этот раз произнесенное человеческим голосом, полным отчаяния и страха.

— Иса! Иса!

Не успев выкрикнуть в ответ ни единого слова, я увидел Альту, распростертую на полу. Ее руки и ноги не попадали в столб лунного света. Я не столько почувствовал, сколько разглядел, что каждую конечность девушки прижимают к полу какие-то бесформенные фигуры.

Наконец-то я видел перед собой реального противника! Я издал боевой клич и бросился вперед. Со всех сторон в меня вцепились когтистые лапы и острые зубы противников, сливавшихся в темноте со стенами. Но теперь меня остановить было невозможно.

Вращая мечом, я прорубал себе путь к Альте, мятущейся и кричащей в пятне лунного света на полу. Я, словно дровосек через кустарник, прорубался сквозь толпу стоящих между мной и девушкой существ. Злобные бестии, ростом мне по пояс, бросались на меня толпами, но я неумолимо продвигался к цели. Державшие девушку карлики отпустили ее и отскочили в разные стороны, безуспешно пытаясь спастись от моего карающего меча.

Альта вскочила на ноги и прильнула ко мне. Не переставая отмахиваться мечом от кровожадных бестий, я оглянулся и увидел уходящую куда-то вверх

лестницу. Перекинув девушку себе за спину, я стал, птясь, отступать, сдерживая кишащую вокруг мерзость на расстоянии.

На лестнице нас снова охватила крошечная тьма, хотя где-то наверху и мелькала в проломе крыши луна. Бой шел вслепую. Я ориентировался по звуку, по запаху, а главное, следовал какому-то внутреннему чутью, направлявшему мои удары. Отличительной чертой этого боя была полная тишина, нарушаемая лишь моим хриплым дыханием, звуком моих шагов да чмоканьем меча, рассекающего плоть.

* * *

Я шаг за шагом отступал по ступенькам, выводя нас с Альтой из-под атаки противников. Напади они сейчас сверху — и нам конец. Но, к счастью, твари лезли вслед за нами снизу, а уж мой меч заботился, чтобы они нас не могли обойти. Мне никак не удавалось рассмотреть, что это были за существа. Единственное, что я знал наверняка, — это то, что они были с когтями и клыками. Кроме того, от них противно воняло и они были мохнатыми.

Выбравшись наверх, в большой зал, в котором было достаточно светло, я не смог разглядеть намного больше. Из полумрака на меня со всех сторон напрыгивали бесформенные тени, сливающиеся с темнотой. Я без усталости рубил одну тварь за другой.

Прикрывая и подталкивая Альту, я пробирался к пролому в стене. Почувствовав, что добыча уходит, нападавшие усилили натиск. В какой-то миг я замешкался, помогая Альте забраться по расползающейся груде камней, и меня со всех сторон облепили мохнатые твари с явным намерением вновь утащить вниз, в свои подземные владения. Перспектива вновь ока-

заться в темноте, кишашей злобными кровожадными бестиями, жаждавшими отведать моей плоти, выглядела малопривлекательной. Вспышка гнева помогла мне удержаться на ногах, и в следующий миг я, как пушечное ядро, вылетел в пролом, увлекая за собой полдюжины вцепившихся в меня созданий.

Перекатившись через плечо, я придавил парочку самых наглых тварей. Затем, встряхнувшись, как медведь стряхивает с себя волков, я ударами меча и ног разобрался с остальными. Наконец я смог рассмотреть своих противников.

Странные пропорции их нескладных и кособоких тел, напоминавших обезьяны, вызывали инстинктивное отвращение. Создания покрывала свалывшаяся бурая шерсть какого-то нездорового белесого оттенка. Головы больше всего походили на псы, с маленькими, плотно прижатыми к черепу ушами. А глаза, больше бы подошедшие рептилиям, глядели немигающим холодным взглядом. Из всех враждебных человеку форм жизни на этой планете эти уродцы внушали мне наибольшее отвращение и страх.

Тем временем из отверстия в стене сплошным потоком изливались троллеподобные твари. Я попятился: слишком уж эта картина напоминала червей, выползающих из лопнувшего живота полуразложившегося трупа.

Вцепившись в руку девушки, я побежал, таща ее за собой. Псоглавцы преследовали нас, опустившись на все четыре лапы, — так они развивали большую скорость, чем двигаясь на двух конечностях. Услышав их дьявольский хохот, по сравнению с которым вой койотов казался веселой музыкой, я насторожился. И не зря: впереди показались такие же уродцы, выбирающиеся из лаза в земле, несомненно ведущего в подземелье. Мы оказались в ловушке.

Между нами и вторым отрядом псоглавцев возвышался древний ступенчатый пьедестал. Судя по гряде камней рядом с ним, украшавший его обелиск рухнул столетия назад. Подскочив к нему, я посадил Альту на самую верхнюю площадку и развернулся, чтобы вновь принять бой. Из десятков покрывавших все мое тело укусов и царапин сочилась кровь, вскоре сделавшая камень под моими ногами мокрым и скользким. Я время от времени мотал головой, стряхивая со лба заливающий глаза пот.

Меня взяли в полукольцо, и, честно говоря, я не помню, чтобы когда-либо в жизни испытывал больший ужас и отвращение, чем в тот миг, прижимаясь спиной к холодному мрамору, окруженный сворой предвкушающих победу порождений подземной тьмы.

От горьких раздумий меня отвлекло какое-то шевеление в проломе, оставшемся за спиной псоглавцев. Не переставая следить краем глаза за приближающейся мохнатой нежитью, я наблюдал, как в освещенный лунным светом зал вползает бесформенная черная масса. Вдруг в ее центре полыхнули два желтых уголька. Глаза! Те самые глаза, от хозяина которых я еле-еле унес ноги в подземелье.

С победными криками псоглавцы бросились на меня. И в тот же миг новый участник представления появился на сцене. Неизвестное создание невероятно резво для таких огромных размеров побежало в нашу сторону. Это оказался крупнейший паук, по сравнению с которым бык показался бы котенком. Прежде чем первое сатанинское отродье наткнулось на мой меч, чудовище подмяло под себя сразу нескольких его троллеподобных собратьев. Те успели лишь коротко вскрикнуть. Увидев гигантского паука, остальные бросились враспыленную. Но новый монстр не уступал им ни в скорости,

ни в ловкости. Огромные жвала паука раскусывали псоглавцев пополам, а страшные роговые клешни раздирали их на части. Буквально через минуту от нары дюжин тварей в зале осталась лишь россыпь окровавленных ошметков. Покончив с псоглавцами, исполинское чудовище остановило взгляд своих гипнотизирующих глаз на мне. Я готов поклясться, что в них светился недюжинный, но совершенно нечеловеческий разум.

Я понял, что оно оказалось именно здесь в поисках меня. Я потревожил, разбудил этого страшного хищника в его логове, и теперь он выследил посмевшего вторгнуться в его владения человека. Он шел за мной по кровавым следам, оставляемым моими израненными ногами. А остальных он уничтожил за то, что те посмели посягнуть на принадлежащий ему, и только ему одному, лакомый кусок.

Пока паук безмолвно стоял, покачиваясь на восьми могучих ногах, я успел рассмотреть, что от земных пауков он отличается не только размерами, но и количеством глаз, жвал и наличием крабьих клешней. Тут Альта не выдержала такого ужаса и пронзительно закричала. В эту же секунду паук ринулся на нас.

Но там, где оказались бессильны клыки и когти легиона подземных тварей, хватило ума и силы одного человека. Подняв с пола камень поувесистее — фрагмент кладки, я запустил его прямо в набегающую тушу. Мой снаряд угодил точно в середину раздутого брюха, туда, где сходились все восемь ног чудовища. Пробив дыру в шкуре паука, из которой хлынула зеленая зловонная жидкость, камень сбил монстра с ног. Тот, повозившись, поднялся на ноги и, кляца клешнями, вновь бросился на меня. Окрыленный первым успехом, я посылал в отвратительное создание один камень за другим, закидывая

паука острыми кусками мрамора, пока чудовище не превратилось в тошнотворное месиво из зеленого гноя, желтовато-розовых внутренностей и мохнатых обрывков шкуры, из которого торчали конвульсивно подергивающиеся ноги.

Обхватив Альту, я снял девушку с пьедестала, и мы со всех ног припустили вон из этого жуткого места, наводненного кровавыми чудовищами. Совершенно обессиленные, мы рухнули на траву только тогда, когда развалины остались далеко позади.

С того самого момента, как я наткнулся на Альту в подземелье, мы еще не успели обменяться ни единым словом. Я повернулся к девушке и уже начал было что-то говорить, как вдруг заметил, что та бессильно поникла. Лицо ее было смертельно бледное. Видимо, ужас пережитого не прошел без следа — она потеряла сознание. Я не на шутку испугался, потому что даже не подозревал, что женщины гура падают в обморок.

Я подложил ей руку под голову и, не зная, что предпринять еще, уставился на нее, словно впервые увидев и оценив красоту ее фигуры, изящество тонких рук. Черные волосы девушки разметались по плечам, сбившаяся туника обнажила совершенной формы тугую грудь с крупными розовато-коричневыми сосками. Мысль о том, что эта красота может умереть прямо у меня на руках, привела меня в ужас.

Неожиданно Альта застонала, открыла глаза и удивленно посмотрела на меня, не понимая, где она и почему здесь оказалась. Вдруг, вспомнив, что ей пришлось перенести, она вскрикнула и прижалась ко мне, словно ища спасения. Обхватив меня обеими руками, она дрожала. В этих крепких объятиях я почувствовал, как бешено бьется сердце в ее груди.

— Не бойся,— сказал я, сам удивившись звуку своего голоса.— Я с тобой, теперь все будет нормально.

Она еще теснее прильнула ко мне и не разжимала объятий, пока ее сердце не успокоилось и страх не оставил ее.

Затем она, как-то разом расслабившись, опустила руки и все так же молча положила голову мне на плечо. Подождав немного, я бережно усадил девушку на траву.

— Как только ты придешь в себя,— успокаивающе сказал я,— мы тотчас же двинемся отсюда прочь — Я кивнул в сторону видневшихся вдалеке развалин.

— Ты весь изранен! — вдруг воскликнула Альта, и ее глаза наполнились слезами.— Ты весь в крови! Прости меня, это все я виновата! Если бы я тогда не убежала из города. — И она разревелась, как самая обыкновенная земная девчонка.

— Всего лишь жалкие царапины,— отмахнулся я, хотя на самом деле подумывал о том, не ядовиты ли клыки и когти подземных созданий.— На мне все быстро заживает. Ну хватит, хватит... Перестань реветь. Слышишь, что я тебе говорю?

Она покорно перестала плакать и, шмыгая носом, вытерла глаза и лицо подолом туники. Мне очень не хотелось напоминать ей о пережитом кошмаре, но любопытство, не праздное, а вполне оправданный интерес воина к врагам, взяло верх.

— Скажи, а почему ягья решили остановиться в развалинах? — задал я вопрос.— Они ведь наверняка должны знать о чудовищах, которые здесь обитают.

Альту опять передернуло.

— Они проголодались. Им удалось поймать еще одного гура — совсем молодого парня, почти маль-

чика, не знаю даже, из какого племени. А потом... Потом они разрезали его на части живьем... Но он ни разу не взмолился о пощаде — только скрежетал зубами и проклинал этих убийц. А потом они начали есть мясо...

Альта замолчала, сдерживая подступившую тошноту.

— А я смеялся над Табом, говорившим, что они людоеды, — пробормотал я.

— Эти твари еще хуже. Они — настоящие демоны. Пока они сидели у костра, на нас напали собачеголовые. Я их не видела, пока они со всех сторон не набросились на ягья, словно стая гиен на оленей. Меня они не тронули, а покончив с ягья, потащили в свое подземелье. Зачем я им была нужна — не знаю... — Она замолчала, а потом едва слышно добавила: — Не могу сказать. Я слышала, что они говорили, но не могу повторить эту мерзость.

Я успокаивающе погладил ее по плечу.

— А почему они выкрикивали мое имя?

— Я звала тебя в минуту опасности, хотя и не надеялась, что ты можешь оказаться рядом. Они услышали мои слова и смогли повторить их. Когда ты пришел, они догадались, кто ты. Не спрашивай меня — как. Эти демоны знают и умеют очень многое, что кажется нам невероятным. Поверь мне!

— Да, на мой взгляд, ваша планета переполнена чертями, дьяволами и вообще всякой нечистью, — буркнул я себе под нос и спросил: — А почему в минуту опасности ты позвала меня, а не отца, например?

Альта покраснела и, потупив глаза, стала сосредоточенно поправлять тунику, пытаясь прикрыть многочисленные прорехи.

Увидев, что одна из ее сандалий слетела на траву, я поднял ее и аккуратно надел на маленькую изящную ступню. Неожиданно Альта спросила:

— Скажи, а почему тебя прозвали Железной Рукой? Твои пальцы сильны и тяжелы, но их прикосновение легко и приятно, словно мамино. Я никогда не думала, что мужчина может так ласково и нежно прикасаться к моему телу. Гораздо чаще мне бывает просто больно.

Я сжал кулак и выразительно посмотрел на него — настоящий стальной молот. Альта робко протянула руку и коснулась его своими хрупкими пальчиками.

— В этом нет преувеличения. Ни один человек, с которым мне доводилось драться, не сказал бы, что мои руки мягкие или нежные. Но то враги. Тебе же я никогда в жизни не смогу сделать больно. Вот и все.— Я смутился и пожал плечами.

Глаза девушки загорелись.

— Не сможешь сделать мне больно? Почему?

Абсурдность этого вопроса заставила меня только развести руками. Я лишь изумленно уставился на Альту.

8

Встав с рассветом, мы отправились в долгое путешествие к далекому Котху, обогнув лежащий у нас на пути страшный мертвый город, из которого мы с превеликим трудом спаслись ночью. Солнце поднималось все выше, стояла душливая жара. Легкий ветерок, обдувавший нас поначалу, совсем стих. Абсолютно безоблачное небо приобрело удивительный медно-красный оттенок. Альта поглядывала на

небо с несомненным беспокойством и на мой вопросительный взгляд ответила, что опасается надвигающейся бури.

Я уже привык к тому, что на равнине небо всегда безоблачное и светит солнце, равно как на холмах тепло днем и холодно ночью. Так что возможность какой-то бури даже мне в голову не приходила.

Попадавшиеся на нашем пути звери разделяли беспокойство Альты. Я инстинктивно решил укрыться в лесу, но на его опушке девушка замешкалась. Моя спутница — городская жительница, ни разу в жизни не видевшая леса, испытывала безотчетный страх перед чащей и отказывалась войти в нее даже перед угрозой бури. Пока я пытался ее переубедить, из леса выскочило стадо оленей, беспокойно поспешивших куда-то прочь. За ними последовал целый выводок свиноподобных созданий, взрывавших землю копытами. С рычанием прямо на нас выскочил саблезубый леопард, но, не останавливаясь, промчался мимо, нырнув в густую траву.

Я все время поглядывал на небо, стараясь не пропустить появление туч. Но их все не было. Только медно-красная полоса, начиная от горизонта, все наползала и наползала на синий купол неба, меняя его цвет сначала на бронзовый, а потом почти на черный. Солнечный свет еще некоторое время пробивался сквозь эту пелену, словно факел в густом тумане, но затем окончательно померк.

Темнота, почти осязаемая, сначала на миг застыла где-то наверху, а затем рухнула вниз, в одну секунду затопив мир абсолютным мраком. В этой темноте не было места ни солнцу, ни луне, ни даже маленькой звездочке. Раньше мне даже в голову не могло прийти, что тьма может быть такой непроницаемой. И если бы не реакция Альты, которая при-

существовала при чем-то подобном раньше, я бы решил, что внезапно ослеп. Разум, готовый поверить в то, что мир исчез, растворился в этой черноте, цепляясь за малейший звук — стук крови в ушах, шуршание травы под ногами.

Я двигался крайне осторожно, опасаясь свалиться в какую-нибудь яму либо, еще того лучше, наткнуться на такого же ослепленного хищника. Перед самым затмением я выбрал ориентиром груды валунов, иногда попадающие на равнине остатки древних скал. Темнота накрыла нас еще на подходе, но, двигаясь в прежнем направлении по памяти, я таки довел нас с Альтой до камней.

Втиснув девушку в щель между камнями, я встал к ней спиной, готовый отразить любую опасность. Тишина равнины, изнывающей под полуденным зноем, сменилась какофонией звуков: топотом множества бестолково мятущихся существ, шелестом травы, жалобным воем и удивленным тьявканьем, настороженным рыком. Неподалеку от нас пронеслось стадо неведомых крупных животных — земля тряслась под нашими ногами. Я порадовался, что, укрытые в углубление между камнями, мы хотя бы не рискуем быть раздавленными. Через какое-то время все звуки стихли и тишина стала такой же плотной, как и темнота. Вдруг откуда-то издалика донесся глухой зловещий рокот.

— Что это? — неуверенно спросил я, не зная, как назвать этот шум.

— Ветер! — выдохнула Альта, плотнее прижимаясь ко мне.

Это был странный ветер. Он дул вовсе не так, как обычно, — в одном направлении. Тугие струи воздуха, двигавшиеся с огромной скоростью, словно безумные плети, хлестали равнину со всех сто-

рон, время от времени закручиваясь в смерчи. Неподалеку от нас порыв шквального ветра вырвал с корнем какие-то кусты и бросил их нам под ноги, а затем одним бешеным движением сначала вырвал нас из импровизированного укрытия между камней, а затем швырнул на них обратно. Стараясь смягчить своим телом падение Альты, я почувствовал себя так, словно меня пнул невидимый великан.

Когда мы сумели подняться на ноги, я замер от страха. Видимо, то же самое чувствовала и прижащаяся ко мне Альта. Рядом с нашим убежищем двигалось что-то похожее на ожившую гору. Казалось, сама земля прогибается и стонет под его неимоверной тяжестью. Это существо замерло, видимо тоже почувствовав наше присутствие. Раздался звук шуршащей кожи, словно в нашу сторону протянулось исполинское щупальце или хобот. Что-то прошелестело в воздухе над нашими головами, и я ощутил влажное прикосновение к своей руке. Затем щупальце переместилось на руку Альты. Нервы девушки не выдержали, и она пронзительно завизжала.

И тут что-то обрушилось сверху и клацнуло огромными зубами прямо о камень у нас над головой. В то же мгновение мы чуть не оглохли от накрывшего нас воя обозленного чудовища. Ткнув мечом наугад, я почувствовал, как он вошел в живую плоть. По руке потекла какая-то теплая жидкость. Невидимое чудовище взвыло еще раз, перекрывая ветер, только теперь от боли, и понеслось прочь, сметая все на своем пути.

— Господи, что это было? — спросил я, ужаснувшись.

— Одно из Великих Невидимых, — прошептала моя спутница. — Их невозможно увидеть, ведь они живут только в темноте Черной Бури. С бурей они

приходят, с бурей они и уходят. Смотри, темнота гает.

Темнота действительно «таяла». Словно нечто вещественное, она плавилась, растекалась потоками и струями. Вот уже сквозь чернильную муть показалось солнце, еще пара мгновений — и небо вновь стало синим от горизонта до горизонта. А вот на поверхности земли все еще лежали жгуты тьмы, жившие какой-то отдельной жизнью. Они шевелились и извивались, пульсировали и свивались, словно черви. Такое могло привидеться только в отвратительном сне морфиниста. Эти шевелящиеся клочья тьмы четко вырисовывались в воздухе на изумрудном фоне зелени. Переход от света к темноте был противостоительно резким. Постепенно они истончались, становились меньше и меньше и исчезали, словно лед под струей воды. Вот обезумевший от страха олень, отбившийся от стада, на всем скаку влетел в одну из таких полос, которая вскоре растворилась в солнечном сиянии. Но животное сгинуло без следа.

Вдруг на расстоянии всего лишь нескольких метров я увидел огромного волосатого гура, удивленного нашей встрече не меньше, чем я. Затем события начали развиваться с ужасающей быстротой. Альта воскликнула «Тутр!» — а незнакомец бросился на меня, замахнувшись мечом. Я едва успел подставить под его меч свой клинок, который благо не успел еще вложить в ножны.

О том, что произошло в следующие минуты, у меня остались какие-то разрозненные и хаотические воспоминания. На меня посыпался град ударов и выпадов; сталь звенела о сталь. Наконец мой клинок вошел противнику в живот и, пронзив его насквозь, вышел наружу из спины. Я стоял над рухнувшим бесформенной кучей воином, не в силах

поверить в то, что произошло. Честно говоря, я вовсе не был уверен в таком исходе поединка с местным жителем, впитавшим в себя искусство управлять с оружием вместе с молоком матери.

Я даже не мог вспомнить, как я отбивал его удары и как нанес свой удар, поставивший точку в бою. Видимо, и на этот раз меня направлял инстинкт, а не разум.

Но толком прийти в себя мне не дал разъяренный вопль, издаваемый множеством глоток. Обернувшись, я увидел толпу волосатых воинов-гура, несущихся ко мне, размахивающих мечами и потрясающих копьями. Через мгновение я оказался в центре кольца, очерченного множеством сверкающих клинков. Бежать было поздно. Я, издав боевой клич, яростно напал первым, обрушив на вражеский отряд шквал ударов.

С каким непередаваемым удовольствием я, поражаясь сам себе, отмечал, как мой клинок отбивает вражеский меч, а затем, совершив ложный выпад, отсекает держащую этот меч руку. Я вертелся, словно бешеный тигр, рыча от ярости. Жертвами моего меча пали еще несколько воинов. Однако одному из нападавших удалось достать меня копьём в ногу. За это он поплатился разваленной на две половинки головой, и брызнувшая из его шеи кровь смешалась с моей. Но в этот момент и на мой череп обрушился тяжелый удар приклада мушкета. Я успел лишь чуть отклониться в сторону, стараясь смягчить удар. Однако в глазах моих потемнело, и я, выпустив меч, рухнул без чувств.

Пришел я в себя от ощущения, будто меня несет в маленькой лодке по бурной речке. Осмотревшись, я понял, что лежу, связанный по рукам и ногам, на импровизированных носилках, сооруженных из копий и шкур. Несли меня два могучих воина, ни в

малейшей мере не заботившихся о моем удобстве Я лежал на спине и видел лишь небо, затылок идущего впереди носильщика да бородатую физиономию одного. Увидев, что я открыл глаза, второй носильщик что-то сказал первому, и они разом бросили носилки на землю. Падение отдалось сильнейшей болью у меня в голове и в раненой ноге.

— Логар! — крикнул один из них. — Этот пес пришел в себя. Пусть идет сам, если тебе приспичит доставить его в Тугру живым. Мы больше на себе его тащить не собираемся!

Я услышал тяжелые шаги, и небо заслонила громадная фигура воина, чье лицо показалось мне знакомым. Помимо следов давних боев, его изломанный подбородок украшал сравнительно свежий шрам, который шел от угла рта к шее.

— Ну, Иса Кэри, — зловеще сказал он, — вот мы и встретились снова.

Я, сохраняя равнодушный вид, промолчал.

— Что? — Его лицо налилось кровью. — Ты не помнишь Логара Костолома? Ах ты лысая собака!

Он подкрепил свои оскорбления ситнейшим пинком мне в бок. Откуда-то донесся протестующий женский крик, и, растолкав тугров, ко мне подбежала Альта. Девушка опустилась рядом со мной на колени.

— Животное! — крикнула она, сверкая полными гнева очами. — Ты только и можешь пинать его, связанного. Попробовал бы ты противостоять ему в честном бою, скотина!

— Кто отпустил эту котхскую кошку? — рявкнул Логар. — Тал, не тебе ли я приказал держать ее подальше от ее пса?!

— Она укусила меня за руку, — злобно буркнул вышедший из-за спины вождя воин, показывая в

свое оправдание прокушенный палец.— Да удержать ее не легче, чем саблезубого ягуара за хвост.

— Ладно, свяжите их вместе,— распорядился Логар.— Дальше этот червь пойдет сам. Если ей нейдет, пускай она сама помогает ему.

— Но у него же ранена нога! — взмолилась Альта.— Он не сможет идти.

— Слышишь, Логар, чего действительно тянуть-то? Давай его здесь и прикончим,— предложил один из тугров.

— Нет, это будет слишком просто,— зарычал Логар, вращая налитыми кровью глазами.— Этот ворюга подкараулил меня, когда я спал, оглушил ударом булыжника, украл мой кинжал и еще осмелился повесить его себе на пояс. Ничего, как-нибудь доковыляет до Тутра, а уж там я придумаю, как прикончить ублюдка.

Мне развязали ноги, но рана так болела, что я едва мог стоять. О том, чтобы идти, не могло быть и речи. Меня безжалостно подгоняли пинками, уколами наконечников копий. Альта бессильно металась между воинами, пытаясь то уговорами, то проклятиями остановить это издевательство. Наконец она подбежала к Логару и выкрикнула ему в лицо:

— Ты не только трус, но и лжец! Он не бил тебя камнем, он победил тебя голыми кулаками, без оружия. Об этом знают все гура, и только твои приспешники не смеют признаться в этом при тебе!

Тяжелый удар кулака Логара отбросил хрупкую девушку футов на двенадцать. Она покатилась по земле и замерла без движения, из открытого рта вытекла тонкая струйка крови.

Логар довольно заржал, но его спутники стояли молча, отнюдь не выражая одобрения случившемуся. Я бы не сказал, что определенное рукоприклад-

ство не практиковалось в семейных отношениях тура, но ударить женщину кулаком, как противника,— это считалось позором для воина. Однако недовольные тугры не выразили и явного протеста.

Что до меня, то я оказался объят пламенем бешеной злобы. Повалив ударом головы в лицо одного из удерживавших меня воинов, я попытался оттолкнуть второго, но потерял равновесие и рухнул, увлекая тугра за собой, вцепившись зубами ему в плечо. На меня тут же набросились остальные, неосознанно вымещая на мне сдержанные в отношении Логара чувства. Град пинков и ударов обрушился на меня, но я не чувствовал боли. Завывая, словно дикий зверь, я раз за разом пытался вырваться, пока крепкие веревки не опутали меня с головы до пят. Меня опять начали избивать древками копий, заставляя подняться на ноги и идти.

— Можете забить меня насмерть,— прохрипел я, сплевывая кровавые сгустки,— но я не двинусь с места, пока кто-нибудь не позаботится о девушке.

— Да она уже сдохла! — расхохотался Логар.

— Врешь, гниенье отродье! Это ты слабак, а не она. Да тебе слабо справиться даже с новорожденным младенцем! Ты не мужчина!

Логар что-то заорал в ответ, но тут один из его воинов отошел от меня и направился к Альте, постепенно приходящей в чувство.

— Пусть валяется! — приказал Логар

— Пошел ты... — огрызнулся воин.— Мне она нравится не больше, чем тебе, но если она заставит твоего любимчика,— он демонстративно сплкнул на землю,— перебирать ногами, я готов тащить ее на себе. Так будет проще. Этот парень крепче дубленой кожи. Я уже выдохся, пиная его, а ему хоть бы хны.

Так мы и отправились в далекий путь к городу тугров. Я — пошатываясь, на своих ногах, и Альта — лежа на носилках.

...

Наше кошмарное путешествие длилось несколько дней, которые растянулись в месяцы сплошной пытки из-за моей раны. И если бы Альта не сумела убедить жестоких тугров позволить ей перевязать меня, я не дошел бы до города живым.

Меня с ног до головы покрывали укусы и царапины подземных тварей, расцвеченные для разнообразия синяками и ссадинами от ударов гуров-пленителей. Если бы у меня имелось вдоволь воды и пищи, я быстро оклемался бы. А так, еле переставляя ноги, шатаюсь от боли и усталости, я был просто счастлив, когда на горизонте показались каменные стены Тугры, и это несмотря на то, что в этом городе меня ожидала мучительная смерть.

На всем протяжении нашего похода с Альтой, хвала создателю, обращались неплохо, однако ей не позволялось помогать мне, разве что перевязывать мои раны и смывать кровавую коросту. Иногда, проснувшись среди ночи, я слышал, как она всхлипывала, а то и плакала, не скрывая слез. Пожалуй, это осталось в моей памяти самым мучительным воспоминанием — плачущая девушка под равнодушным звездным небом. Именно тогда, призывая грозного Тхака в свидетели, я дал себе обещание, что Логар Костолом не останется живым.

Итак, мы все-таки целыми и невредимыми добрались до Тугры. Этот город-крепость во всем был подобен Котху: те же могучие стены и башни, возведенные из ставшего уже привычным зеленовато-

го камня, те же окованные сталью ворота. Да и люди, жители Тутры, почти во всем походили на котхов. Главным отличием оказалось политическое устройство этого места. В отличие от совета племени, решающего все важные вопросы в Котхе, здесь единоличную власть прибрал к рукам Логар, слову которого приходилось повиноваться всем. Этот первобытный деспот правил с какой-то звериной жестокостью. Он был безжалостен, дик и своеволен. Вся его власть держалась на личной силе и храбрости.

За время своего пребывания в плену в Тутре мне трижды доводилось видеть, как Костолом управлялся с отказавшимися повиноваться ему соплеменниками. Причем одного из мятежников он разорвал голыми руками, хотя тот был вооружен мечом. В общем, при всей своей непопулярности среди тутров Логар, благодаря своей силе, крепко держал власть, безжалостно уничтожая всех недовольных, осмелившихся перейти ему дорогу.

Невероятная жизненная сила вождя тутров все время требовала точки приложения, а его недалекий ум — подтверждения этой силы, самоутверждения за счет всех прочих. Вот почему злопамятный Логар так возненавидел меня. Именно ненависть, смешанная со страхом, заставляла его врать своим соплеменникам, рассказывая историю про коварный удар камнем во сне. Именно по этой причине он отказывался вступить со мной в поединок чести. Я не могу сказать, что он страшился боли или увечий, которые я мог ему причинить. Нет, его страшило другое. Он отчаянно боялся, что в случае поражения его власти придет конец и он не сможет больше быть всемогущим повелителем племени. Именно страх потерять власть

делал из Логара бешеного зверя. Но, помня свой обет, я выжидал.

Меня заточили в крепостную башню и приковали цепью к стене. Каждый день Логар приходил ко мне в темницу, чтобы вдоволь насладиться моей беспомощностью. Он всячески оскорблял и унижал меня, видимо надеясь перед тем, как приступить к физическим пыткам, сломить мою волю моральными мучениями. Что стало с Альтой, я не знал, а спрашивать о ее судьбе у подлого злодея было бесполезно.

Нас разлучили сразу же по прибытии в город. Логар утверждал, что забрал ее во дворец, и рассказывал длинные истории о тех унижениях, которые она, по его словам, сносила от его любимчиков. Но он старался совершенно зря. Зная Альту, я не верил тутру ни на вот столечко! Если бы этот мерзавец решил издеваться над котхской девушкой, то непременно, чтобы потешить свою гнилую душу, стал бы мучить ее на моих глазах. Но все равно выслушивать эту грязь было невыносимо больно и противно.

Справедливости ради надо сказать, что тутры, как и прочие гура, трепетно и нежно относящиеся к женщинам, были не в восторге от поведения своего вождя. Однако власть Логара и его приспешников была достаточно сильна, чтобы подавить любое проявление недовольства. И все же как-то раз охранник, приносивший мне еду, с опаской шепнул, что Альта сбежала сразу же после нашего появления в городе, и до сих пор Логар не сумел найти и схватить ее. Не было даже известно, покинула ли девушка Тутру или прячется где-то в пределах городских стен.

Так и тянулись дни моего заточения.

9

Однажды ночью я неожиданно проснулся. Факел, освещавший мою камеру, сильно трещал и коптил. Поправить его было некому — охранник куда-то исчез. Сквозь приоткрытую дверь камеры до меня доносилась какофония звуков. Слышались вопли, проклятия, звон оружия. Я бился в оковах, пытаясь подобраться поближе к окну. Несомненно, на улицах Тугры кипел бой, но подняли ли горожане восстание против деспотии Логара или враг напал извне — мне это было неизвестно.

В коридоре послышались знакомые легкие шаги, и вот уже в камеру вбежала Альта — запыхавшаяся, с растрепанными волосами; в глазах ее стоял ужас.

— Иса! — закричала она с порога. — Рок покарал племя тугров! На город налетели ягья — их тысячи! Битва кипит на улицах и на крышах, тугры бьются за каждый дом. Все мостовые залиты кровью людей и крылатых демонов! Иса, город пылает!

К этому времени сквозь зарешеченное окно я и сам видел зарево бушующего пожара. Да, действительно, жидкий огонь ягья был дьявольским средством!

Альта, всхлипывая, попыталась освободить меня. Накануне Логар приступил к пыткам и велел подвесить меня к потолку так, чтобы я не мог касаться ногами пола. Но Костолом был недостаточно предусмотрителен и использовал свежие сыромятные ремни, а может, их подобрал для целей Логара кто-нибудь, испытывающий ко мне симпатию. Смею вас уверить, среди тугров были и такие. Так вот, растянувшиеся за ночь ремни позволили мне стоять так, что я мог опираться ногами об пол. Мне даже уда-

лось уснуть в таком положении, не чувствуя дикой боли в растянутых сухожилиях.

Пока Альта пыталась высвободить меня из оков, я расспрашивал ее, где она скрывалась все это время. Отгадка оказалась довольно простой: местные женщины, сочувствующие сбежавшей от Логара девушке, прятали ее и кормили все эти дни. Она же выжидала лишь момент, чтобы пробраться ко мне и помочь вырваться из тугрских застенков. И вот — она оказалась бессильна, ее нежные ручки были не в состоянии справиться с грубой кожей.

— Я не могу! У меня не получается! — воскликнула она в отчаянии

— Ты молодец, девочка, — успокаивающе сказал я. — А теперь быстро найди нож!

Не успела она сделать и двух шагов, как на пороге выросла массивная фигура. Прыгающий свет факела высветил искаженное безумной гримасой лицо Логара Костолома.

Вождь тугров, обгоревший, измазанный своей и чужой кровью, прорычал что-то невразумительное и направился, покачиваясь, в мою сторону, извлекая из ножен столь хорошо знакомый мне кинжал.

— Отродье плешивой гиены, — прошипел он. — Тугре конец! Это ты навлек на нее проклятие. Крылатые дьяволы налетели на город, словно грифы на мертвого быка. Я чудом избежал смерти в сражении, но я не забыл про тебя. Не смогу я спокойно умереть, не уверившись, что ты подохнешь раньше меня!

Альта бросилась на него, но Логар смел ее одним движением огромной руки. Подойдя ко мне, он ухватился одной рукой за опоясывающий меня железный обруч, а второй поднес к моему горлу кинжал.

Этого мига я ждал очень долго! Вся ненависть к этому безумцу и боль, которую он причинил мне и Альте, выплеснулись в одном неукротимом движении. Поддерживаемый натянутыми ремнями, я изо всех сил оттолкнулся от пола и нанес удар Логару в челюсть. Такого удара не выдержало даже его железное тело: раздался сухой треск, голова тугра естественно запрокинулась, и из лопнувшего горла толчком выплеснулась кровь. Логар, отброшенный силой моего удара к самой стене, сполз по ней, словно огромный умирающий зверь, и испустил дух.

С порога послышался клокочущий зловещий смех. Бросив туда взгляд, я увидел в дверном проеме хохочущего крылатого демона с длинным кинжалом в руке. Вволю насмеявшись, могучий ягья осмотрел комнату и, не найдя ничего, немедленно заслуживающего его внимания, остановил взгляд своих немигающих, злобных змеиных глаз на Альте, скорчившейся у моих ног.

Обернувшись, ягья через плечо позвал кого-то, в следующее мгновение полторы дюжины его сородичей наполнили мою темницу. Многие крылатые люди были ранены, с их кинжалов стекала кровь противников. Какие бы неприятности ни причинили мне тугры, такой участи они не заслуживали.

— Взять их, — скомандовал здоровенный дьявол, видимо бывший их командиром, и ткнул пальцем в меня и Альту.

— А мужчину зачем? — удивился воин из его свиты.

— Ты видел когда-нибудь гура с белой кожей и с голубыми глазами? Я думаю, он вызовет интерес Яснины. И поосторожней с ним, он силен как бык.

Один из его солдат оттащил яростно сопротивлявшуюся котхскую девушку от меня, а остальные с

безопасного расстояния накинули на меня тонкую, но очень прочную сеть, а затем еще и опутали множеством веревок, начисто лишив возможности двигаться. Двое ягья вынесли меня на улицу, и я своими глазами увидел то, о чем недавно говорила Альта.

Каменное ущелье представляло собой ад крошечный. Деревянные пристройки, крыши и заборы были объаты огнем, и хотя каменные стены домов были неподвластны пламени, ужасающий огонь ягья растекался и по ним. В подсвеченном этим заревом небе металась какие-то черные тени, с которых срывались огненные искры. Присмотревшись, я понял, что это с факелами в руках пикировали ягья, методично забрасывающие город горшками с зажигательной смесью.

А на самих улицах, в свете пожара, кипела ожесточенная битва. Последние тугры вели безнадежный бой, сражаясь с яростью загнанного тигра.

Один на один ягья было не устоять против могучих гура. Но, навалившись втроем-вчетвером и пользуясь свободой маневра в воздухе, люди-птицы обрушивали со всех сторон на тугров смертельный град ударов своих кривых кинжалов. Кроме того, многие ягья были вооружены короткими луками. Эти кровожадные создания, находясь в полной безопасности над крышами домов, забавлялись тем, что посылали стрелу за стрелой в защитников города, садистски стараясь попасть в руки и ноги. Те же крылатые демоны, которые не израсходовали свои зажигательные снаряды, забрасывали их теперь в кучки людей, пытавшихся вести круговую оборону. На моих глазах не один десяток беспомощных тугров сгорели заживо.

Итог такой бойни можно было предсказать без труда. Один за другим мертвые и раненые гура

падали на землю. Небольшим утешением служило то, что улицы были завалены и крылатыми трупами. То тут, то там по-прежнему слышались выстрелы мушкетов, и уж если раненому ягья приходилось спускаться на землю, его ждала верная смерть.

И все же перевес явно был на стороне более многочисленных и лучше вооруженных ягья. Вдобавок крылатые люди были в совершенстве приспособлены к такому виду боя.

Вскоре я разобрался, что главной целью ягья было не поголовное истребление гура, а захват в плен как можно большего количества женщин. Снова и снова я видел поднимающиеся над пылающим городом крылатые тени, уносящие в руках очередную стонущую и кричащую жертву. Многие женщины предпочитали ужасному плену самоубийство.

Уничтожение Тугры было страшным зрелищем. На секунду мне показалось, что я нахожусь в аду. Не думаю, что дикость и жестокость всего происходящего было бы возможно воспроизвести на Земле, какими бы подчас порочными ни были ее обитатели. Здесь дело было в другом: сражались не два народа, а две совершенно чуждые, не имеющие ничего общего формы жизни.

Полной победы в этой резне не одержал никто, но не потому, что ягья не смогли справиться с туграми. Просто крылатые бестии, которым, видимо, наскучила кровавая потеха, улетали прочь, унося свои жертвы. Уцелевшие гура яростно стреляли им вслед, явно предпочитая прикончить своих, нежели оставить их живыми в когтях похитителей.

На крыше дворца Логара, самого большого здания Тугры, собралась целая толпа сражающихся. Гура смешались с ягья в безумной рукопашной, и, когда неожиданно охваченная пламенем крыша

рухнула, в огненную могилу свалились как защитники города, так и нападающие. Из огненной преисподней спасения никому не было.

В этот миг мои похитители оторвались от земли, унося меня в небо в качестве добычи. Когда я чуть перевел дух, оказалось, что я на сумасшедшей скорости несусь по ночному небу прямо в центре огромной стаи. В ней насчитывалось, наверное, никак не меньше десяти тысяч воинов крылатого народа. Эта прорва крылатых существ, словно облако саранчи, закрывало почти половину начинающего светлеть на востоке неба. Воздух вокруг вспарывали множество мощных крыльев. Меня, запеленатого в сеть, без особого труда несла пара рослых ягья, занимавших свое место в клиновидном строю.

Мы летели на высоте примерно тысячи футов. Многие ягья несли в руках добычу — девушек и молодых женщин. Легкость, с какой их крылья рассекали воздух, говорила о недюжинной физической силе и выносливости людей-птиц, пускай и не обладавших такой впечатлительной мускулатурой, какой располагали гура. Я уже сам знал, что они часами могут лететь, не снижая скорости и не выпуская из рук тяжелой добычи, вес которой зачастую превосходил собственный вес ягья.

Мы не останавливаясь летели весь день и приземлились только на закате. Ягья решили сделать привал и заночевать на огромной поляне посреди не леса. Эта кошмарная ночь врезалась мне в память так же, как и проведенная в развалинах древнего города псоглавцев.

Пленников не кормили, зато сами ягья устроили мерзостный пир. Пищей им служили несчастные тугры. Извиваясь на земле, опуганный по рукам и ногам, я проклинал небо, жалея, что не погиб в

ном бою. Убийство мужчины в бою или даже в кровавой резне я еще мог как-то принять. Но смерть женщины, бессильной что-либо сделать, чтобы защитить себя, и лишь скулящей от боли, пока кинжал мясников-ягья не оборвет ее мучения, вынести было невозможно. Я даже не знал, попала ли милая Альта в число тех, кто был съеден заживо этой ночью. С каждым предсмертным криком я вздрагивал, представляя, как кривой кинжал обрушивается на ее лебединую шею. Мне оставалось только молиться и скрежетать зубами в бессильной ярости.

Когда крылатые каннибалы закончили тошнотворное пиршество и, насытившись, захрапели у костров, выставив часовых, я услышал далекий львиный рык. С горечью я подумал, насколько дикие звери благороднее этих обитателей ада, принявших человеческое обличье. Вместе с раздумьями во мне крепла решимость рано или поздно отомстить этой крылатой нежити за все страдания, которые они причинили людям.

Рано утром мы отправились дальше. Завтрака не было. Впоследствии я узнал, что ягья едят редко, нажираясь до отвала раз в несколько дней. Когда день перевалил за половину, на горизонте блеснула широкая лента реки, пересекавшей Стол Тхака от горизонта до горизонта. Вода в этой реке имела удивительный пурпурный оттенок и блестела, словно вываренный шелк. Северный берег реки был покрыт лесом, а на южном ввинчивалась в небо тонкая башня из черного материала, напоминающего полированную сталь.

Когда мы пролетали над рекой, я успел рассмотреть, что поток воды несется с огромной

скоростью, образуя множество водоворотов и бурюнов вокруг торчащих из воды острых скал. Глянув сверху на башню, я увидел на ее верхней площадке группу крылатых людей, приветствовавших соплеменников, возвращающихся с добычей, взмахом рук. К югу от реки начиналась пустыня — пыльная серая равнина, усеянная выбеленными безжалостным солнцем костями. Далеко впереди, на линии горизонта, я заметил на фоне синего неба какое-то темное пятно.

Через несколько часов полета я смог разглядеть, что это гигантский монолит из похожей на базальт черной породы, возвышающийся над пустыней. Подножие скалы скрывалось в бурлящих водах широкой реки, а ее вершину покрывали высокие шпили, купола и минареты дворцов и замков самых разнообразных форм и расцветок. Нет, это был не мираж. Перед мной возвышалась Ютла, на вершине которой находилась родина крылатого народа, Югга, средоточие зла на Альмарике. Черный Город приближался неумолимо, как смерть.

Река, пересекавшая пустыню, обтекала скалу с двух сторон, образуя естественную преграду. С трех сторон бурные воды реки Джог бились о подножие вертикальных каменных стен, а с четвертой они омывали большую полосу намытого берега. Там, огороженный высокой каменной стеной, стоял еще один город. Составлявшие его дома были простыми каменными лачугами, крытыми соломой, которые ни в какое сравнение не шли с шикарными дворцами на вершине Ютлы. Единственным сооружением, выделявшимся на общем сером фоне, было массивное здание с золоченым куполом — видимо, храм. Стена охватывала город полукругом, с обеих сторон примыкая к отвесной скале.

Вскоре я рассмотрел и обитателей этого поселения. Населявшие его создания явно относились к человеческому роду, но совершенно не походили на гура. Они были невысокого роста и крепко сложены, а кожа их явственно отливала синевой. Их лица, как мужчин, так и женщин, более походили на земные, чем у мужчин гура. Однако лица и землян, и обитателей степей Альмарика несли печать ума, чего нельзя было сказать о синекожих. Эти странные создания, не обращая на нас никакого внимания, продолжали заниматься своими делами в городе и на полях по обеим берегам реки.

Понятное дело, что мои наблюдения имели весьма поверхностный характер, потому что ягья стремительно неслись к своей цитадели, поднявшейся над рекой на пятьсот футов. Перед моими глазами промелькнули бесчисленные дворцы, замки, башни, связанные паутиной крытых галерей и переходов. На плоских крышах толпилось огромное количество ягья, приветствующих возвращающуюся армию радостными криками.

Летающая армия пошла на посадку на просторной каменной площади возле огромного здания, из зарешеченных окон которого на нас с тоской глядели женские лица. Приземлившись, воины сдавали свою добычу страже и улетали куда-то в сторону. Меня, однако, не оставили там вместе с более чем шестью сотнями женщин тутров, среди которых могла быть и Альта.

Я был спеленут, как мумия, и мое тело уже совершенно онемело от недостатка кровоснабжения, но меня продолжали тащить все дальше и дальше. Переносивший меня отряд ягья пронесся по широкому туннелю, по полу которого могли пройти в ряд четыре дюжины человек, и полетел еще дальше внутрь скалы, прямо в зловещие глубины Юggi.

Стены, полы и потолки залов и коридоров, хотя и лишенные каких бы то ни было украшений, производили впечатление безудержной роскоши. Мне кажется, секрет этого крылся в отличной полировке всех каменных поверхностей. В это мрачное величие хорошо вписывались его зловещие обитатели, скользящие в гипнотической тишине по сверкающим коридорам. Нет, не зря люди прозвали Юггу Черным Городом! Они были правы во всех отношениях — это место оправдывало свое зловещее название не только чернотой скалы, в которой было вырублено, но и жестокостью душ его создателей.

Пока мы пролетали по подземным коридорам, я успел более-менее подробно рассмотреть жителей Югги. Именно здесь я впервые увидел женщин ягья. Они были того же узкого в кости сложения, что и крылатые мужчины, их кожа была такой же темной, а на лицах застыло выражение холодной жестокости, свойственной всем людям-птицам. Но у женщин не было крыльев. Они носили короткие шелковые юбки, поддерживаемые разукрашенными золотом и драгоценными камнями поясами, и легкие повязки, прикрывающие грудь. Если бы не злобное и порочное выражение лиц женщин ягья, можно было бы сказать, что они красивы.

Все увиденные мной женщины, несомненно, были рабынями крылатого народа. Видел я и уже знакомых мне женщин гура. Но больше всего меня удивили другие — невысокого роста желтокожие и более темные, почти медного цвета, девушки. Привыкнув к почти черному оттенку кожи аборигенов Альмарика, я совершенно не ожидал встретить этих желтолицых красавиц.

Тут было над чем подумать. До того все странные формы жизни, населяющие этот удивительный мир, мне так или иначе удавалось связать с персонажами преданий и мифов котхов. Псоглавые тролли, гигантский паук, крылатые люди в черной крепости — обо все этом я слышал от Таба (другое дело, что не во всем ему верил, как оказалось, совершенно зря). Но мне не доводилось слышать ни единого слова о меднокожих людях. Откуда же могли появиться эти удивительные пленницы?

Размышляя над этим, я продолжал наблюдать за открывающимися мне картинами жизни ягья. Вот мы миновали огромный бронзовый портал, на страже у которого стоял целый отряд до зубов вооруженных ягья, и оказались в просторнейшем восьмиугольном зале. Его стены были увешаны коврами, а пол устлан самыми разнообразными мохнатыми шкурами. Воздух был пропитан запахом каких-то ароматических масел и дымом благовонных курений.

В противоположной от портала стороне высокие ступени чистого золота, покрытые тончайшей резьбой, вели к возвышению, укрытому роскошными меховыми покрывалами. На широком ложе возлежала молодая женщина, единственная крылатая женщина племени ягья. Кожа ее была почти черного цвета, а единственным украшением ей служил расшитый золотом пояс, с которого свисали ножны с кинжалом — смею вас уверить, отнюдь не просто игрушкой. Она была красивой холодной и загадочной красотой, которая свойственна бездушным статуям. Я инстинктивно уловил, что из всех жестокосердных обитателей Югги в ней меньше всего человеческого. Ее лицо было ликом беспощадной богини, не ведавшей ни страха, ни любви.

Вокруг помоста в позах, выражающих полную покорность, выстроились двадцать рабынь — обнаженных девушек с белой, синей и медно-красной кожей.

Вслед за мной в зал были внесены крылатыми людьми около сотни пленных женщин злосчастной Тугры. Командовавший армией высоченный ягья приблизился к помосту и, низко поклонившись, сложив крылья и разведя руки, сказал:

— О Ясмина, Владычица Ночи! Мы доставили тебе лучшую часть нашей добычи.

Приподнявшись на локте, королева ягья осмотрела толпу пленниц, по которой пробежала волна испуганных вздохов и стонов. С раннего детства девочкам племен гура внушалось, что нет худшей судьбы, чем быть похищенной бездушными крылатыми демонами. Черный Город был для них воплощением зла. И вот сама его повелительница обратила свой леденящий взгляд на них. Неудивительно, что многие женщины в этот момент лишились чувств.

Окинув внимательным взглядом ряды пленниц, королева остановила свой взгляд на мне, висящем в сети, удерживаемой двумя воинами. В ее немигающих глазах скука сменилась некоторым оживлением.

— Кто этот варвар, чья кожа бела и почти так же безволоса, как наша? И почему он одет как гура, хотя совершенно не похож на них?

— Мы обнаружили его в темнице у тутров, Черная Госпожа, — опять поклонился предводитель стаи. — Если будет угодно Вашему Величеству, вы можете допросить его сами. А сейчас не изволит ли Грозная Королева отобрать понравившихся ей пленниц, с тем чтобы остальной скот был распределен между отличившимися в набеге воинами.

Ясмина, все еще не сводя с меня глаз, милостиво кивнула, а затем быстро выбрала дюжину самых

красивых женщин, среди которых, к несказанному облегчению, я увидел Альту. Их под охраной согнали в угол зала, а остальных вывели прочь.

Ясмина еще раз оглядела меня с головы до ног, а затем поманила к себе одного из придворных.

— Готрах, это существо измождено перелетом и истерзано веревками. На его ноге — незажившая рана. В таком виде мне неприятно видеть его. Увести его, вымыть, накормить, напоить и перевязать рану. Когда оно будет выглядеть пристойно — привести ко мне.

Тяжело вздохнув, мои носильщики вновь повлекли меня по бесконечным коридорам и лестницам. Наш перелет закончился в комнате с фонтаном. На моих запястьях и лодыжках защелкнулись замки золоченых оков, и лишь после этого с меня срезали веревки. Мучимый болью восстанавливающегося кровообращения, я едва помню, как меня опустили в фонтан, смыли пот, грязь и кровавые струпья, а затем переодели в шелковую хламиду алого цвета. Рана на ноге тоже была перевязана, а после этого в комнату вошла бронзовокожая рабыня с золотым подносом, уставленным тарелками и кувшинами. Несмотря на зверский голод, к мясу я не притронулся, испытывая самые мрачные подозрения, зато с жадностью накинулся на фрукты и орехи. Мою жажду прекрасно утолило легкое зеленоватое вино.

Разморенный пищей и вином, я, не дожидаясь решения своей судьбы, повалился на лежащую на полу мягкую шкуру и заснул мертвым сном. Проснулся я от бесцеремонного потряхивания за плечо. С трудом разлепив глаза, я увидел Готраха, склонившегося надо мной с коротким кинжалом в руке. Инстинкт самосохранения сработал во мне — и я

попытался изо всех сил ударить ягья, чтобы выбить дух из проклятой твари. Готраха спасло то, что мою руку остановила прочная цепь. Отпрянув, придворный выругался и сказал:

— Я пришел не для того, чтобы перерезать тебе глотку, варвар, хотя, не спорю, было бы интересно заняться этим. Девчонка из Котха рассказала Ясминe, что ты имеешь обычай соскребать волосы с лица. Госпожа желает видеть тебя без этой отвратительной шерсти.— Он брезгливо ткнул в мою отросшую бороду.— Вот тебе нож, и займись делом. Учти, он тупой на конце — так что нет смысла метать его. А я постараюсь не приближаться к тебе на опасное расстояние. Возьми зеркало.

Все еще не до конца пришедший в себя — похоже, в зеленое вино было подмешано сонное зелье,— я прислонил полированную серебряную пластину к стене и занялся своей бородой. Бритье всухую не доставило мне особых хлопот: во-первых, из-за грубости и жесткости моей кожи, а во-вторых — нож, выданный мне для бритья, был острее любой земной бритвы. Хмыкнув при виде моей изменившейся физиономии, Готрах велел мне вернуть нож. Тупоносый клинок был совершенно бесполезен в качестве оружия, поэтому не было смысла пытаться оставить его себе. Да и как я смог бы это сделать, всецело находясь в руках крылатого племени? Я безмолвно швырнул нож к ногам Готраха, снова улегся и заснул.

В следующий раз я проснулся уже сам и, усевшись поудобнее на шкуре, принялся внимательно разглядывать помещение, в котором находился. В комнате, помимо фонтана, не было никаких украшений, и я решил, что монополия на них принадлежит королеве Ясминe. Относительно небольшое, по меркам ягья, помещение было лишено обстановки, за исключением

моей шкуры для сна, маленького столика из черного дерева да покрытой выделанной кожей скамьи.

Единственная дверь была закрыта и, я в этом уверен, заперта на надежный засов снаружи. Окно было забрано золоченой решеткой. Длина цепи, которой я был прикован к стене, позволяла мне подходить к фонтану и к окну, из которого открывался вид на плоские крыши синеликих. Видимо, мое узилище находилось в середине Ютлы.

Пока что ягья обходились со мной неплохо. Этим я, безусловно, был обязан интересу повелительницы Ясины к своей персоне. Куда больше меня волновала судьба Альты, и я надеялся, что принадлежность девушки к личным рабыням королевы обеспечит ей хоть какую-то безопасность, по крайней мере, от придворных.

Мои раздумья прервали шаги за дверью. Лязгнул засов, и в комнату вошел Готрах в сопровождении шести рослых воинов. С меня сняли кандалы и повели по коридору, на этот раз пешком, окружив плотным кольцом охраны. Мы шли достаточно долго, но привели меня не в огромный тронный зал, а в меньшее помещение, находящееся высоко в башне. В большое застекленное окно открывался потрясающий вид на Юггу, на ее разноцветные изящные башни и минареты.

Комната была вся устелена меховыми покрывалами — ими были завешаны даже стены. Мне почему-то показалось, что я попал в паучье логово. Сравнение было довольно точным, потому что в центре комнаты находился и сам паук, бывший куда опаснее той глупой твари, которую я уничтожил в древних руинах. Черная Госпожа возлегала на бархатных подушках, оцупывая меня взглядом с нескрываемым любопытством. На этот раз кортеж рабынь ее не

сопровождал. Охранники пристегнули меня к золоченому кольцу на стене — в этом проклятом городе, по-моему, в каждой стене было вделано по цепному кольцу для пленников — и вышли за дверь.

Я молча привалился спиной к занавешенной меховыми покрывалами стене. Удивительно мягкий мех неведомого зверя неожиданно защекотал мою грубую кожу. Некоторое время королева Юggi также молча смотрела на меня. Ее глаза, несомненно, обладали определенным магнетическим действием. Но в моем положении я был, скорее, сродни дикому зверю в клетке, которого любое воздействие такого рода приводит лишь в бешенство. Мне пришлось заставить себя отказаться от обуревавшей меня мысли одним яростным рывком порвать золотую цепь и освободить Альмарик от Ясины. Хотя я был уверен, что смогу это сделать, понимал я и то, что в этом случае ни мне, ни Альте никогда не удастся покинуть живыми этот безумный город, из которого, как гласили легенды (а с некоторых пор я стал относиться к ним с большим доверием), выбраться можно было только по воздуху.

Видимо удовлетворенная результатами осмотра, Ясмина заговорила первой.

— Кто ты? — неожиданно произнесла она требовательным голосом. — Я видела мужчин с кожей даже нежнее твоей, — тут она плотоядно облизнулась, — но никогда — таких безволосых, как ты.

Прежде чем я успел переспросить, где это она еще видела безволосых мужчин, кроме как среди собственных подданных, она продолжала:

— Не видела я раньше и таких синих глаз, как у тебя. Они напоминают бездонные озера и при этом горят холодным пламенем, словно неугасающий огонь на вершине Ксатара. Откуда ты? Почему носишь

такое странное имя — Иса Кэрн? Котхская рабыня по имени Альта сказала, что ты пришел в ее город из населенных хищным зверьем диких предгорий, где никогда не жили гура. А потом победил голыми руками сильнейшего воина ее племени. Но она не знает, из какой страны ты родом. Скажи мне, и не вздумай лгать, а то я тебя накажу!

— Сказать-то я скажу, но ты можешь мне не поверить, — пожал я плечами. — Ты знаешь, что я ношу имя Иса Кэрн, но в племени котхов меня прозвали Железная Рука. Я прибыл из другого мира, с другой планеты, которая вращается вокруг неизвестного вам солнца на другом конце Вселенной. Провидение свело меня с великим ученым, которого здесь сочли бы богом или демоном. Оно же привело меня в ваш мир, который мы называем Альмарик. Пути провидения неисповедимы, и вот я в твоём городе. Я тебе все рассказал. Можешь мне верить или не верить — больше мне добавить нечего.

— Я тебе верю, — последовал ответ. — Ибо обладаю огромными знаниями о мире, которые непостижимы для тупого скота с равнин. В древности наши предки умели перелетать со звезды на звезду. Да и сейчас есть существа, которым доступно умение проноситься сквозь космос. Я решила сохранить тебе жизнь — пока. Но ты будешь все время в кандалах и прикованным к стене. Мне не нравится, что в твоих глазах слишком много ярости. Будь в твоей власти, ты поспешил бы расправиться со мной, да, человек? Ничего, я тебя укрошу.

— Что с Альтой? — спросил я, не обращая внимания на угрозы.

— А что тебя интересует? — Ясмина искренне удивилась моему вопросу.

— Какая судьба ей уготовлена?

— Она будет прислуживать мне вместе с другими девками, пока не провинится или не надоест мне. Как смеешь ты спрашивать о другой женщине, когда говоришь со мной? Мне это не нравится.

Ее глаза сверкнули ледяным блеском. Таких глаз, как у Ясмину, мне еще не доводилось видеть. Они меняли свой цвет, повинаясь малейшим изменениям настроения повелительницы Югги, отражая все, даже недоступные человеческому разуму, страсти и чувства, сжигавшие ледяным пламенем повелительницу крылатых демонов.

— Не рискуй,— тихо произнесла она.— Знаешь, что бывает, когда я недовольна? Текут реки крови, Югга сотрясается от стонов, и даже сами боги, можешь быть уверен, что я их видела, испуганно втягивают головы в плечи

От этого спокойного голоса прекрасно сложенной женщины у меня кровь застыла в жилах. Я ни секунды не сомневался, что она говорит правду. Но мое замешательство длилось недолго. Я чувствовал себя отдохнувшим и полным сил и знал, поняв это шестым чувством, что в любой момент могу одним движением вырвать из стены золотое кольцо и убить Ясмину, прежде чем она успеет позвать на помощь. И ей не помогут ни ее злобные боги, ни стража. Так что если дело дойдет до ее страшного гнева — я сумею помочь не только себе. Неожиданно для самого себя я расхохотался. Королева изумленно повернула ко мне голову.

— Безумец, над чем ты смеешься? — воскликнула она.— Хотя я чувствую, что это вовсе не смех, а рык саблезубого леопарда. Или ты думаешь, что сможешь дотянуться и убить меня? Но подумай, что ждет твою Альту. Однако ты произвел на меня впечатление. Ни один мужчина еще не смеялся надо мной.— Она не-

уловимым движением облизнула губы острым язычком. — Ты будешь жить. Во всяком случае пока...

По ее хлопку двери распахнулись, и в комнате появилась стража.

— Отвести его в комнату и посадить на цепь. Глаз с него не спускать. Когда мне будет нужно, приведете его ко мне снова.

Так я оказался посаженным на цепь на Альмарике в третий раз. Теперь я был пленником повелительницы ягья королевы Ясины, в городе Югга, на скале Юггла, что у реки Джог, в стране Яг.

10

Мне довелось многое узнать об этом чудовищном народе, который определял ход истории на Альмарике задолго до появления на этой планете первых людей. Я не думаю, что они относились к человеческому племени даже в незапамятные времена. Скорее всего, ягья представляли собой отдельную ветвь эволюции, и только по неведомому капризу природы летающие создания внешне оказались похожи на человекоподобных, а не на более подходящих им по сути обитателей Царства Тьмы.

Ягья на первый взгляд ничем не отличались от людей. Но только на первый взгляд. Стоило проследить их поступки, проанализировать ход их мыслей — и становилось ясно, что крылатое племия не имеет ничего общего с понятием человечности. За человеческим обликом этих демонов крылся абсолютно чуждый разум.

Что касается чистого интеллекта и утонченности вкуса — то в этом ягья, вне всякого сомнения

превосходили волосатых, обезьяноподобных гура. С другой стороны ягья, были начисто лишены таких неотъемлемых качеств людей, присущих даже дикарям, как честность и честь, сострадание и благородство. Никто, конечно, не сочтет гура смирными овечками. Те часто совершали жестокие и дикие поступки, особенно в присущих им припадках ярости, но по сравнению с ягья они были чисты и невинны, как дети. Всему племени крылатых людей были присущи жестокость и безжалостность, причем с человеческой точки зрения — совершенно не мотивированные. Но стоило их разозлить — и бессмысленной жестокости не было границ.

Ягья были многочисленным народом. Одних только воинов в Югте насчитывалось более двадцати тысяч, да еще значительное количество постоянно участвовало в набегах. Кроме того, были еще и жены бойцов. А также рабы, вернее, рабыни, которых в изобилии имел ягья даже самого низкого положения. Я удивился, узнав, сколько народу живет в Югте, учитывая относительно небольшие размеры города, ограниченного поверхностью и глубинами Ютлы. Дело, видимо, было в том, что город намного больше уходит вглубь, чем я предполагал. Замки и дворцы были вырублены прямо в скальной толще.

Когда люди-птицы чувствовали, что город становится слишком перенаселенным, они просто-напросто равнодушно вырезали часть синекожих слуг и рабынь, пополняя, кстати, запасы продовольствия.

Детей ягья я не видел. В отличие от гура, потери крылатых людей в войнах были незначительными, а болезни, похоже, им неведомы. Поэтому детей рожали по специальному эдикту королевы, сразу большое количество, раз в несколько столетий.

Последний выводок давно уже вырос, а необходимость в новом еще не настала.

Хозяева Юggi не выполняли сами никакой работы и проводили всю свою невероятно длинную жизнь в набегах и чувственных удовольствиях. Их знаниям и способностям в организации оргий, разврата и всяческих извращений мог бы позавидовать сам Калигула. Вообще нравы в Юgge весьма напоминали позднюю Римскую империю, только были куда кровавее. Всеобщий разврат прекращался лишь на время маскированных набегов — вернее, налетов на альмариканские города с целью захвата новых рабынь.

Город синекожих у подножия Ютлы назывался Акка, а его обитатели — акки — с древнейших времен подчинялись крылатому народу. Воля их была абсолютно подавленной — фактически это были уже не люди, а просто домашний скот ягья. Акки трудились на орошаемых полях, раскинувшихся на берегах Джога, выращивая фрукты и овощи. Синекожие поклонялись ягья, считая их не то высшими существами, не то живыми богами. Ясмину же они однозначно почитали за живую богиню.

Если не считать постоянной тяжелой работы, люди-птицы обходились с акками весьма сносно. Женщины синекожих были очень некрасивыми и слишком походили на животных, поэтому не интересовали утонченных ягья, чей эстетический вкус пополам с садизмом, на мой взгляд, был более ужасен, чем безразличие к красоте и кровожадность хищного зверя.

Мужчины-акки никогда не поднимались в верхний город, за исключением тех случаев, когда требовалось выполнить тяжелую работу, бывшую не по силам женщинам-рабыням. В этом случае они спускались и поднимались по длинным веревочным ле-

стницам, вывешиваемым специально для подобных случаев. В саму Юггу не вела ни одна дорога или туннель, поскольку это было не нужно передвигавшимся по воздуху ягья. Стены скалы были почти отвесными, поэтому люди-птицы могли преспокойно жить в своей неприступной крепости, равно не опасаясь ни восстания акков, ни вторжения гипотетических захватчиков.

Женщины ягья тоже были своеобразными заложницами скалы, поскольку крылья им аккуратно обрезали сразу же после рождения. Лишь тем, кого отбирали на смену королеве, оставляли возможность летать. Это делалось, чтобы сохранить полное господство мужчин над женщинами. Мне вообще было непонятно, как в далекие времена мужчинам-ягья удалось захватить это господство. Если верить полученной от Ясины информации, женщины превосходили их по всем статьям — по ловкости, выносливости, храбрости и даже по силе. Лишенные же крыльев, они вынуждены были распрощаться с мыслью вернуть себе былое превосходство.

Типичным примером тому, чего могла бы достичь женщина, была Ясмина. Ростом она превосходила не только всех женщин ягья, но и гура тоже, к тому же была более плотно сложена. Под ее пышными формами, которыми могла бы гордиться и Клеопатра, перекатывались крепкие мускулы. Ясмина напоминала хорошо откормленную, но не потерявшую ловкости и подвижности дикую кошку.

Королева была молода — да и все женщины крылатого народа выглядели молодыми, казалось, время было невластно над ними. В среднем крылатые демоны жили девятьсот лет. Ясмина правила своим народом уже пять столетий. Три крылатые

соперницы оспаривали ее право на трон, но были убиты ею в ритуальном поединке в большом восьмиугольном зале дворца. И съедены.

Подобные поединки проводились раз в столетие. И пока королева может отстоять свой трон силой — она будет править.

...

Участь рабынь ягья была незавидной. Ни одна из девушек не была уверена, что на следующий день ее хозяину или хозяйке не придет в голову растерзать ее в клочья, чтобы удовлетворить чувство голода или просто ради забавы. Вдобавок им перепадало немало побоев и издевательств ежедневно. В общем, Югга была воплощением ада наяву.

Я не знал, что творилось за стенами домов и замков прочих крылатых жителей города, но я наблюдал за каждодневной жизнью королевского дворца. Не проходило дня или ночи, чтобы гулкое эхо не разносило по подземным коридорам жалобные стоны, просьбы о пощаде и крики боли, единственным отзывом на которые был безумный смех и безжалостные пугающие крики.

Как бы я ни был закален физически и психически, к такому привыкнуть было невозможно. Единственное, что не дало мне сойти с ума, — это сознание того, что мне во что бы то ни стало нужно спасти Альту. Однако я понимал, что шансов на наше спасение было очень и очень мало. Во-первых, я был прикован к стене цепями и заперт снаружи, во-вторых я понятия не имел, где искать Альту. Все, что мне было известно, — это что она находится где-то во дворце и избавлена от издевательств крылатых мужчин, но не от жестокости и вспышек ярости своей госпожи.

В Югге я насмотрелся и наслушался такого, о чем не смею поведать в этом повествовании. Ягья обоих полов ничуть не стеснялись своей порочности и кровожадности. Более того, растленность и злоба были возведены у них в ранг добродетели. Крылатые люди цинично отбрасывали малейший намек на скромность или стыдливость. Потакая всем своим низменным прихотям и необузданным желаниям, они вели совершенно развратный образ жизни, вступая в сексуальные связи между собой — даже со своим полом! — и всячески издеваясь над пленницами. Считая себя высшими существами и прямыми потомками богов, они сбрасывали с себя все ограничения, свойственные людям. Удивительно, но женщины были даже более порочны, чем мужчины, если такое вообще возможно.

Описывать жестокость, с которой они обращались с рабынями, и пытки, которым они их подвергали, не поднимается рука. Ягья действительно достигли совершенства в искусстве причинения физических и душевных мук. Но хватит об этом. Я не могу больше описывать эти ужасы.

Пребывание в плену у Ясины слилось для меня в единый кошмарный сон. Хотя лично со мной обращались неплохо. Каждый день меня выводили под конвоем на своего рода прогулку по дворцу — примерно так, как выгуливают любимых домашних животных, чтобы дать им поразмяться. Кроме того, почти каждый такой выход я становился свидетелем очередной омерзительной сцены — Ясина мне демонстрировала, что бывает с непокорными. Меня, с завидным постоянством закованного в кандалы, всегда сопровождал отряд дворцовой стражи из десяти-двенадцати вооруженных до зубов стражников.

Несколько раз мне удалось увидеть Альту, выполнявшую разную хозяйственную работу, но она всегда отворачивалась от меня и старалась как можно быстрее скрыться. Я все понимал и не пытался привлечь ее внимание. Ведь одним-единственным упоминанием ее имени перед Ясминой я поставил жизнь девушки под угрозу. Пусть лучше королева никогда не вспоминает о ней, если, конечно, такое возможно. Чем реже Повелительница Тьмы вспоминала о своих рабах, тем дольше они жили.

Вы не представляете, чего мне этого стоило, но я на время сумел задавить бурлящую во мне ярость. Когда все тело и вся душа уже готовы были взорваться, разнося оковы и кидаясь в последний бой, я невероятным усилием воли сдерживал себя. И можете мне поверить, не совершал еще в жизни большего усилия. Ярость и гнев оседали внутри моего сердца, плавясь и кристаллизуясь в острую, как сталь, ненависть, и страшен будет тот день, когда она вырвется на свободу. Так проходил день за днем, пока однажды ночью Ясмина не приказала доставить меня к себе.

11

Ясмина, подперев голову руками, неподвижно сидела, устремив на меня большие черные глаза. Мы находились одни в комнате, которую я еще не видел. Я опустился на диван напротив королевы и принялся растирать освобожденные от кандалов руки и ноги. Ясмина сказала, что прикажет снять с меня на время оковы, если я пообещаю не причинять ей вреда и позволю вновь заковать себя, когда она это потребует. Я дал слово. Никогда я не считал себя

особо хитрым, но иссушающая душу ненависть обострила и мой разум. У меня были свои планы.

— О чем ты думаешь сейчас, Иса Кэрн? — поинтересовалась Ясмина.

— Неплохо бы выпить, — достаточно грубо ответил я.

Ясмина хмыкнула и протянула мне хрустальный бокал:

— Попробуй этого золотистого кулерна. Но будь осторожен, иначе опьянеешь. Это самый крепкий напиток в мире, и даже я не смогла бы, осушив бокал до дна, не упасть без чувств мертвецки пьяной. А ты и вовсе не привык к этому напитку богов.

Я слегка пригубил вино. Это действительно был необычайно крепкий напиток с тонким вкусом, отдаленно напоминающий бенедиктин.

Между тем повелительница ягья чувственно изогнулась на своем ложе и продолжала:

— Почему ты так ненавидишь меня, человек с Земли? Разве я плохо с тобой обращаюсь?

— Я не говорил, что ненавижу тебя, повелительница. Просто твоя красота не уступает твоей жестокости.

Она грациозно потянулась, взмахнув при этом крыльями, так что ее грудь соблазнительно поднялась.

— Что ты называешь жестокостью, Иса Кэрн? Я — божество! Какое отношение ко мне могут иметь жестокость или снисходительность? Это игрушки для низших существ. Ты не думал, что сама человечность существует лишь по моей прихоти? Разве не от меня исходит животворящая сила, питающая мир?

— Можешь рассказывать эту ахинею тупым аккам, — перебил я ее. — Мне-то известно, что это не так, да, впрочем, как и тебе.

Нимало не обидевшись, она рассмеялась.

— Ну, положим, я не могу создать жизнь. Зато уничтожить ее — в моей власти. Может быть, я и не богиня, но попробуй разубедить в этом моих рабынь. Нет, Железная Рука, боги — всего лишь другое название Силы и Власти. На этой планете я — Сила и Власть, а значит, я — богиня. Подумай над этим хорошенько. Вот скажи, чему поклоняются твои приятели-гура?

— Они верят в Тхака. Во всяком случае, признают его как создателя всего сущего. У гура нет ритуалов, нет жрецов, они не строят храмы. Тхак для них — всемогущее божество в форме человека, мужчины. Когда он сердится — грохочет гром и бьют молнии, он может напомнить о себе и рычанием льва. Тхаку по нраву храбрые и сильные воины, противны — слабые и неловкие. Его ни о чем не просят — он никому не помогает и никого не карает, его только призывают в свидетели. Когда рождается младенец мужского пола, Тхак вселяет в него храбрость и силу — каждому свою меру, а когда воин умирает, он отправляется в великое путешествие по небесному царству Тхака. Там живут души умерших, которые охотятся, воюют и веселятся, то есть занимаются тем, что хорошо умели делать при жизни.

Повелительница страны Яг пренебрежительно усмехнулась.

— Тупые животные. Смерть — неминуема и окончательна. Мы, ягья, поклоняемся только своим желаниям, своему совершенному телу. И приносим им в жертву этих никчемных созданий, гура.

— Ваше владычество не сможет продолжаться вечно, — заметил я.

— Вечно не сможет продолжаться ничто. И тем не менее мы правим этой планетой с тех времен,

когда само время только-только начало свой бег по Вселенной. Кто может счесть тысячелетия, которые стоит наш город на скале Ютла? Задолго до того, как далекие предки гура научились рубить камень, еще до того, как они вообще превратились из обезьян в людей, мы правили этим миром. А сейчас мы распоряжаемся по своему разумению их расой, как некогда решали судьбы других народов. Когда мы решили наказать народ, выстроивший города из мрамора, то уничтожили их цивилизацию за одну ночь!

Я могу поведать тебе еще о множестве удивительных разумных существ, которые появлялись на нашей планете и исчезали с ее лица. Но пока они жили здесь, мы, крылатые обитатели страны Яг, правили Альмариком по своему разумению, наводя трепет и ужас одним своим появлением. Мы правим не века, не тысячелетия — целые эпохи и эры проходят под нашим господством!

Так почему бы нашему царствованию не продолжаться и дальше? Неужели ты думаешь, что ничтожные гура, эти тупые недоумки, могут победить нас? Ты, видевший, во что превращаются их города, когда на них налетают мои крылатые воины, позволяешь себе надеяться, что эти обезьяны осмелятся напасть на нас? Глупец! Они не смогут даже переправиться через Пурпурную Реку, слишком быстрою, чтобы пересечь ее вплавь. Существует один-единственный брод у порогов, но за этой переправой днем и ночью из сторожевой башни следят зоркие воины.

Один-единственный раз гура попытались напасть на нас. Знаешь чем это кончилось? Стража у реки предупредила город о вражеском нашествии. И посредине голой пустыни наши воины обрушили на головы непослушных варваров стрелы, камни и

жидкий огонь. А те, кто уцелел, позавидовали участи мертвых, развлекая нас в Югге.

Так, теперь допусти, что эта орда смогла бы перебраться через Пурпурную Реку и пробиться к берегам Джого. И что дальше? Им пришлось бы переправляться через непокорный Джог под градом стрел и копий акков, потом взять штурмом город синекожих, что тоже нелегко. Ну а потом? Ни одно существо, лишенное крыльев, не сможет вскарабкаться по отвесным склонам Ютлы. Никогда враждебная сила извне не осквернит своим касанием вечные камни Югги. А если, по жестокой прихоти богов, такому суждено случиться,— при этих словах хищное лицо королевы исказила гримаса животной злобы,— то я скорее выпущу в мир Последний Ужас и погибну под руинами родного города вместе с захватчиками,— прошептала она больше для себя, чем для моих ушей.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил я, заинтригованный.

— За непроницаемым покрывалом великих тайн сокрыты еще более великие,— негромко сказала Ясмина.— Не суйся туда, где сами боги замирают от ужаса! Забудь, что только что слышал! Ты меня понял?

Помолчав, я перевел разговор на другую тему, давно меня интересовавшую:

— Скажи, повелительница, из каких мест взялись среди твоих рабынь желтокожие и краснокожие девушки?

— Ты смотрел на юг с самых высоких башен моего дворца? Видел на горизонте темную полосу? Это — Великий Барьер, разделяющий мир. По другую его сторону живут другие расы, у которых мы забираем себе этих действительно редких рабынь. Знай,

землянин, что мы совершаем налеты на города за Барьером так же, как и на города гура, разве что реже.

Меня заинтересовал рассказ королевы, но только я собирался попросить Ясмину поподробнее рассказать о тех землях и народах, как раздался тихий стук в дверь. Раздосадованная вмешательством, Ясмина грубо спросила, что от нее нужно, и дрожащий от страха женский голос произнес, что повелитель Готрах желает получить аудиенцию. Королева разразилась потоком проклятий и рывкнула, что повелитель Готрах может убираться к черту. Затем, видимо передумав, она крикнула:

— Нет! Позови его, Тзета! Тзета!

Видимо, рабыня уже умчалась передавать Готраxu пожелание королевы, стараясь убраться подальше от разъяренной владычицы. Ясмина, недовольная, поднялась с ложа.

— Тупое животное! Мне что, самой идти за своим дворецким? Пора ей отведать раскаленных щипцов. Может, это излечит ее от глупости.

Ясмина скользящим пружинистым шагом пересекла комнату и вышла за дверь. В этот момент меня осенило. Еще не зная сам точно, что я буду делать дальше, я притворился пьяным, предварительно выплеснув содержимое бокала в какой-то большой золотой сосуд, стоявший в углу. На всякий случай я перед этим прополоскал рот вином, чтобы от меня разило винным запахом.

Услышав приближающиеся шаги и голоса, я живописно разлегся на диване, бросив бокал на пол рядом со свешенной рукой. Услышав, как открывается дверь, я поспешил закрыть глаза. Воцарилось напряженное молчание. Наконец Ясмина процедила:

— Боги! Он выжрал все вино и теперь дрыхнет как скотина! Даже самые утонченные и привлека-

тельные создания становятся жалкими и омерзительными в таком виде. Ладно, давай к делу. Не бойся, он теперь вообще ничего не услышит.

— А может быть, лучше вызвать охрану, чтобы его отволокли в камеру,— услышал я голос Готраха.— Не стоит рисковать секретом, который знают только королева Яг и ее дворецкий.

Я почувствовал, что они остановились рядом со мной и брезгливо меня разглядывают. Я чуть пошевелился и невнятно забормотал что-то.

Ясмина рассмеялась.

— Не бойся, до рассвета он ничего не услышит и ничего не узнает. Даже если Югла расколется и рухнет в воды Джога, он и ухом не поведет! Ничтожество! Этой ночью он мог бы стать королем мира, соединившись со мной, королевой. На одну ночь, естественно... Все они, варвары, одинаковы, стоит им дорваться до выпивки.

— Почему бы не отправить его на дыбу? — буркнул Готрах.

— Потому что мне нужен настоящий мужчина, а не бессильный изуродованный кусок мяса. Кроме того, поверь моему опыту, этого дикаря легче убить, чем сломить его душу. Нет, я, Ясмина Повелительница Тьмы, заставлю его любить себя, прежде чем скормлю его червям. Кстати, ты не забыл отправить Альту из Котха к Лунным Девственницам?

— Ни в коем случае, Повелительница Ночного Неба. Полтора месяца, начиная с этой ночи, она будет исполнять сакральный танец Луны вместе с другими самыми красивыми рабынями.

— Там ей и место. Глаз с них не спускать, с обоих! Если эта гроза степей узнает об участии, уготовленной его подружке, боюсь, нам не помогут никакие цепи и оковы.

— Госпожа,— раболепно склонился Готрах.— Полторы сотни лучших воинов из твоей стражи охраняют Лунных Девственниц. Даже Железной Руке не под силу в одиночку справиться с ними.

— Хорошо. Теперь о деле. Ты принес свиток?

— Вот он, Темная Госпожа.

— Дай мне перо, я подпишу его.

Я услышал царапанье чем-то острым по пергаменту, а затем Ясмина дала Готраxu очередное указание.

— Готово. Положилшь на алтарь в обычном месте. Как и обещано в откровении,— она цинично рассмеялась,— я появился во плоти завтра ночью прямо на глазах моих верных подданных и почитателей — синерожых тупых ублюдков! Знаешь, Готрах, я никогда не откажу себе в удовольствии лицезреть эти убогие восхищенные морды акков, когда я появляюсь из-за золотой ширмы и поднимаю руки, благословляя их. Подумать только, скольким поколениям этих скотов так и не пришло в голову, что за алтарем скрывается обыкновенный люк и потайной ход, ведущий от их храма прямо сюда, в мой будуар.

— Ничего удивительного,— возразил Готрах.— Жрецы появляются в алтарном зале только по специальному сигналу, да к тому же они слишком толстые, чтобы пролезть за золотую ширму. А снаружи разглядеть потайную дверь невозможно.

— Ладно, я сама все это знаю,— потеряла интерес к разговору Ясмина.— Иди.

Я услышал, как Готрах возится с чем-то тяжелым. Затем послышался легкий скрип. Я рискнул чуть-чуть приоткрыть глаза и увидел Готраха, спускающегося в черный зев люка в центре будуара повелительницы Юggi. Как только его голова скрылась из виду, люк тотчас захлопнулся. Я поспешил закрыть глаза. Ясмина скользящими шагами мерил комнату.

Один раз она задержалась передо мной. Я всей кожей почувствовал ее горящий взгляд и разобрал произнесенные сквозь зубы слова проклятия. Затем она сильно ударила меня по лицу своим поясом с драгоценными камнями. Потекла кровь, но я не пошевелил ни единым мускулом, не открыл глаза, не попытался защититься, лишь что-то промычав, словно в пьяной отключке. Королева постояла еще немного рядом со мной, а затем вышла из комнаты.

Как только дверь за ней захлопнулась, я вскочил и подбежал к тому месту, где исчез Готрах. Меховые покрывала были сдвинуты, обнажив каменный пол, но мои надежды не оправдались. На полированном черном камне не было ни кольца, ни засова, ни даже малейшего выступа. Тщетно я искал хотя бы щель или трещину в монолите, обозначающую вход в подземелье. Представив себе, что будет, если неожиданно вернется Ясмина, я вздрогнул.

Неожиданно часть пола прямо у меня под руками стала приподниматься. Я метнул свое тело тигринным прыжком за королевское ложе и оттуда стал наблюдать за развитием событий. Люк распахнулся, и над полом появились голова и плечи Готраха.

Дворецкий вылез из люка и нагнулся, чтобы закрыть его. Вот он, мой шанс! Я одним рывком преодолел разделявшее нас расстояние и всей своей тяжестью обрушился ему на плечи.

Крылатый человек не выдержал моей тяжести и рухнул на пол. Не теряя ни единой секунды драгоценного времени, я, словно клещами, сдавил его горло. Готрах попытался вывернуться и, увидев меня, выпучил в ужасе глаза. Ягтя попробовал было выхватить кинжал, но я коленом прижал его руку к полу. Понавалившись на кровожадного демона, я изо всех сил сжимал пальцы, подстегиваемый ненавистью ко все-

му крылатому племени. Еще долгое время после того, как его тело обмякло, я никак не мог разжать руки, сведенные судорогой на его горле.

Наконец оторвавшись от мертвого тела, я осторожно заглянул в люк. Факелы, освещавшие будуар Ясины, бросали неровные сполохи на узкие ступени, уходившие в почти вертикальную шахту, пронизывающую толщу Ютлы. Из подслушанного разговора Ясины и Готраха я уяснил, что коридор должен вывести меня напрямик в храм синекожих, что стоял в городе у подножия Черной Скалы. Сбежать от примитивных акков мне казалось куда более легким делом, чем от моих крылатых тюремщиков.

От немедленного бегства меня удерживала лишь одна-единственная мысль, терзающая мой разум: что будет с Альтой, оставшейся в руках разъяренной королевы? Но выхода не было. Я не знал, в какой части этого дьявольского города-притона держат мою подругу. Кроме того, я прекрасно помнил, что сказал Готрах о количестве стражи, охранявшей ее и других несчастных...

Луиные Девственницы! Меня прошиб холодный пот, когда до меня дошел весь чудовищный смысл этих двух слов. Мне никто не рассказывал, что из себя представляет омерзительный праздник Луны, но по кровожадным усмешкам, сатанному хихиканью и обрывкам доходивших до моих ушей разговоров я мог представить себе эту вакханалию. На всем протяжении этого чудовищного обряда ягтя достигали вершины чувственного эротического наслаждения под звуки хриплых стонов медленно умерщвляемых непристойным способом девушек, приносимых в жертву единственному божеству, почитаемому ягтя. Божеству похоти и садизма!

Мысль о том, что такая судьбы уготована и милой Альте, причиняла дикую боль всему моему существу. Но я понимал, что единственным, пусть и призрачным, шансом помочь ей было бежать самому, добраться до Котха и, собрав большой отряд, вернуться, чтобы спасти столь дорогую для меня девушку. Сейчас я понимаю, что проделать такой путь в одиночку да еще взять штурмом крепость ягги было невозможно, но тогда другого пути и не видел.

Я выглянул в коридор и, никого там не обнаружив, перетащил тело Готраха в один из темных углов, где и бросил эту падаль в нише за занавеской. Понятно было, что его там найдут, но я надеялся, что это произойдет не в ближайшее время и мне удастся выиграть хотя бы пару часов. Кроме того, обнаружив труп не у себя в комнате, Ясмина не сразу поймет, куда я подевался, и потеряет еще какое-то время, пытаясь разыскать меня сначала во дворце, а потом в самой Югте.

Пришло время идти дальше, как бы мне ни хотелось остаться. Вернувшись в комнату, я спустился в каменный лаз и, закрыв за собой крышку, оказался в полной темноте. На стене прямо рядом с моей головой я нащупал рукоятку, которая приводила в движение механизм люка. Что ж, если мне придется возвращаться, обнаружив, что путь вниз мне закрыт, я, по крайней мере, смогу попасть обратно. Но пока я без всякого сопротивления пробирался во тьме по гладким ступенькам.

Надо сказать, что я изрядно торопился, опасаясь встретить на своем пути какого-нибудь кровожадного монстра, что в таком изобилии водились в подземельях Альмарика. Но, хвала создателю, на этот раз пронесло; вскоре крутой спуск закончился, и, сделав пару-тройку шагов по короткому коридорчику, я оказался в каменной нише. Нащупав засов, я

отодвинул его и ощутил, что каменная панель под моими руками поворачивается. Прямо передо мной открылось небольшое помещение, освещенное неверным дрожащим светом.

Несомненно, я попал в храм акков. Большую часть алтарного зала скрывал от меня лист чеканного золота, прикрывавший эту каморку. Сделав шаг вперед, я выглянул за край золотой ширмы, и моим глазам предстало просторное помещение с высоким потолком-куполом, спроектированное в характерном для всей архитектуры Альмарика монументальном массивном стиле.

Впервые на этой планете я увидел храм. Его сводчатый потолок терялся в темноте, стены черного камня были гладко отполированы, но ничем не украшены. Помещение было совершенно пустым, лишь в его центре возвышалась плоская черная глыба, по всей видимости служившая алтарем. На алтаре лежал подписанный Ясминой свиток и стоял большой светильник, который служил единственным источником тусклого дрожащего света в храме.

Итак, я оказался здесь, в святилище святых акков, как раз во время якобы сверхъестественного явления пергамента с пророчествами, которые провозглашали пришествие во плоти богини Ясмины прямо на глазах прихожан. Странно, что целый культ существовал столетия, опираясь лишь на незнание невежественных акков о подземной лестнице! Но куда более странным мне показалось то, что лишь стоящий ниже всех по развитию народ на Альмарике создал себе настоящую религию со святилищем, служителями культа и ритуалами. На Земле это считалось признаком большей цивилизованности народа.

Однако в отличие от земных религий, культ акков был основан на обмане и страхе. Я просто чувство-

вал миазмы страха, пропитавшего воздух нечестивого храма. На миг мне представились перепуганные синие лица, с трепетом вззирающие на появляющуюся из-за золотой панели крылатую богиню, словно возникшую из воздуха.

Закрыв за собой дверь, я осторожно двинулся к выходу. У дверей безмятежно дрых синекожий человек в какой-то немыслимой хламиде. Должно быть, он так же крепко спал и во время божественной материализации свитка на алтаре. Сжимая в руке кинжал Готраха, я просто перешагнул через священнослужителя и вышел из храма, вдохнув полной грудью холодный ночной воздух, наполненный запахом воды.

Ночь была хоть глаз выколи. Луны не было. Лишь мириады звезд мерцали в небе. Город был абсолютно тих, — измотанные за день акки спали беспробудным сном.

Бесшумно, как ночной ветер, я скользил по пустым улицам, вжимаясь в каменные стены домов. Мне не встретилось ни единой живой души. Лишь у ворот, за которыми угадывался горб разведенного моста, мирно похрапывал, опершись на копьё, стражник. Бравый вояка даже позы не изменил, когда я приблизился. Ничего не стоило перерезать ему горло, но я не видел смысла в бесполезном убийстве. Синекожий сладко сопел, хотя я и перелез через стену в каких-то сорока футах от него.

Беззвучно погрузившись в воду, я быстро переплыл реку по диагонали и вылез на противоположном берегу. Задержавшись ровно настолько, чтобы выпить пару горстей речной воды, я пустился в путь через пустыню, двигаясь волчьим ходом — сто шагов пешком, сто шагов — рысью, ориентируясь по звездам.

Незадолго до рассвета я добрался до берега Пурпурной Реки, сделав изрядный крюк, чтобы ока-

заться как можно дальше от сторожевой башни, вырисовывавшейся на фоне звезд, силуэт которой я увидел еще за несколько миль. Склонившись над краем обрыва и вслушиваясь в бешеный рев воды, я понял, что бессмысленно даже пытаться пересечь этот ревущий поток вплавь. Да будь я хоть чемпионом обоих миров — Земли и Альмарика — по плаванию, это была бы самоубийственная затея. У меня оставалась надежда переправиться на тот берег в районе порогов, постаравшись избежать зорких глаз охраны, что, в общем-то, было ничуть не менее опасно. Однако выбирать мне не приходилось.

Солнце уже взошло, когда я оказался в тысяче ярдов от порогов. В очередной раз подняв глаза на башню, я увидел сорвавшуюся со смотровой площадки фигуру, несущуюся ко мне на всех крыльях. Я был обнаружен! Мне пришел в голову отчаянный план — если везение будет на моей стороне, он может сработать.

Я заметался и замельтешил по берегу, словно охваченный паникой, а затем спрятался за камень, как будто считал, что ягья не заметит моего маневра. Надо мной прошелестели крылья, а затем человек-птица опустился на землю недалеко от меня. Я знал, что это был всего лишь часовой, в одиночку несущий службу, и, зная спесивую натуру ягья, сделал ставку на то, что он не станет будить спящих товарищей, чтобы те подменили его на башне, пока он разделяется с беззащитным одиноким путником.

Я, напряженный как пружина, лежал за камнем, делая вид, что смертельно напуган. Подойдя ко мне с обнаженным кинжалом, ягья с ленцой пнул меня под ребра, чтобы заставить разогнуться. Именно этого я от него и дожидался. Вскочив одним прыжком на ноги, я левой рукой рубанул по его кисти,

выбивая кинжал, а правой нанес сокрушительный апперкот в челюсть.

К тому времени, когда ягья пришел в себя, он был надежно связан своим же ремнем. Одной рукой я держал его за горло, а другой приставил к груди кинжал Готраха.

Я коротко и ясно объяснил ему, что от него требовалось, если он хотел остаться в живых. Ягья вовсе не собирался жертвовать собой, даже ради безопасности своего народа. Через пару минут мы уже летели в начинающем розовесть небе прочь от Пурпурной Реки, оставляя за спиной жуткую страну Яг.

12

Я заставил своего крылатого скакуна лететь на пределе сил. Лишь перед закатом я позволил ему приземлиться. Оставив свое средство передвижения валяться со связанными руками, ногами и крыльями, я отправился на поиски пищи. Вернувшись с горстью фруктов и орехов, я скормил большую часть моей добычи пленнику. Без его крыльев мне сейчас было не обойтись.

Ночью хищники устроили вокруг нашего импровизированного лагеря целый концерт, напугав своим рычанием и воем ягья до полусмерти. Чтобы не облегчать работу возможных преследователей, я отказался от мысли развести костер, предпочитая рискнуть и провести ночь без огненной защиты от диких зверей. К счастью, никто этой ночью особо нами не заинтересовался.

Лес на берегу Пурпурной Реки остался далеко позади, и теперь мы неслись над степью, двигаясь

по кратчайшему пути к Котху, полностью положившись на лучший компас — мой инстинкт.

...

На четвертые сутки полета я обратил внимание на темную массу, в которой вскоре смог различить большой отряддвигающихся людей — видимо, армию на марше. Я приказал ягья подлететь поближе. По моим расчетам мы вот-вот должны были оказаться над обширными охотничьими угодьями, контролируемыми котхами, и я логично предположил, что это могут быть мои товарищи.

Моя вполне понятная поспешность едва не стоила мне жизни. Дело в том, что в течение дня я оставлял ноги человека-птицы свободными, так как он клялся, что иначе не сможет лететь. Но тем не менее руки у него были связаны. Ягья всячески проявлял свою лояльность и не делал никаких попыток вырваться, так что я давно уже оставлял кинжал в ножнах, уверенный, что в случае необходимости смогу разобраться с дьявольским созданием голыми руками.

Не знаю, сколько он над этим работал, но именно в тот день моему пленнику удалось ослабить ремень на запястьях. И воспользовавшись тем, что я ослабил хватку, увлекшись открывшимся внизу зрелищем, выискивая в толпе знакомые лица, проклятый ягья тотчас предпринял попытку избавиться от ненавистного седока. Прежде всего он резко дернулся в сторону всем телом, и я чудом удержался у него на загривке, уцепившись за его шею. В тот же миг его длинная рука скользнула мне за пояс — и вот уже мой кинжал поменял хозяина.

Затем последовала одна из самых отчаянных схваток в моей жизни. Мне не оставалось ничего другого, как съехать по боку ягья, вцепившись одной рукой

ему в волосы и обвив ногой его ногу. Второй рукой я удерживал руку летающего человека с занесенным надо мной кинжалом. На высоте тысячи футов шла отчаянная схватка не на жизнь, а на смерть. Он пытался или сбросить меня, или вонзить кинжал мне в сердце, а я отдавал все силы тому, чтобы не отцепиться и удержаться подальше от себя смертельный клинок.

На земле я быстро бы одолел противника, используя свою большую массу и физическую силу, но в воздухе проклятое существо имело преимущество. Свободной рукой он лупил меня по голове и лицу, стараясь выцарапать глаза, а коленом раз за разом целил в пах, но пока мне удавалось подставлять бедро. Я старался продержаться как можно дольше, видя, что эта тяжелая борьба заставляет ягтя снижаться, быстро теряя высоту.

Поняв, что время играет против него, ягтя сделал последнее отчаянное усилие. Перехватив кинжал другой рукой, он попытался воткнуть клинок мне в шею. В тот же миг я изо всех сил рванул его за шею. Крылатая бестия, забив крыльями, вильнула в сторону, и удар кинжала пришелся не мне в шею, а ему в бок. Завизжав от боли, он сложил крылья, и мы почти отвесно помчались к земле, удар о которую погрузил меня в состояние грогги.

Пошатываясь, я сумел подняться на ноги. Ягтя не подавал признаков жизни. При падении я постарался поднять его под себя, и его тело, приняв на себя страшный удар, послужило мне амортизатором. Теперь ягтя напоминал, скорее, кучу хвороста. Его искореженные руки и ноги нелепо торчали в разные стороны.

Сквозь звон в ушах до меня донесся многоголосый рев. Обернувшись, я увидел несущуюся ко мне толпу волосатых дикарей, выкрикивающих мое имя. Я снова встретился со своим племенем.

Первым ко мне подбежал бородатый великан, сграбаставший меня в дружеские объятия, чуть не сделав то, что не удалось ягья. Нежно похлопывая меня по спине — каждым таким ударом можно было повалить лошадь, он радостно приговаривал:

— Железная Рука! Разорви меня Тхак! Железная Рука! Так я и знал, старый плут, что ты еще объявишься! Веришь, я так не радовался с тех пор, как переломил хребет этому мерзавцу Кушу из Танга! Ты чертовски вовремя!

Как вы уже догадались, это был Гор. За ним появились Кошут Скуловорот (как всегда, мрачный и невозмутимый), Таб Быстроног, Гушлук Тигробой — в общем, все мои друзья-приятели, лучшие воины Котха. Они лупили меня по спине, обнимали и орали приветствия, и в этом было столько неподдельной радости и восторга. Уж чему-чему, а лицемерию в сердцах этих простых и честных людей места не было.

— Где ты пропадал, Железная Рука? — воскликнул Таб Быстроног. — Мы нашли в степи твой разбитый мушкет, а рядом — труп ягья с расколотым черепом. Все было решили, что стервятникам удалось застать тебя врасплох и убить, но твоего тела так и не нашли. И вдруг — бац! — ты сваливаешься на нас прямо с неба вместе с еще одним крылатым дьяволом. Ты что, ездил в гости в их крепость — Юггу?

Таб захохотал, как хохочут люди над собственной особо удачной шуткой.

— Ну да, — ответил я. — Именно оттуда я и лечу. Из Югги на скале Ютла, что стоит на берегах реки Джог в стране Яг. Где Заал Копьеносец?

— Он среди той тысячи, которая осталась охранять Котх, — ответил Кошут.

— Его дочь, Алта, томится в плену у ягъя, в Черном Городе,— сказал я.— Она погибнет в полнолуние. И не одна. Вместе с ней будут умерщвлены еще полторы сотни самых красивых девушек, а чуть позже та же участь постигнет и остальных женщин гура, которых сейчас в Югге не менее нескольких тысяч. Мы должны предотвратить это.

По собравшейся вокруг меня толпе воинов пронесся рокот. Оглядев отряд, я понял, что здесь не меньше четырех тысяч воинов. Луками гура не пользовались, зато каждый из воинов нес на плече мушкет, что свидетельствовало не о большой охоте, а о военной операции. Причем, судя по тому, что я впервые видел вместе всех воинов племени котхов, за исключением оставленных охранять город, речь шла отнюдь не о рядовом набеге.

— Куда вы направляетесь? — обратился я к Кошуту Скуловерту.

— Навстречу племени хортов,— ответил Кошут.— Все мужчины племени вышли на бой, они даже не оставили никого в Хорте. Их там не меньше пятидесяти сотен. Это будет смертельная схватка двух племен. Мы вышли встретить их в открытом бою, чтобы избавить наших женщин от ужасов войны и осады.

— Забудьте про хортов! — рявкнул я.— Вы заботитесь о чувствах ваших женщин, а в это время тысячи женщин — и немалая часть среди них ваших — обречены на адские муки, умирая от издевательств и пыток крылатых дьяволов в смрадных глубинах Черной Скалы. За мной! Я приведу вас в крепость ягъя, которые от начала времен наводят ужас на людей Альмарика.

— Сколько у них воинов? — глубоко задумавшись, спросил Кошут.

— Двадцать тысяч.

У войска котхов вырвался единый тяжкий стон.

— Как мы можем справиться с такой ордой? Нас слишком мало.

— Пусть это вас не волнует. Я покажу вам путь в самое сердце их крепости, проведу вас прямо во дворец их королевы! — прорычал я.

— Ну ты даешь! — присвистнул Гор Медведь, а затем радостно взревел, потрясая мечом над головой. — Мужики, он дело говорит! Железная Рука, веди нас! Ты покажешь нам дорогу!

— А что делать с хортами? — мрачно переспросил Кошут. — Они идут нам навстречу, чтобы сразиться. Мы не можем спустить им это и должны ответить ударом на удар, если не хотим навеки опозорить родное племя.

Гор что-то буркнул и повернулся ко мне за подмогой и разъяснениями. Наступила полная тишина. Тысячи глаз мужественных мужчин испытующе глядели на меня.

— Предоставьте хортов мне, — в отчаянии предложил я. — Я поговорю с ними...

— Эти парни тебе снесут башку прежде, чем ты успеешь сказать «мама», — отверг мое предложение Кошут Скуловорот.

— Это уж точно, — согласился с вождем Гор. — Мы с ними уже столько веков воюем. Им нельзя доверять ни на вот столечко.

— Я попробую, — только и оставалось сказать мне.

— Попробуй, попробуй, — мрачно произнес Гушлук. — Тем более что они уже рядом.

Действительно, на горизонте показалось вражеское войско. Тысячи хортов приближались к нам.

— Мушкеты к бою! Следовать за мной, — отдал приказ Кошут, сверкая глазами.

— Вы начнете сражение сейчас, в потемках? — обратился я к вождю.

Седобородый котх, прищурившись, глянул на низкое солнце:

— Нет. Мы двинемся им навстречу и остановимся на ночь на расстоянии выстрела. А на рассвете навалимся на них и вырежем всех до одного. — Ноздри котха кровожадно раздувались.

— У них точно такой же план, — пояснил, оскалившись, Таб Быстроног. — То-то будет завтра потеха.

Меня охватило отчаяние, гнев и ярость рвались наружу.

— А пока вы будете бессмысленно резать друг дружку, ваши жены, сестры и дочери будут проливать кровь и слезы в безжалостных руках летающих людоедов и их кровожадных подруг! Как можно быть такими тупыми? Бесчувственные животные!

— Нам это нравится не больше, чем тебе! — закричал в ответ Гушлук Тигробой, потерявший в одном из налетов ягья младшую сестренку. — Но что же с ними делать? — Он взмахнул руками в сторону наступающего войска.

— Пошли за мной! — заорал я. — Пошли им навстречу! Ну, живее, или я один пойду!

Развернувшись, я зашагал по траве навстречу неприятелю. После некоторого раздумья котхи дружно двинулись за мной. Две армии быстро сходились. Вот уже я смог различить волосатые крепкие тела, бородатые лица, оружие в руках. Я шел вперед, не чувствуя ни страха, ни гнева, лишь сознание того, что должно быть сделано.

Когда до строя хортов оставалось ярдов двести, я остановился. За моей спиной выстроились котхи. Подав им знак не двигаться, я сделал еще несколько

шагов вперед и снял с пояса единственное свое оружие. Подняв двумя руками ножны с кинжалом над головой, я затем положил их у ног на землю. Несмотря на яростные предостережения Гора, пытавшегося отговорить меня от задуманного, я пошел вперед один, без оружия, подняв открытые ладони в древнем земном знаке мира.

Хорты тоже выжидающе стояли, заинтригованные моим странным видом и поведением. Я готов был в любой момент получить пулю из мушкета, но никто не попытался меня остановить, и я беспрепятственно подошел на расстояние нескольких ярдов от передового отряда заклятых врагов моего племени.

Вождя племени хортов я определил с первого взгляда. Это был самый могучий и старый из воинов. По словам Кошута, его звали Бранджи. Мне и раньше доводилось слышать об этом человеке, даже среди гура слывшем туповатым, жестоким и фанатичным в своей ненависти.

— Стой! — рявкнул он злобно, замахнувшись мечом. — Это что за шутки? Кто ты такой, чтобы расхаживать безоружным между двумя армиями?

— Я — Иса из племени котхов, известный как Железная Рука. Я хочу вступить с вами в переговоры.

— Бред какой-то! — Глаза Бранджи налились кровью. — Тзан, ну-ка выбей мозги из этой дурной башки!

— Да ни за что на свете! — вдруг воскликнул воин, к которому обратился вождь хортов, и, швырнув мушкет оземь, шагнул ко мне навстречу, разводя руки в приветственном объятии. — Тхак-громовец! Это же он! Посмотри на меня, брат, неужели ты меня не помнишь? Меня зовут Тзан Поющий Меч,

ты спас мне жизнь, убив саблезубого леопарда и перевязав мои раны там, на холмах.

И действительно, под подбородком могучего хорта багровел чудовищный шрам.

— Это ты! — воскликнул я. — Я даже не надеялся, что тебе удастся встать на ноги после такого ранения.

— Ха! Нас, хортов, не свалишь какими-то царапинами, — гордо засмеялся он. — Ты лучше скажи, что ты делаешь в компании этих псов котков? Ты что, собираешься воевать на их стороне?

— Если мне удастся то, что я задумал, то воевать никто не будет, по крайней мере друг с другом. А для этого мне надо поговорить с вашими вождями и всеми воинами. Клянусь Тхаком, в моем предложении нет никакой ловушки.

— Будь по-твоему, — согласился вступить за меня Тзан. — Эй, Бранджи, ты ведь разрешишь сказать моему брату, что он хочет?

Вождь пристально посмотрел на меня, пробуя пальцами остроту лезвия, но ничего не возразил.

Я продолжил:

— Пусть твои люди подойдут вон туда. С другой стороны к тому же месту подойдут воины Кошута Скуловорота. Тогда обе армии смогут слышать то, что я буду говорить. Если я не смогу вас ни в чем убедить, вы просто разойдетесь на пятьсот шагов, и Тхак с вами, делайте что хотите.

— Ты точно безумец! — начал закипать Бранджи. — Это ловушка! Убирайся прочь к своим гиенам, пока я не выпустил из тебя кишки!

— Я твой заложник, — спокойно продолжил я. — Я безоружен и буду все время стоять рядом с тобой. Если ты решишь, что вам угрожает опасность, можешь пронзить меня мечом в любой момент.

— Чего ради мне соглашаться с этим бредом?

— Я побывал в плену в стране Яг. И вернулся, чтобы народы гура смогли узнать, какая бездна зла грозит всему миру.

— Летящие кровососы похитили мою дочь! — выкрикнул один из воинов, проталкиваясь сквозь строй поближе ко мне. — Ты не встречал ее там?

«А у меня украли сестру!», «Моя невеста!», «Мои славные дочки!» — загалдели воины, стараясь перекричать друг друга.

И сейчас же воины-хорты, забыв о предстоящем сражении и сломав строй, стали закидывать меня вопросами о судьбе своих близких.

— Назад, идиоты! — вопил Бранджи, размахивая кулаками, раздавая тычки направо и налево. — Немедленно в строй, пока котхи не перерезали вас, в то время как этот предатель заговаривает вам зубы! Это ловушка!

— Да никакая это не ловушка! Ради Тхака, выслушайте же меня! — отчаянно кричал я.

Наконец Бранджи, скрепя сердце, был вынужден согласиться с моим предложением, уступая требованиям своей армии. Началось самое трудное — свести обе армии близко, но чтобы они не бросились друг на друга, почувствовав близость старинных врагов. Наконец, ценою моих отчаянных усилий, мольбы и угроз, два полукруга сомкнулись вокруг меня.

Оказавшись лицом к лицу, котхи и хорты крепче вцепились в рукояти мечей и кинжалов, пальцы легли на курки мушкетов, на их лицах заиграли желваки. Понимая, что хватит испытывать крепость нервов воинов обеих сторон, я поспешил начать свою речь.

Никогда я не отличался красноречием, а тут, оказавшись в центре круга, разделявшего десять тысяч готовых вцепиться друг другу в глотки дикарей, я вообще смешался. Против меня было все: тысячелетняя вражда, традиции междоусобных распрей и войн, взаимное недоверие кланов. Что я мог в одиночку противопоставить сложившемуся мировоззрению тысяч людей с их представлениями о мире, о чести, о добре и зле? Мысли об этом словно приморозили мой язык к небу. И тогда в моих глазах ожили все отвратительные картины, разворачивавшиеся передо мной в безумном городе ягья. Я начал говорить и уже не останавливался.

Мне повезло — я был точно такой же человек, как и они. Более образованный и искусный оратор вряд ли смог бы точнее почувствовать этих людей. Моя импровизированная речь строилась из коротких, предельно простых фраз, каждая из которых находила цель, проникая прямо в сердца слушающих меня воинов.

Не останавливаясь ни на мгновение, я говорил о черной Югге, бывшей воплощенным адом; я говорил о чудовищной судьбе их соплеменниц, низвергнутых в пучину отчаяния, — о пытках, надругательствах и глумлении крылатых палачей, терзавших не только беззащитные тела женщин, но и их души; я говорил о том, как несчастные создания сходят с ума, превращаясь в неразумных тварей, служащих утехой для похотливых созданий. Я говорил, не жалея слушателей и не опуская тошнотворных подробностей, и о том, как женщины раздирают заживо на куски, и о том, как их, хрипящих от боли, насаживают на стальные вертела и жарят на медленном огне, и о том, как их варят живьем в огромных

котлах, чтобы утолить не только голод отвратительных созданий, но и их страсть к издевательствам. Господи, да о чем я только не рассказывал гура в тот вечер. Нет, я и сейчас не могу без душевных мук вспоминать все то зло, творимое крылатыми демонами на Черной Скале.

Я еще продолжал свое чудовищное повествование, а суровые воины уже били себя кулаками в грудь, раздирая в кровь лица, завывая, как волки, в бессильной ярости. Огромные мужчины обливались слезами, как дети.

Больше мне добавить было нечего, и я словно змеиным жалом, в качестве последнего довода, нанес укус:

— А ведь это ваши матери, жены, дочери и сестры — ваши соплеменницы — возносят мольбы о спасении к глухим небесам из преддверия ада. Ну а в это время вы, именующие себя гордым словом «мужчина», развлекаетесь тем, что выясняете отношения в бесконечных стычках между собой! Какие же из вас мужики! Смех один.

Я действительно рассмеялся, но смех мой, скорее, походил на волчье рычание.

— Идите по домам и наденьте юбки, оставшиеся от украденных у вас женщин!

Тысячи глоток одновременно исторгли душераздирающий рев, и ко мне со всех сторон угрожающе потянулись руки воинов, явно недовольных последним предложением.

— Врешь! Ты все врешь! Мы — мужчины! Настоящие мужчины! Только отведи нас к этим крылатым дьяволам — и сам увидишь, кто мы такие! Да мы зубами разорвем эту погань!

— Если вы пойдете со мной, — мой зычный голос перекрыл гул толпы, — большинство из вас не

вернется. Многие тысячи из нас погибнут в жестокой сече. Но если бы вы видели то, что довелось мне, вы бы и так не захотели жить! Еще немного, и грянет день их страшного праздника, а затем — день, когда ягъя избавляются от надоевших рабынь, чтобы отправиться за новыми. Вы сами знаете, какая участь постигла Тугру, скоро то же самое случится и с Хортой, и с Котхом. Полчища до зубов вооруженных ягъя могут обрушиться на вас с небес в любую секунду, и вы бессильны этому помешать. На вас падет с небес сталь и огонь, и блаженны будут те, кто погибнет в бою! Идите за мной на битву с ягъя. Если вы настоящие мужчины — вперед, пришло наше время. Победа или смерть!

От чудовищного напряжения на моих губах выступила кровавая пена, закружилась голова, и я неминуемо бы упал, если бы меня не поддержал Гор, выскочивший из рядов котхов на середину круга.

Казалось, вся степь взорвалась криками и воплями. Покрывая шум и гам, взвыл Кошут Скуловорот:

— Я пойду за Исой Железной Рукой под стены Югти, если племя хортов согласится на перемирие до нашего возвращения! Я жду твоего ответа, Бранджи.

— Никогда! — взревел, словно раненый медведь, хортский вождь. — Не было и не будет мира между племенами хортов и котхов. Мы уже пролили слезы по похищенным женщинам, они мертвы для нас. Кто дерзнет поднять руку против демонов? Эй, вы, все в боевой порядок, отходим на пятьсот шагов! Никому еще не удавалось отвлечь нас безумным вымыслом от живого врага! Так сдохни ты первым, предатель и безумец!

Бранджи подскочил с обнаженным мечом ко мне. В этот момент стоявший рядом со мной Тзан одним стремительным движением пронзил сердце

своего вождя кинжалом. Обернувшись к онемевшей толпе соплеменников, он крикнул, потрясая клинком, с которого капала горячая кровь:

— Так будет с каждым, кто предаст наших женщин. Это говорю я, Тзан Поющий Меч! Подымите мечи, мужчины племени хортов — те из вас, которые пойдут со мной к Черному Городу.

Пять тысяч стальных лезвий сверкнули в последних лучах заходящего солнца, а боевой клич, казалось, заложил уши самого Тхака.

Тзан развернулся ко мне и объявил:

— Веди нас на Юггу, Железная Рука! Веди нас в страну Яг, веди хоть в ад! Мы перекрасим Черный Город в красный цвет кровью демонов! И если после этого ягья уцелеют, то до конца времен будут плакать и вздрагивать при одном воспоминании о нас!

И вновь звон мечей и объединенный рев двух племен заставили содрогнуться само небо.

13

Возглавив объединенную армию, я распорядился отправить гонцов в Хорту и Котх, чтобы сообщить обоим племенам об изменении планов. Мы отправились в поход на юг, четыре с лишним тысячи воинов племени котхов и около пяти тысяч воинов хортов. На южную твердыню мы выступили двумя колоннами. Я решил, что это будет вполне разумным, пока близость неприятеля не погасит племенную вражду и воины не поймут, что и котхи и хорты являются гура, общий и единственный враг которых — ягья.

Необычайно выносливые и привыкшие к тяготам многодневных переходов гура передвигались быст-

рее любой земной пехоты. Кроме того, на скорости благоприятно сказывалось отсутствие обоза — всем необходимым продовольствием нас в изобилии снабжала степь. Все необходимое, включая мешок со снаряжением и боеприпасами и оружие — мушкеты, мечи, кинжалы и копыя, каждый воин нес на себе.

Я все время подгонял мои войска, хотя гура и так рвались вперед. Раз что-то решив, они не сворачивали с пути, пока не добивались цели, не считаясь с потерями. После моего перелета на спине ягья мне казалось, что мы двигаемся невозможно медленно. То расстояние, на которое мы затрачивали целый день, люди-птицы покрывали за пару часов. И все же с каждым днем мы все дальше и дальше продвигались к цели. Через три недели наша армия добралась до леса на берегу Пурпурной Реки, за которой расстилалась пустыня — территория страны Яг.

По счастью, на нас до сих пор не наткнулся ни один из крылатых разведчиков ягья, но меры предосторожности были нелишними. Разместив основные силы на отдых в густой тени деревьев, я с тридцатью самыми опытными воинами обоих племен отправился вперед, рассчитав время так, чтобы выйти на берег реки чуть позже полуночи, когда скроется луна. Все мои планы основывались на том, что нам удастся предотвратить подачу сигнала опасности стражниками с башни в город. В противном случае ягья атаковали бы нашу колонну еще в пустыне — на открытом месте, имея превосходство в скорости и господствующее положение в воздухе. Если бы двадцатитысячная армия Югги обрушила бы на нас град стрел и горшков с зажигательной смесью, участь наша была бы решена.

Кошут предложил скрытно подобраться к самой воде и оттуда накрыть башню залпом мушкетов. Но

я знал, что это невозможно: ягтя предусмотрительно заставляли акков периодически вырубать прибрежные заросли, а кроме того, башня находилась от берега на расстоянии, превышавшем дальность прицельного огня. Рассчитывать же на удачу было нельзя, — сумей хоть один часовой избежать пули, и наши планы пошли бы прахом.

Мы лесом поднялись на милю выше по течению, где река делала поворот, и там выбрались к берегу. Изготовить из поваленных деревьев плот оказалось делом нехитрым, и мы быстро спустили его на воду. Нас было пятеро: я — и четверо лучших стрелков гура: Таб Быстроног, Скел Сокол и двое парней из племени хортов. У каждого за спиной висело по два мушкета.

Мы выгребли от берега, и бурный поток подхватил наш плот, оказавшийся достаточно тяжелым и устойчивым к набегавшим волнам. Подгребая вытесанными на скорую руку из бревен веслами, мы пытались направить его движение, правда без особого успеха. Когда стало понятно, что плот пронесется мимо заранее выбранного ориентира — выдающегося далеко в русло каменного мыса, мы спрыгнули с бревен и побрели по пояс в красной бурлящей воде, стараясь не замочить оружие. Время от времени кто-нибудь из нас терял равновесие, и только дружеские руки спасали его от смерти в бешеном потоке. Наконец, промокшим до последней нитки, с разбитыми в кровь ногами и разодранными ладонями, нам удалось выбраться на берег.

Времени на то, чтобы отдышаться и передохнуть, у нас не было. Оставалось осуществить самую важную часть плана, собственно ради которой и затевалось это путешествие. До рассвета мы должны были занять позицию за башней со стороны пусты-

ни. Я уповал на то, что часовые не настолько внимательно следят за пустыней, расстилавшейся за их спинами, насколько не сводят глаз с переправы.

Мы решили не рисковать и отказались от соблазна начать пальбу в предрассветной темноте, начав с часового, хотя тот и четко выделялся на фоне неба. В неверном свете звезд можно было упустить кого-нибудь из его приятелей.

Так мы и скоротали остаток ночи в небольшой яме в пустыне, согреваясь теплом друг друга, в какой-то сотне ярдов от башни. Ожидание было напряженным, потому что теперь все зависело от успеха нашей миссии. Неожиданно до наших ушей донесся звон металла, перекрывший шум несущейся воды, — кто-то из основного отряда, оставшегося на том берегу и теперь, под покровом ночи, пробиравшегося к порогам, был неосторожен. Не пропустили этот звук и сторожа на башне. Буквально через пару секунд с каменного парапета сорвалась крылатая фигура, и в начинавшем светлеть небе захлопали крылья. Дозорные знали свое дело. Но знали свое дело и мы: меткий выстрел Скела свалил ягья наповал.

Через мгновение в воздух, разлетаясь в разные стороны, взметнулись пять крылатых теней, стремительно набирающих высоту. Ягья быстро сообразили, что происходит, и теперь надеялись, что хоть кому-нибудь из их отряда удастся избежать пули. Я точно промахнулся, а кто-то из хортов лишь слегка зацепил выбранную мишень. Но второй залп решил все вопросы. Шесть крылатых тел лежали на земле. Судя по всему, это был весь отряд, дежуривший на башне. Ясмина не обманывала меня, когда говорила, что на этом посту постоянно несут службу шестеро караульных.

Трупы мы побросали в реку, а затем я переправился по выступающим камням на тот берег. Найдя своих, я приказал Гору передать командирам, чтобы те начинали выдвигать свои отряды из леса к переправе, но соблюдая все меры предосторожности. До наступления следующей ночи я не хотел начинать переход через пустыню.

Вернувшись к башне, я осмотрел ее стены вместе со своими товарищами. Как я и предполагал, у этого сооружения дверей не оказалось. Лишь в каменной стене на высоте двух человеческих ростов виднелись маленькие зарешеченные окошечки. Ягья попадали в башню через верх. Нам ничего не оставалось, как провести день в вырытых у ее подножия ямах, забросав друг друга сухими ветками, чтобы не привлекать излишнего внимания. Но за весь день лишь один крылатый человек перелетел через реку и, удивленный тем, что никого не увидел на башне, спустился пониже. Залп из полудюжины мушкетов превратил его в облако кровавых осмметков.

Как только солнце зашло, наша армия начала форсировать реку. Несмотря на то что переправа такого количества людей заняла много времени, мы, наполнив бурдюки водой, отправились в путь по пустыне и до рассвета успели покрыть значительное расстояние. Еще до восхода солнца мы уже подходили к берегам следующей водной преграды — реки Джог.

Воины гура попрятались в садах и полях, благо синекожие акки выходили на сельскохозяйственные работы часа через полтора после восхода солнца. Слава всевышнему, совершенно не было заметно никакой активности ягья — видимо, и вправду крылатые люди полностью полагались на неприсутственность своей скалы, надежность естественной

преграды — Пурпурной Реки — да бдительность стражей на башне. Кроме того, вот уже несколько столетий гура не отваживались на вторжение в пустыню, памятуя о печальной судьбе своих предков, пустившихся в безумную авантюру.

Самоуверенные ягья не патрулировали подвластную им территорию, а что касается тупоголовых акков, так те и вовсе не задумывались о таких вещах и уж тем более не ожидали никакого нападения. Хотя я был уверен, что, будучи разозленными, они станут сражаться, как дикие звери, защищая свой дом и свою веру.

Оставив восемь тысяч воинов под командованием Кошута в зарослях плодовых деревьев, я с отобранной тысячей стал пробираться к реке, вознося хвалу небу за то, что под моим командованием оказались такие отборные и опытные бойцы: там, где любой земной вояка сопел бы и топал, как медведь, дикари гура двигались бесшумно, как охотящиеся пантеры.

Зайдя по колено в воду, я всматривался в противоположный берег. На фоне еще темного неба вырисовывалась крепостная стена. Я прекрасно понимал, что взять ее штурмом под ударами копий стражников акков, отнюдь не уступавших гура силой, стоило бы больших потерь. Можно было бы подождать, пока, с первыми лучами солнца, опустится подъемный мост и распахнутся ворота, открывая путь выходящим на работу крестьянам, но в этом случае охрана увидит нас со стены еще в предрассветных сумерках.

Посоветовавшись с Гором, мы вдвоем переплыли реку и добрались до основания кладки стен и опор моста. Глубина реки здесь была не меньше, чем на середине, и нам пришлось изрядно повозиться в

поисках подходящей опоры. Наконец Гор умудрился кое-как упереться ногами в выбоины на камне и занять более или менее устойчивую позицию. Я, вскарабкавшись по гигантскому котху, как по дереву, забрался ему на плечи и сумел подтянуться и залезть на ту часть моста, что смыкалась с воротами. Не увидев ничего подозрительного, я начал перелезать через ворота, но только успел перекинуть ногу, как стражник, которого я ошибочно посчитал спящим, прокричал тревогу и бросился на меня.

Уворачиваясь от нацеленного на меня копья, я покачнулся, потерял равновесие и опрокинулся с ворот, успев, однако, зацепиться за них ногами, и повис вниз головой. Не тратя времени на то, чтобы занять более выгодную позицию, я изо всех сил двинул акка кулаком в ухо. Оглушенный, он рухнул на землю, а я спрыгнул и подобрал его копье. Перегнувшись через ворота, я опустил вниз копье, по которому Гор быстро вскарабкался ко мне. Подмога прибыла крайне своевременно, потому что как раз в этот момент заспанные синекожие стражники повыскакивали из караульной казармы. Удивленно выпучив на нас глаза, акки наконец сообразили, что на город совершено нападение, и, подбадривая друг друга криками, бросились в атаку.

Гор остался прикрывать меня, а я метнулся к большому вороту, опускавшему мост и распахивавшему ворота. За моей спиной разыгрался нештучный бой. Я слышал проклятия Гора Медведя, крики стражников, звон железа и стоны первых раненых, но обернуться не мог. Все мои силы уходили на то, чтобы повернуть тяжелый ворот, с которым обычно управлялись не менее пяти человек. Медленно, невероятно медленно тяжелый пролет начал свой путь вниз — казалось, конца ему не будет, наконец

поползли в стороны створки ворот. В тот же миг в узкую щель начали протискиваться первые воины гура.

Сделав свое дело, я бросился на помощь Гору, хриплые проклятия которого доносились из плотной кучи облепивших его со всех сторон противников. Поскольку наша операция перестала быть тайной и шум в нижнем городе встревожил обитателей Ютлы, нам во что бы то ни стало нужно было закрепиться в Акке, прежде чем ягтя обрушат на наши головы град стрел, копий и горшков с жидким огнем.

Гору пришлось туго. И хотя у его ног уже лежало полдюжины мертвых и тяжелораненых акков, а он неистово орудовал тяжелым мечом, силы были слишком неравными. Я, вооруженный одним лишь кинжалом, подскочил к своре врагов, окруживших моего друга, и вонзил клинок прямо в сердце одному из стражников. Его меч перешел ко мне в руки. И хотя это грубое оружие, выкованное из плохого железа в примитивных кузницах Акки, ни в какое сравнение не шло с клинками котхов, все же оно было достаточно острое и массивное. Я не замедлил обрушить трофейный клинок на головы несчастных акков, участь которых теперь была решена. Гор приветствовал мое появление довольным рыком. Вдвоем мы смогли полностью контролировать подход к воротам, давая время нашим ребятам.

И вот уже к нам присоединился первый из переправившихся через мост воинов гура. Мне некогда было рассматривать, принадлежал ли воин к котхам или хортам. Вскоре полсотни моих крепких ребят бок о бок с нами вели бой с горожанами, откинувших от ворот на пару десятков метров.

Однако и к страже подоспела подмога, и мы начали вязнуть в массе синекожих бойцов. Акки

напирали из всех боковых переулков, и вот уже они начали оттеснять нас обратно к воротам. И хотя каждый из моего отряда стоил трех-четырех синекожих — сказывалась отличная боевая выучка гура, но подавляющий перевес в численности оказался решающим. Наш передовой отряд стремительно таял.

Мы ввязались в изнурительный бой на узком пространстве, не имея возможности продвигаться вперед. На отбитом пятачке у распахнутых ворот и на самом мосту сгрудились жаждущие принять участие в бою, но совершенно бессильные нам помочь воины обоих племен. Акки же, в свою очередь, заняли уже все окрестные стены и потрясали оружием, завывая, словно стая гиен. Нам очень повезло, что у них не водилось ни луков, ни иного метательного оружия — ягья позаботились, чтобы у синекожих не оказалось ничего опаснее дрянных мечей да копий у охраны моста.

Быстро рассвело. Враги наконец смогли рассмотреть друг друга. Вне всякого сомнения, обитатели Черной Скалы уже сообразили, что происходит в нижнем городе. Мне казалось, что воздух над головами уже наполняет хлопанье сильных крыльев, но отвлечься от боя и поднять голову я не мог. Мы бились в такой тесноте, что не было возможности даже размахнуться, чтобы нанести хороший удар мечом. Многие акки, впадшие в какое-то исступление, побросали оружие и просто набросились на нас, кусаясь и орудуя длинными острыми когтями. Воздух наполняла отвратительная вонь их пота. Мы дружно проклинали тесноту, мечтая о том, чтобы получить возможность в полную силу орудовать мечом и кинжалом.

Захваченный боем и ожидая с минуты на минуту ливня стрел и огня сверху, я совсем забыл о том

оружии, которым были вооружены наши солдаты, но которое гура опасались использовать в темноте из боязни зацепить своих. Сейчас, при свете дня, настало самое время употребить мушкеты. Первый же залп, прозвучавший так неожиданно, что заставил даже меня вздрогнуть от страха, полностью очистил от синекожих гребень стены. Не стихая ни на мгновение, за нашими спинами на мосту гремела канонада, а над нашими головами свистели пули, поражающие наших противников одного за другим.

Результат превзошел все мои ожидания. Явно впервые столкнувшиеся с огнестрельным оружием, акки не выдержали грохота и укусов невидимой смерти, приносящейся неизвестно откуда, и, бросив оружие и прикрывая головы руками, бросились удирать со всех ног. Им по пятам хлынули гура, растекаясь по узким улочкам Акки.

Нельзя сказать, что сопротивление синекожих было подавлено. Упорные акки продолжали вести бой. Повсюду слышались звон стали, выстрелы, стоны, крики, проклятия... Но главная опасность для нас исходила сверху.

Югга напоминала разворошенное осиное гнездо, ягья гроздьями срывались со стен. Несколько сот крылатых бойцов бросились вниз, сверкая кинжалами, а остальные кружились у вершины скалы, поливая Акку дождем стрел. Приближающиеся отряды встретил залп мушкетов. Десятки мертвых и раненых ягья рухнули на крыши города, остальные же поспешили убраться со всей скоростью, какую позволяли развить их крылья.

Но, защищаясь, они причинили нам гораздо больше вреда, чем в атаке. Из каждой бойницы, из каждой башни на вершине скалы летели смертельные стрелы, находящие обильную жатву. Ягья не утруждали

себя точным прицеливанием, с внушающим ужас равнодушием расстреливая как врагов, так и рабов.

Бой переместился под крыши и в защищенные стенами узкие улочки. Хотя акки в несколько раз превосходили числом наш передовой отряд, ярость, смелость, умение обращаться с оружием и боевой опыт дикарей с равнин уравнили шансы.

Засевшие на другом берегу воины под командованием Кошута Скуловорота вели ураганную стрельбу по крепости на скале. И хотя их стрельба на таком расстоянии была малоэффективна, тем не менее они причиняли ягъя весьма приличный урон. Однако луки ягъя, осыпавшие нас стрелами с большой высоты, оказались более дальнобойным и опасным оружием, чем несовершенные мушкеты. Наши войска были не в состоянии даже пересечь мост, чтобы поддержать наше наступление, настолько часто и густо летели в их сторону стрелы людей-птиц.

Наш отряд сметал все на своем пути. Собрав вокруг себя лучших бойцов, я целенаправленно прорывался к храму Ясины. К этому времени я уже успел сменить грубый и неудобный меч акков на отлично сбалансированный котхский клинок, позаимствованный мной у убитого соплеменника. Отправившийся на поля Тхака воин мог бы быть доволен — я сполна отомстил за него. Около храма меня, рубившихся со мной бок о бок Гора Медведя, Таба Быстронога, Тзана Поющего Меча и еще сотню наших воинов на какое-то время смогла задержать толпа особенно рьяно сопротивлявшихся синекожих, принадлежащих к охране храма.

Разделавшись с ними, мы устремились вверх по ступеням. Вдруг из-за колонны на меня набросился жрец со щитом и с копьем наперевес. Отбив копье,

направленное прямо мне в живот, я обозначил обманный выпад мечом, словно собираясь ударить им в бок жрецу. Тот поспешил укрыться щитом, что стало его последней ошибкой. Повернув стальной клинок, я одним ударом снес жрецу голову. Та, словно тяжелый твердый орех, заскакала по ступеням храма, оскалив в смертельном удивлении зубы. Подобрал с пола выпавший из руки убитого священника щит, я вбежал внутрь капища.

Пробежав под сводами храма, я несколькими движениями вырвал из напольных креплений золотой экран и отбросил его в сторону. Мои соплеменники удивленно следили за моими действиями и с интересом оглядывались по сторонам. Наконец мне удалось найти потайной замок, и, нажав на рычаг, я потянул дверь на себя. Она поддалась, но неожиданно тяжело, вовсе не так, как раньше. Это насторожило меня, но предпринимать что-то было уже поздно. Мои худшие догадки о коварстве ягья подтвердились.

Я услышал какой-то странный ревуший звук, и вдруг дверь резко распахнулась, припечатав меня к стене всей своей тяжестью. В храм хлынул поток жидкого пламени, заливая и выжигая все вокруг. Меня спасла лишь толстая каменная дверь, отгородившая меня от огненного потока, вырвавшегося из каменной шахты.

На миг в храме стало светло, как днем, из своего укрытия я мог видеть лишь буйство огня. Наконец стена пламени осела, и я увидел безрадостную картину. Лишь небольшая группа воинов моего штурмового отряда, среди которой оказались и мои ближайшие друзья, сумела спастись благодаря своей проворности или по воле случая. К моему непередаваемому облегчению, оказались

живы Гор, Таб, Тзан и кое-кто еще. А на полу осталось не менее полусотни обгоревших до костей трупов. Эти несчастные оказались прямо на пути всепожирающего пламени ягья, вырвавшегося из коварной ловушки.

Правда, теперь узкий коридор оказался пустым, и нас больше ничто не задерживало. Ясное дело, глупо с моей стороны было бы предполагать, что Ясмина не оставит без внимания потайную дверь. Умная королева ягья не могла не понять, каким способом мне удалось улизнуть из ее дворца. Эта женщина, куда более опасная, чем взбешенный скорпион, подготовила мне смертельную западню, догадываясь, что дверь буду открывать именно я. Посчитав мою судьбу решенной, она даже не позаботилась выставить дополнительную охрану, будучи уверена, и не совсем без основания, что без меня гура не представляют особой опасности. Она жестоко просчиталась!

Осмотрев боковые поверхности секретной двери, я обратил внимание на остатки какого-то вещества, похожего на воск. Похоже, с той стороны дверь была запечатана герметично, а между ней и этой восковой заглушкой залит некий состав, воспламеняющийся от соприкосновения с воздухом или от механического трения.

«Наверняка и у верхнего люка нам будет подготовлен какой-нибудь сюрприз», — подумал я и крикнул Табу, чтобы он взял факел. Гору же я велел отправляться наружу и созывать всех наших к храму, а затем следовать за мной, прихватив что-нибудь подходящее для тарана. Быстро поднявшись по ступеням, вырубленным в почти вертикальной шахте, я обнаружил, что люк заперт сверху. Приложив ухо к крышке, я по гулу голосов определил, что будуар

Ясмины сейчас битком набит ягья. Тут внизу замаячил огонек, и вот уже ко мне присоединился Таб с факелом в руках. За ним следовали Гор и два десятка гура, которые волокли тяжелую деревянную балку, видимо служившую стропилом, снятым с одной из крыш Акки. Гор рассказал, что бой в городе еще продолжается, но большинство мужчин-акков перебито, а оставшиеся в живых предпочли вместе с женщинами, детьми и домашним скарбом переправиться на дальний, южный берег Джога. В храме же и в шахте за нами собралось уже более пятисот воинов, а к городу, на скорую руку изготовив большие щиты из досок и ветвей, пробиваются основные силы, хотя и несут большие потери.

— Тогда,— велел я,— выбивайте крышку люка. Нам нужно добраться до сторожевых башен крепости и связать лучников ягья боем, пока они еще не перебили половину отряда Кошута.

Приноровившись к узкому проходу и поудобнее устроившись на крутых ступеньках, мы подхватили балку и, действуя ею как тараном, ударили в крышку люка. Раздался страшный грохот, но камень выдержал. Еще. Еще! Еще!! Раз за разом мы наносили тяжелые удары. Мы уже почти оглохли от грохота, как вдруг конец балки треснул, раздался звук расколовшегося камня — и в туннель хлынул свет.

Со звериным ревом я, словно выпущенный из пращи, влетел в будуар Ясмины, прикрывая голову золоченым щитом. На меня тотчас же обрушились удары не менее чем двух десятков кинжалов. С трудом удержавшись на ногах в этом водопаде стали, я протаранил стоявших прямо передо мной ягья щитом. Отпрыгнув назад, я обернулся и, словно диск, запустил щит прямоком в лица пытающимся достать меня с тыла людям-птицам. Тяжелый щит срубил

головы двум крылатым бестиям, отвлекая на миг внимание остальных. Я перехватил меч двумя руками и, широко расставив ноги, присел для надежности. Очертив вокруг себя стальной круг, я смело ягья, как косец траву, снося головы, отсекая руки и крылья, вспарывая животы нападавшим.

Но все равно я не смог бы продержаться больше нескольких минут и погиб бы, если бы вслед за мной не показались стволы дюжины мушкетов. Я грохнулся на пол, и надо мной пролетел шквал пуль, сразив наповал десяток людей-птиц.

Первым из люка выскочил Гор, затем комната наполнилась жаждущими крови котхами и хортами.

Нас беспрерывно атакowali ягья. Все соседние коридоры и комнаты оказались битком набиты воинами. Но, стоя плотным кольцом, спина к спине, мы сумели удержать горловину шахты. С каждой секундой все новые и новые гура присоединялись к нам, вступая в бой. Скоро относительно небольшой будуар Ясины оказался завален трупами и умирающими гура и ягья, а меха настолько пропитались кровью, что помещение стало напоминать внутренности некой чудовищной мясорубки.

Нам сравнительно быстро удалось очистить от ягья ближайшие помещения и коридоры, и уже через сорок минут все восточное крыло дворца оказалось охвачено кровавым сражением. Многие ягья были вынуждены покинуть бойницы у стен снаружи и вступить в рукопашную, где наше превосходство было очевидным. Хотя мы десятками отправляли ягья на тот свет, наши силы тоже убывали. Нас осталось не более трех с половиной сотен, но больше из люка никто не показывался. Видимо, переправа через мост основных сил под командованием Кошута под ураганным огнем происходила крайне медлен-

но. Я отправил вниз Таба Быстронога, чтобы тот велел Кошуту поторопиться любой ценой и показал путь наверх.

В бесконечной кровавой пелене мне начало казаться, что все защитники Юggi оставили стены и обрушились на нас — так много их было за каждым углом, в каждой комнате. Я уже говорил, что по храбрости и умению им было далеко до моих бойцов, но любой народ будет драться до конца, обнаружив врага в своем последнем убежище. И нельзя сказать, что крылатые твари были слабаками. В любом случае, если бы верхняя часть дворца походила на нижнюю с ее огромными коридорами, мы не продержались бы и двадцати минут. В этих же узких коридорах ягтя не могли даже развернуть крылья и взлететь, так что им приходилось биться в пешем строю.

В какой-то момент бой словно застыл на месте. Каждый воин продолжал сражаться лицом к лицу с врагом, действуя мечом и кинжалом. Все новые и новые трупы громоздились вокруг, заполняя бесконечные анфилады комнат. Но у нас подошли к концу заряды к мушкетам, а ягтя не могли в такой давке пустить в ход луки. Мы странно топтались на месте, исполняя некий безумный танец смерти, не в состоянии занять хотя бы еще одно помещение, а ягтя — бессильные откинуть нас обратно к шахте.

На какой-то страшный миг мне показалось, что мои бойцы вот-вот не выдержат, сломаются и начнут отступать под натиском огромного количества врагов. И вдруг — о чудо! — я услышал дикий рев, и из лука, буквально друг у друга на головах, посыпались люди Кошута, алчущие крови, как бешеные псы. Вы себе и представить не можете, до какого

состояния могли известись доблестные варвары, будучи не в силах переправиться через реку и притом, как кролики, от смертоносных стрел в зарослях и садах. Гура теперь были одержимы только жаждой убийства да желанием помочь друзьям.

Таба Быстронога с ними не оказалось, но Кошут успокоил меня, что тот был всего лишь ранен на мосту стрелой в ногу. Молодой воин сумел превозмочь боль и кратчайшим путем привел вождя и воинов гура к храму, безжалостно их подгоняя. Вообще же потери при переправе оказались не так велики, как я боялся. Своим нападением мы вынудили большинство стрелков ягья покинуть свои места у бойниц и принять бой внутри дворцового комплекса.

Завязалось самое ожесточенное и кровавое побоище, которое я когда-либо видел. Получив подкрепление, мы усилили натиск на защитников черной цитадели, и те дрогнули, начав отступать. Обезьяноподобные волосатые воины занимали зал за залом, коридор за коридором, десятками погибая от кинжалов ягья, но за каждого убитого гура крылатые демоны платили сторицей. Обезумевшие от ярости и запаха крови воины не слушали вождя, пытавшихся удержать их вместе. И вскоре группки сцепившихся в смертельном бою гура и ягья рассыпались уже почти по всей крепости, оглашая воздух истошными криками и звоном стали.

Выстрелов практически не было с обеих сторон,— вышли почти все боеприпасы. Шла жестокая сеча извечных врагов, в которой никто не просил и не давал пощады. К счастью, внутри зданий, в помещениях, люди-птицы не могли расправить крылья и были вынуждены вести с нами бой на равных усло-

виях, неся значительно большие потери, чем во время налетов на города. По этой же причине не могли они и использовать свое любимое оружие — горшки с жидким огнем, подобным тому, что встретил нас в храме.

В бою на твердой земле гура были непобедимы, и мы старались избегать открытых площадок, крыш и залов с высокими куполами и потолками. Там же, где приходилось сражаться на крышах и широких открытых галереях между башнями, увы, мы несли куда большие потери. Десятки и десятки дикарей гура гибли в отчаянной схватке, но наши крылатые враги под разящими ударами тяжелых мечей гибли сотнями и сотнями.

Кто-то может посчитать, что нам неслыханно повезло: мы смогли незаметно перейти через Пурпурную Реку, захватить Акку, пробраться по подземному ходу и связать ягья боем на твердой земле, избегнув стрел и жидкого огня. Но вот что я скажу вам — на нашей стороне была справедливость, а ягья, уверовавших в свое «божественное» могущество, подвела их самонадеянность.

Гура мстили за тысячи лет страха и унижений, и их месть была неистовой и кровавой. Их мечи не знали пощады — жертвами острой стали становились равно и воины-мужчины, и подвернувшиеся женщины ягья. Но, вспоминая об их жестокости и кровожадности, я даже не могу себя заставить посочувствовать им. А в тот момент меня и вовсе интересовало другое.

Я искал Альту.

Тысячи женщин-рабынь всех цветов кожи попадались нам на пути. Синекожие акки и женщины из-за Барьера в ужасе жались к стенам и по углам, не в силах осознать истинный смысл происходящего,

видя лишь кровавую резню. С лиц желтокожих и краснокожих рабынь не сходил страх, когда на их глазах еще более дикие и страшные, чем ягья, создания уничтожали их хозяев. В их прекрасных головках не укладывалось, что нас привела сюда не зависть и жадность, а месть.

Но время от времени я видел, как улыбались, еще не веря в спасение, белокожие женщины гура, а несколько раз я даже слышал восторженные крики. Но больше всего меня потрясла такая сцена: одна из рабынь, захлебываясь слезами и смехом одновременно, повисла на покрытом кровью и потом мужчине, узнав в нем брата, мужа или просто соплеменника, а здоровенный гура плакал, бережно прижимая к себе девушку.

Прорубая себе путь мечом, я искал апартаменты, где содержались Лунные Девственницы. Но пока никто из встреченных мной рабынь ничем не смог мне помочь. Случайно я наткнулся на лежащую женщину. Бедняжка, оказавшись на поле боя, забилась в угол, чтобы не попасть под горячую руку сражающихся мужчин. Я поднял ее на руки, а затем проорал ей прямо в ухо свой вопрос. Она поняла меня, но смелости ей хватило лишь на то, чтобы ткнуть пальцем в нужном направлении. Не выпуская девушку из рук, я прорвался через сражающуюся толпу в пустой коридор.

Я поставил девушку на каменный пол, и она побежала по коридору, крикнув, чтобы я следовал за ней. Я несли за своей легконогой проводницей по переходам и залам. Вот мы выскочили на какую-то крышу, где кипел бой, и мне снова пришлось пробиваться сквозь ряды ягья. Наконец девушка вывела меня к крытой площади в самой верхней части города.

Я бегом пересек широкую площадь и подбежал к большой двери в дальнем ее конце. Она оказалась заперта на висячий замок. Несколькими ударами меча мне удалось сбить замок, и я пинком распахнул огромные створки. Из глубины мрачной комнаты, свет в которую попадал лишь через небольшое зарешеченное окошко под потолком, на меня глядели полторы сотни испуганных женщин, приготовившихся к худшему. Не представляя, чем их успокоить, я просто выкрикнул имя Альты. В ответ послышался знакомый голос:

— Иса! Иса, это ты!

Ко мне, расталкивая подруг, метнулась худенькая девичья фигурка. Через мгновение тонкие руки с неожиданной силой обнимали меня за шею, губы покрывали лицо горячими поцелуями. В объятиях любимой я забыл обо всем на свете, но из блаженного тумана меня вырвали звуки боя за спиной. Я отпустил Альту и развернулся.

Еще мгновение назад пустая, площадь теперь была заполнена целой толпой сражающихся как дьяволы ягья из личной гвардии Ясмину. Крылатые бестии были вынесены под купол из галереи бешеным натиском наступавших гура. Исход этой схватки предсказать стало нетрудно. Смерть людей-птиц была лишь вопросом времени.

Но тут я услышал леденящий душу знакомый смех, и передо мной оказалась сама королева Ясмину.

— Итак, ты вернулся, Железная Рука? — Ее голос, казалось, был ядовит, как змеиный укус. — Вернулся со своими вандалами, чтобы осквернить обитель богов? Но тебе не насладиться победой, глупец! Тебе даже ее не пережить!

Она рассмеялась совершенно безумным смехом, от которого у меня мурашки поползли по телу.

Мне нечего было ей сказать. Я молча ударил мечом прямо ей в грудь, но с нечеловеческим проворством она увернулась от моего клинка и поднялась в воздух. Сверху продолжал раздаваться ее жуткий смех, переходящий в вой гиены.

— Ты глупец, Иса Кэрн! Ты так ничему и не научился! Разве я тебя не предупреждала, что готова погибнуть под руинами своего королевства? И ты со своими грязными животными, годными лишь на то, чтобы удовлетворять голод, последуете в небытие за мной!

С этими словами королева, набирая скорость с каждым взмахом черных крыльев, понеслась к самому куполу. Ягья, похоже, поняли ее намерения, поскольку, взыв от страха, погнались за ней в надежде остановить свою безумную повелительницу. Но поздно! Подлетев к куполу, Ясмина перевернулась в воздухе и, упершись в свод обеими ногами, всем телом навалилась на какой-то засов или рычаг — снизу я не мог разглядеть точно, — замаскированный на каменной поверхности.

Купол вздрогнул, по нему прошла трещина, и вдруг большая его часть начала сдвигаться. В образовавшейся щели что-то мелькнуло, и внезапно огромный кусок камня рухнул вниз, давя и калеча гура и ягья. Площадь заволочли клубы пыли. Не успела пыль осесть, как в пролом не то прыгнула, не то упала исполинская тень. В центре просторной площади на мозаичных плитах поднималось на ноги существо, которого просто не должно было существовать на свете. И у ягья, и у гура вырвался из груди произвольный крик ужаса.

Ужасающее создание превосходило размерами слона и походило на исполинского слизняка на мощных ногах, опоясанного множеством отворачи-

тельно извивающихся длинных щупалец. Из тошнотворно пульсирующих розоватых отверстий на концах щупалец сыпались ярко-белые искры и вырывались языки синего пламени. Эти хлещущие вокруг щупальца-плети были невероятно сильны — чудовище, внешне не прикладывая ни малейших усилий, вырывало из каменных стен целые блоки. Не только стены, но и пол вокруг пошел трещинами.

У этого безмозглого создания, походившего на исполинскую амэбу, не было никаких органов чувств. Это была чистая сила хаоса, помещенная в самую примитивную живую оболочку. Ясмина выпустила в мир овеществленную слепую ярость и жажду разрушения.

Действия чудовища были начисто лишены какой-то логики или элементарного здравого смысла. Оно просто крушило все, до чего могло дотянуться. Бросаясь из стороны в стороны, монстр пробивал телом стены насквозь, совершенно не обращая внимания на сыпавшиеся на него каменные глыбы. В одно мгновение погибли несколько сотен гура и людей-птиц, раздавленных камнями и испепеленных страшным огнем.

— Быстро назад, в шахту! — заорал я. — Спасайте девочек!

Щедро раздавая оплеухи, я начал выталкивать ослабевших от заключения и потерявших от страха голову женщин, передавая их другим гура. Тем временем со всех сторон обваливались стены, рушились башни и минареты.

— Вяжите веревки из занавесок и покрывал! — приказал я. — Спускайтесь по склону. Тхак вас разорви, не зевайте! Эта гадина не остановится, пока полностью не уничтожит все вокруг!

— Я нашел смотанные веревочные лестницы, — доложил кто-то из моих бойцов. — Но они не достанут до воды...

— Вниз, ради всего святого, отправляйте женщин вниз! Не достают до воды, значит, будете прыгать — лучше рискнуть нахлебаться воды, чем оказаться раздавленным какой-нибудь глыбой, — ответил я.

Я раздумывал всего лишь одно-единственное мгновение, затем подозвал к себе Гора и сказал:

— Брат, я доверяю тебе Альту. Спаси ее!

Передав не успевшую ничего сообразить девушку в руки залитого чужой и своей кровью великана, посмотревшего на меня понимающим взглядом, я понесся вслед за порождением ада, неумоимо разрушающим город на скале Ютла.

• • •

От этой гонки у меня остались лишь обрывочные воспоминания: рушащиеся стены, раздавленные насмерть и бьющиеся в конвульсиях люди и несущаяся не разбирая дороги машина разрушения, вокруг которой распространялось какое-то неестественное, похожее на электрическое, сияние.

Сейчас уже невозможно установить, сколько живых существ — гура, ягья и рабынь всех цветов кожи — погибло в этом холокосте. Нескольким сотням человек удалось выбраться по подземному туннелю, пока на него не обрушились стены уничтоженного чудовищем дворца, похоронив под толпами камней всех тех, кто находился в этот момент внутри.

Размотав найденные лестницы, мои воины успели спустить по ним множество женщин, не разбирая, какого цвета их кожа. По более коротким лестницам, не достававшим до воды, люди спускались

на крыши нижнего города, по более длинным — прямо в реку Джог. В тот момент главным было выбраться из погибающей Югги.

Я гнался за кошмарным созданием, в сущности не представляя, что собираюсь делать. Перепрыгивая через завалы камней и уворачиваясь от падающих обломков, я просто бежал, пока не настиг амебоподобного монстра. Оказалось, что он вовсе не такой уж бесчувственный и слепой. Стоило мне метко засадить увесистым булыжником в оказавшееся весьма чувствительным белесое пятно на голове, как движения гигантского слизняка перестали быть беспорядочными. Разбрасывая груды камней в разные стороны, как медведь разбрызгивает пену, переходя через горный ручей, исполинский червь проворно развернулся в мою сторону.

Я мчался изо всех сил, уводя монстра за собой — прочь от того места, где напуганные люди покидали город. Мною двигал не безрассудный героизм, а четкое осознание того, что каждая выигранная секунда означает чью-то спасенную жизнь. Но незнание планировки Югги привело к катастрофе: я оказался в тупике. Передо мной, перекрывая проход меж двух высоких стен, выросла полукруглая башня. Донжон нависал прямо над водами Джога, несшего свои воды пятьюстами футами ниже. Сзади неумолимо надвигался огромный слизняк.

Я развернулся, поднимая меч, предпочитая пасть в неравной схватке лицом к врагу. Белый червь на миг приостановился, даже чуть попятился, а затем, рассыпая искры, бросился на меня.

Когда исполинская туша нависла надо мной, я наткнулся взглядом на темное пятно размером с мою голову, располагавшееся в середине простор-

ного брюха. Не знаю, что именно — инстинкт дикаря или образование цивилизованного человека — подсказало мне, что это — единственная уязвимая точка дьявольского создания. Словно сжатая пружина, я распрявился и нырнул прямо ему под брюхо. Сила и глазомер не подвели меня: я по самую рукоятку всадил острый кусок стали в нервный центр этого порождения тьмы. Что было потом — я не знаю. Для меня мир погрузился в море огня и раскаты страшного грома, за которыми последовали темнота и блаженное небытие.

Лишь много позже мне рассказали, что после моего удара и чудовище, и я скрылись в облаке синего пламени. А затем раздался страшный треск, и вместе с разваливающейся в воздухе на куски башней мы обрушились в реку с высоты пятисот футов.

Ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения, что я погиб. Лишь никогда не унывающий и ничего не боящийся Таб Быстроног был уверен, что я остался в живых. Несмотря на тяжело раненную ногу, он бросился в воду и каким-то чудом, найдя мое бесчувственное тело, выволок его на берег.

Вы можете мне возразить, что ни одному человеку не удастся уцелеть после падения с такой высоты. Но мне не остается ничего другого, как развести руками и ответить, что я выжил. Хотя, по правде говоря, не думаю, что кто-нибудь из землян смог бы повторить такой полет с таким же результатом. Должно быть, у смерти на меня другие планы.

Но мне дорого обошлось это падение. Не один день я пребывал без памяти и еще дольше и куда мучительнее, в бреду и кошмарах, приходил в себя. Но самым страшным было то, что я длительное вре-

мя оставался не только парализованным, но и немым, пока мои нервы, мозг и мышцы медленно-медленно возвращались к жизни.

Ясность мышления вернулась ко мне только в Котхе, поэтому я ничего не запомнил о долгой дороге домой, прочь из разрушенной Югги, чьи жестокие хозяева навсегда (по крайней мере, я так тогда надеялся) канули в небытие. Из более чем девяти тысяч воинов Котха и Хорты, отправившихся по велению сердца в страну Яг, вернулось назад лишь чуть более трети. Причем из них не было практически никого, кто был бы не ранен. Но вернулись Победители!

С ними возвратилось более пятнадцати тысяч женщин — освобожденных рабынь всех рас. Тех гура, которые не принадлежали к котхам или хортам, сопровождали до их родных городов. И этот беспрецедентный случай, невиданный за всю историю существования на Альмарике расы гура, положил начало новым отношениям между людьми на этой планете. Кстати, женщинам других племен и тем, что были похищены ягья вовсе из-за Барьера, предоставили возможность свободно выбирать место жительства в любом из городов гура — это было единогласно принято на первом в истории этого мира совете вождей гура.

А что касается городов Котха и Хорты, то наши племена заключили мир и поклялись в кровной дружбе на вечные времена. Теперь оба племени, вместо того, чтобы воевать, плечом к плечу сражались против враждебных сил, которых еще немало оставалось на этой суровой планете, и вместе добывали себе пищу на охоте. Я надеюсь, что наш почин со временем подхватят и остальные племена.

Мы с Альтой наконец обрели друг друга. И ее прекрасное лицо, склонившееся надо мной, было первым, что я увидел, когда очнулся по возвращении из страны Яг. Наверное, наша любовь пребудет с нами вечно — слишком в тяжелых испытаниях и лишениях она была обретена.

И вот мы двое — я, землянин, и Альта, рожденная на Альмарике, но одержимая неутомимой жаждой познания, что свойственна лишь лучшим представительницам женского племени на Земле, теперь живем надеждой передать хоть малую часть культуры моей родной планеты прекрасному, но дикому народу, ставшему теперь и моим.

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

1

Т

ьма Египетская. Не мрак и покой бесконечной пустоты, а крошечная обволакивающая темень, населенная невидимыми существами из тех, кто хищно снует и копошится в непроглядной мгле, избегая солнечных лучей и человеческого взгляда.

Подобного рода мысли пронеслись в моей голове, когда однажды ночью, практически по интуиции, я пробирался по едва заметной тропке, извивающейся меж корней громадных сосен. Влажная тьма лет-

ней ночи, странные звуки и шорохи, очевидно, вызвали бы у любого человека, рискнувшего оказаться на моем месте, похожие ощущения. Тем более эта лесная глушь, орошаемая реками, по странной прихоти или просто чудачеству, называлась местным чернокожим населением Египтом.

Казалось, что лишь навечно лишенная света адская бездна, может сравниться с крошечной тьмой соснового леса. Деревья стояли сплошной черной стеной вдоль скорее угадываемой, чем видимой петляющей тропки. Лишь чутье обитателя здешних лесов позволяло мне двигаться достаточно проворно, даже в спешке не теряя привычную осторожность. В подобной ситуации «видят ушами», и слух мой приобрел почти невероятную чуткость. Остерегался я отнюдь не бесплотных тварей, мною же и выдуманных в фантазиях, навеянных темнотой и одиночеством. Для опасений была достаточно веская и вполне материальная причина. Вовсе не привидения, жаждущие людской плоти и бродящие с окровавленными глотками в лесных чащах (как утверждают негры, непревзойденные любители себя попугать, особенно в большой компании), стали причиной моей крайней настороженности. Я шел, прислушиваясь, стараясь уловить малейший посторонний шорох, а может, и звук треснувшего под громадной плоской ступней сучка, которые выдали бы приготовившегося к нападению во мраке убийцу. Тот, кого я опасался, вызывал в Египте страх неизмеримо больший, чем любые зловещие призраки, все вместе взятые. Ранним утром из местной тюрьмы сбежал опаснейший заключенный: негр-душегуб, на совести которого было не одно ужасное убийство. Поиски велись возле рассеянных по краю

черных поселений в надежде на то, что негр отправится к людям своего племени. Собаки-ищейки прочесывали заросшие кустарником берега реки вниз по течению. За ними, не отставая, двигались вооруженные суровые люди. Но, несмотря на то что в погоне принимало участие почти все мужское население нашего городка, я не был уверен в удачном результате. Они не учитывали чрезвычайной примитивности мышления беглеца — Топа Бакстера, более всего по своему развитию напоминавшего обезумевшего от крови самца гориллы. Зная его, я считал, что негр, скорее, кинется в необитаемые глухие дебри. Вряд ли одиночество или тяготы жизни в лесу могли устроить либо измучить его. И я отправился в Египет один. А множество народу двигалось в своей затянувшейся охоте на человека совершенно в другом направлении.

Моей целью не были поиски Бакстера. Лавры героя, в одиночку справившегося с этим ублюдком, не привлекали меня. Я отправился предупредить, а не искать. В этой глуши, в сосновом лабиринте, в полном уединении, довольствуясь лишь обществом своего слуги, жил белый. Необходимость предупредить человека своей расы о том, что рядом с его жилищем может таиться убийца, готовый на все ради удовлетворения собственных потребностей, заставила меня отправиться в дорогу. Выехал я за светом, но мой конь оступился и захромал. Пришлось оставить его в ближайшей деревеньке, у знакомой женщины. И, несмотря на уговоры остаться до утра и многословное перечисление опасностей, я отправился в дальнейший путь пешком. Мужчины, носящие фамилию Гарфилд, ни при каких обстоятельствах не останавливаются на полдороге. Тем более я был уверен, что мне не откажет в приюте

на ночь хозяин хижины, куда я так стремился. Хотя Брент (а любителя уединения звали именно так) производил впечатление странного типа. Никто не знал, откуда он и почему живет в такой глухомани. Когда полгода назад он поселился в наших краях, о нем много судачили, как, впрочем, о каждом новом человеке. Но в городке появлялся лишь слуга, попытки выведать у него тайны хозяина ни к чему не привели, и разговоры понемногу утихли.

Внезапно мои размышления о загадочном отшельнике были прерваны самым неожиданным образом. Застыв на месте, я весь обратился в слух, ощущая лишь нервный зуд на тыльной стороне ладоней. И было отчего. Раздавшийся в темноте резкий вопль был пронизан животным страхом. Кричали где-то неподалеку. Затем наступила мертвая тишина. Та, от которой звенит в ушах. Казалось, все замерло, затаилось в гнетущем ожидании чего-то ужасного. Даже тьма сгустилась, стала какой-то вязкой...

Второй вопль избавил от наваждения, тем более что сопровождался топотом босых ног, слышным все ближе и ближе. Вынув револьвер, я приготовился достойно встретить несущуюся на меня тень. Но человек не то всхлипывал, не то как-то пощечинячи взвизгивал от страха или боли. Это-то и удержало меня от выстрела. Вне себя от паники, он налетел на меня и, не удержавшись, рухнул навзничь. Даже не пытаюсь встать, только делая слабые попытки отползти, залопотал:

— О Боже, спаси меня! Сжался! Сжался надо мной! Боже!

Бормотание было проникнуто такой мукой, что мои волосы зашевелились.

— Что за черт! — отводя дуло револьвера, произнес я.

Страдалец явно узнал мой голос и принялся цепляться за мои колени.

— Масса Кирби! Сам Господь послал вас. Сжальтесь над бедным Джимом Тайком... Не дайте ему изловить меня! Он уже убил мое тело, а теперь заберет мою душу! Ох, не дайте ему схватить меня!

При слабом свете зажженной спички я смотрел на него в совершенном изумлении, пока огонек не догорел до самых пальцев. Валяющийся передо мной в пыли чернокожий был сплошь залит кровью и, несомненно, тяжело ранен. Джим был мне хорошо знаком, как и многие из негров, живущих в крошечных бревенчатых хижинах на окраине Египта. Насколько мне удалось рассмотреть, раны его были ужасны, и кровь хлестала из разодранных груди, плеч и шеи. Одно ухо висело, полуоторванное, на выдерганном с мясом куске челюсти и шеи. Невероятно, что ему удалось в таком состоянии пробежать, видимо, немалое расстояние. Его гнал непреодолимый страх. Искалечен он был явно не пулями или ножом. Было похоже, что бедняге удалось вырваться из клыков какого-то гигантского зверя.

— Кто на тебя напал? — Наклонившись, я пытался различить в крошечной тьме Джима. Когда догорела спичка, негр превратился в едва видимое на земле пятно. — Медведь?

Спросив, я тут же вспомнил, что вот уж тридцать лет, как в Египте не видели ни одного медведя.

— Кто это сделал?

— Он, он! — Уже не голос, а хрип донесся из темноты снизу. — Масса белый. Пришел в мою хижину и велел проводить к массе Бренту. Голова перевязана. Сказал, что болят зубы. Мы шли, шли. Бинты сползли. О Боже! Я увидел его лицо. За это он и убил меня.

— Ты имеешь в виду, что белый натравил на тебя собак,— понимая, что на расспросы мало времени, допытывался я. Это предположение объясняло характер ранений. Свирепые псы могли нанести подобные раны. Я видел похожие на затравленных на охоте животных.

— Нет, масса, нет,— еле слышно прошептал негр.— Он сделал это сам... А-а-а-а! — Затихающий шепот вдруг превратился в вопль. Смутно различимый в темноте умирающий откинул голову и застывшим взглядом уставился туда, откуда несколько минут назад появился. Вопль оборвался на самой высокой ноте. Смерть настигла его. Несчастный судорожно дернулся, как будто в последней тщетной попытке сбежать, и застыл неподвижно.

События последних минут до предела обострили мои чувства, и, всматриваясь в темноту, я скорее угадал, чем увидел в нескольких ярдах от себя смутно выделяющиеся на фоне стволов очертания неведомой фигуры. Казалось, что на тропе безмолвно стоит высокий худощавый человек. Необъяснимый ужас вдруг накатил на меня леденящей волной, язык, казалось, примерз к небу, когда я попытался окликнуть незнакомца. Что-то первобытное, парализующее было в этом страхе. Я не мог понять, что в безмолвной и неподвижной тени могло внушить такое жуткое впечатление. Неизвестный двинулся ко мне, все убыстряя и убыстряя шаг. Разом севшим голосом я скорее прохрипел, чем сказал: «Кто ты?»

Не дождавшись ответа, я стал лихорадочно пытаться зажечь спички, не выпуская револьвера из рук. Тень приблизилась почти вплотную. Наконец-таки я чиркнул спичкой, но слабый огонек был тут же вырван у меня из пальцев со свирепым рычанием. Я ощутил острую боль, пронзившую шею, и не-

сколько раз инстинктивно нажал курок, паля наугад. Вспышки выстрелов ослепили меня, не дав рассмотреть высокую человекообразную фигуру моего противника, мгновенно бросившегося в заросли и, судя по треску, быстро удалявшегося. Прислонившись к ближайшему дереву, я чиркнул очередной спичкой. Кровь сочилась по моему плечу, пропитывая рубаху. Ворот был порван, но шея под ним лишь слегка оцарапана. И хоть рана оказалась пустяковой, по спине моей пробежал холодок. Недалеке лежало тело несчастного Джима. И перед моими глазами все еще стояли его жуткие рваные раны, до ужаса напоминающие мою. Чертыхаясь и пошатываясь, я побрел дальше.

2

Мне было уже не до отвлеченных размышлений о существах, во тьме бродящих. Тот, с кем я столкнулся, несомненно был человеком. В краткий миг, пока горела спичка, я видел силуэт пригнувшегося, готового к схватке, именно человека. Но из головы не выходил Джим Тайк, мертвый, валяющийся ничком в луже собственной крови, пьяно раскинувший испачканные красным руки и ноги. А я не мог припомнить оружия, способного нанести раны, столь похожие на хватку зубов огромного хищного зверя. Что ж, изобретательность рода людского в создании орудий смерти, как известно, беспредельна. В данный момент надо было решить куда более насущную проблему: стоит ли рисковать жизнью, продолжая в одиночку свой путь, или же вернуться за подмогой во «внешний мир». Привести людей, собак, забрать труп бедняги Джима и начать охоту за его убийцей.

Но, если я поверну, в одинокой хижине под черными соснами может случиться все, что угодно. После того, что произошло с Джимом, тем более необходимо поскорей предупредить, что опасность для Брента и его слуги возросла вдвое. Мало было одного Топа Бакстера, так появился еще и этот тип, рычащий и неизвестно чем вооруженный. Когда я вспомнил, что разыскивал он непосредственно Брента, сомнения окончательно отпали. Да и находился я уже более чем на полпути к хижине. А для меня лично вряд ли было опасней идти вперед, нежели вернуться назад. Подняв тревогу, я мог рассчитывать на содействие хозяина.

С обостренным новой опасностью чутьем, держа револьвер наготове, я продолжил путь. А истерзанное тело Джима Тайка осталось на тропе. Бакстер не был его убийцей: даже в темноте я узнал бы приземистую, обезьяноподобную фигуру Топа. Напавший на меня был тощ и высок. Да и покойный говорил о таинственном белом. И опять беспричинная дрожь охватила меня — от одного лишь воспоминания о поджаром незнакомце.

Кроны деревьев слегка расступились, и на тропу стал падать скудный свет звезд. Я не робкого десятка, смею заверить, но малоприспособлен к передвижению, сознавая, что в плотных зарослях легко может притаиться безжалостный убийца. Воспоминания о зверски растерзанном негре усиливали тревогу. Капли пота покрыли мое лицо, руки стали влажными. Я был, что называется, «на взводе», поминутно оглядывался, впиваясь взором в темноту: в естественном шуме леса, в шуршании листьев и похрустывании веточек пытался уловить крадущиеся шаги подстерегающего убийцы.

В какой-то момент я остановился, заметив вдалеке среди черных сосен бледный сиротливый ого-

нек. Затаив дыхание, я наблюдал, как он постепенно перемещался, то скрываясь за стволами, то вновь появляясь. Было слишком далеко, чтобы я мог определить его источник. Ощутив, как по коже бегут мурашки, я стоял и ждал непонятно чего. Огонек исчез так же внезапно, как и появился. Мне уже порядком надоели всякие загадки сегодняшней ночи, и, заключив для себя, что это факел из сосновой ветки в руке идущего человека, я отправился дальше. Собственное состояние удивляло меня. Слава Богу, я не первый год жил в этой стране, где вековые распри тлеют на протяжении жизни не одного поколения, где месть и насилие привычны. Я бывал в переделках, когда нож или пуля, открыто или из засады, могли легко оборвать мою жизнь. Но я не испытывал страха. Только собранность и желание выпутаться. А теперь я боялся. И боялся чего-то непонятного, необъяснимого.

Я облегченно вздохнул, увидев среди деревьев хижину Ричарда Брента. Но не расслабился. Многие люди теряют бдительность буквально на пороге собственной безопасности и погибают. Еще раз осмотрев крошечную поляну перед домом, я быстро подошел к двери и постучал. Слабый свет из прикрытых ставнями окон, казалось, разгонял сгустившиеся тени.

— Кто там? — Голос говорившего был низким и грубым. — Это ты, Эшли?

— Нет. Я — Кирби Гарфилд. Откройте дверь.

Открыв лишь верхнюю половину двери, хозяин показался в проеме. Свет, падавший сзади, оставлял Брента в тени, но недостаточной, чтобы скрыть жесткий блеск серых глаз и черты изможденного лица.

— Что вам угодно, мистер Кирби?

Мой поздний визит не вызвал удивления, но и радости тоже. Мне мало улыбалось стоять и беседовать под дверью, да и этот человек не вызывал особых симпатий. Но в нашей местности вежливость — обязанность, которой не пренебрегает ни один джентльмен. И я ответил, как мог более кратко:

— Я счел нужным предупредить, что удрал из тюрьмы Топ Бакстер. Сегодня утром он убил двоих — констебля Джо Сорли и одного заключенного — и сбежал. Его ищут повсюду, но я убежден, что он объявится где-то в этих краях, в Египте. Будьте настороже — это опаснейший преступник. Я счел нужным предупредить вас.

— Понял.— Ответ был достоин жителя восточных штатов, славящихся своей краткостью. И Brent собрался закрыть дверь.

— Эй, а как же я? — Меня вовсе не устраивала перспектива ночного путешествия через лес.— Я все-таки пришел предупредить вас и рассчитывал на приют в вашем доме хотя бы до утра. Я счел это своим долгом не потому, что жажду вашего общества, а потому, что вы тоже белый. Мне достаточно подстилки на пол, и вряд ли я приму предложение разделить с вами ужин.

Подобное заявление для любого в наших краях прозвучало бы оскорблением, но я был настолько раздражен, что не смог сдержаться. Однако мой выпад насчет скаредности и черствости Ричард Brent просто пропустил мимо ушей. Нахмурясь, он устоял на меня, по-прежнему стараясь держать руки так, чтобы я их не видел.

— Вы не встретили по пути Эшли? — так же недружелюбно спросил он.

Brent спрашивал о своем слуге, типе мрачном и неразговорчивом — почище хозяина. Видимо, именно

сегодня он отправился за припасами в одну из отдаленных деревенок на реке у самой окраины Египта.

— Нет. Наверное, я выехал раньше, пока Эшли еще был занят в деревне.

— Ну что ж, придется все-таки впустить вас,— ворчливо заметил Брент.

— Раз решили — поторопитесь! — Я терял терпение.— У меня рана на шее, и мне бы хотелось промыть и перевязать ее. Кажется, сегодня такая ночь, когда охотой на людей занят не только Топ Бакстер.

Мои слова вызвали странную реакцию: хозяин перестал возиться с нижней половиной двери и резко изменился в лице.

— О чем вы, Кирби? Нельзя ли яснее?

— Примерно в миле отсюда на тропе лежит человек. Он мертв. А его убийца напал на меня и пытался прикончить. Кстати, проводника-негра он взял для того, чтобы добраться сюда. Все говорит о том, что цель его охоты — вы,— не без злорадства закончил я.

Ричард Брент дернулся, как от удара кнутом, и побледнел.

— Что... О ком ты болтаешь? — Приличия были забыты, а его всегда грубый голос резко сорвался на фальцет.— Кого вел сюда черномазый?

— Откуда мне знать. Судя по тому, что я видел, этот тип умудряется располосовывать свои жертвы, как свирепая гончая.

— Гончая! — Брент уже не мог сдерживаться, он вопил.

Разверстый рот обнажил желтоватые зубы, физиономию перекосила гримаса отчаянного страха. Глаза едва не вылезли из орбит, седые жесткие волосы стали дыбом. Кожа приобрела пепельный от-

тенок. Лицо более всего напоминало поделку из папье-маше: невероятную по своей выразительности маску ужаса.

— Прочь отсюда! Уматывай! — Губы его еле шевелились, но голос постепенно набирал силу, переходя в пронзительный крик. — Меня не обманешь, дьявольское отродье! Я знаю, зачем ты стремился попасть в мой дом. Он послал тебя! Ты его приспешник, убирайся!

Честно говоря, я опешил и стоял столбом, не в силах вымолвить хоть слово. Пауза затягивалась, и наконец руки Брента поднялись над нижней половиной двери. Прямо перед моим носом появились обрезанные стволы дробовика.

— Чего ты ждешь? Убирайся, не то я убью тебя! — надрывался хозяин хижины.

В который раз за сегодняшнюю ночь я покрылся противным липким потом. Легко было представить, что может надеться выстрел в упор из этого смертоносного оружия. Шагнув назад с крыльца, я неотрывно смотрел на черные дыры направленного в грудь обреза и маячившее за ними искаженное лицо.

— Да будь ты проклят, глупец! — пробормотал я. И уже громче добавил: — Эй, сэр! Осторожней с этой штукой. Должен вам заметить, что предпочитаю иметь дело с десятком убийц, чем с одним сумасшедшим. Прощайте, я ухожу.

Я прекрасно понимал, что нарываюсь на неприятности и мне ежесекундно грозит гибель от внезапно потерявшего голову Брента, но досада взяла верх над осторожностью.

Однако Брент пропустил мои слова мимо ушей. Он дрожал, как в лихорадке, и тяжело дышал, вцепившись в свой дробовик и следя за тем, как я разворачиваюсь и покидаю поляну.

Я, конечно, мог, укрывшись за деревьями, подстрелить без особого труда этого человека, нарушившего законы гостеприимства и оскорбившего меня. По дальности боя мой 45-й, разумеется, превосходил его рассеивающий дробь обрез. Но рука не поднималась убить человека, явно находящегося на грани помешательства. Сзади послышался звук захлопнувшейся двери, и полоса света исчезла. Обозвав себя ослом и процитировав Библию, то самое место, где говорится о благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад, я отправился восвояси. Револьвер приятно холодил руку, шум леса был привычен, и пока в нем не было ничего тревожащего. Шагая под темными ветвями, я размышлял о Ричарде Бренте. Наверняка тот жуткий тип не был его другом, раз только упоминание о нем вызвало у хозяина хижины невиданную панику, почти приступ безумия. Скорее всего, именно от него прятался Брент в нашем захолустье. Он никогда не скрывал презрения к этой стране и пренебрежения к местным жителям, как черным, так и белым. Видимо, избегая встречи с одним-единственным человеком, он готов был отказаться от всего рода человеческого. В то, что Брент преступник и скрывается от правосудия, я никогда не верил. Невольно мысли мои перескочили на того, кого он так боялся. И вновь меня охватило странное леденящее чувство. Ветки над головой сомкнулись, слабый свет звезд не проникал под их плотный полог. Тьма, казалось, навсегда отделила меня от мира людей и здравого смысла. Почему-то я был уверен, что кошмарное приключение еще не кончилось. Мрачный и угрюмый, брел я по тропе, тщетно пытаясь взять себя в руки. Прошел совсем немного и снова замер. Ошибиться было невозможно — раздался звук движу-

щейся повозки: грохот колес сливался со стуком копыт. Кроме Эшли, некому было ехать в повозке по ночной тропе. Настораживало лишь то, что звук постепенно удалялся. Определенно повозка двигалась в противоположном направлении. Вскоре ее шум почти затих.

Озадаченный, я прибавил шаг и вскоре услышал чье-то учащенное дыхание и звук торопливых шагов. Я различил, что шли двое, совершенно не скрываясь и, очевидно, крайне спеша. Из-за окружающего непроницаемого мрака видеть их я не мог, но, остановившись, окликнул:

— Кто идет?

Звуки мгновенно затихли. Двое напряженно застыли, затаив дыхание и превратившись в неподвижные тени.

— Вам не следует бояться, я — Кирби Гарфилд, — снова заговорил я. — Кто вы такие?

— Стойте и не двигайтесь! — ответил мне низкий голос, и я узнал Эшли. — Я знаю мистера Гарфилда и хочу убедиться, что это вы. Но пока не шевелитесь, иначе угощу свинцом.

Раздался слабый треск зажигаемой спички, и крошечное пламяхватило из темноты квадратное суровое лицо разглядывающего меня Эшли. Слабый отблеск мелькнул на револьвере в другой руке слуги и позволил заметить лежащую на ней женскую ручку: узкую и белую, со сверкнувшим на пальчике драгоценным камнем. Лица я разглядеть не успел, во мраке оно казалось бледным лепестком. Но стройный силуэт прижавшейся к Эшли женщины говорил о ее молодости.

— Все в порядке. Вы действительно Кирби, — буркнул Эшли. — Позвольте спросить, что за нужда привела вас сюда?

— Я счел необходимым предупредить твоего хозяина о Топе Бакстере.— Мне не понравился тон вопроса, и я постарался быть как можно более кратким. Да и не привык я давать кому бы то ни было отчет о своих поступках.— Догадайся я, что ты в поселке, я бы не беспокоился понапрасну. Ведь тебе обо всем рассказали. Где твоя повозка, почему вы идете пешком?

— Я не знаю, что напугало наших лошадей. Мы едва не наехали на мертвого негра, лежащего поперек тропы. Пришлось сойти, чтобы осмотреть тело. Но тут в лошадей словно бес вселился: захрипели, забились, встали на дыбы и стремглав рванули вместе с повозкой. Не думаю, что они так испугались мертвеца. Хотя зрелище жуткое — его, видимо, разорвала стая волков. Может, волчий запах так подействовал на лошадей... А нам ничего не оставалось, как добираться пешком. Волки могли вернуться и напасть на нас.

— Ты прекрасно знаешь, что летом волки не охотятся стаями и уж тем более не нападают на людей.— Я подождал, пока Эшли зажжет следующую спичку.— Мне известно, что Джима убил не волк, а человек.

Метаморфозы, происходящие с лицом Эшли после того, как отзвучал мой голос, странным образом совпали с реакцией его хозяина. Изумление сменил ужас, бронзовая кожа побелела так, что стала пепельной, и он стоял, не в силах вымолвить ни слова. Спичка догорела, и мы застыли в молчании.

— Очнись, Эшли. Ты должен представить меня леди,— потребовал я.

— Племянница мистера Брента мисс...мисс...— Шелест сухих губ был едва слышен. Казалось, Эшли полностью овладела апатия.

— Я Глория Брент. Дядя Ричард телеграфировал мне, что я должна приехать к нему безотлагательно.— В дрогнувшем голосе чувствовался испуг, но выговор был безупречен, а манера речи выдавала благородное происхождение девушки.— Я показала телеграмму вам, Эшли.

— Видеть-то я видел, но ума не приложу, как хозяин ее отправил,— пробормотал слуга.— Он уже несколько месяцев не покидает своего жилища и не мог быть в деревне.

— Признаться, я была удивлена, что дядя вызывает именно меня, а не какого-то другого члена семьи,— продолжала девушка.

— Ну, вы его любимица. Так было всегда, мисс,— заметил Эшли.

— О, я так спешила. При первой возможности я оставила Нью-Йорк. Пароход прибыл в деревню поздно вечером, и, сойдя на пристань, я разузнала, что Эшли как раз здесь. Мне подсказали, где его найти. И как раз вовремя, он уже собирался домой.— Глория Брент говорила быстро. Потрясенная случившимся, она чувствовала необходимость выговориться.— Эшли, конечно, взял меня с собой, хотя и не мог скрыть удивления, когда меня увидел. Мы поехали и натолкнулись на... мертвого негра.

Последние слова дались ей с трудом. Будучи человеком определенного круга, скорее всего, она впервые видела насильственную смерть. Это для здешнего жителя мертвец, будь он белым или черным, показался бы довольно заурядным зрелищем. Хотя, конечно, не в случае с Джимом Тайком.

— О Боже! Тот не... негр...— заикаясь, попыталась продолжить девушка, но ее прервали самым неожиданным образом. Прямо у тропы среди черных зарослей раздался визгливый смех, леденящий

кровь. Смех перешел в невнятные всхлипывающие звуки. Странные, искаженные, они мало напоминали человеческую речь. Но все же слова удалось разобрать, и я похолодел.

— Мертвецы! — завывал неизвестный — Все вы — мертвецы! Еще до рассвета много мертвецов ляжет под соснами. Мертвецы с порванными глотками! Глупцы, вам не уйти от возмездия! Мертвецы!.. — И опять дикий хохот.

Мы с Эшли разом открыли огонь в направлении голоса. В оглушительном грохоте наших выстрелов мерзкие завывания смолкли, но затем раздались снова, уже поодаль. Типина стала осязаемой, давила влажным туманом. И каждый, даже самый невинный, звук, казалось, становился предвестником невидимой, но неуклонно надвигающейся опасности. Послышались приглушенные всхлипывания. Я протянул руку, коснувшись плеча девушки. Она прижалась ко мне, подрагивая всем своим гибким телом и пытаясь сдерживать рыдания. Безошибочный женский инстинкт подсказывал ей, что я сохранил присутствие духа и являюсь более надежной защитой, чем Эшли. И потом, в неверном пламени спичек, она могла разглядеть мою крупную мускулистую фигуру.

— Быстрее! Бежим в хижину, Бога ради! — громко сглотнув, прохрипел слуга. — Мы уже недалеко. Вы с нами, мистер Гарфилд?

Его перебила Глория:

— Кто это был? Вернее — что это было?

— Мало ли на свете безумцев. — Мой голос звучал твердо, даже беззаботно. Но в глубине души я был уверен, что человек, пусть даже сумасшедший, не может разговаривать таким образом. Ссадины на моей шее, рваные раны Джима, истерика Брента — все выстраивалось в одну логическую

цепочку. Зверь, хищный и безжалостный, но на двух ногах и с человеческими извращенными мозгами! Боже! Рассудок отказывался принять подобное, но что-то внутри меня подсказывало, что я прав. Я сжал ладонку Глории и велел Эшли тоже взять ее за руку. Мы двигались, стараясь держаться как можно дальше от зарослей, полные решимости немедленно стрелять, шевельнись что под деревьями.

— Сначала стреляй, затем спрашивай,— велел я слуге.

Он был напуган куда сильнее девушки, но молча повиновался и шел, судорожно и тяжело дыша. Эшли был хоть и ниже меня, но достаточно рослый и мускулистый мужчина. Мы так крепко поддерживали Глорию, что почти несли ее между нами, маленькие ножки лишь чуть касались земли. Наше путешествие, казалось, никогда не кончится, тропа была бесконечной, а тьма — беспросветной. Страх преследовал нас по пятам, ухмыляясь, смотрел в спину. Ни на мгновение нельзя было отделаться от мысли о дьявольском отродье, готовом метнуться из чащи и прыгнуть на плечи, вонзив в беззащитную плоть клыки и когти.

Но вот между деревьями показался свет. Вздох облегчения сорвался с губ слуги. Мы прибавили шаг и почти побежали.

— Слава Богу! Наконец-таки мы дома,— выдохнул Эшли, и мы вылетели на поляну.

— Окликни хозяина, — распорядился я.— Мы расстались не лучшим образом. Он угрожал, что пристрелит меня. Старый...

Пришлось замолчать, вспомнив о мисс Брент.

— Мистер Брент! Мистер Брент! — заорал мой спутник.— Откройте дверь, скорее! Это я — Эшли.

Верхняя половина двери мгновенно распахнулась. Хлынул поток света, и стало видно Брента. С дробовиком он так и не расстался: стоял, держа его в руках, и, шурясь, глядел в темноту.

— Живо в дом! — Следы истерики еще чувствовались в его голосе. — Кого ты притащил? — злобно выкрикнул Брент.

— Со мной мистер Гарфилд и мисс Глория, ваша племянница.

— Дядя Ричард! — В возгласе девушки слышались слезы. Не в силах больше сдерживаться, она кинулась вперед и обняла Брента за шею. — Дядя Ричард! Скажи, что здесь происходит... Я так боюсь...

— Глория! — растерянно вымолвил Брент, застыв, словно громом пораженный. — Бог мой, как ты-то сюда попала?!

— Дядюшка, но ты же сам послал за мной! — В недоумении девушка опустила руки. Потом спохватилась и, поискав в кармане, протянула Бренту смятую телеграмму. — В ней говорится, что я должна немедленно приехать.

И без того сумрачное лицо хозяина потемнело.

— Уверю тебя — я не посылал этой телеграммы. Боже милостивый, мне и в голову не могло прийти вызвать тебя. Здесь не место молоденьким девушкам. В этой глуши случаются кошмарные вещи. Что стоишь, быстрее в дом.

Не выпуская из руки дробовик, он распахнул дверь и втащил ее внутрь. Эшли резво кинулся следом, но на пороге оглянулся и крикнул мне:

— Мистер Гарфилд! Входите же!

Я не спешил воспользоваться приглашением. Забыв от удивления о моем присутствии, Брент, услы-

шав мое имя, отскочил от девушки. С приглушенным рыком встал в дверях и вскинул ружье. Но я был уже наготове. Его выходки стояли у меня поперек горла, а нервы были слишком напряжены, чтобы второй раз снести наглость Брента. Прежде чем он успел опомниться, дуло моего 45-го выразительно покачивалось перед его лицом.

— Опустите ружье, мистер! — велел я. — Бросьте и отойдите в сторону. Иначе я прострелю вас прежде, чем вы успеете нажать на курок. Мне надоели ваши идиотские подозрения.

Он отпрянул и, поколебавшись, опустил ружье. А Глория смотрела на меня во все глаза. В потоке хлынувшего из распахнутой двери света я, пожалуй, уже не внушал ей особого доверия. Моя фигура подразумевала недожинную силу, а загорелое лицо, иссеченное шрамами многочисленных речных побоищ, вряд ли можно было назвать привлекательным.

— Он наш друг, — робко вмешался Эшли. — Хозяин, мистер Гарфилд здорово помог нам в лесу.

— Отстань, он — слуга дьявола! — заорал Брент, вцепившись в свое ружье, но предусмотрительно не поднимая его. — Явился, видите ли, сообщить о сбежавшем чернокожем злодее... Сказки! Ночью припереться в Египет для того лишь, чтобы предупредить чужака! Не настолько он туп, ваш мистер Кирби. Неужели, Боже ты мой, такая выдумка может вас одурачить? Смотрите сами — на нем клеймо Гончей!

— Значит, вы уже знаете, что демон здесь?! — воскликнул Эшли.

— Да, этот посланник тьмы, — он кивнул в мою сторону, — говорил об этом дьяволе. Он думал провести меня и забраться в дом... — Брент вдруг осекся и, обращаясь только к Эшли, жалобно завыл: — О, мы в ловушке! Нас все же выследили, не

помогли никакие уловки. Среди людей мы бы купили защиту, но здесь, в этой глуши, кто придет к нам на помощь? Кого молить об избавлении? Глупо было надеяться, что нам удастся затеряться в этом проклятом лесу. Дьявол уже близок, он схватит нас...

— Да, он близок, и мы слышали его жуткий хохот.— Эшли содрогнулся.— Он развлекался, издеваясь над нами голосом зверя, зная, что мы наткнулись на изуродованный им труп, разодранный и измочаленный будто клыками самого Сатаны! Господи, что ждет нас?

— Выхода нет. Мы должны запереться и драться до конца! — вскинулся Брент. Его трясло, кровь бросилась в голову, губы кривились в истерической усмешке.

Глория Брент растерянно переводила взгляд с дядюшки на слугу.

— Что происходит? Прошу вас, расскажите мне,— не выдержала она.

Противно хихикая, Брент дулом дробовика указал на стену черного леса, окружившего поляну:

— Много лет исчадие ада преследует меня по всему свету! И наконец нагнал! Прижал в угол! Дьявол в человеческом облике здесь, затаился в этом лесу... Помнишь Адама Гримма?

— Да, он был твоим спутником, когда ты путешествовал по Монголии пять лет назад. Ты вернулся один, сказав что, мистер Гримм погиб в стычке с дикими племенами.

— Я был уверен в этом,— внезапно успокоившись, произнес Брент.— Ну что ж, выслушай меня. Есть среди черных гор Внутренней Монголии места, где не ступала нога человека. Белого человека Около проклятого Богом и людьми города Ялган нашу экспедицию атаковали фанатики-огнепоклон-

ники. Там их называют черными монахами Эрлика. Разгром был полным — проводники, носильщики, слуги убиты, вьючные и ездовые животные похищены. Кроме одного маленького верблюда. Гримм и я укрылись за камнями и отстреливались от нападавших весь день. Мы решили дожидаться ночи и пробиваться через окруживших нас фанатиков на оставшемся верблюде. Мне было ясно, что маленькое, перепуганное и уставшее животное не вынесет двоих. Но это был шанс спастись, и я не собирался упускать его. Лишь только стемнело, я подобрался к Гримму из-за спины и ударил его прикладом по голове. Адам отключился, а я оседлал верблюда и сбежал...

Брент, казалось, забыл о том, где находится, поглощенный воспоминаниями. Он не обращал внимания на неприязненное изумление, отразившееся на миловидном лице девушки. Глория смотрела на дядю, как будто видела его в первый раз. И то, что она разглядела, вызывало презрение. Одержимый страхом Брент абсолютно раскрылся, и его мелкая, подленькая душонка предстала во всей красе, лишенная привычного лоска воспитания и положения. Зрелище отвратительное.

— Я бежал, пробившись сквозь цепи осаждающих, и скрылся в ночи. Само собой, мой спутник попал в руки черных монахов. И много лет я считал его мертвым. Вернее, хотел считать. Ведь я знал — фанатики подвергают мучительной смерти любого инакомыслящего, тем более белого чужестранца. Я старался забыть и этот случай, и Адама Гримма. Мне это почти удалось. Прошли годы, и вот семь месяцев назад я получил весточку. Адаму удалось остаться в живых, и он вернулся в Америку с единственной целью — разделиться со мной. О Боже мой, во что он превратился! Я мог бы справиться с челове-

ком, но монахи чудовищным образом изменили его. Какими-то дьявольскими трюками они преобразовали тело Гримма, сделав из него получеловека-полуживотное. И натравили на меня. В полицию обратиться я не мог: кто бы мне поверил? Да и вряд ли полиция смогла бы защитить меня от дьявольских происков и нечеловеческой хитрости этого существа, просто одержимого желанием уничтожить меня. Больше месяца я прибегал к различным хитростям и уловкам, пытаюсь сбить Гончую со следа. Метался по всей стране и наконец, решив, что мне это удалось, затаился, как загнанный зверь, в убежище среди сосновых лесов Египта. Я думал, что сбил его со следа и он меня не найдет в захолустье, среди варваров, вроде этого типа Кирби Гарфилда...

— Кто бы говорил о варварах!

Глории не удалось скрыть презрение, сквозившее в ее голосе. Но Брент ничего не замечал, всецело погруженный в собственные страхи.

Девушка повернулась ко мне и сделала приглашающий жест:

— Пожалуйста, проходите, мистер Гарфилд. Вы все слышали и должны понимать, что вам не стоит среди ночи возвращаться через лес, где рыщет дьявольское существо.

Я не спешил воспользоваться приглашением, и оказалось, что правильно сделал.

Брент мгновенно очнулся и завопил:

— Нет! Глория, отойди прочь от двери! Эшли, старый дурень, придержи язык. Он — посланец Адама Гримма, говорю вам. Я не позволю ему переступить порог этого дома!

Бледная, растерянная Глория отступила. Маленькая и беспомощная, она вызвала жалость, но сейчас я ничем не мог помочь ей. Старый безумец

лишил меня этой возможности. Презрение к нему было так велико, что ни за что на свете я не остался бы с Брентом под одной крышей.

— Я скорее отправлюсь в преисподнюю, чем проведу ночь в твоей хижине, — зло бросил я. — Ты вынуждаешь меня уйти, но только попробуй выстрелить мне в спину. Прежде чем умру, я успею убить тебя. Будь уверен, вернуться меня заставил только долг джентльмена — леди нуждалась в моей помощи. Она и сейчас нуждается в ней, но ты решил справиться сам. Бог тебе в помощь.

Обращаясь к Глории, я, с легким поклоном, продолжил:

— Мисс Брент, я намерен вернуться завтра с экипажем и отвезти вас в деревню, если позволите. Вам лучше отправиться обратно в Нью-Йорк, и как можно скорее.

— Обойдемся без тебя! — рыкнул Брент. — Эшли сам отвезет ее. Черт побери! Уберешься ты наконец?

Пренебрежительно ухмыльнувшись прямо в его надутую физиономию, я развернулся и решительно пошел прочь. Оглушительно хлопнула дверь, и тут же послышался истеричный голос хозяина и рыдания девушки. Бедняжка! От испытания, свалившегося на ее голову, сдали бы нервы и у кого покрепче. Выхваченная из привычной городской среды, она сначала оказалась в примитивных, отнюдь не комфортных условиях, среди грубых и склонных к насилию людей, а затем в центре невероятных кровавых событий. Разодранный труп, грехи невиняемого дядюшки, бродящее рядом адское создание, пылающее мстью... Она еще хорошо держалась. На пи глухие сосновые леса и в спокойные времена производят странное, тяжелое впечатление на обычно-

го горожанина с востока, а с появлением злобного призрака из мрачного прошлого, привнесшего ощущение кошмара в здешнюю и без того угрюмую и таинственную атмосферу, настоящий ужас поселился среди мрачных лесов.

Остановившись, я повернулся и посмотрел на все еще заметный среди стволов огонек. Роковая угроза нависла над одинокой хижинкой. Я корил себя, что оставил беззащитную девушку под опекой свихнувшегося Брента. Так не подобало поступать белому человеку. Да, Эшли, несомненно, боец. Но его хозяин? Непредсказуемое поведение указывало на поврежденную психику. Резкие перепады от неистовой ярости к апатии, столь же безудержная подозрительность — все говорило о приближающемся безумии. Болезнь, всякая болезнь, вызывает сочувствие в нормальном человеке. Но я не чувствовал жалости. Только смерти заслуживает человек, предавший друга ради спасения собственной жизни.

Но его враг тоже, очевидно, сумасшедший. Гримм явно одержим кровавой жадой убивать, об этом говорила жестокая расправа с несчастным, ни в чем не повинным Джимом. Я вспоминал веселого, всегда готового услужить Тайка, и холодная ярость заклокотала в моей груди. Я готов был уничтожить мерзкую бестию только за одно это преступление, попадись это исчадие ада мне в руки. Видимо, в больном воображении Гримма созрел зловещный план, по которому за грехи Брента должна была пострадать и его племянница. Стало ясно, что именно он отправил телеграмму ничего не подозревающей Глории. Гримм обманом вынудил девушку приехать, чтобы заставить ее разделить судьбу, уготованную предавшему его Ричарду Бренту. Очевидно, дух, питающийся человеческой глупостью, сегодня по-

лучил благодаря мне обильный ужин. Я сплонул и отправился назад, к хижине. Пусть мне не попасть внутрь дома, но что мешает спрятаться неподалеку и быть во всеоружии в том случае, если моя помощь станет необходимой?

Через несколько минут я уже выбрал место для засады и притаился под сенью деревьев. Щели в ставнях пропускали достаточно света, а в одном месте ставень отошел и виднелась часть окна. Вдруг мелькнуло что-то темное, и оконное стекло разлетелось тысячью искр. Ночь разорвала вспышка ослепительного пламени, одновременно полыхнувшего из дверей, окон и дымовой трубы. Хижину взорвали, но почему-то взрыв был абсолютно беззвучным. А на фоне ярких языков пламени мелькнул и исчез черный высокий силуэт.

Слепящая вспышка еще стояла перед моими глазами, когда мир заполнился разноцветными кругами и раздался новый оглушительный взрыв, сопровождающийся громовым раскатом. Я даже не успел понять, что меня огрели сзади по голове. Внезапный удар ужасной силы — и я потерял сознание.

3

Как ни странно, я очень четко помню, как приходил в сознание. Сначала забрезжил маленький мерцающий огонек, постепенно он разрастался, вселенская тьма, окружившая меня, отступила. Я крепко сжал веки, повертел головой в разные стороны. Осторожно приоткрыл глаза и окончательно очнулся. Положение оказалось незавидным: я лежал на спине со скованными наручниками, вытянутыми вперед руками. Голова раскалывалась от боли,

запекшаяся кровь стянула кожу. Меня, видимо, волоком тащили сквозь кусты. Тело саднило, одежда превратилась в лохмотья. Рядом со мной потрескивал воткнутый в землю факел, освещавший маленькую лесную прогалину. Желтоватые блики играли на черных стволах близких деревьев.

Надо мной нависала огромная черная масса — сидящий на корточках невероятно мощный негр. Я узнал Топа Бакстера. Его широкоплечая и коренастая фигура была полуобнажена, единственной одеждой служили рваные, испачканные глиной бриджи. Зато вооружен он был на славу: в каждой руке по револьверу. Дурашливо ухмыляясь, он попеременно целил в меня, прищуривая то один, то другой глаз. 45-й принадлежал мне, а второй револьвер достался Бакстеру от констебля, которому поутру Топ вышиб мозги.

Я продолжал лежать неподвижно, пытаясь выиграть время, и меланхолично наблюдал за игрой отсветов пламени на массивном теле негра. В бликах колеблющегося света его торс казался то вылитым из тусклой бронзы, то вырезанным из сияющего эбенового дерева. Он походил на духа этих пустынных мест, выползшего из адской бездны тысячелетия назад, свирепого и беспощадного. Что-то звериное было в бугрящихся мощных мышцах на по-обезьяньему длинных руках, в громадных плечах и в короткой жирной шее, на которой сидела небольшая голова с плотно прижатыми ушами. О близком родстве с его первобытными предками говорили и тусклые глаза без проблеска мысли, и широкие плоские ноздри, и толстые губы, обнажавшие похожие на клыки зубы.

— Черт побери, только тебя не хватало в этом кошмаре. Что тебе надо? — спросил я.

Топ оскалился в мерзкой ухмылке.

— Масса Кирби, как я рад, что ты оклемался. Мне хотелось, чтобы ты видел того, кто убьет тебя, — крайне довольный собой, побурчал негр. — А я затем схожу и погляжу, как это делают белые. Масса Гримм утробит и девчонку, и старика!

— Что ты несешь, черный ублюдок? — с угрозой процедил я. — Гримм? Откуда ты о нем знаешь?

— Мы встретились в лесу, где он затаился после того, как убил Джима Тайка. Я услышал патьбу и решил поглядеть — не за мной ли погоня? Подобрался и увидел массу Гримма. Я зажег факел и немного проводил его. Он очень умный, он поможет мне удрать, — с наивным самодовольством закончил Топ.

— Значит, я видел свет твоего факела, — проворчал я. — Продолжай!

— Подошли мы к хижине, и масса берет бомбу и как швырнет в окно! А бомба-то какая хитрая — не убивает людей, а только они как бы засыпают. Старик и девка падают и не могут двигаться. А меня масса оставил на тропе — сторожить. Тут я тебя увидел, ну и трахнул по голове. Смотрю, из дверей выползает тот парень — Эшли. Тогда масса Гримм хватает его и выкусывает глотку. Ну прямо так же, как Джиму Тайку.

— Как так — «выкусывает глотку»? — ошарашенно вымолвил я.

— Ему это в самый раз. Масса Гримм ходит и говорит, как человек. Но он не похож на других. У него лицо как у собаки или волка. — Казалось, это обстоятельство совершенно не волнует Бакстера.

— Неужели Гримм — оборотень? — похолодел я.

— Ну и что? На «старой родине» таких много, — хмыкнул он. Затем резко посуровел. — Я заболтался. Настало время вышибить тебе мозги.

Правая рука подняла револьвер, он прищурился, целясь. Толстые губы застыли в глумливой ухмылке убийцы. Я напрягся, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-то уловку, в смутной надежде спасти свою жизнь. Я лежал навзничь, ноги не были связаны, но руки скованы. Стоило пошевелиться — и горячий свинец пронзит мой мозг. Меня могло спасти только чудо или... Я лихорадочно стал вспоминать полубезумные легенды его народа. Только сыграв на суеверии и примитивном мышлении черного гиганта, я получал шанс выжить.

— Эти наручники ты стащил у Джо Сорли, верно? — ровным голосом осведомился я.

— Ага, — не переставая целиться, буркнул Топ. — Я взял и пушку, и браслеты заодно. Ведь Джо они уже не понадобятся, после того как я проломил ему череп прутот от решетки. А мне, думаю, на что-нибудь сгодятся. Не ошибся, как видишь.

— Я рад, что ты убьешь меня в этих наручниках. Ведь ты будешь навек проклят! Думаю, тебе известно: если убьешь человека с крестом, то навсегда окажешься во власти его призрака. А гнев духа бесконечен, и он вечно будет преследовать тебя!

Его улыбка превратилась в злобный оскал, но он все-таки опустил револьвер. И то слава Богу.

— Не пытайся меня обмануть, белый! Где у тебя крест? — зарычал Бакстер.

— Ты сам мне его надел. На внутренней стороне одного из браслетов выцарапан крест. Джо это сделал и постоянно носил их как амулет. Теперь они на мне, стреляй — и я уволоку тебя за собой в ад.

— В каком из колец? — угрожающе заорал он, потрясая револьверами.

— Валяй ищи, — насмешливо произнес я. — Но смотри не ошибись! Можешь стрелять, а я позабо-

чуюсь, чтобы ты не знал покоя ни на том, ни на этом свете. Думаю, ты вволю отоспался в камере, потому что я никогда не дам уснуть тебе снова. И днем и ночью тебе будет мерещиться мое насмешливое лицо. В шуме ветра среди деревьев ты услышишь мой стонущий голос. И, прячясь не прячясь, как только наступит темнота, мои ледяные пальцы начнут терзать горло Топа Бакстера.

— Заткнись! — рявкнул негр, размахивая револьвером. Он явно перепугался, по крайней мере его черная кожа приобрела пепельный оттенок.

— А ты попробуй заставь меня. Не посмеешь! — Я с трудом повернулся и попытался сесть, но от боли криком боли упал обратно.

— Скотина, будь ты проклят! Ты сломал мне ногу! — выругался я.

Топ приободрился при этих словах. Красноватые глаза приняли решительное выражение, кожа постепенно восстанавливала эбеновый цвет.

— Сломана, говоришь? — Блестящие белые зубы сверкнули в злобной усмешке. — Здорово же я тебе врезал, что ты так неудачно свалился!

Сунув оба револьвера под ближайший куст, но подальше от меня, Топ вразвалочку подошел, шаря в кармане бриджей в поисках ключа от наручников. Самоуверенность шакала, преследующего смертельно раненное животное, сквозила в каждом его движении. Еще бы — я был безоружным и казался беспомощным со сломанной ногой. И наручники ничего не меняли. Бакстер наклонился надо мной, повернул ключ и грубо сорвал старомодные оковы с моих рук. Мгновенно я приподнялся и схватил его за горло, мои пальцы сомкнулись со всей силой отчаяния и потянули негра вниз.

Топ Бакстер всегда кичился своей силой и вел себя в нашем городке достаточно нахально. Мне давно хотелось проучить его. Но джентльмену не подобает ввязываться в ссору с чернокожим. Однако здесь нас никто не видел, и я мог потягаться силой с убийцей. Свирепая радость и мрачное удовлетворение охватили меня. В этой схватке ставкой становилась жизнь: побежденный умрет.

Бакстер взвыл, мгновенно догадавшись, что я провел его. Собственная глупость взбесила негра — он собственноручно освободил вовсе не раненного противника, да еще и остался без оружия. Ярость туманила его тупую башку, он готов был разорвать меня голыми руками. Резким движением ему удалось освободить горло, и мы покатались по сосновым иглам, слепо колотя друг друга.

Будь я сочинителем, вниманию вашему была бы представлена элегантная повесть. Белый европеец, сочетая высочайший интеллект с прекрасными боксерскими навыками и применяя выверенный научный подход, покоряет грубую природную силу. Но я привык придерживаться реальных фактов.

Разуму в нашей драке была отведена крайне незначительная роль. Оказавшись в объятиях обозленной гориллы, мало думаешь и о научном подходе. А сноровка Топа позволяла ему, не зная приемов классической борьбы или бокса, четвертовать противника голыми руками. Цивилизованный человек оказывался бессильным перед таящимися в теле Бакстера молниеносной быстротой, тигриной яростью и ломающей кости могучей силой.

Мне пришлось биться с ним, все равно как с диким зверем, и я принял этот вызов. Мы дрались, как кровожадные дикари с речными жителями, как самцы-соперники гориллы за текущую самку, когда

грудь прижата к груди, мышцы готовы порваться от напряжения, сжатый кулак бьет в твердый череп колена — в пах, зубы рвут плоть противника, а скрюченные пальцы тянутся к глазам. Даже перекатившись через брошенные револьверы с полдюжины раз, ни я, ни негр не вспомнили о них. Мы оба были одержимы одним застилающим мозг алой пеленой ослепляющим желанием — убить, убить голыми руками. Изорвать, изуечить, превратить соперника в неподвижную грудку окровавленного мяса и раздробленных костей. Я потерял счет времени, оно растворилось в налитой кровью вечности. Мою плоть терзали пальцы Топа, превратившиеся в железные когти. Пудовые кулаки дробили кости. Голова шла кругом от бесчисленных ударов о твердую землю. Боль в боку нарастала — видимо, по меньшей мере одно ребро уже было сломано. Мучительным огнем горели вывернутые суставы и порванные мускулы. Кровь сочилась из прокушенного уха. Все мое существо погружалось в бесконечное море страданий. Кровь пропитала мои лохмотья... Но Гарфилды не из тех, кто подставляет правую щеку. Смирение неведомо мне, и я платил той же монетой.

Кто-то сбил факел наземь, и он валялся в нескольких футах, продолжая неярко тлеть. Зловещий тусклый свет выхватывал из темноты отвратительное зрелище нашей драки. Но он не мог разогнать кровавого тумана, застлавшего мои глаза. Яростная жажда убийства позволила мне разглядеть поблескивающие белые зубы противника, растянутый в мучительной ухмылке рот и белки закатившихся глаз. Не лицо, а страшная кровавая маска. Я изуродовал его до неузнаваемости. Его черная шкура была сплошь исполосована алым, кожа свисала лохмотьями. Кровь, пот и грязь сделали избитые тела скольз-

кими, наши скрюченные пальцы скользили по ним, уже не причиняя вреда. Неимоверным усилием мне удалось наполовину освободиться из его медвежьих объятий. Собрав последние силы, я напряг все до единого мускулы и, выложившись до конца, двинул негра прямым правым в челюсть. Послышался треск ломаемой кости и сдавленный стон — раздробленная челюсть нелепо отвисла. Кровавой пеной покрылись разбитые толстые губы, терзающие мое тело руки ослабли. Впервые я почувствовал, что давящая меня огромная туша обессилела. Какое-то животное вождение охватило меня, с хищным воплем удовлетворенного зверя я сомкнул пальцы на его горле. Негр упал на спину, я наконец очутился сверху и всей тяжестью навалился на его грудь. Он еще вяло пытался вцепиться слабеющими пальцами в кисти моих рук. Я не обращал внимания и медленно, очень медленно душил его. Мне было не до приемов джитсу или классической борьбы. Я задушил Топа Бакстера с помощью грубой зверской силы, отгибая ему голову назад, все дальше и дальше. Толстая шея не выдержала и хрустнула, как гнилая ветка.

Я даже не заметил, что он умер, так был опьянен финалом сумбурной битвы. Смерть уже расплавила железо его мускулов, а я и не подозревал об этом. Все еще в горячке сражения, я вскочил ногами на поверженное тело и машинально топтал ему голову и грудь до тех пор, пока кости не превратились в кашу под моими каблуками. Лишь тогда до меня дошло — Бакстер мертв.

Больше всего на свете мне хотелось обессиленно рухнуть на землю, я почти терял сознание от неимоверного напряжения и боли. Но в мозгу молоточками стучало: твоя работа еще не кончена. Нагнувшись, я шарил онемелыми руками, пока не

отыскал и не подобрал револьверы. Врожденный опыт лесного жителя указал мне дорогу к хижине Бренга. Пошатываясь, я побрел между соснами. Даже после столь отчаянной борьбы мое закаленное тело с каждым шагом восстанавливало силы.

Оказалось, что я недалеко от цели. Топ следовал своему чутью жителя джунглей и просто оттащил меня с тропы в заросли. Через некоторое время я уже двигался по тропинке к мерцающему из-за деревьев свету в окне жилища Бренга. Негр не лгал, рассказывая о действии бомбы. Беззвучный взрыв не только не уничтожил дом, но незаметно было даже значительных повреждений — лишь выбитые стекла, валяющиеся на земле ставни да почерневшая крыша. Свет струился из открытых окон, а из хижины доносился нечеловеческий смех, от которого кровь стыла в жилах. Я уже слышал этот гнусавый голос, насмехающийся над нами в темных зарослях у тропы.

4

Стараясь держаться в тени, я бесшумно пробирался по поляне, двигаясь вокруг дома в направлении глухой, без окон, стене. Достигнув ее, я приблизился к дому, скрытый густым мраком. У стены я споткнулся, зацепившись одной ногой за что-то громоздкое и податливое. Я едва не рухнул на колени, сердце от страха ушло в пятки. Я прислушался. Из хижины все еще доносился издевательский хохот и насмешливые возгласы. Оказалось, что я споткнулся об Эшли, вернее, о его тело. Отблески света из окна падали на изуродованный труп. Мертвец лежал на спине, уставясь вверх невидящими глаза-

уставясь вверх невидящими глазами, голова его неестественно запрокинулась на кровавых ошметках, бывших когда-то шеей. Горло было просто вырвано: от подбородка до грудины зияла огромная рваная рана. Кровь насквозь пропитала одежду слуги. Приступ тошноты удалось сдержать с большим трудом. Конечно, можно привыкнуть иметь дело с насильственной смертью, но сегодняшние события совсем выбили меня из колеи. Прижавшись к стене, и безуспешно пытался отыскать ицель между бревен. Смех прекратился, и вновь в доме зазвучал нечеловеческий высокий голос, от которого пробирал озноб, а тело покрывал холодный пот. Как и тогда в лесу, я с немалыми усилиями смог разобрать слова:

— ...По странной прихоти судьбы черным монахам вздумалось оставить меня в живых. Убийство явилось бы актом милосердия, а им захотелось поразвлечься. Шутка была, с их точки зрения, просто восхитительной. Монахи Эрлика решили поиграть со мной, как кошка играет с полузадушенной мышью, а потом отправить в большой мир. Но только с навеки нестираемым клеймом — клеймом Гончей. Да, то, что вы видите, называется именно так. Забавная шутка, не правда ли? О, черные монахи — мастера своего дела, и они прекрасно справились с задачей. Тайное учение огнепоклонников позволяет как угодно изменить облик человека. Они величайшие ученые на свете — эти дьяволы Черных гор! Весь западный мир знает о науке меньше, чем слуга, вытряхивающий ковры в храме Эрлика.

Пожелай они покорить мир, мы давно бы стали их рабами. Их изыскания в любой области знаний превосходят все мыслимые пределы, доступные современной науке. Я, как видите, столкнулся с их достижениями в пластической хирургии. Знания всех

врачей мира несравнимы с их разработками в области желез внутренней секреции. Монахи знают, как замедлить их развитие, либо ускорить, или же вообще изменить функции определенным образом. Ни один европейский или американский врач не в состоянии даже представить, что можно добиться подобных результатов — и каких результатов! Помотри на меня! Будь ты проклят, смотри и сойди с ума!

Двигаясь очень осторожно, я приблизился к окну и заглянул внутрь. В противоположном углу комнаты, обставленной с роскошью, совершенно несоответствующей внешне скромному виду жилища, на широком диване лежал Ричард Брент. Его руки и ноги были плотно прикручены к телу толстой веревкой. Лицо приобрело синюшный оттенок, а вкупе с выпученными глазами и раскрытым слюнявым ртом оно мало походило на человеческое. Рядом, на крышке стола, растянутая за лодыжки и кисти, была привязана беспомощная Глория. Она была совершенно обнажена. На полу валялась небрежно разбросанная одежда, видимо грубо сорванная с девушки. Повернув голову, несчастная широко раскрытыми глазами неотрывно смотрела на стоящую в центре высокую нескладную фигуру. Из окна, за которым я притаился, было видно только спину говорившего человека. Внешность его казалась обычной — высокий, худощавый мужчина в плотном, напоминающем плащ с капюшоном одеянии, спадающем складками с широких костистых плеч. Но меня опять охватила странная дрожь при виде этого существа. Похожее чувство я испытал, столкнувшись с жуткой темной тенью над телом бедного Джима Тайка. Нечто неестественное было в очертаниях этой фигуры, хотя и не столь различ-

мое со спины. Определенно возникало ощущение уродства, и я испытывал страх и отвращение, зачасую свойственные любому здоровому человеку при виде безобразного калеки.

— Превратив меня в нынешний кошмар, они потеряли ко мне интерес и выгнали прочь, — простонал гнусавый голос. — Но изменения происходили медленно, это заняло не день, не месяц и даже не год. О, как часто мне хотелось покончить с этим раз и навсегда, взять и умереть. Но меня удерживала мысль о мести! Монахи не только калечили мое тело, они затронули душу, забавляясь своими дьявольскими играми. Каждый день в череде долгих лет, покрытых красным туманом неслыханных мучений, я мечтал заплатить мой долг тебе, Ричард Брент, гнуснейшему из приспешников Сатаны!

Огнепоклонники равнодушны к золоту, освободившись, я стал достаточно обеспеченным, чтобы без помех осуществить свой план. И вот — да здравствует охота! Из Нью-Йорка я послал тебе весточку. Представляю, как ты обрадовался, получив фотографию старого друга. А в письме я подробно описал все случившееся — и все, что случится. Ты слишком самонадеян, если решил, что можешь скрыться от меня. Глупец, вряд ли я предупредил бы тебя, не будь полностью уверен в успехе моей охоты. Нет, ты должен был страдать, зная о своей судьбе, ежеминутно умирать от страха, убегать и прятаться, как загнанное животное. Я гнал тебя от побережья до побережья, и ты все больше осознавал свое бессилие, невозможность спастись и неизбежность нашей встречи. Ненадолго тебе удалось скрыться здесь, в гуще диких лесов, но я выследил тебя. Монахи Ялгана дали мне не только это. — Его рука поднялась к лицу, и Ричард Брент приглушен-

но взвыл.— Кроме клейма Гончей я получил частицу духа бестии, ставшей моим прообразом. Много раз я мог убить тебя, но мне этого было недостаточно. Месть — горький нектар, и я хотел насладиться им до последнего обжигающего глотка. Единственное существо, к которому ты испытываешь привязанность,— твоя племянница Глория. Вот почему я послал ей телеграмму. Расчет оказался верным: она здесь. Все, все шло так, как я задумал. Лишь одно досадное недоразумение задержало меня на пути сюда. Мое лицо всегда скрывали бинты, с тех пор как я покинул Ялган, случайная ветка срывала их. Негр-проводник увидел мой облик, и мне пришлось убить глупца. Никто, ни один человек не останется в живых, посмотрев на мое лицо. Впрочем, нет, Топ Бакстер может любоваться мной безнаказанно. Ведь он почти обезьяна, хоть над ним и не поработали черные монахи. Я почувствовал в нем ценного союзника, встретив его вскоре после того, как столкнулся с Гарфилдом. Этот тип стрелял в меня! Но о нем позаботился Топ. Разум негра столь примитивен, что он совершенно меня не боится, решив, что я некий демон. А раз я не враждебен по отношению к нему, он старательно помогает мне, боясь прогневить. И рассчитывает на мою помощь.

Вовремя я заполучил столь преданного слугу! Гарфилд возвращался, и я приказал черномазому убить его. Немного раньше я сам пытался это сделать, но он оказался слишком хладнокровен и умело обращался со своим револьвером. Проворству и силе надо учиться у таких людей, Брент. Лесные жители привычны к насилию, закалены и опасны. А ты — ты чересчур изнежен благами цивилизации и мягкотел. К сожалению, ты умрешь слишком легко.

Жестокосердие не сделало твое тело крепче. И ты лишаешь меня удовольствия заставить тебя умирать в мучениях несколько дней. Жаль, что ты не такой, как Гарфилд. Даже имея шанс удрать, этот глупец вернулся, видимо желая помочь вам. Пришлось разделаться с ним. На него не могло распространиться действие бомбы, которую я бросил в окно. Слишком далеко. В ней был использован химический состав, который мне удалось вывезти из Внутренней Монголии. Парализующий эффект зависит от жизненных сил жертвы и расстояния. Бомба обездвижила девушку и тебя, Брент, но Эшли не был изнеженным дегенератом вроде вас. Он сумел выползти из хижины, а на свежем воздухе быстро бы восстановил силы. Пришлось заняться сначала слугой и окончательно обезвредить его...

Раздался слабый стон, Брент, как болванчик качал головой. Взгляд его стал бессмысленным, с вялых губ слетала пена — похоже, он от страха потерял остатки разума. Я оторопело смотрел через окно и не мог решить, кто из них более безумен: Брент или странное, кривляющееся существо, стоявшее напротив. В этой комнате ужаса лишь девушка, беспомощно бившаяся в путах на столе из эбенового дерева, сохраняла рассудок.

Видимо, существо, бывшее некогда Адамом Гриммом, утомилось от разглагольствований. Его охватила лихорадочная жажда деятельности. Оно заматалось по комнате, выкрикивая:

— Сначала девушку! О, Ричард, сейчас ты увидишь, как наказывают провинившихся наложниц в Ялгане. Я видел это своими глазами! С женщины не торопясь, очень медленно, обязательно тупым оружием, сдирают кожу. Дюйм за дюймом, дюйм за дюймом. Твоя племянница истечет кровью, но даже

когда на ее теле не останется ни клочка кожи, она еще будет жива. И тебе, Brent, придется любоваться тем, как я освежую твою любимицу!

Адам Гримм просчитался: Brent уже не воспринимал происходящее — он погрузился в пучины безумия. Бормоча нечто нечленораздельное, он раскачивался из стороны в сторону, пуская слюни из разинутого рта.

Я одинаково хорошо стреляю с обеих рук, пора было прекращать жуткое представление. В этот миг Адам Гримм резко повернулся. При взгляде на его лицо невольный страх приковал меня к месту, я застыл, не в силах пошевелиться. Лишь черная магия адских сил могла создать нечто подобное. Теперь я поверил каждому слову о всемогуществе таинственных мастеров неведомых наук из черных башен Ялгана. Органами обычного человека остались уши, лоб и глаза. Но все остальное... Боже! Я бессилен подобрать слова, чтобы описать увиденное. Даже в кошмаре немыслимо представить такое. Нижняя половина лица была неестественно вытянута и напоминала морду животного. Подбородок отсутствовал, а верхняя и нижняя челюсти выдавались, как у волка или собаки. Вздернутые звериные губы обнажали блестящие белые клыки. Стала понятна невинность речи — поразительно, что Гримм вообще ухитрился говорить. Взгляды наши встретились, и я понял, что изменения гораздо глубже этих поверхностных признаков. В его глазах горел огонь, какого никогда не увидишь у человека, все равно — здорового или безумного. Верно, черные монахи Эрлика не только изуродовали внешность, но внесли соответствующие видоизменения в самое главное — душу. Он уже не был человеком. Гримм стал оборотнем по сути, ужасным воплощением средневековых легенд.

Он дико расхохотался и бросился к девушке, занеся изогнутый восточный нож. Глория вскрикнула, и в тот же миг я вышел из оцепенения. Огромным усилием воли мне удалось унять дрожь в руке и выстрелить. Пуля попала в цель, сутулое тело под плащом дернулось. Существо, бывшее некогда Адамом Гриммом, зашаталось, и нож выпал из костлявой руки. Он молниеносно развернулся и бросился к скулящему Бренту, сразу поняв степень грозящей ему опасности и тут же сообразив, что сумеет расправиться только с одной жертвой. Свой выбор он сделал мгновенно.

Иногда я спрашиваю себя: если бы я выбил раму и ворвался в комнату, пытаясь схватить раненого Гримма, удалось бы мне спасти хозяина? И каждый раз отвечаю — нет. Оборотень двигался с такой скоростью, что Ричард Брент все равно бы погиб раньше, чем я коснулся подошвами пола хижины. Быстрога происходящего оставила мне только одну возможность, и я ее использовал: наспиговал метнувшуюся тварь свинцом. Пули вонзались в бестию одна за одной, Гримм должен был уже давно упасть бездыханным, но монстр продолжал двигаться. Оказалось, что его жизненные силы превосходят все мыслимые пределы и для человека, и для животного. В том, чем он стал, было нечто сверхъестественное, порожденное черной магией огнепоклонников Внутренней Монголии. Под градом выпущенного с близкого расстояния свинца ни одно известное мне существо не могло продержаться так долго. А он, пошатываясь, шел и не падал до тех пор, пока я не опустошил один из револьверов, припечатав Гримма шестой пулей. Наконец он свалился, но продолжал ползти на четвереньках, из раскрытой в жуткой ухмылке пасти капали кровь и пена. Я не мог

промахнуться, и меня охватила паника. Стреляя с левой руки, я опустошил и второй револьвер, направляя выстрелы в тяжело ползущее тело, оставляющее за собой широкий кровавый след. Смерть выжидала, отступив перед ужасной решимостью этой некогда человеческой души, и все силы ада не в состоянии были удержать Адама Гримма от расправы над его добычей. Изрешеченный двенадцатью пулями, истекающий кровью, с пробитым черепом, он все же добрался до распростертого на диване человека. Адам приподнялся на руках, изуродованная голова устремилась вниз, и ужасные челюсти сомкнулись на глотке Ричарда Брента, испустившего последний придушенный вопль. Мгновение — и обе жуткие фигуры слились воедино: сошедший с ума от страха человек и спятивший от жажды мести нечеловек. Затем Гримм со звериным проворством откинул голову с окровавленной мордой и блеснувшими в злобном оскале клыками. Он смеялся. Смеялся в последнем приступе ужасного торжествующего смеха... И вдруг замолк, захлебнувшись потоком хлынувшей из пасти крови. Все еще цепляясь за свою жертву, он рухнул на пол и наконец затих навсегда.

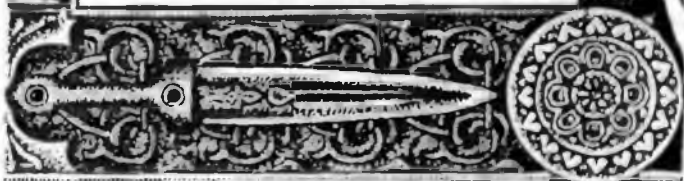

ЭКСПЕРИМЕНТ ДЖОНА СТАРКА

Ж

ирный «мальтиец», каждую ночь покидавший хозяйку по каким-то своим кошачьим делам, не вернулся с обычной прогулки. Марджори плакала, она была безутешна: в нашей округе в последнее время бушевала настоящая эпидемия исчезновений. Пока, слава Богу, только среди кошек. Но я не выносил женских слез вообще, а вид рыдающей Марджори особенно. Пришлось отправиться на поиски пропавшего любимца. Я не питал

особых надежд на то, что найду паршивца. Я был убежден, что Бозо и множество ему подобных, пропавших за последние несколько месяцев, стали жертвой некоего садиста. Дегенерата, который время от времени ублажал свои прихоти, умерщвляя славных домашних животных.

Осмотрев лужайку у дома Эшей, я двинулся через несколько заросших сорной травой бесхозных участков и оказался у крайнего по эту сторону улицы дома. Неухоженный громоздкий особняк лишь недавно обрел владельца, который, видимо, и не думал подновить приобретение. Им стал мистер Старк — одинокий пенсионер, нелюдимый старик с восточного побережья. Фасад старого дома, удаленного на сотню ярдов вглубь от улицы, почти скрывали огромные дубы. Меня как будто толкнуло к старинному зданию — вдруг показалось, что именно Старк может как-то прояснить ситуацию с загадочным исчезновением соседских животных.

Шагая к дому по разбитой, усеянной трещинами дорожке, я отметил общее запустение этого места, начиная с заржавелых, просевших ворот и кончая широким, наполовину заросшим плющом крыльцом. Я ни разу не видел вблизи нынешнего владельца, хотя он был моим соседом почти полгода, да и вообще о нем было мало что известно. Слухи о мистере Старке ходили самые разнообразные, достоверным же было одно: он жил совершенно уединенно, не имея даже слуг, несмотря на то что был калекой. Его считали угрюмым по натуре типом, не имеющим достаточного дохода для потакания своим эксцентричным причудам. Таково было общее мнение.

Крыльцо, а скорее, большая открытая веранда, проходила по всему фасаду уединенного дома. Шар-

канье прихрамывающих шагов задержало поднятую к старинной дверной колотушке руку: я обернулся и увидел показавшегося из-за угла владельца особняка. Его увечье искажало пропорции фигуры, но, взглянув на лицо, я мгновенно забыл об этом. Пронзительные глаза в глубоких глазницах смотрели из-под густых, почти сросшихся бровей. Поразительную внешность аскета и мыслителя подчеркивал высокий великолепный лоб. Тонкий, с высокой переносицей нос, загнутый наподобие клюва хищной птицы, и узкие тонкие губы усиливали впечатление. Массивная квадратная челюсть несколько выдавалась вперед, что говорило о решительном и, может быть, жестоком характере. Короткая толстая шея и массивные широкие плечи указывали на недожизненную силу, несмотря на невысокий рост. Я заметил, что двигался старик медленно, с явным трудом и опираясь на костыль, — одна нога у него была неестественно вывернута и обута в ботинок на широкой подошве, явно ортопедический.

В ответ на вопросительный взгляд хозяина я сказал:

— Доброе утро, сэр. Простите за беспокойство, мистер Старк, и разрешите представиться — меня зовут Майкл Стренг. Я живу по соседству, на другом конце улицы. Причина моего появления может показаться несущественной, но я хотел бы узнать, не попадался ли вам на глаза большой кот-мальтиец.

Он внимательно разглядывал неожиданного визитера.

— У вас есть основания считать, что я могу знать что-либо о вашем коте? — не без иронии осведомился мой собеседник низким приятным голосом.

— Никаких, — улыбнулся я, пытаюсь загладить возникшую неловкость. — Пропажа этого кота доста-

вила кучу переживаний моей невесте. А поскольку вы — ближайший ее сосед на нашей улице, я подумал, что животное могло случайно забрести на ваш участок и вы его заметили.

Объясняясь, я чувствовал себя довольно глупо.

— Понимаю. — Старик вежливо кивнул. — Должен вас огорчить, я вряд ли могу помочь вам. Я не спал этой ночью — меня мучил очередной приступ бессонницы — и отчетливо слышал кошачий концерт под деревьями. Но, к великому сожалению, интересующего вас кота не видел. Печально, что он пропал. Может, глоток виски?

Я с удовольствием принял приглашение: меня разбирало любопытство и желание узнать о соседе побольше. Он провел меня в кабинет. Пахло хорошим табаком и кожаными переплетами, книги выстроились от пола до потолка на стеллажах вдоль стен. У меня зачесались руки от желания познакомиться поближе с роскошной библиотекой, но возможности не представилось, поскольку хозяин занял меня увлекательнейшей беседой. Видимо, его обрадовало мое посещение, хотя, насколько я знал, он практически никого не принимал в своем доме.

Оказалось, что он любезнейший из хозяев, а кроме того, восхитительный собеседник, глубокого ума и обширных познаний. Едва уловимый лоск указывал на привычку вращаться в высшем обществе, а обстановка кабинета — на то, что этот человек далеко не беден. Чего стоил один только старинный лакированный шкафчик, дверца которого представляла до блеска отполированную серебряную пластину! Именно из него хозяин достал отличное виски и содовую, и мы смаковали напиток, углубившись в обсуждение многих интересных тем. При этом у меня сложилось впечатление, что мой собе-

седник высокообразован во всех областях знания. Стоило мне случайно упомянуть о моем интересе к антропологии и о новых исследованиях профессора Хендрика Брулера, как я выслушал буквально целую лекцию, легко разъяснившую ряд недоступных ранее моему пониманию вопросов.

Я опомнился едва ли не через час, полностью завороченный блестящей эрудицией хозяина. Мысль о бедняжке Марджори, напрасно ждущей новостей о пропавшем Бозо, пронзила меня чувством глубокой вины и заставила раскланяться. Но, прощаясь, я пообещал непременно вскоре вернуться. Я был буквально очарован хозяином и, проходя через холл, тешил себя сознанием, что мне удалось кое-что узнать о владельце старого особняка. Мы придерживались в разговоре тем, не относящихся к цели моего визита, но пропажа кота сыграла мне на руку, позволив познакомиться с замечательным собеседником. Занимал меня и вопрос о природе странного шума, который я несколько раз слышал во время нашей беседы. Он раздавался с верхнего этажа и был совершенно не похож на тот, что своей возней поднимают грызуны. Скорее, напоминал стук копыт, маленьких копыт, как будто наверху резвился ягненок или козлик.

Я без особых надежд продолжил поиски исчезнувшего Бозо и случайно натолкнулся на кем-то брошенного криволапого бульдога с физиономией горгульи и грустными слезящимися глазами. Время показало, что это была счастливая находка, а у пса — самое преданное из бьющихся в груди представителей собачьего племени сердце. Но тогда я его притащил Марджори в качестве незначительного утешения.

Ковыляющее сокровище в память о безвременно погибшем коте было наречено «Бозо», и Мард-

жори, поплакав, принялась забавляться на лужайке с новым вассалом так, будто ей не двадцать лет, а десять. Я покинул их, крайне довольных друг другом.

На следующей неделе я вновь посетил мистера Старка, воспоминания о беседе с которым не давали мне покоя. И, как в первую встречу, был поражен его глубокими и всесторонними знаниями. Намеренно касался самых различных тем и тут же убеждался, что ни один из прежних моих собеседников не был подобным специалистом, углублявшимся в предмет столь основательно. Искусство, экономика, философия, научные изыскания — во всем он чувствовал себя одинаково свободно. Нестандартный ход мыслей завораживал, но я не мог не прислушиваться к непонятным звукам над головой. Я решил, что его таинственный домашний любимец немного подрос — звук был более громким. Видимо, он держал его в доме, не желая, чтобы на свободе животное разделило судьбу исчезнувших кошек. Это казалось единственно разумным объяснением, тем более что в доме не было подвала или погреба. Оставались чердачные помещения, и, естественно, старик разместил неведомого обитателя наверху. Одиноким и лишенный друзей человек, вполне возможно, имел единственную глубокую привязанность — свое таинственное животное. Легко предположить подобное, а наше недавнее знакомство не давало мне права прямо спросить об этом.

Разговор затянулся до глубокой ночи, вернее, почти до рассвета. Мне с большим трудом удалось заставить себя подняться и откланяться, настолько было интересно. В ответ на мои настойчивые приглашения мистер Старк с усмешкой указал на свою больную ногу и извинился. По его словам выходи-

ло, что самое большее, на что он способен, — это обходить, хромая, свои владения, да и то ранним утром, пока не начнет припекать жаркое летнее солнце. Но он взял с меня обещание навестить его в ближайшее время.

Я с удовольствием сдержал бы обещание — оно совпадало с моими желаниями, — но неотложные дела вынудили отложить визит на несколько недель. А тем временем в нашей замкнутой сельской общине продолжали происходить таинственные происшествия, будоражившие обитателей. Нарушение привычного уклада вызвало множество пересудов, но, по обыкновению, могло просто забыться со временем, оставшись необъясненным навсегда. Как оказалось, эпидемия исчезновений разразилась с новой силой, но отныне неизвестный ненавистник кошек оставил их в покое и переключился на собак. И это привело в ярость владельцев как породистых, так и дворовых псов.

Я возвращался из города на маленьком «роудсере» встретившей меня Марджори. Встреча наша прошла как-то нерадостно, и я сразу понял, что она сильно расстроена. Бозо, ставший ее постоянным спутником, напротив, выказал все признаки восторга: лизнул меня длинным влажным языком, крокодилы разинул пасть, что, видимо, должно было означать улыбку, и даже попытался вилять обрубом хвоста. Глядя на эти нежности, Марджори еще больше расстроилась.

— Майкл, его пытались похитить прошлой ночью. — Бедняжка готова была расплакаться. — Держу пари, что это тот же негодяй, что украл моего кота. Он зверь, ужасный зверь!

Темные глаза вспыхнули негодованием. И она в подробностях изложила события последней ночи.

Слава Богу, что Бозо проявил себя настоящим бойцом, слишком крепким орешком для таинственного охотника. Внезапный шум остервенелой возни, перекрывающейся свирепым рычанием громадного пса, перебудил обитателей дома Эшей. Кто в чем был, домочадцы кинулись к конуре Бозо, но, как оказалось, слишком поздно. Неудачливому вору удалось сбежать в последнюю минуту, все слышали звук удаляющихся шагов. И хотя негодяя задержать не пришлось, на собаку было страшно смотреть. Пес все не мог успокоиться: глаза горели, шерсть стояла дыбом, он заходился в утробном рычании, обрывая цепь. А злоумышленник, вырвавшись из зубов растравленного Бозо, убежал и по пути перелез через высокую садовую стену. И это наводило на мысль о его исключительной силе.

Оказалось, что происшествие поселило в душе пса непреодолимое недоверие к чужакам. Я убедился в этом уже на следующее утро, когда вынужден был спасать от разъяренного Бозо мистера Старка. Кажется, я упоминал, что мой дом находился почти напротив имения старика, только располагался на противоположной стороне улицы. И мой, и его дома были последними на нашей улице. Фактически нас отделяло около трех сотен ярдов до ближайшего угла широкой, заросшей высокими дубами лужайки перед особняком Старка. А от имения семьи Эш его владения отделяли пустующие вакантные участки, где находилась небольшая роща маленьких деревьев. Направляясь через эту рощицу к дому Марджори, я неожиданно услышал испуганный человеческий вопль и сердитый лай собаки. Кинувшись на помощь, я увидел здорового пса, в несбыточном желании пытающегося залезть на дерево и достать повисшего на

одной из нижних веток человека. Оказалось, что акробатическими трюками заняты мои добрые знакомые — мистер Старк и разъяренный Бозо. Страх, видимо, помог старику, несмотря на увечье, забраться на приличную высоту. Естественно, я бросился на помощь и с немалым трудом оттащил собаку от дерева. Приказа «Домой!» он послушался не сразу, но строгий голос заставил пса повернуться и понуро затрусить к Эшам. Старк обессилено рухнул на землю, едва я помог ему спуститься. Ноги не держали старика, хотя я не обнаружил заметных ран. Впрочем, Старк вскоре подтвердил, с трудом переводя дух, что не ранен и вполне цел, просто очень испуган и утомлен. Из его рассказа следовало, что, устав после долгой прогулки, он решил передохнуть в тенечке под деревом. Внезапно примчался пес и бросился на него. Я долго и путано извинялся за Бозо, обещая, что подобное не повторится, а затем помог пострадавшему добраться до дома. В кабинете он в изнеможении опустился на диван и удобно на нем устроился. Я приготовил виски с содовой, достав необходимое из лакированного шкафчика. Старик расположился полулежа и, смакуя виски, рассеянно заверял, что не потерпел какого-либо существенного ущерба. Он даже попытался оправдать поведение собаки инстинктивной ненавистью к чужакам. Я рассеянно прислушивался к словам старика, но вдруг напрягся: наверху опять раздались звуки шагов. Теперь они были гораздо более тяжелыми, чем в прошлый раз, хотя и приглушенными. Звук напоминал стук копыт годовалого животного, передвигавшегося по покрытому мягким ковром полу. Эксцентричность хозяина все больше возбуждала мое любопытство, и я с тру-

дом удерживался от вопросов, боясь показаться бестактным. И, сочтя, что Старку необходим покой и отдых, поспешил распрощаться.

Первое из новой серии леденящих кровь происшествий случилось почти через неделю. На этот раз пропала не кошка или собака. Потерялся трехлетний малыш. Последний раз его видели на закате играющим на лужайке перед своим домом. А затем он как сквозь землю провалился, и, несмотря на организованные поиски, ребенка так и не нашли. Горожане всполошились, поползли разнообразные слухи, связывающие исчезновения животных с пропажей мальчика. Все бесспорно указывало на тайные происки неведомой шайки злобных преступников.

Менее чем за две недели исчезли еще четверо малышей. Началась настоящая паника, матери запирали детей, ни на шаг не отпуская от своей юбки. Полиция вместе с добровольцами прочесывала вдоль и поперек наш городок и пригороды. Но поиски были тщетными, не удалось обнаружить никаких следов пропавших. Удивляло то, что родители не получали требований о выкупе или же угрожающих писем о свершившемся акте мести со стороны тайных врагов. Какой-то коварный заговор молчания окутал город, поглотив несчастные жертвы. Гражданские власти, наравне с общественностью, делали все что могли, но безрезультатно. Люди замкнулись в своих семьях, буквально исполняя поговорку: «Мой дом — моя крепость». Мужчины выходили вооруженными и старались покончить с делами задолго до наступления ночи. Пошли разговоры о том, что пора просить губернатора прислать войска для патрулирования города. И, как бывает всегда, когда житель сельской местности сталкивается с чем-то необъяснимым, тут же поползли темные

слухи о действии каких-то сверхъестественных сил, подкрепленные рассуждениями о том, что ни один смертный не мог так долго оставаться неизвестным и безнаказанным, занимаясь похищениями детей. Я же отметал таинственную подоплеку происходящего. Невозможно патрулировать каждый дюйм широко раскинувшегося городка и присматривать за каждым ребенком. Ведь, несмотря на все уговоры и предупреждения, детей постарше невозможно удерживать взаперти по домам: так или иначе они найдут возможность сбежать, им импонирует чувство опасности... И подростки продолжали играть в пустынных парках и с наступлением сумерек. Что стоило преступнику притаиться за деревьями и, улучив момент, схватить отставшего от товарищей ребенка. Это могло произойти не только в парке, но и на пустынной улице или в полутемном переулке. Трагедия была не в том, как это происходило, а в самом факте происходящего. Тем более что в этом жутком спектакле отсутствовали как фабула, так и здравый смысл. Атмосфера леденящего страха тягостным саваном опустилась на город.

Однажды одна влюбленная парочка в поисках уединения отправилась в один из самых удаленных парков на окраине города. Их поцелуи прервал душераздирающий вопль, донесшийся из темной рощи, и молодые люди застыли, не смея пошевелиться. Невольно они стали свидетелями, как из-под развесистой кроны дерева показалась сгорбленное существо, тащившее на спине человеческое тело. Незнакомый с ужасной ношей пропал во мраке под деревьями. А парочка, не разбирая дороги, бросилась к автомобилю и на высокой скорости помчалась в направлении городских огней. В полицейском участке они, перебивая друг друга, рассказали шефу о случив-

шемся. Кордон патрульных немедленно выехал и оцепил парк. Но они опоздали — неизвестный убийца уже скрылся. А на месте происшествия была найдена старая убогая шляпа. На мятых полях обнаружались пятна крови, а один из полицейских признал головной убор, в котором видел старого бродягу, позавчера доставленного в участок, но вскоре отпущенного. Ему выпал тяжкий жребий — быть убитым, когда он решил устроиться в парке на ночлег. Но не было найдено ни одной дополнительной улики: следов не осталось ни на упругой траве, ни на твердой сухой почве. Тайна опять осталась неразгаданной. И город затопила очередная волна страха.

Я опасался за Старка. Он жил совершенно изолированно от людей, в утрюмом запущенном доме, и был беспомощным калекой. А эти таинственные преступления... Моей добровольной обязанностью стали практически ежедневные визиты к старику. Я хотел убедиться в его безопасности. Чаще всего я заставлял его ковыляющим по лужайке или отдыхающим в гамаке между двух огромных дубов. А когда заставлял его в доме, то зачастую даже не входил. Я почему-то подспудно чувствовал, что сейчас не стоит навязывать свое общество Старку, и наши встречи не были продолжительными. Беспокоило меня и то, что Старк просто на глазах старел: видимо, старые недуги беспокоили нынче гораздо больше обычного. А может, на него действовала пелена страха, нависшая над городом. Постоянная усталость или глубокие переживания проявили черные тени под потускневшими глазами.

Прошло несколько дней после исчезновения бродяги. Городские власти оповестили всех жителей, что, основываясь на предыдущих событиях, предполагают, что вскоре неизвестный убийца на-

несет очередной удар, и это, скорее всего, произойдет в ближайшее время, может быть, нынешней ночью. Вдвое против обычного были увеличены полицейские патрули. К ним присоединились десятки местных жителей, поспешно приведенных к присяге как добровольные помощники стражей порядка. В городе сгустилась атмосфера тревожного, напряженного ожидания, несмотря на то что улицы непрерывно патрулировали суровые, вооруженные до зубов мужчины.

Я вздрогнул, когда в сгустившихся сумерках резко прозвонил телефон. Звонил мистер Старк.

— Вас не затруднит зайти ко мне? — спросил он извиняющимся тоном. — Я не могу открыть дверцу шкафчика, видимо, ее заклинило. В мастерские не дозвониться — поздно, они уже закрыты, слесаря появятся не ранее завтрашнего утра. Я бы не побеспокоил вас, но в шкафчике мои снотворные порошки. А без них меня ожидает мучительная ночь. Вы же знаете, что я подвержен приступам бессонницы — уже ощущаю все признаки ее приближения.

Заверив, что немедленно буду, я отправился к темнеющему дому и вскоре уже выслушивал прощенные извинения:

— Простите за доставленное беспокойство, мне крайне неловко за причиненные вам хлопоты, — мягкий голос Старка почему-то звучал хрипло, — но мне не по силам взломать эту дверцу, а без снотворного я определенно не усну всю ночь напролет.

И он указал на тот же шкафчик, где хранилось и виски. Электричества в доме не было, комнату в достаточной мере освещали большие толстые свечи, стоящие на столе. Я наклонился над лакирован-

ной поверхностью и стал рассматривать заклинившую дверцу. Она представляла собой серебряную пластину, я уже упоминал об этом. Я погрузился в работу, как вдруг в зеркально отполированной поверхности серебра над моим плечом отразилось лицо Старка, показавшееся незнакомым и странно искаженным. У меня застыла в жилах кровь от увиденного — держа над головой молоток, он бесшумно подкрадывался ко мне. Я резко выпрямился и мгновенно развернулся к нему. Лицо старика хранило обычное непроницаемое выражение, на этот раз несколько нарушенное долей удивления, вызванного моей поспешностью. Неторопливо протянув молоток, он сказал:

— Я подумал, он вам понадобится.

Не спуская со старика глаз, я молча взял молоток и одним сильным ударом выбил дверцу. Мы с минуту смотрели друг на друга, и в его расширившихся глазах росло удивление. Между нами электрическим током пробежало чувство взаимного недоверия. Затянувшуюся паузу нарушил раздавшийся наверху стук копыт. И я почувствовал, что голова пошла кругом — я готов был поклясться: оттуда доносился стук копыт взрослой лошади!

Я повернулся и, небрежно бросив молоток, отправился прочь из мгновенно ставшим негостеприимным для меня дома. Я ушел не прощаясь и успокоился, лишь оказавшись в собственной библиотеке. Но успокоился лишь отчасти, мешала сумятица обуревавших меня мыслей. Может, я обманулся игрой света из-за трепещущего пламени свечей и принял искаженное отражение на серебре за действительность? И лицо Старка вовсе не принимало дьявольски хитрого выражения? И он не собирался сделать ничего дурного? Может, меня подвело не в меру

разыгравшееся воображение? Но темный нарастающий страх в уголке моего подсознания неумолимо нашептывал, что отражение в серебряной пластине было истинным и взгляд, случайно брошенный на крышку шкафчика, спас мне жизнь. Размышления привели к неожиданному выводу: что, если именно Старк повинен в цепи странных отвратительных преступлений? Я отбросил эту мысль как несостоятельную. Если это не дело рук сумасшедшего, то исчезновение детей, животных и убийство старика бродяги, должны преследовать определенную цель. А какая цель может заставить пожилого ученого-эрудита, к тому же калеку, совершать подобные мерзости? Но, может быть, дело как раз в широкой эрудиции Старка и для каких-то жутких опытов в потайной лаборатории ему потребовался человеческий материал? Я налил себе почти неразбавленного виски и решил, что мои рассуждения явно не в ладах с логикой и существующей действительностью. Будь даже Старк этим гипотетически безумным экспериментатором, его физическое состояние и увечье просто не позволили бы ему совершить недавние преступления. Для того чтобы бесшумно схватить крепкого ребенка или утащить на плечах труп взрослого мужчины, требовалась исключительная сноровка и отменные телесные силы. Смешно даже предположить, что немощный калека способен на это, следовательно, мне необходимо повидаться со Старком и принести извинения за некорректное поведение.

Вдруг меня окатил ледяной душ сомнений — перед глазами вновь встала картина подкрадывающегося Старка, а обернувшись, я увидел его стоящим абсолютно прямо и без костыля! Этот важный факт как-то остался без внимания, пройдя

мимо моего сознания, и только сейчас вспомнился. Я ошеломленно тряхнул головой и подошел к простенку между книжными шкафами, где располагалось небольшое собрание старинного оружия. Матово поблескивали клинки, ощерился стрелами семизарядный арбалет, яркими перьями порадовала пара африканских копий. Вид оружия всегда действовал на меня успокаивающе, помогал остыть и принять разумное решение. Я любовно взял в руки гордость моей коллекции — огромный меч, вот уже восемь веков хранившийся в нашей семье. С ним было связано одно предание. Мой предок-крестоносец Стрэнг волею судеб оказался на реке Иордан и, ведомый Божьим промыслом, опустил лезвие в ее воды. Холодная сталь вспыхнула загадочными письменами, а потрясенный воин поклялся более никогда не обагрять ни меча, ни рук кровью. Вернувшись в свой замок, он благополучно дожил до седин. Но времена были неспокойные, и как-то раз на замок напали восставшие вассалы. Ворвавшись в центральный зал, они увидели Стрэнга и обнаженный меч. Мой предок не собирался нарушать клятву, а, готовясь к встрече с Богом, прощался с любимым оружием. Вокруг него теснилась семья и челядь. Вдруг руны на мече вспыхнули, нестерпимое сияние заполнило все вокруг, и все, кто злоумышлял против господина, ослепли.

Чуть вынув меч из боевых, ничем не украшенных ножен, я разглядывал безупречный клинок, как в детстве, надеясь обнаружить следы букв. Со вздохом повесив на место славное оружие, я вернулся в кресло, заметно расслабившись. Взял наугад одну из книг и устроился почитать. Выбранный мною том оказался чрезвычайно редким

дюссельдорфским изданием, называвшимся «Безымянные секты», и вряд ли мог рассеять преследующие меня тени. Второе название этой работы фон Юнтца — «Черная книга» — дано было автором своему труду вовсе не по цвету кожаного, с железными застежками переплета, а из-за темного мистического содержания, излагающего некоторые аспекты оккультных наук. Я начал неторопливо читать главу, открытую наугад. Речь шла о вызове демонов из пустоты. Глубокая зловещая мудрость, скрытая в теории фон Юнтца, была изложена таким образом, что внушала доверие, несмотря на невероятные утверждения о невидимых мирах из неких потусторонних измерений, населенных могущественными существами, оказывающими влияние на нашу действительность. Знания о них выходят за пределы материалистической философии или науки. Но, не ставя знака равенства между мистицизмом и оккультизмом, автор отбрасывал как излишнюю веру в чудеса, так и излишний рационализм. Не давая готовых рецептов, фон Юнтц приводил примеры, когда нечестивые обитатели прорывают Вуаль Внешнего мира по зову много возомнивших о себе людей, отягощенных тайными знаниями.

Я задремал над книгой, но вдруг сквозь беспокойный сон до меня смутно донесся отчаянный зов попавшей в беду Марджори. Я очнулся в холодном поту, не сразу различив кошмар и действительность. Но продолжал слышать голос любимой, переполненный леденящим душу страхом и доносящийся как бы из ужасной бездны, угрожающей выпустить таящиеся в ней силы ада, неподвластные человеческому разумению. Меня трясло, как в тропической лихорадке, измокшая рубашка прилипла к спине.

Собравшись с духом, я поднял трубку и позвонил в дом Эшей. Подошла миссис Эш и очень удивилась моей просьбе позвать дочь.

— О Боже! Но Марджори час назад ушла из дома! — От волнения она заговорила с французским акцентом. — Я слышала, что она говорит по телефону, затем Марджори прошла в гостиную и сказала, что вы решили покататься на машине и ты ждешь ее на углу имения Старка. Конечно, мне показалось странным, что ты вызываешь ее на улицу одну, а не заехал за ней домой, учитывая обстановку в городе. Но ты знаешь, как я тебе доверяю, Майкл, поэтому решила, что тебе виднее, и отпустила ее. Но ведь ты не думаешь, что...

— Совсем не думаю, — рассмеялся я, стараясь не выдать тревоги. — Уверю вас, ничего не случилось, мы просто разминулись, и я сейчас же верну Марджори в целости и сохранности.

Я повесил трубку, направился в холл и тут же услышал царапанье под дверью и жалобный скулеж. События сегодняшней ночи до предела натянули мои нервы, и подобный пустяк совершенно вывел меня из себя. Приготовившись увидеть по меньшей мере исчадие ада, я настежь раскрыл дверь. Там был только Бозо, но, Боже мой, в каком состоянии! Пса жестоко избили — одно ухо было разорвано, шкура, рассеченная в дюжине мест, кровоточила. Измазанный кровью и пылью пес проковылял, хромая, и прижался к моим ногам. Я вскрикнул от жалости и наклонился к изувеченной собаке, но пес ухватился за мою брючину и, утробно рыча, потянул на улицу. Я готов был следовать за ним, но меня остановила мысль об оружии. Приказав Бозо ждать, я быстро поднялся в библиотеку и сорвал со стены заветный меч. Волнение подстегивало меня,

и я отбросил ножны, холодная сталь блеснула безупречной синевой. Я бросился за порывающим от боли или, может быть, ярости Бозо.

Он мчался широкими прыжками, и я с трудом поспевал за ним. Пес бежал к дому Джона Старка, что меня не удивило: подспудно я уже знал, что мы направимся именно туда. В минуты крайнего волнения у человека часто наступает озарение, разрозненные факты разом выстраиваются в логическую цепь и подсказывают ход мыслей противника. То же самое произошло со мной, когда мы подбежали к имению Старка, и я удержал за ошейник Бозо, рвущегося преодолеть полуобвалившуюся стену. Я достоверно знал: завеса страха опустилась на город благодаря стараниям Джона Старка. И он уже не подстерегал жертву в темном углу, боясь патрулей. Старик изменил систему похищений. Теперь следовал телефонный звонок, и добыча сама отправлялась в ловушку. Меня спас случай, хотя я тоже попался на его приманку. Неудача заставила Старка действовать дальше, и он выманил Марджори, видимо подделав мой голос по телефону или передав просьбу встретиться, как исходящую от меня. Я знал, кем бы ни оказался Старк — сумасшедшим экспериментатором или маньяком убийцей, Марджори сейчас находится в его темном особняке. И я молил Бога спасти ее. Но и сам не собирался сидеть сложа руки. Сильная страсть превратила клочущую ярость в хитроумную изворотливость, и я отмел мысль об открытом поединке, как и о предоставлении Старку возможности подстрелить меня в каком-нибудь закоулке огромного дома. Холодная ярость заполнила мою душу, сделав ясной голову. Я решил, что меч моих предков, не раз отворявший кровь всяческим нечестивцам — пиратам, сараци-

нам, предателям, сослужит теперь службу и мне, потомку славного рода. Он отсекает голову негодяю, покусившемуся на жизнь моей невесты и принесшему столько несчастий нашему городу.

Бозо было приказано держаться позади меня, и мы торопливо, но осторожно двигались след в след вдоль стены ограды до тех пор, пока не достигли лужайки на заднем дворе. Некстати поднимавшаяся на востоке над кронами деревьев луна могла своим светом выдать наше присутствие случайному наблюдателю. Мы с Бозо осторожно перебрались через осыпающуюся стену и пересекли лужайку, стараясь держаться в тени деревьев.

Держа меч наготове, я крадучись поднялся на заднее крыльцо казавшегося пустынным дома. Следовавший за мной Бозо, приняв себя, тихо зарычал. Я замер у дверей в ожидании враждебных действий со стороны обитателей мрачного неосвещенного жилища. Как знать, вдруг меня поджидает не одинокий маньяк, в целая шайка извращенных убийц. Но мне было все равно, что случится со мной: где-то внутри томилаь Марджори, и я не чувствовал страха. Продолжая действовать с крайней осторожностью, я попробовал раскрыть дверь, полагая, что она ведет в кладовую. Старк принимал меня исключительно в кабинете, и я не слишком хорошо знал внутренние помещения дома. Дверь, запертая изнутри, не поддавалась. Надавив на нее плечом, я подsunул кончик меча в образовавшуюся щель и с усилием нажал. Затем я нажал сильнее, будучи уверенным в прочности лезвия, выкованного по старинным, забытым рецептам. Я не обижен силой, поэтому результат не замедлил сказаться, и замок устаревшей конструкции сломался. Гулкий скрежет открывающейся двери зас-

тавил меня вздрогнуть. Неслышно ступая, я вошел в черный проем, Бозо молча кинулся мимо меня и исчез в темноте. Я ничего не мог разглядеть и отчаянно напрягал зрение. В абсолютной тишине вдруг звякнула цепь, я повернулся на звук и, крепко сжав рукоять меча, двинулся в направлении звука. У меня ослабели ноги, когда послышались сдавленные приглушенные рыдания. Решившись зажечь спичку, я увидел в слабом пламени съезжившуюся фигурку девушки в углу огромной пыльной комнаты, заваленной всяческим хламом. Это была Марджори, и Бозо уже крутился рядом, лизал хозяйку в лицо и тихо поскуливал. Я оглянулся в поисках запасного выхода,— ведь Старк мог войти сюда в любую минуту с заднего двора,— обнаружил еще одну дверь, запертую на засов, и торопливо шагнул к ней. С немалым усилием скинул запор и лишь тогда заметил засунутую за косяк небольшую свечу. Поблагодарив Бога, я зажег ее и, пробравшись среди хлама, подошел к Марджори, надеясь, что пес вовремя предупредит нас, если приблизится хозяин дома. Но Бозо не выказывал признаков волнения или ярости, как сделал бы в случае опасности. Его беспокойство выражалось лишь в утробном порывивании, когда морда собаки то и дело поднималась к потолку.

Марджори не только связали, заломив руки за спину и засунув в рот кляп, но и приковали за тонкую талию небольшой цепью к стене. В кладке торчала тяжелая скоба, но ключ оказался в замке, и я мгновенно освободил бедняжку. Девушка дрожала, как в лихорадке, широко открытые глаза невидяще смотрели на меня. В них был страх, казалось, потрясший самые глубины души. Я поднял ее и нежно обнял. Она порывисто цеплялась за меня с

упорством отчаяния и пыталась что-то сказать, но голос не слушался ее. Продолжая шептать ласковые слова, почти касаясь губами виска, я гладил свободной рукой вздрагивающую спину, продолжая другой сжимать меч. Наконец она немного успокоилась, и я решился спросить:

— Марджори, милая моя, что произошло? Бога ради, не бойся — я сумею защитить тебя! Как ты здесь оказалось, глупенькая моя Марджори?

— Прислушайся, — тихо промолвила она, — ты слышишь этот ужасный топот копыт?

Я не спешил поднять голову, меня занимало поведение собаки: Бозо присел на задние лапы, как бы готовясь к прыжку, короткая шерсть стояла дыбом, а в глазах зажглась неукротимая ненависть. Над нашими головами громко застучали копыта. От мощного тяжелого топота сотрясались стены дома, казалось, по чердаку ходит слон. Мороз пробежал по моей коже от этих звуков.

— Бога ради, что это? — осипшим голосом шепнул я.

Марджори все теснее прижималась ко мне.

— Я не смею даже догадываться, и мне страшно... Давай уйдем отсюда, убежим! Он может вырваться из своей тюрьмы наверху и спуститься за нами. Этот топот я слышу уже много часов...

— Ты видела Старка? — спросил я.

— Да, но он сейчас наверху. — Дрожь снова пробежала по ее хрупкому телу. — Мы должны бежать отсюда! Послушай, когда сегодня вечером мы разговаривали по телефону, твой голос показался мне странно изменившимся, но я все равно пошла на свидание с тобой. Бозо, как всегда, сопровождал меня, я боялась идти в одиночестве в темноте. Едва я оказалась в рощице, кто-то выскочил из-за дере-

вьев, сшиб пса на землю, несколько раз ударил корчившегося от боли Бозо тяжелой дубиной, пока он не затих, а потом схватил меня. Я не успела закричать, все произошло слишком быстро. Огромная ладонь сжала мне горло, почти придушив, мое сопротивление было сломлено. Незнакомый перекинул меня через плечо и, двигаясь удивительно ловко, почти пробежал расстояние до ограды, перекинул меня через стену и потащил в дом. Полуобморочное состояние не помешало мне узнать Джона Старка, стоящего передо мной в этой комнате. Облегающая черная одежда сливалась с темнотой, делая его практически невидимым. Он как будто не слышал моей мольбы о пощаде, деловито и спокойно связал мне руки, заткнул рот кляпом и приковал к стене. Уверенный в моей беспомощности, оставил ключ в замке, явно намереваясь вскоре прийти за мной. Старк казался смертельно перепуганным, руки подрагивали, как у паралитика. Думаю, он помешался — слишком странным было выражение его горящих болезненным блеском глаз. Тоскливо вздохнув, он заговорил: «Предполагаю, ты хочешь узнать причину, по которой тебя доставили сюда. Я расскажу тебе все — это уже не имеет значения. Между нами не будет секретов, ведь через некоторое время ты будешь уже по ту сторону вечности».

Гадко ухмыльнувшись, продолжил: «О, я представляю громкие заголовки завтрашних газет, они на все лады будут трубить о том, что полиция бессильна и что таинственный убийца опять нанес свой удар и опять остался безнаказанным. Но вскоре у них появится новая тема для увеличения тиражей, мир обеспокоят отнюдь не случайные исчезновения! Тщеславие — это свойство убогих духом.

Я не испытываю низменного чувства гордыни, хотя одурачил целый город. Мне ничего не стоило избежать примитивных ловушек этих глупцов. Я одержал куда более серьезную победу. Замечательный план осуществлен. Созданию, в которое я вдохнул жизнь, нужна была пища — много пищи. И я выбрал ваш маленький город, где меня никто не знал, забавно было притворяться больным и слабым, имея отличное здоровье и мышцы атлета. К сожалению, твой жених Майкл очень умен, а я был с ним неосмотрителен. Он что-то заподозрил, я прочел искру сомнения в его глазах. Надо было убить его сегодня вечером... Конечно, он чрезвычайно силен, но я должен был схватиться с ним, когда он оглянулся. Смертельный поединок избавил бы меня от любознательности твоего возлюбленного.

Да я смотрю — ты не понимаешь, о чем речь. Но тебе придется понять! По общему мнению, я — глубоко образованный человек, но, боюсь, люди не в состоянии представить истинную глубину моих знаний. Наука, искусство... В молодости я посвятил им достаточно времени, пока не осознал, что современные достижения не более чем игрушечная лодочка в безбрежном океане знаний. Парадокс заключается в том, что приобретенные человеком знания — лишь частица утерянной мудрости древних. И я погрузился в изучение Сокрытого. Тебе понятней термин «оккультные знания», я буду им пользоваться, хотя он слабо отражает сокровенную мудрость, полученную мной. Я экспериментировал с иррациональным таким же образом, как ученый экспериментирует с прикладной стороной науки. Приобретенная мудрость позволила использовать древние зловещие ритуалы, надорвать Вуаль между Вселенными и доста-

вить потусторонние существа в данный мир, перенести их материальное воплощение на земной уровень. Я не первым шел по этой дороге, теоретические предпосылки рассыпаны во множестве книг. Но только я нашел практические доказательства. Зачем, спросишь ты? А как иначе получить истинные знания? Достижение истины — вот к чему стремится любой ученый, и это оправдывает любые средства. Мой эксперимент удался. Используя ряд недоступных веками заклинаний и совершив необходимые жертвоприношения, я вызвал нагое скупящее существо из пустоты.

На это ушли годы. Сколько раз у меня опускались руки, и сколько раз я был на грани гибели! Позднейшие наслоения часто искажали слова разума в дебрях древних манускриптов. Я подбирал зерна истины где угодно — и в сатанинских преданиях, и в богохульных книгах, и в вызванных определенным образом галлюцинациях.

Моя бестелесная воля наугад бродила в Кромешных Безднах, куда завели меня поиски, и я наконец почувствовал присутствие чуждого разума одного из нечестивых созданий. Я пытался установить связь с этим нечто, зацепить его волю и увлечь в нашу материальную Вселенную. Но вместо этого долго, бесконечно долго я ощущал лишь, как оно зондирует темные закоулки моего подсознания. Я позволил сделать это, зная теперь путь и возможность вернуться. С помощью жертв и древних ритуалов я достал его и заставил програть Вуаль. Его появление ознаменовалось вначале лишь появлением антропоморфной тени на стене. Я наблюдал, как оно постепенно перебиралось из небытия и обращалось в существо материальной сферы. Сначала в темноте зажглись его глаза, и я

увидел, что кристаллизация неземной субстанции его атомов привела к материализации в формы, определяющие существование в данном пространстве. Но даже я содрогнулся и едва не упал духом, увидев долгожданный результат своего эксперимента — на полу передо мной лежало скулящее и вопящее нагое существо из адской бездны.

Размерами оно изначально не превышало жабу. Я знал, что для вскармливания необходима только органическая пища, причем падаль оно не воспринимало. Начали мы с мух и пауков, затем перешли к кровососущим насекомым. Я постепенно увеличивал количество пищи, и так же постепенно подрастал мой питомец. Пришлось перейти на мышей, крыс и кроликов. Потом я начал кормить его кошками, наконец, ему уже стало не хватать приличной величины собаки.

Мне стало ясно, к чему это все приведет, но я не собирался прекращать опыт. Для его дальнейшего развития требовались кровь и плоть человеческого существа, и я похитил младенца. Теперь создание перестало прикасаться к любой иной пище и стало устрашающе быстро расти и вверх, и вширь. Впервые я ощутил страх, но остановиться уже не мог. Опасения пришли на место гордости за сделанное открытие. Вид существа, насыщающегося пойманной для него добычей, теперь не приводил меня в восторг, а вызывал гнетущую тревогу. Моя неуемная жажда знаний загнала меня в ловушку. Если существо не получало достаточно пищи, оно начинало представлять непосредственную опасность для меня. Это вынуждало меня все чаще отпраиваться на поиски пищи, потребность в корме возросла, и я отчаянно рисковал, добывая его.

Сегодняшним вечером твоему возлюбленному удалось, благодаря чистой случайности, избежать участи, уготованной ему. Ни к тебе, ни к Майклу Стрэнгу я не испытываю зла. И мне не доставляют удовольствия предпринимаемые мною действия, но необходимость — суровая вещь. Я положу тебя перед чудовищем обнаженную и дрожащую от ужаса только потому, что иначе сам окажусь его добычей. У меня нет выбора, для собственного спасения я должен продолжать кормить его. Одно время я пытался составить заклинание, которое могло бы отправить тварь обратно в адские бездны. Но понял, что мой мозг контролируется ужасным, нечеловеческим разумом и я над собой не властен. Отныне я перестал быть хозяином, а стал рабом моего же создания. Единственное, что я в состоянии делать, используя свой изощренный ум, это продолжать по-прежнему кормить его, что бы ни случилось.

Но это не будет продолжаться вечно, вскоре оно накопит достаточно сил и разрушит свою тюрьму. Боюсь, что смерть и разрушение станет судьбой нашего мира. Его росту и аппетиту нет предела, а мне недостает сил воспрепятствовать алчущему монстру.

Его излияния прервал тяжелый топот наверху, эхом разнесшийся по пустому дому. Старк поднял побелевшее лицо и сказал мне, что голод заставляет существо метаться по комнате и он пойдет к нему и попытается убедить, что время кормления еще не наступило, а я могу пока помолиться богам, чтобы смерть не была мучительной. Мне показалось, сожаление все-таки мелькнуло в безумных глазах. Старк суетливо схватил горящую свечу и почти побежал, вскоре раздались торопливые

шаги по скрипучим ступеням ведущей наверх лестницы...

Марджори закрыла лицо руками и заплакала. Сквозь всхлипы донеслось:

— Сверху раздался дикий, душераздирающий вопль... Потом хруст и чавканье... Потом наступила тишина... Время от времени она прерывалась жутким топотом. Прошла целая вечность, мои надежды таяли. Но вдруг я услышала царапанье и лай Бозо у наружной двери. Преданный пес, видимо, сразу, как пришел в себя, помчался на помощь. Мне, с кляпом во рту, не удалось даже подать голос, но он что-то почуял и яростно зарычал, потом опять наступила тягостная тишина, и я решила, что Бозо ушел. И опять бесконечно потянулось время, а я, отчаявшись, лежала и все слушала, слушала...

Я как мог успокоил Марджори. И вдруг почувствовал — моего сознания коснулось что-то чуждое, леденящее душу и сердце. Я встряхнулся и покрепче сжал рукоять древнего меча. Марджори потянула меня к двери:

— Майкл, давай скорее уйдем отсюда!

— Подожди! — Охватившее меня непреодолимое желание тянуло подняться наверх. — Я должен увидеть то, что таится на чердаке и что явилось причиной стольких страданий!

— О, нет! Майкл ты не понимаешь, насколько это безрассудно. Боже, что ты сможешь сделать — ведь человеческое оружие не в силах уничтожить внеземного монстра. Он не с нашей планеты и погубит тебя! О, ради меня, Майкл, давай уйдем!

— Марджори, пойми меня, мною движет не праздное любопытство и не героизм. Но вспомни о незащитных малышках — я задолжал им это суще-

ство. И еще подумай, что случится с жителями нашего города, с твоими близкими, если это создание вырвется на свободу и начнет сеять смерть! Я сражусь с ним здесь и сейчас, и ничто не изменит моего решения!

— Господи, но что ты сможешь — у тебя даже нет нормального оружия, а только жалкий меч! — закричала Марджори, заломив руки. — Майкл!

— Марджори, поверь — мой меч не простое оружие, он бесчисленно отворял кровь ведьмам, колдунам, вампирам и оборотням. И учти, все гнусные легионы ада не могут противостоять человеческой ненависти! Прошу тебя, уходи. Забирай Бозо и беги домой как можно быстрее!

Крепко взяв Марджори за плечи, я развернул ее и мягко выставил на улицу, больше не обращая внимания на протесты, мольбы и рыдания, и закрыл дверь. Прихватив со стола свечу, я отправился через вторую дверь в темный, зловещий коридор, ведущий на лестницу. Она казалась бесконечным черным колодцем, тем более что свечу у меня в руке задул неожиданный порыв сквозняка. Спичек в кармане не обнаружилось, и я не смог вновь зажечь ее. Лунный свет проникал сквозь высокие окна, падая тусклыми пятнами на деревянные ступени. Угрюмо поднимаясь вверх, я испытывал самые разноречивые чувства: тут был и страх человека перед неведомым, и любопытство ученого, но все пересиливала холодная ярость воина пред решающей битвой. Топот гигантских копыт раздавался все ближе, и во мне всколыхнулись смутные воспоминания суеверий моих предков, зашептались и выросли до гигантских размеров фантастические мрачные силуэты, таящиеся до времени в мозгу первобытные представления о

запредельных силах зла. В дремлющих уголках моей души каждый шаг жуткого существа отдавался эхом, пробуждая тени из глубин памяти, скрытые пеленой веков.

Мой путь наверх кончился на площадке лестницы перед дверью. Я оттянул рычажок защелки, но дверь и не подумала открыться, видимо, замок был оборудован таким образом, что запирался с обеих сторон. Слоновьи шаги слышались именно из-за этой массивной двери, звук их леденил кровь и орошал каплями холодного пота плоть. Пока я возился с замком, решительность моя таяла, и я почувствовал, что готов поддаться панике. Поэтому взял меч двумя руками и, больше не раздумывая, разнес панели тремя мощными ударами. Обломки усеяли пол, и я увидел огромную комнату, занимающую всю площадь чердака. Забранные частыми решетками окна пропускали слабый лунный свет, струящийся блеклыми полосами. Волны белого света перемежались островками плывущих черных теней, что придавало просторному помещению призрачный вид. Я перешагнул остатки разбитой в щепы двери, и с моих пересохших губ внезапно слетел дикий крик.

В человеческом языке нет определения тому, что предстало передо мной. В причудливо падающем лунном свете маячил силуэт, выхваченный, казалось, из кошмара безумца. Фигура чудовища напоминала, в общем, человеческую, хотя вдвое превышала обычные размеры. Вокруг гигантского раздутого туловища змеились толстые отвратительные щупальца. Их было не меньше дюжины, и они постоянно двигались. Две гигантские ноги оканчивались огромными копытами, а кожа по всему телу имела лепрозорный, зеленоватый, как у реп-

тилий, цвет. Монстр повернул морду с отвисшими, в пятнах крови щеками и уставился на меня. Взгляд притягивал, высасывая душу, а его глаза сверкали миллионами пламенеющих крохотных граней. Венчала все это коническая безобразная голова, не имеющая ничего общего с гуманоидными формами, а, скорее, напоминающая изображение адской бестии, сделанное гениальным средневековым художником-провидцем. С трудом оторвав взгляд, определенно побаиваясь за собственный рассудок, я обнаружил жуткое свидетельство недавних событий. В полосе лунного света лежала отодранная голова Джона Старка, уставившаяся мертвыми остекленевшими глазами в потолок. То, что осталось от расчлененного, разодранного гигантскими клыками тела, кровавым месивом валялось под копытами гнусного урода.

Ненависть захватила все мое существо, всецело заполнив мой мозг пламенеющей яростью поколений неустрашимых древних воинов. Мерзкая гадина двинулась ко мне, и я прыгнул навстречу, готовый смести эту тварь с лица земли. Первым же ударом меча я отсек половину щупалец, но они, упав на пол, словно змеи продолжали извиваться и подползать ко мне. Я занес клинок, но лезвие со свистом рассекло воздух — чудовище с отвратительным пронзительным воплем взмыло вверх, и на меня обрушились гигантской тяжестью его копыта. Удар отшвырнул меня в сторону, рука повисла, сломанная, как спичка. Издав победный рев, исчадие бросилось ко мне, желая растоптать, кружась в тяжелом танце смерти. Я чудом извернулся и откатился от грохочущих копыт, размоловивших бы меня в кровавую кашу. Мне удалось подняться, и теперь я держал меч обеими руками, без

удивления заметив, что лезвие слабо светится, а я ощущаю прилив сил. Странное равнодушие вызывала и мысль, что выхваченный из пустоты и материализовавшийся в земном пространстве демон уязвим для моего оружия. Во мне почему-то росла абсолютная уверенность, что так и должно быть. Старинный псалом набатным гулом зазвучал в голове, и я вскинул благословенное оружие, омытое в святых водах Иордана. Меня подхватила и понесла на своем гребне алая волна упоения боем.

Чудовище готовилось к новому броску, но я опередил его, высоко подпрыгнув, и, вложив в удар все силы и полный вес своего мускулистого тела, разнес надвое рыхлую желеобразную тушу, так что верхняя часть гигантской медузой шлепнулась на пол, а ноги отлетели в сторону. Издавая отвратительные чавкающие звуки, чудовище поползло ко мне, опираясь на щупальца, вращая горящими красными глазами и разбрызгивая ядовитую слюну из раззявленной пасти. Раз за разом я снова поднимал меч, рубя тварь на куски, которые продолжали жить и двигаться, стремясь опять слиться в чудовищную форму. Наконец мне удалось несколькими ударами раздробить голову — и куски прекратили корчиться и сжиматься. Видимо, в студенистом, вязком теле не было костных образований, кроме чудовищных копыт и огромных клыков.

Через мгновение куски плоти начали как бы таять, превращаясь в черную зловонную жидкость, покрывающую останки своего создателя — Джона Старка. Бесформенные части тела и костей постепенно растворялись, оседая в громадной растекающейся луже, как соль в воде, окончательно

превращаясь в единую массу — черный омут. По его поверхности разбегались круги небольших водоворотов и вспыхивали мириады ярких бликов света, казалось, в комнате шевелятся огромные полчища пауков, сверкая фосфоресцирующими глазками. Охваченный омерзением, я бросился вниз по лестнице.

Я так хотел побыстрее покинуть это жуткое место, что даже, услышав скулеж Бозо, не остановился, пока не наткнулся на что-то мягкое, лежащее на нижней площадке. Передо мной в глубоком обмороке распростерлась Марджори. Как она умудрилась открыть дверь, я не знаю, но страх потерять меня, видимо, пересилил благоразумие, и девушка вернулась. Над ней возвышался верный Бозо, готовый отдать за нее жизнь, спасая ее от кровожадного монстра. Я присел и обнял их обоих, совершенно не стыдясь того, что плачу. Потом, кое-как приподняв здоровой рукой обмякшее тело девушки и пристроив ее на правом плече, двинулся прочь. Но меня остановил Бозо: присев на задние лапы, пес злобно щерился и утробно рычал. Я оглянулся — по ступеням, залитым пятнами лунного света, неторопливо стекал вязкий черный поток, все так же сверкающий яркими точечными вспышками.

Рука моя, держащая меч, самопроизвольно поднялась. Клинок засветился, и наконец-то исполнилась мечта моего детства — я увидел яркие письмена, но это длилось лишь мгновение. Меч слегка дрогнул, и сноп пламени ударил в зловещий поток. Жидкость сразу же вспыхнула, и тут же занялось старое сухое дерево дома.

Я бросился вон с такой скоростью, будто убегал из самой преисподней. Бозо не отставал. У старой

ограды я опустил пришедшую в себя Марджори на траву и обессиленно рухнул рядом. В три пары глаз мы наблюдали, как миглом вспыхнул огромный дом и яростное пламя взметнулось к усыпанному звездами небу.

Глядя на языки пламени, я знал то, о чем не подозревали горожане: очищающий огонь уничтожал Всесветный Ужас, нависший над городом и миром. И уничтожал, как я от души надеюсь, навсегда...

НЕ РОЙ МНЕ МОГИЛУ

Г

рохот старинной дверной колотушки зловещим эхом разнесся по дому, прервав мой тревожный, полный смутных кошмаров сон. Скинув влажную простыню, я подошел к окну и выглянул. Едва взошедшая луна бросала слабый свет на бледное лицо моего друга, Джона Конрада.

— Ты позволишь мне подняться, Кирован? — Голос его дрожал от внутреннего напряжения.

— Разумеется!

Натянув халат, я поспешил навстречу, слыша, как хлопнула входная дверь и скрипят ступени лестницы, ведущей наверх. Мгновение, и Джон уже стоял передо мной. Я зажег свет и увидел, что его руки нервно подрагивают, а лицо блее мела.

— Час назад умер старый Джон Гримлен,— отрывисто вымолвил Конрад.

— Неужели? Мне не было известно, что он болел.

Я не мог скрыть удивления: Гримлен казался крепким стариком.

— У него был приступ какой-то необычной болезни, по внешним признакам напоминающий эпилепсию. В последние годы он был подвержен подобным приступам, а последний оказался смертельным,— продолжал Джон.

Я только кивнул. Я бывал в огромном старом доме на холме и был знаком с хозяином, особо не жалующим посетителей и живущим отшельником. Однажды мне случилось быть свидетелем одного из припадков его странной болезни. Старик корчился в страшных судорогах, выл и катался по полу, не переставая изрыгать жуткие проклятия. Богохульствовал он до тех пор, пока голос не перехватил спазм и на губах запузырилась пена. Зрелище было столь мерзкое и ужасающее, что стало понятным, отчего наши предки считали этих несчастных людьми, одержимыми дьяволом.

— ...Видимо, наследственному дефекту,— не замечая, что я отвлекся, продолжал Конрад.— Такое иногда случается — отвратительный недуг, поразивший в давние времена одного из предков Старого Джона, несомненно, передался ему как врожденный порок. Хотя известно и другое. В свои молодые годы Джон много путешествовал по разным таинственным уголкам планеты, в том числе

объездил весь Восток. И вполне мог заразиться какой-либо редкой болезнью во время странствий. Современная наука еще мало знакома с таинственными заболеваниями, встречающимися в глубинах черной Африки и на Востоке.

— Все это очень интересно, но вряд ли твой неожиданный визит, да еще в столь поздний час, ведь уже за полночь, вызван необходимостью обсудить причины, вызвавшие смерть Старого Джона.

Мое замечание смутило Конрада.

— Видишь ли, — он замялся, подбирая слова, — дело в том, что обстоятельства сложились так, что я был единственным, кого терпел старый отшельник. Он решительно отказался от врачей и запретил вызывать священника. Так что Джон Гримлен умирал, по сути, в одиночестве, довольствуясь только моим присутствием. Честно говоря, когда стало ясно, что пробил его последний час и он умирает, я готов был, невзирая на протесты, отправиться за помощью. Но старик разразился такими горячими мольбами не оставлять его умирать одного, он так причитал и выл, что я не выдержал и покорился судьбе.

Тыльной стороной ладони он смахнул крупные капли пота со лба и тихо добавил:

— Мне довелось не раз видеть, как умирают мужчины. Смерть всегда страшна. Но кончина Гримлена просто потрясла меня...

— Старик очень страдал?

— Похоже, не физические страдания, как бы они ни были сильны, заставили его испытывать нечеловеческие муки. Здесь явно была задета психика. Надо было видеть эти широко открытые глаза, переполненные немыслимым ужасом. А чудовищные вопли и сейчас звучат в моих ушах. Поверь, Кирован, то, что происходило с Гримле-

ном, было не похоже на обычный страх человека перед неведомым, вечно ждущим нас за пределами жизни.

Темный смысл откровений моего друга сжал мое сердце предчувствием небывалых бед. Я беспокойно переступил с ноги на ногу, ощущая неприятный холодок, пробежавший по спине.

— Ты же знаешь, наши местные жители всегда уверяли: Джон Гримлен давным-давно продал душу дьяволу. Подтверждением считались его внезапные приступы эпилепсии — внешний признак одержимости Сатаной. Подобные пережитки характерны для средневековья, но и современный обыватель легко поддается подобным домыслам. Тем более что старик своим поведением, безусловно, их подтверждал. Старый Джон вел злую и порочную жизнь. Никто не в состоянии вспомнить ни единого доброго поступка этого человека. По этим причинам его повсеместно избегали и боялись. Только ты, Конрад, мог считаться его единственным другом. Что вас связывало?

— Странная это была дружба, — задумчиво проговорил он, — ведь, несмотря на свою необузданную натуру, Джон Гримлен был широко образованным и очень знающим человеком. Меня привлекала его неординарность. Причиной нашей первой встречи послужило мое увлечение оккультными знаниями. А старик был глубоко погружен в тайны подобных исследований, и его достижения в этой области меня крайне заинтересовали.

Конрад устало опустил на стул и продолжил:

— Надо сказать, Гримлен и здесь был злокозненным извращенцем, как и во всем прочем. Белая сторона магии его совершенно не занимала. Его вниманием владели лишь темные и зловещие

границ — дьяволопоклонники, вуду и спиритизм. Но в познании различных гнусных ремесел и темных наук он достиг колоссальных успехов. Не раз я испытывал ужас и брезгливое отвращение — сродни тем, что вызывают ядовитые рептилии, — слушая его рассказы о проведенных опытах и его собственных достижениях. На кое-что он лишь намекал, но этого было достаточно, чтобы понять: не было бездны мрака, в которую его бы не тянуло и куда бы он не погружался. Поверь, Кирован, при свете яркого дня, да еще в приятной компании рационально мыслящих людей, легко смеяться над байками о потустороннем мире. Другое дело — оказаться среди глубокой ночи наедине с Джоном Гримленом в его необычной библиотеке, рассматривая старинные тома и диковинные вещицы и слушая жуткие истории хозяина, как довелось мне, — тут не до иронии. Не раз язык буквально присыхал к гортани от охватившего ужаса, сверхъестественное казалось весьма реальным и близким, а существующий мир лишь иллюзией.

Мой приятель замолчал, погрузившись в воспоминания. Пауза затягивалась, и я воскликнул, не в силах унять растущее напряжение.

— Бог мой! Ты наконец перейдешь к делу? Я-то тебе зачем?

— Прошу тебя пойти со мной в дом Джона Гримлена. Он отдал странные распоряжения по поводу собственных бранных останков. Я хочу, чтобы ты был рядом и помог мне.

Я молча стал одеваться, внутренне содрогаясь от охвативших меня предчувствий и не испытывая ни малейшей склонности к предстоящей авантюре. Через минуту я был готов и поспешил вслед за Конрадом. Мы шли к особняку Старого Джона по пустынной

дороге, петляющей по холму. Путь вел все время вверх, и мрачный дом на фоне яркого звездного неба нависал черной глыбой, похожей очертаниями на хищную птицу. Тусклая красная полоса дрожала на западе, за низкими темными холмами, куда только что опустился лунный серп. Нечто мрачное и тягостное ощущалось в теплом воздухе. Ночь, казалось, наполнилась злом. Мои нервы дрожали, как натянутые струны, от непрерывного шороха крыльев летучих мышей где-то над головой. Стараясь заглушить гулкие удары сердца, я спросил:

— Большинство знакомых считало Гримлена сумасшедшим. Ты так не считаешь?

Конрад ответил с некоторой неохотой, да и то не сразу, а пройдя несколько шагов:

— Я счел бы его самым здравомыслящим человеком на свете, если бы не один случай. Однажды я засиделся у него в кабинете допоздна, слушая несколько часов кряду рассуждения хозяина о его любимом предмете — черной магии. Неожиданно он вскочил в крайнем возбуждении и заорал со зловещим блеском в глазах. В тот момент мне показалось, что он переступил границы рассудка. Старик метался по комнате, расшвыривая книги, безделушки, и беспрерывно вопил: «Тебя еще не утомил этот детский лепет, все эти ритуалы вуду, сионистские жертвоприношения, сказки о пернатых змеях, безрогих козах и культе черного леопарда? Ха! К чему вся эта грязь и пыль, разносимая ветром! Ничтожная пена на пути к истинно Неведомому, к постижению его глубоких тайн! Это только жалкие раскаты эха Бездн! Мне ведомо такое, что стоит заговорить — и твои куриные мозги взорвутся, не в силах вместить услышанное. Я могу произнести имена, и звук их иссушит человека своим обжига-

ющим дыханием. А что тебе известно о Йог-Сототе, о Катулосе и погруженных городах? Даже в ваши мифологии не включено ни одно из этих имен. И никогда в твоих убогих сновидениях не возвысятся черные циклопические стены града Кот, и тебя не овеет ядовитое дыхание бурь Югота! Не бойся, дуновение моей Черной мудрости не уничтожит тебя. Твой инфантильный разум просто не в состоянии вместить хоть крупицу моих знаний. Доведись тебе прожить столько же, сколько мне, ты бы увидел, как гибнут целые царства и уходят в ничто поколения, и мог бы собрать спелые зерна темных тайн столетий...»

Гримлен неистовствовал, черты его лица исказило безумие, он словно утратил человеческий облик. Вдруг он заметил мою явную растерянность и смущение, остановился и разразился ужасным гнусавым смехом.

«О боги! — В его голосе неожиданно появился странный акцент. — Никак малыш перепугался! Неудивительно, ведь нагой дикарь более умудрен в обычаях сей жизни, чем ты, играющий в ученость. Олух царя небесного, ты древнего мужа полагаешь за старца! Да поделись я с тобою знакомством с поколениями людей, коих мне довелось узреть, ты помрешь на месте от изумления...»

Конрад запнулся, но, совладав с собой, продолжал:

— Мне не стыдно признаться — я трусливо сбежал. Я испытал такое потрясение и ужас, что смог остановиться, лишь когда мои легкие готовы были разорваться, колени подгибались, а перед глазами поплыли цветные пятна. В ушах все еще отдавался визгливый дьявольский смех, несшийся из дома на холме... Прошло несколько дней, и я получил

письмо, в котором Гримлен откровенно, более чем откровенно, ссылался на избыток лекарств и приносил извинения за свое поведение. После некоторых колебаний я решил восстановить наши отношения, хотя и не поверил в причину, указанную в письме.

— Мне кажется это безрассудным,— не сдержавшись, буркнул я.

— Да,— неохотно согласился Конрад.— Но ответь мне, Кирован, встречался ли тебе хоть один человек, знакомый с Джоном Гримленом в юности?

Я отрицательно покачал головой.

— Я осторожно навел о нем справки, приложив немало усилий,— продолжил Конрад.— Гримлен прожил здесь около двадцати лет, если не считать нескольких таинственных исчезновений на два-три месяца. Знаешь, что утверждают старые жители, которые хорошо помнят, как впервые здесь появился Старый Джон? Когда он приехал и поселился в доме на холме, он выглядел так же, как сейчас. То есть за прошедшие годы он вряд ли заметно постарел и до самой своей смерти выглядел пятидесятилетним мужчиной. Вернее, казался. Будучи в Вене, я встретился со старым фон Боэнком. И стал расспрашивать о Гримлене, узнав, что они были знакомы в те времена, когда юный фон Боэнк учился в Берлине. По его словам, тогда Гримлен выглядел лет на пятьдесят, и он страшно удивился, что тот еще жив.

Понимая, к чему клонит разговор мой приятель, я не сдержался и изумленно воскликнул:

— Ерунда! В преклонном возрасте люди часто путают имена и даты, а профессору фон Боэнку уже за восемьдесят, и он, скорее всего, ошибается, принимая за Гримлена кого-то другого.

Я старался говорить уверенным тоном и в то же время чувствовал, как холодеют руки и вздыбливаются волоски на шее.

— Все может быть,— повел плечами Конрад.— Мы у цели — вот и его дом.

Жалобно простонал ветер в ветвях растущих неподалеку деревьев, заставив вздрогнуть, чуть слышно прошелестели крылья летучей мыши. Дом угрожающе навис над нами, когда мы приблизились к парадной двери. Повернулся ключ в протестующе скрипнувшем старинном замке, мы вошли, и на нас тут же потянуло холодным сквозняком, несущим затхлый запах склепа.

В доме не было ни газовых светильников, ни электричества, поэтому по темным коридорам мы пробирались практически на ощупь. Лишь очутившись в кабинете, Конрад зажег свечу, а я огляделся, подспудно ожидая неприятных сюрпризов. Но в комнате, увешанной гобеленами и уставленной причудливой мебелью, никого не было, конечно не считая нас двоих.

— Где... где тело? — В горле у меня пересохло, и я спрашивал внезапно осипшим голосом.

Глубокая тишина и таинственная атмосфера дома завораживали.

— Наверху,— почти прошептал Конрад.— На втором этаже в библиотеке. Он там и умер.

Невольно я поднял глаза. Там, высоко над нашими головами, безмолвно лежал одинокий хозяин этого мрачного дома, распростертый в последнем сне, с побелевшим лицом, застывшим в ухмыляющейся маске смерти. Я пытался взять себя в руки, борясь с охватившей меня паникой. Снова и снова, как испуганный ребенок, повторял я себе: наверху только остывший труп, труп старого злодея, кото-

рый никому уже не в силах навредить. Немного успокоившись, я повернулся к Конраду. Он как раз вынимал из кармана конверт, пожелтевший от времени.

— Смотри, здесь заключена последняя воля Джона Гримлена, — показал Конрад несколько плотно исписанных страниц тонко выделанного пергамента, извлеченных из конверта. — Как давно было это написано, думаю, известно лишь Господу Богу. Я получил конверт от Старого Джона десять лет назад, когда он вернулся из путешествия по Монголии. Первый приступ случился с ним вскоре после этого.

Джон взял с меня клятву, что я буду хранить конверт запечатанным, тщательно спрятав, и не вскрою до момента его смерти. Теперь мне следует прочесть его записки и в точности следовать содержащимся здесь указаниям. Было еще одно условие: невзирая на любые его заверения и просьбы, ни в коем случае в дальнейшем не отдавать конверт и действовать, как было оговорено. «Ибо плоть слаба, — заключил Гримлен, когда вручил мне конверт, неприятно улыбаясь, — и даже я могу смалодушничать, поддавшись искушению отменить распоряжения. Наверняка суть дела навсегда останется вне твоего понимания, но ты поклялся и изволь выполнить обещанное...»

Испарина покрыла лоб Конрада, но он не замечал этого.

— Говори! — взмолился я.

— Несколько часов назад, — продолжал Джон, — когда начался последний приступ и он метался на постели в предсмертной агонии, его обуял непередаваемый ужас. Корчась то ли от страха, то ли от жестокой боли, он беспрестанно молил меня при-

нести этот конверт и уничтожить его, не вскрывая. Лихорадочные просьбы перемежались бессловесным мычанием, затем нечеловеческим усилием он приподнялся на локтях и завопил, выпучив глаза: «Принеси конверт!» Я держался, хотя волосы мои стали дыбом, а кровь стыла в жилах. Он продолжал бесноваться, бредя и непрерывно воя. И вдруг почти спокойно попросил, чтобы я разрубил его тело на части, сжег и развеял на четырех небесных ветрах. Господи, я сам уже был на грани сумасшествия.

Конрад замолчал, заново переживая случившееся.

— Я все время помнил указания десятилетней давности и твердо стоял на своем. Но наконец я сдался. Невыносимое отчаяние, сквозившее в воплях старика, заставило меня изменить клятве. И я решил сходить за конвертом, хотя при этом пришлось бы оставить умирающего одного. Но стоило мне повернуться, как последний ужасный крик застыл на покрытых пузырящейся кровавой пеной перекошенных губах, умирающий содрогнулся, и душа покинула изломанное тело.

Пергамент зашуршал в его дрожащих руках.

— Свое обещание я сдержу. Я дал слово и выполню все, что здесь сказано, даже если указания кажутся плодом больного воображения или капризом выжившего из ума старца. Следуя им, необходимо поместить труп на большой стол черного дерева, стоящий в библиотеке, разместив вокруг семь зажженных свечей черного воска. В доме все двери и окна должны быть закрыты и крепко заперты на засовы. Потом, в предрассветной мгле, мне придется прочесть формулу или заклинание, которые находятся в конверте меньшего размера, внутри первого. Что там, я не знаю,

поскольку еще не вскрывал его. Вот вкратце и все.

— Как все? — изумился я. — Гримлен должен был распорядиться и насчет состояния, поместья... И наконец, как поступить с его захоронением. Неужели в пергаменте этого нет?

— Нет. Завещание хранится у нотариуса. Я был свидетелем при составлении и знаю, что он все — и поместье, и состояние — оставил некому Малику Тоусу, его восточному партнеру, как я понял.

— Как, Малику Тоусу?! — Потрясенный до глубины души, я перешел на крик. — Тебе ли, изучающему восточные верования, не знать, кто это. Боже милосердный, очнись, Конрад, это очередное безумие. Ни одного смертного не могут называть именем Малик Тоус. Вспомни, это титул злобного божества из далекой Азии. В таинственной пустыне, затерянная в ее глубинах, есть Проклятая гора — Аламаут, и веками высятся там Восемь Медных Башен, выстроенных загадочными йедзеями. Они поклоняются этому злому богу и его символу — медному фазану. Их соседи-мусульмане ненавидят этих дьяволопоклонников, справедливо считая, что Малик Тоус — одно из имен истинного Сатаны и суть его — вселенское зло, как у Князя тьмы Аримана или Старого Змея Сета. Ты утверждаешь, что именно его, этого мифического демона, упоминает Джон Гримлен в своем завещании?

— Все верно. — Конрад кивнул и протянул мне пергамент: — Взгляни.

Ему трудно было говорить, так пересохло в горле. И я прочел нацарапанные в уголке конверта странные слова: «Не рой мне могилу, она мне не понадобится». Повеяло замогильным холодом, озноб охватил меня снова.

— Во имя Господа! — сказал я тихо. — Нам нужно поскорее покончить с этим дьявольским делом.

— Согласен, но прежде нам не помешает выпить, — облизывая пересохшие губы, заметил Конрад, направляясь к одному из шкафчиков. — Помоему, вино где-то здесь.

Наклонившись, он с некоторым усилием открыл резную дверцу красного дерева.

— Я, кажется, перепутал, Гримлен брал напитки не отсюда. — Лицо Конрада разочарованно сморщилось. — Никогда ранее я так не нуждался в глотке хереса... А это что?

Он извлек из шкафчика пыльный свиток пергамента, почти неразличимый под слоем паутины. Стряхнув грязь, Конрад стал разворачивать пожелтевшую кожу. Таинственная и волнующая атмосфера этого мрачного дома целиком захватила меня, в ожидании новых загадок я склонился над плечом моего спутника, рассматривая старинные буквы.

— Мы нашли «родословную пэра», — пояснил Конрад. — С шестнадцатого века, а в некоторых старых семьях и ранее, было принято отмечать хронику рождений, смертей и других знаменательных событий.

— И кто был основателем фамилии? — поинтересовался я.

Сдвинув брови, Конрад старательно изучал выцветшие буквы, разбираясь в затейливых каракулях архаичного почерка.

— Г-р-и-м... сообразил — естественно, Гримлен. Мы держим в руках родословную семьи Старого Джона. Изначально они владели поместьем «Жабье болото» в Суффолке — странноватое название для поместья. А вот и последняя запись.

Я прочел вместе с ним: «Джон Гримлен, появился на свет 10 марта 1630 года от Р.Х.». Далее следовала новая строка, выполненная странным корявым почерком: «Умер 10 марта 1930 года» — и стояла печать красного воска — необычный знак, изображающий распутившего хвост фазана. У нас одновременно вырвался короткий вскрик, и мы молча уставились друг на друга. Пламя свечи отбрасывало тени на мгновенно заострившиеся черты моего друга. Я старался игнорировать крадущийся по шее холодок. Меня охватила волна бешенства, когда мне показалось, что наступило озарение и я проник в дурацкий замысел старого безумца.

— Ничтожный фигляр, он думал напугать нас подобными шутками, — выпалил я. — Актер переиграл сам себя в этой столь тщательно продуманной безумной постановке! Явно ему не хватало вкуса — огромное количество трюков свело на нет весь невероятный замысел. И в результате драма иллюзий превратилась в скучнейшую и пошлую пьеску.

Хотелось бы мне иметь ту уверенность, с которой я все это произносил. Конрад молча направился к лестнице, поманив меня рукой и взяв большую свечу со стола красного дерева.

— Мне не хватило мужества справиться с этим жутким делом в одиночку, — прошептал он, — я рад, что ты здесь.

Мы стали подниматься по лестнице дома, сам воздух в котором, казалось, вибрировал в безмолвном ужасе. В тяжелых бархатных портьерах прощелестел неведь откуда взявшийся легкий ветерок. Воображение услужливо нарисовало картинку: из-за раздвинутых когтистыми пальцами штор на нас неотрывно смотрят злобные красные глазки. И тут же мне почудился где-то над нами звук тяжело-

весных шагов, но оказалось, что это глухим барабанным стучит мое сердце.

Ступени привели в широкий темный коридор. Слабое пламя свечи выхватывало наши бледные лица, похожие на скорбные маски в окружающем нас мире теней. Добравшись до массивной двери библиотеки, Конрад остановился. Настривая себя физически и морально на решительные действия, он несколько раз глубоко вдохнул и с шумом выпустил воздух через приоткрытые губы. У меня кулаки были стиснуты с такой силой, что ногти больно впились в ладонь. Конрад решительным толчком распахнул дверь и ошеломленно застыл. Онемевшие пальцы выпустили свечу, и пламя ее погасло. Но надобности в ней, как оказалось, уже не было. Помещение библиотеки было заполнено ярким светом, хотя остальной дом оставался погруженным в темноту. Вокруг громоздкого резного стола равномерно размещались семь черных свечей, струящих ослепительный свет. Я собрался с силами, прежде чем решился взглянуть на лежащее на столе тело. Джон Гримлен не вызывал особой симпатии при жизни, а в смерти стал вызывать просто ужас. Да, ужас, несмотря на то что лицо его милосердно прикрывал край шелковистой мантии, расшитой дивным узором из многоцветных птиц. Она же покрывала все его тело, оставляя открытыми лишь скрюченные, похожие на когтистые лапы руки и иссохшие обнаженные ступни.

— Бог мой! — растерянно шепнул Конрад. — Что здесь происходит? Ведь я перенес тело на стол и установил свечи, но не зажигал их! И я не знаю, откуда взялась эта мантия. И я точно помню, когда уходил, — на ногах оставались домашние шлепанцы!

Он замолчал, вдруг заметив, что мы были не одни в комнате, где царилa смерть. Мы не заметили его сразу, он практически сливался с тенями, отбрасываемыми старинными гобеленами на глубокую нишу, где незнакомец удобно расположился в огромном кресле с подлокотниками. Наши взоры встретились с немигающим взглядом раскосых янтарных глаз. Состояние мое стало крайне нервным, ощущение тошнотворной тяжести появилось в желудке. Взгляд этого человека завораживал... Наконец он поднялся и грациозно поклонился в манере, свойственной жителям Востока. Теперь я никак не могу воскресить в памяти его четкий облик, мне совершенно не удастся представить черты его лица. Но взгляд пронзительных золотистых глаз и причудливую желтую мантию я запомнил навсегда.

Иногда тело действует абсолютно автоматически, и мы машинально поклонились в ответ, на мгновение забыв о странности ситуации. И услышали мягкий отчетливый голос:

— Рад приветствовать вас, господа. Прошу простить, но я позволил себе зажечь свечи, ожидая вас. Полагаю, нам необходимо продолжить церемонию в честь нашего общего друга.

Изящным движением он указал на распростертое тело. Конрад в ответ молча кивнул. Видимо, этому человеку в свое время Гримлен тоже вручил запечатанный конверт, одновременно подумали мы. Оставалось неясным, как ему удалось прибыть в дом Гримлена так быстро. И потом, мы полагали, что о кончине Старого Джона знали только мы, ведь он умер не более двух часов назад. Да и дом был заперт и закрыт на засов, как же получилось, что незнакомец сюда проник? Представляю, насколько гротескной и нереальной казалась эта сцена. Нам

даже не пришло в голову, что мы не спросили имени незнакомца и не отрекомендовались сами. А он уверенно стал распоряжаться, отдавая приказания негромким, уважительным тоном. Мы невольно подчинились, двигаясь как во сне под впечатлением фантастичности и ирреальности происходящего. Мне было велено встать по левую сторону стола, отягощенного ужасной ношей. Напротив находился Конрад, пытавшийся за напускным спокойствием скрыть свои истинные чувства. Со свойственной восточным людям бесстрастностью неизвестный стал со скрещенными на груди руками во главе стола. Он стал на место, предназначенное в письме Конраду, но у нас не возникло сомнения, что он имеет на это неоспоримое право. Я не мог отвести взгляда от черной шелковой вышивки на груди необычного облачения пришельца с Востока. Диковинная эмблема напоминала не то фазана, не то летучую мышь, не то расправившего крылья дракона. Присмотревшись, я с непонятым испугом заметил, что не разноцветные птицы, а подобные же фигуры украшают мантию, наброшенную на труп.

В комнате с наглухо занавешенными окнами и плотно запертой дверью приторно пахло благовоениями. Дрожащей рукой Конрад открыл внутренний конверт и расправил хрустнувшие листы пергамента, хранившиеся в нем. Судя по виду пергамента, он был изготовлен и исписан значительно раньше, чем тот, что содержал указания Конраду. Мой спутник приступил к чтению, произнося слова в монотонной манере, невольно погружающей слушателей в гипнотическое состояние. Пламя свечей временами тускло у меня на глазах и сливалось в расплывчатое серое марево, я впал в состояние между сном и обмороком.

Время, пространство, люди рядом со мной потеряли свои очертания и законченность. Я не различал слов, произносимых Конрадом, и воспринимал их как какую-то тарабарщину, но самый звук и архаика речи внушали мне неодолимую тревогу и беспокойство.

«Именем Безымянного, я, Джон Гримлен, добровольно приношу клятву выполнить условия сего договора. Поручкой тому отныне моя кровь, коей пишу слова, изреченные мне в зловещей палате Безмолвия мертвого города Кот, куда попередь меня не вступал ни один смертный. Над телом моим в назначенный час оные слова да прочтутся, дабы исполнилась моя часть договора, в чем и подписуюсь по доброй воле и будучи в здравом рассудке. 1680 год от Рождества Христова».

Ниже шел текст собственно заклинания:

«Упреждая человека, явлены Старейшины, владыка оных бысть и поныне середь теней, в кои шагнув единожды, не обретет пути назад ни один смертный».

Слова перешли в дикую бессмыслицу, чужой варварский язык с трудом давался Конраду, и он постоянно заливался, читая письма, отдаленно напоминающие финикийские диалекты, но с оттенком столь древним, что вряд ли существовала возможность определить принадлежность к одному из современных наречий.

Мигнула и погасла одна из черных свечей. Я решил зажечь ее, но властный жест пришельца с Востока буквально приковал меня к месту. Он на мгновение отвел взгляд горящих глаз от распостертого тела и опять отрешенно застыл.

Голос Конрада окреп — рукопись далее написана была на староанглийском:

«...О, Темный Повелитель, лицо коего сокрыто, даруй смертному, что достиг черных цитаделей потерянного града Кот, согласно уговору богатство и знания без счета, продли его жизнь на срок долгий — на две сотни пятьдесят лет».

И опять зазвучала гортанная чужая речь. Еще одна свеча погасла. Комната теряла очертания, в воздухе сгустились какие-то сумеречные тени, струящийся дымок свечей нес душный запах сладковатых благовоний, в мозгу оттаивали древние слова:

«...Пламя Ада овладеет тобой в час расплаты, когда придет твой черед. Не дрогни, смертный! Непреклонен Князь Тьмы, ибо берет принадлежащее ему по праву. Да будет отдано, что обещано! Ауганта не шауба...»

Ледяная рука ужаса сжала мое сердце при последних звуках загадочной речи. Я не мог отвести взгляда от пламени свечей и принял как должное, когда погасла следующая из них, хотя даже легкий сквозняк не проникал через тяжелые портьеры. Легкая улыбка тронула губы чужестранца, от глаз же веяло холодом бездны. Конрад сглотнул и судорожно провел рукой по горлу, а затем продолжил:

«...Странные тени скользят среди сынов человеческих. Узрев следы когтей, люди не могут узреть ноги, что их оставили. Осенены чернотой крыльев души людские. Изначально имя Черного властителя, но недоступно уху смертных, и зовут они Его в своем ничтожестве по-разному: Сатана — Вельзевул — Апполеон — Ариман — Малик Тоус...»

Ледяная волна страха окатила меня и, казалось, коснувшись пламени очередной свечи, загасила его. Все отдалилось, и издали смутно слышалось бормотание Конрада, сливаясь, невнятно звучали слова то на английском, то на странно пугающем языке,

природа которого оставалась вне моего понимания. Страх лишил меня привычного мировосприятия, и ощущения обострились до предела. Я физически чувствовал, как сгущается сумрак вокруг нас и как немеют мои члены по мере того, как одна за другой гасли свечи. Не в силах пошевелиться, широко открытыми глазами я буквально впился в единственную горящую свечу. Я испытывал безотчетный страх при виде стоящего во главе стола пришельца с Востока. Он безмолвствовал и оставался недвижим, но глаза... Глаза под набрякшими веками горели дьявольским торжеством, злобный восторг таился за его бесстрастной внешностью — но что было тому причиной? Внутренняя уверенность подсказывала: лишь исчезнет пламя последней свечи, и крошечный мрак заполнит библиотеку, наступит кошмарный финал этой жуткой сцены. Видимо, Конрад читал заключительные строки, и голос его окреп, поднимаясь в крещендо. Развязка приближалась.

«...Миг платежа настанет ныне. Заслонят небо воронье и летучие мыши. Звездами замерцают пустые глазницы мертвецов. Да взято будет обещанное! Тело и душа твоя не обратятся в прах и стихии, из коих возникает жизнь...»

Пламя последней свечи дрогнуло. Охватившее меня оцепенение лишило воли, в отстраненном затуманенном сознании образы мешались, и рассудок, как за последнюю надежду, цеплялся за слабеющей огонек.

«...Пора платить, бездна разверзлась. Колеблется свет, сгущаются тени. Добро есмь зло, свет есмь тьма. И упования есмь горький Рок».

Эхом разнесся по комнате гулкий стон. Звук шел из-под мантии, покрывающей бранные останки на столе. Но это еще не все: мантия судорожно дернулась!

«...О крылья в черной мгле!»

Слабый шелест прозвучал в сгустившемся мраке. Я вздрогнул — последняя свеча еле мерцала. Казалось, что мы слышим шорох развернувшихся гигантских крыльев.

“О красные глаза тьмы! Обещанное и скрепленное кровью завершено! Жизнь поглощена мраком! Закрыты врата града Кот!»

Погасла и последняя свеча. Гнетущую тишину прорезал дикий вопль, в котором не было ничего человеческого. И тут же к нему присоединились наши с Конрадом не менее пронзительные крики. Сильнейший порыв ветра отбросил вверх портьеры, что-то чудовищно громадное ворвалось в комнату, с грохотом опрокидывая тяжелые шкафы с книгами, посыпались, разбиваясь, безделушки. Невыносимая вонь на миг обожгла наши ноздри, и во мраке зазвучал тихий язвительный смех.

Мертвая тишина окутала нас давящим саваном. Наконец-то я смог двигаться и попытался помочь Конраду отыскать свечу. Ему это удалось, и он зажег ее. Слабое пламя метнулось, освещая царящий беспорядок, наши собственные бледные лица и... О ужас! Огромный стол черного дерева был пуст! Из запертого, с закрытыми окнами дома неизъяснимым образом исчез труп Джона Гримлена и с ним таинственный пришелец с Востока!

Мы ринулись к двери, взломали ее и понеслись вниз по лестнице, непрерывно вопя как одержимые. Пролетев, спотыкаясь и наталкиваясь на стены, нижний коридор, мы, мешая друг другу, стали снимать засов и вдруг ощутили сильный запах горящего дерева. Сквозь мрак пробивалось зловещее мерцание, посыпался треск рвавшегося за нами пламени. Парадная дверь поддалась нашей яростной

атаке — мы выскочили под светлеющее предрасветное небо. Мелкие камешки градом сыпались из-под наших ног, когда мы улепетывали по дороге, ведущей с холма. Нас сопровождал рев взметнувшихся вверх огромных языков пламени. Конрад оглянулся и вдруг застыл, резко схватив меня за рукав. Рука его указывала на что-то над головой.

— Гримлен двести пятьдесят лет назад продал и душу, и тело дьяволу! Матаж Тоус явился в час расплаты! — выкрикивал Конрад. — Ночь платежа! Это была ночь платежа! Господи... взгляни! Сатана получил свое!

Остолбенев от ужаса, я посмотрел туда, куда он указывал. С путающей быстротой пожар охватил громаду дома, и стена багрового адского пламени четко выделялась на фоне неба. Языки огня почти касались кружащейся над ними гигантской черной тени, напоминающей то ли диковинную птицу, то ли кошмарных размеров летучую мышь, то ли расправившего крылья дракона, и с изогнутых когтей свисал белеющий небольшой предмет, похожий на безжизненное человеческое тело. Оторопев, мы стояли и смотрели, как в клубах дыма исчезает фантастическое видение, и вдруг земля задрожала под нашими ногами, а стены дома содрогнулись, и пылающая крыша обрушилась. Взметнулся сноп искр, и пристанище неведомых сил перестало существовать.

ПОГИБЕЛЬ ДЭЙМОДА

Если сердце болит в вашей груди, а глаза прикрыты слепящими черными занавесями печали, так что солнечный свет кажется вам бледным и прокаженным... отправляйтесь в городок Галвей в местности с тем же названием в ирландской провинции Коннаут.

В сером старом Городе Племен (так его называют местные) таятся сонные чары успокоения. Это похоже на кодовство. И если в ваших жилах течет кровь уроженца

Галвея, ваше горе медленно растает, словно сон, оставив лишь сладкие воспоминания, похожие на запах увядающих роз. И не важно, как далеко вы от родины. В старом городе исчезают все печали. Он дарует забытие. А еще вы можете побродить по Коннаутским холмам и почувствовать соленый резкий привкус ветра Атлантики, и прежняя жизнь покажется тусклым и далеким миражом, и все ваши радости и горькие печали — не более реальными, чем тени облаков, пролетающих мимо. Я приехал в Галвей, чувствуя себя раненым зверем, приползшим в свое логово среди холмов. Город моего народа на первый взгляд выглядел разоренным, но он не казался мне ни чужим, ни иностранным. Похоже, он радовался моему возвращению. С каждым днем края, где я родился, отдалялись дальше и дальше, а земля моих предков становилась мне ближе.

В Галвей я приехал с болью в сердце. Моя сестра-близняшка, которую я любил как никого в мире, умерла. Она ушла из жизни быстро и неожиданно. Мне все это казалось ужасным. Вот она смеется рядом со мной. На устах ее играет радостная улыбка, сверкают ее серые ирландские глаза. А вот — ее могила, заросшая горькой травой. О Боже, не оставь своего сына в одиночестве.

Черные облака, словно саван, сомкнулись надо мной, и в тусклой земле, граничащей с королевством безумия, я был один. После смерти сестры я не проронил ни слезинки. Я ни с кем не хотел разговаривать. Наконец ко мне зашла моя бабка — огромная мрачная старуха с суровыми, внимательными глазами, в которых можно было прочесть все горе ирландского народа.

— Отправляйся в Галвей, парень. Съезди на древнюю землю. Быть может, твоя печаль утонет в хо-

лодном соленом море. Может, люди Коннаута залечат твои раны...

И я отправился в Галвей.

Люди, жившие здесь, все были из старинных семей — Мартины, Линчи, Дены, Дорсейи, Блэки, Кированы. Семьи четырнадцати великих родов правили Галвеем. Я бродил по долине и среди холмов, разговаривал с дружелюбными, причудливыми людьми, многие из которых говорили на добром старом ирландском, на котором я сам говорил не очень. Там же однажды ночью на холме, у пастушьего костра, я вновь услышал легенду о Дэймоде О'Конноре. Пока пастух с колоритным местным акцентом, сплетенным со множеством галльских фраз, пересказывал ужасную историю, я вспомнил, что моя бабушка рассказывала мне ее, когда я был ребенком, но я забыл большую ее часть.

Краткая история Дэймода такова: Дэймод был предводителем клана О'Конноров, но люди звали его Волком. В старые дни О'Конноры стальной рукой правили Коннаутом. Они правили Ирландией вместе с О'Бринами, жившими на юге в Манстере, и О'Нейлами — на севере в Юлстере. С О'Рурками они сражались. Макмюррея из Лейнстера (это был Дэймод Макмюррей) выгнали из Ирландии, когда он носил фамилию О'Коннор. Он прибил к Крепкому Луку и его нормандским авантюристам. Когда Эрл Пемброк (люди звали его Крепкий Лук) высадился в Ирландии, Родерик О'Коннор уже стал королем Ирландии. Клан О'Конноров — яростные воины-кельты — отважно боролся за свободу, пока их армия не была разбита ужасными норманнскими захватчиками. Увяла слава О'Конноров. В старые времена мои предки сражались под их знаменами... но каждое дерево имеет хотя бы один гнилой ко-

рень. Каждый великий род имеет свою черную овцу. Дэймод О'Коннор был черной овцой своего клана, и чернее не бывает.

Он поднял руку против своего народа, против своего собственного рода. Дэймод не был вождем, не сражался за корону Эрима или за свободу своих людей. Он был грабителем, чьи руки запятнаны кровью. А грабил он как норманнов, так и кельтов. Он совершил рейд на Пале и принес огонь и смерть в Манстер и Лейнстер. О'Брины и О'Кэрролы прокляли Дэймода, а О'Нейл охотился за ним, как за волком.

Дэймод оставлял за собой кровавую дорогу разрушений. Его банда сильно уменьшилась. Многие бежали, многие погибли в сражениях. Оставшись в одиночестве, Дэймод прятался в пещерах среди холмов, резал одиноких путешественников, как овец, чтобы утолить жажду крови, и опустошал дома одиноких фермеров и хижины пастухов, насиловал женщин. Разбойник был огромным человеком, и легенды говорят о нем как о каком-то невероятном, чудовищном создании. Должно быть, и впрямь он был таннственным и ужасным.

Но в конце концов смерть нашла и его. Он убил юношу из клана Кирована, и Кированы приехали из Галвея, желая отомстить. Сэр Майкл Кирован встретился с разбойником один на один среди холмов... Сэр Майкл был моим предком по прямой линии. Его фамилию я нопгу. Они сражались один на один, и дрожали холмы, ставшие свидетелями их ужасной битвы, пока звон стали не долетел до остальных мужчин клана Кирована и те не поскакали в холмы в поисках сражающихся. Они нашли тяжело раненного сэра Майкла и мертвого Дэймода О'Коннора. У разбойника была отсечена рука, и страшная рана

зияла в его груди. Но переполненные яростью и ненавистью, Кированы затянули петлю вокруг шеи бандита и повесили его на огромном дереве на краю утеса на берегу моря.

— И, — продолжал мой друг-пастух, перемешивая угли костра, — крестьяне запомнили это дерево и назвали его — на датский манер — Погибелью Дэймода. Люди часто видели там по ночам огромного разбойника. Он скрежетал огромными клыками. Кровь лила из его плеча и груди. Он клялся наслать проклятие на всех Кированов и всех их потомков... Так что, сэр, не ходите ночью к утесу над морем. Ведь именно вас и ваших родственников он ненавидит. Если хотите, можете смеяться, но призрак Дэймода О'Коннора Волка появляется там безлунными, темными ночами. У него огромная черная борода, горящие глаза и здоровые клыки.

Пастухи показали мне дерево Погибель Дэймода — странное, напоминающее виселицу. Сколько сотен лет простояло оно там, я не знаю, потому что люди в Ирландии живут долго, а деревья еще дольше. Поблизости от Погибели Дэймода не было других деревьев. Утес, на котором оно стояло, вздымался над морем на четыре сотни футов. Под ним были лишь синие волны — морская пучина...

Часто ночами, когда над миром царила тьма и тишина, я бродил по холмам. Ни разговоры людей, ни шум не нарушали моего одиночества. Черная печаль сжимала мое сердце. Я бродил по холмам, с вершин которых звезды казались теплее и ближе. Часто мои спутанные мысли обращались к звездам. Я думал, какой из звезд стала моя сестра, если, конечно, она стала звездой.

Однажды ночью мне стало просто невыносимо тоскливо. Я поднялся с кровати (время от време-

ни я останавливался в маленьких горных гостиницах), оделся и отправился побродить по холмам. В висках у меня ломило, и словно тиски сжимали мое сердце. Моя душа бессловесно взывала к Богу, но плакать я не мог. Я чувствовал, что должен плакать, иначе сойду с ума, потому что ни одной слезинки не проронил я с тех пор... В общем, я шел дальше и дальше, и как далеко я забрел, я и сам не знал. В небе горели звезды, но от этого мне было ничуть не лучше. Сначала я хотел кричать, выть, биться о землю, рвать траву зубами. Потом это прошло, и я побрел дальше, впад в транс. На небе не было луны, и в тусклом свете едва различимые деревья и холмы казались странными, темными теньями. С их вершин я увидел огромный Атлантический океан, лежавший словно темно-серебристое чудовище. Я слышал слабый гул прибоя. Что-то мелькнуло передо мной, и я подумал, что это прошмыгнул волк. Но уже много-много лет в Ирландии нет волков. Снова я увидел это существо — длинную низкую тень. Механически я последовал за ней. Теперь я разглядел впереди утесы, обрывающиеся в море. На краю одного из них стояло огромное одинокое дерево, во тьме напоминающее виселицу. Я подошел к нему.

Когда я приблизился к дереву, над землей поползли клочья тумана. Непонятный страх охватил меня, но я продолжал смотреть. Тень стала четче. Тусклая и бархатистая, словно лоскут подсвеченного лунным светом тумана, без сомнения, по форме она напоминала человеческую фигуру. А лицо... Я закричал!

Смутно различимое лицо любимой сестры плавало предо мной, похожее на клоч тумана... Я разглядел массу темных волос, огромный чистый лоб,

красные, чуть изогнутые губы, серьезные, мягкие серые глаза.

— Мойра! — в иступлении воскликнул я и метнулся вперед. Мои руки потянулись к ней, сердце ушло в пятки. Она поплыла прочь от меня, словно клочок тумана, уносимый морским ветерком. Кажется, она плавает в пустоте... В слепом порыве, пошатываясь, помчался я к краю утеса. А потом, словно человек, пробудившийся от сна, я увидел сверкающие сотнях в четырех футов внизу острые скалы. Я услышал, как яростно бьются о них волны. Когда я почувствовал, что теряю равновесие, мне явилось видение. Оно было ужасным. Огромные, похожие на клыки зубы сверкали сквозь спутанную черную бороду. Под нависшими бровями горели ужасные глаза. Кровь текла из плеча и ужасной раны на широкой груди призрака...

— Дэймод О'Коннор! — воскликнул я. Волосы мои встали дыбом. — Изыди, исчадие ада...

Я откачнулся от края, стараясь избежать падения: ведь смерть ждала меня среди скал четырьмя сотнями футов ниже. И тут мягкая маленькая рука схватила меня за запястье и оттащила назад. Я упал спиной на мягкую зеленую траву на краю утеса, а не на острые скалы среди волн, что ждали меня, свались я вниз. Да, я знаю... я не мог ошибиться. Маленькая рука отпустила мое запястье. Ужасное лицо, висевшее над краем утеса, исчезло... Но именно эта маленькая рука спасла меня от смерти... Как мог я не узнать это прикосновение? Тысячи раз чувствовал, как моя сестра мягко касается моей руки, сотни раз держал ее руку в своих ладонях. Ах, Мойра, Мойра, и в жизни, и в смерти — ты всегда помогала мне. И теперь, в первый раз после ее смерти, я заплакал. Я лежал на животе и плакал,

утопив лицо в ладонях. Я изливал боль моего израненного, ослепленного и измученного сердца, пока солнце не поднялось над голубыми холмами Галвея и, скрывшись за ветвями Погибели Дэймода, не засияло странно и по-новому для меня. Все это приснилось мне или я сошел с ума? Правда ли то, что дух давно умершего разбойника провел меня по холмам к утесам под дерево смерти, а потом призрак моей сестры спас меня от смерти? На самом ли деле рука моей мертвой сестры поддержала меня в тот момент, когда мне угрожала смертельная опасность, выдернула меня из объятий смерти? Верьте или не верьте моему рассказу. Как хотите. Все было так, как я рассказал. В ту ночь я видел Дэймода О'Коннора. Он привел меня на край утеса, а мягкая рука Мойры Кирован оттащила меня назад. Ее прикосновение освободило замороженные каналы моего сердца и принесло мне покой. Стена, отделяющая мир живых от мира мертвых, — тонкая вуаль, я-то это знаю. И я уверен, что любовь мертвой женщины победила ненависть мертвого мужчины. Я уверен, что когда-нибудь, перейдя в иной мир, я снова возьму за руку свою сестру.

КАИРН НА МЫСУ

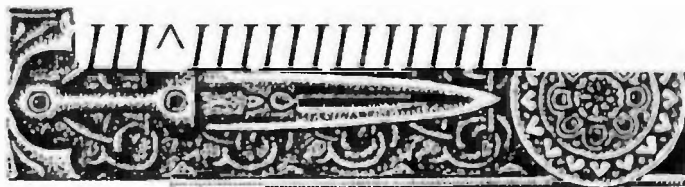

Л-г

Р

ассказ рыбака:

«...В следующее мгновение этот здоровенный рыжий безумец принялся трясти меня, как собака крысу. "Где Мэв Мак-Доннал?" — заорал он. Клянусь всеми святыми, любой напугался бы не на шутку, повстречавшись в полночь в безлюдном месте с сумасшедшим, которому вздумалось разыскать женщину, скончавшуюся триста лет назад».

— Вот канрн, который ты хотел найти,— сказал я и осторожно прикоснулся рукой к одному из шероховатых камней, из которых было сложено возвышение, поражавшее симметричностью формы.

В темных глазах Ортали вспыхнул алчный огонек. Он осмотрелся по сторонам, а затем взгляд его вновь остановился на высокой пирамиде из массивных валунов.

— Что за странное дикое безлюдное место! — проговорил он. — Кто бы мог предположить, что в этих краях отыщется уголок, подобный этому? Кроме дыма, вздымающегося в небо вон в той стороне, нет ни малейших признаков того, что рядом с этим мысом раскинулся огромный город. Здесь совсем пусто, нет даже рыбацких лачуг.

— Здешние жители на протяжении многих веков обходили этот каирн стороной, — ответила я.

— Почему?

— Ты уже спрашивал меня об этом, — раздраженно бросил я. — Могу сказать лишь одно: теперь они делают это по привычке, а раньше руководствовались знанием.

— Знанием! — с презрительным смехом воскликнул он. — Все это суеверия!

Я бросил на него злобный взгляд, не пытаясь скрыть своей ненависти. Пожалуй, трудно сыскать на свете двух людей, которые рознились бы меж собой сильнее, чем мы с Ортали. Он отличался хладнокровием и стройностью фигуры, его темные глаза и изысканность манер явственно указывали на то, что он ведет свое происхождение от древних римлян. А я такой же здоровенный и неуклюжий, как медведь, у меня холодные синие глаза и встрепанная рыжая шевелюра. Мы

родились в одной и той же стране и потому считались соотечественниками, но земли наших предков были так же далеки друг от друга, как север и юг.

— Все это суеверия северян,— повторил он.— Люди, принадлежащие к романской группе народов, ни за что не стали бы мириться на протяжении стольких лет с неразгаданной тайной. Они слишком практичны для этого, слишком прозаичны, если угодно. А ты уверен в правильности датировки возникновения этого канрна?

— Я не нашел упоминаний о нем ни в одном из манускриптов, созданных ранее 1014 года нашей эры,— ворчливым тоном ответил я,— а ведь я ознакомился с текстами всех сохранившихся рукописей в оригинале. Мак-Лианг, придворный поэт короля Брайна Бору, рассказывает о каирне, возведенном сразу после окончания битвы, и можно с уверенностью полагать, что он имеет в виду именно это сооружение. Краткое упоминание о нем имеется и в поздних хрониках Четырех Магистров, а также в Лейнстерской Книге, созданной в конце пятидесятих годов двенадцатого века, и в Книге из Лекана, написанной Мак-Фирбисом примерно в 1416 году. Все авторы связывают возникновение канрна с битвой при Клонтарфе, но ничего не говорят о причине его появления.

— Ну а что же тут такого загадочного?— спросил он.— Что странного в том, что потерпевшие поражение норманны соорудили канрн над телом одного из великих воителей, погибших в бою?

— Во-первых,— ответил я,— в возникновении канрна все же есть нечто таинственное. Обычай, согласно которому над телом усопших возводились канрны, существовал среди скандинавских племен,

а не среди ирландцев. Но летописцы утверждают, что это сооружение воздвигли не норманны. Как они могли сделать это, поспешно отступая под натиском противника, который отеснил их к самым воротам Дублина? Тела их предводителей так и остались на поле брани и стали добычей воронов. А эта пирамида из камней была сложена руками ирландцев.

— Ну так что же в этом удивительного?— продолжал упорствовать Ортали.— В былые времена ирландские воины, отправляясь на битву, складывали камни в кучу, причем каждый из них должен был положить по одному, а по окончании сражения оставшиеся в живых брали из нее по камню, и таким образом любой, кому вздумалось бы подсчитать, сколько камней осталось, мог без особого труда установить количество погибших.

Я покачал головой%

— Ирландцы поступали так в более древние времена, задолго до битвы при Клонтарфе. Вдобавок в ней участвовало свыше двадцати тысяч воинов, из которых погибло около четырех тысяч. Этот каирн слишком мал, он не мог послужить для подсчета погибших в сражении. Да и форма у него строго симметричная. За прошедшие века из него не выпало ни одного камня. Нет, под ним явно скрыто что-то необычное.

— Все это суеверия северян!— снова возразил он, презрительно усмехаясь.

Его ехидство вконец вывело меня из терпения, и я воскликнул в ярости:

— Что ж, если хочешь, можешь считать это суевериями! (Он невольно отступил на шаг назад, рука его скользнула в карман пальто.) Мы, обитатели Северной Европы, верили в существование бо-

гов и демонов, по сравнению с которыми хилые персонажи мифологии народов юга кажутся жалкими и невзрачными. В то время как твои предки нежились на шелковых подушках среди осыпающихся мраморных столпов гибнущей цивилизации, мои прародители создавали другую, свою цивилизацию, терпя невзгоды и вступая в жестокие битвы с врагами, принадлежавшими и не принадлежавшими к роду человеческому.

Здесь, на этой равнине, Эпохе Мрака наступил конец, и свет новой эры забрезжил над миром, в котором доселе царили хаос и ненависть. Здесь, как известно даже тебе, в 1014 году Брайену Бору и его воинам из рода Дал Кас, вооруженным боевыми топорами, удалось навеки избавить родину от засилия норманнских язычников, безжалостных грабителей, не признававших никаких законов и препятствовавших развитию цивилизации на протяжении многих веков.

Это противостояние отнюдь не сводилось к борьбе между норманнами и кольтами за ирландскую корону, здесь решался вопрос о том, кто победит, Пресветлый Иисус Христос или Один, христиане или язычники. В этих краях находился последний оплот язычников, сторонников прежних жестоких обычаев. На протяжении трех столетий народы мира страдали под гнетом викингов, и здесь, при Клонтарфе, их господству был раз и навсегда положен конец.

Раньше, как, впрочем, и теперь, значение этой битвы недооценивалось рафинированными писателями и историками Рима и стран, подвергшихся романизации. Утонченных, склонных к упражнениям в софистике жителей благоустроенных городов юга не интересовали сражения между варварами,

»

происходившие на далекой северо-западной окраине мира, — даже названия этих мест и народов, которые вели меж собой борьбу, были плохо им известны. Они заметили лишь то, что вселявшие ужас в сердца обитателей побережья налеты повелителей морей внезапно прекратились, а по прошествии еще одного столетия жуткие события эпохи грабительских кровопролитных войн оказались преданы забвению, и все потому, что люди, не отличавшиеся изысканностью манер и прикрывавшие наготу лишь обернутыми вокруг бедер волчьими шкурами, люди, которых нельзя было назвать высокоцивилизованными, восстали против гнета завоевателей.

И тогда пробил час Рагнарека, гибели богов! Именно здесь Одина настигла смерть, ведь верованиям в него был нанесен сокрушительный удар. Он оказался последним из языческих богов, которым удалось сохранить свое влияние, несмотря на распространение христианства, и в течение некоторого времени казалось, что его приверженцы смогут одержать верх в борьбе и в мире вновь восторжествуют дикие свирепые обычан. В легендах говорится, что до битвы при Клонтарфе он нередко спускался на землю, являясь взорам тех, кто ему поклонялся. Неясные очертания его фигуры мелькали среди клубов дыма, вздымавшегося над жертвенниками, на которых погибали, исходя криком, несчастные, обреченные на заклание. Порой можно было заметить, как он несется по небу, оседлав изодранные вихрями в клочья облака, и его спутанные волосы развеваются на ветру, а иногда он появлялся в образе норманнского воителя и принимал участие в битвах, названия которых нам неизвестны, сражаясь в первых рядах и нанося сокруши-

тельные удары противникам. Но после сражения при Клонтарфе никто его больше не видел, и все призывы его приверженцев, творивших колдовские заклинания и приносивших ему кровавые жертвы, оказались напрасными. И они утратили веру в бога, который не пришел им на помощь в самый тяжкий час, их жертвенники постепенно разрушились, жрецы состарились и умерли, и люди уверовали в восторжествовавшего над ним Пресветлого Иисуса Христа. Жестокая кровопролитная эра, когда миром правили беспощадные властители морей, закончилась, и сквозь мглу Эпохи Мрака постепенно начали пробиваться лучи восходящего солнца, и люди позабыли об Одине, который перестал появляться на земле.

Да-да, смейся сколько угодно! Но кто знает, что за чудовищные создания могли возникнуть среди черных северных фьордов, где завывают холодные ветра, где царит холод и мрак? Обитатели южных краев, где сияет солнце и цветут цветы, живущие под приветливыми синими небесами, склонны насмехаться над демонами. Но кто из северян посмеет с уверенностью отрицать существование злых духов, таящихся во тьме свирепствующих бурь? Вполне возможно, что именно вера в безжалостных богов — таких, как Один, Тор и их сородичи.

Ортали немного помолчал, как будто мои страстные речи повергли его в некоторую растерянность, а затем рассмеялся.

— Прекрасно сказано, мой милый философ из северных краев! Как-нибудь в другой раз мы еще поспорим на эту тему. Я, конечно же, предполагал, что потомку северных варваров могут оказаться свойственны склонность к мистицизму и фантазерству, присущие его соплеменникам. Но ты напрас-

но надеялся переубедить меня с помощью своих выдумок. Я по-прежнему считаю, что под этим каирном скрыто тело одного из норманнских воителей, а отнюдь не какая-то страшная тайна, и твои бредовые рассуждения о дьявольских порождениях севера не имеют к нему никакого отношения. Ты сможешь мне разобрать это сооружение?

— Нет,— кратко ответил я.

— Потребуется всего лишь несколько часов, чтобы извлечь то, что погребено под камнями,— продолжал он, словно не услышав моего ответа.— Да, кстати о суевериях, вроде бы есть какая-то нелепая сказка, согласно которой между этим каирном и падубами существует некая связь?

— В древней легенде повествуется о том, что все заросли падуба на расстоянии лиги от этого возвышения были вырублены по какой-то загадочной причине,— мрачным тоном ответил я.— Тут кроется еще одна тайна. Ветви падуба играли важную роль в коддовских ритуалах норманнов. А в Книге Четырех Магистров рассказывается о том, как жители этих мест убили белобородого старика-скандинава весьма дикого вида, который явно был жрецом культа Одина, когда тот попытался возложить ветвь падуба на канрн спустя год после битвы.

— Ну что ж,— со смехом проговорил Ортали,— я раздобыл веточку падуба — видишь? — и непременно продену ее в петлицу; возможно, она защитит меня от твоих кровожадных северных демонов. Теперь я с еще большей уверенностью, чем прежде, полагаю, что здесь погребен один из властителей морей, а ведь вместе с ними в могилах хоронили и принадлежавшие им драгоценные предметы: золотые чаши, мечи с самоцветами на рукоятях, серебряные доспехи. Я убежден, что

под этим нагромождением камней, об которое на протяжении веков спотыкались неуклюжие ирландские крестьяне, жившие в нужде и голоде, лежат сокровища. Ха! Мы вернемся сюда около полуночи, ведь в такое время нам наверняка никто не помешает, и ты pomoжeшь мне произвести раскопки.

Он произнес последнюю фразу таким тоном, что в душе моей взметнулась волной ярость и перед глазами у меня все подернулось красной дымкой. Продолжая говорить, Ортали повернулся и принялся осматривать каирн, а я, повинувшись безотчетному порыву, протянул руку и подобрал осколок с острыми зазубринами, отколовшийся от одного из валунов. В то мгновение я, как никто другой на свете, был близок к тому, чтобы совершить убийство. Одним стремительным бесшумным движением и мог нанести мощный удар и избавиться от гнета, казавшегося мне более тяжким, чем тот, что довлел над моими предками-кельтами, жившими под игом викингов. Словно догадавшись о моих намерениях, Ортали внезапно повернулся лицом ко мне. Я поспешно спрятал камень в карман. Не знаю, заметил он, как я это сделал, или нет. Но, видимо, он все понял по моему взгляду, пылавшему жаждой убийства: он снова отступил на шаг назад, и рука его потянулась к скрытому под поллой пальто револьверу.

Впрочем, сказал он лишь следующее:

— Я передумал, сегодня мы не станем заниматься раскопками. Кто-нибудь мог выследить нас. Отложим, пожалуй, все это до завтра. А сейчас мне хотелось бы вернуться в гостиницу.

Я ничего не ответил, повернулся спиной к нему и, пребывая в мрачности, побрел по направлению к

берегу. Он начал подниматься по склону холма, направляясь в ту сторону, где находился город. В тот момент, когда я оглянулся, он оказался на его вершине, очертания его фигуры четко вырисовывались на фоне подернутого дымкой неба. Если бы одной ненависти к человеку было достаточно для того, чтобы убить его, он тут же упал бы замертво. Я смотрел на него сквозь красную пелену, застилавшую мне глаза, чувствуя, как кровь пульсирует у меня в венах на висках, отдаваясь в ушах стуком, подобным грохоту молота.

Я повернулся спиной к морю и резко остановился. Мрачные мысли на некоторое время целиком поглотили мое внимание, и я заметил, что передо мной стоит женщина, лишь оказавшись в нескольких футах от нее. Она отличалась высоким ростом и крепким телосложением; ее суровое, обветренное, как здешние холмы, лицо, черты которого свидетельствовали о силе характера, покрывали глубокие морщины. Наряд ее показался мне несколько странным, но я не придавал этому особого значения, так как знал, что многие из ирландцев, живущих в глуши, одеваются весьма своеобразно.

— И что же ты делаешь здесь, возле канрна? — проговорила она грудным полнотонным голосом.

Я изумленно воззрился на нее: она обратилась ко мне по-гэльски, и хотя в самом этом не было ничего странного, язык, на котором она говорила, отличался архаичностью, а мне казалось, что в устной речи его давно уже никто не использует и им владеют лишь ученые-филологи. «Наверное, это обитательница отдаленных горных краев, — подумал я, — жители которых до сих пор говорят на языке древних предков, сохранившемся во всей своей первозданности».

— Мы гадали о том, какая тайна погребена под ним,— ответил я на том же языке, слегка запинаясь: хотя я в совершенстве владел гэльским в той форме, в которой его преподают в учебных заведениях, мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы достойным образом ответить ей, соблюдая все правила, присущие древнегэльскому языку.

Она степенно покачала головой.

— Мне не понравился темноволосый мужчина, который приходил с тобой,— хмурясь, проговорила она.— А кто ты такой?

— Я — американец, хотя родился и вырос здесь,— ответил я.— Меня зовут Джеймс О'Брайен.

Ее холодный взгляд вспыхнул странным светом.

— О'Брайен? Значит, мы с тобой принадлежим к одному и тому же клану. Моя девичья фамилия — О'Брайен. Я вышла замуж за человека из клана Мак-Донналов, но душе моей всегда были ближе те, с кем меня связывает кровное родство.

— Вы живете где-то неподалеку отсюда? — спросил я, продолжая размышлять о том, почему у нее такой необычный выговор.

— О да, в свое время я жила в этих краях,— ответила она,— но мне давно уже не приходилось здесь бывать. Я вижу, как сильно тут все изменилось. Я вернулась сюда, откликнувшись на зов, природа которого непостижима для тебя. Скажи, ты хочешь разобрать канрн?

Я вздрогнул и пристально посмотрел на нее, но затем решил, что она, скорей всего, каким-то образом подслушала наш разговор с Ортали.

— С моими желаниями никто не считается,— с горечью сказал я.— Мой спутник Ортали непременно сделает это, и мне придется помочь ему. Но, будь моя воля, я не притронулся бы к этим камням.

Казалось, ее холодному взору открылась вся подноготная моей души.

— Глупец, чьи глаза степы, всегда готов устремиться навстречу собственной гибели,— мрачным тоном проговорила она.— Что известно этому человеку о тайнах, которые хранит наша древняя земля? Здесь произошли события, весть о которых отозвалась эхом во всем мире. В давние времена, когда деревья Томарского леса еще темнели, шелестя листвою, рядом с равниной Клонтарф, а на южном берегу реки Лиффи высились стены норманнского города Дублин, наступил день, когда лучи заходящего солнца осветили моря пролившейся здесь крови и вороны закружили тучами над телами павших на поле брани. В тот день король Брайен, наш с тобой предок, сломил боевую мощь норманнов, обрушившихся с набегами на эти берега. Среди них были выходцы из разных уголков материка и с островов, затерянных среди морей; их кольчуги сверкали холодным блеском, а увенчанные рогами шлемы отбрасывали длинные тени, ложившиеся на землю. Носы их кораблей, бороздивших морские просторы, украшали резные фигуры драконов, а плеск их весел был подобен шуму бури.

На этой равнине поверженные герои падали на землю, словно колосья спелой пшеницы под серпом жиеца. Здесь нашел свою смерть Ярл Сигурд Оркнейский, Бродир, правитель острова Мэн, последнее из властителей морей, и все, кто командовал их бойцами. Погибли здесь и принц Муррог, и сын его Турлог, и многие из предводителей ирландских войск, и сам король Брайен Бору, величайший из монархов Эрин.

— Воистину так!— События, о которых повествовалось в преданиях старины, где я родился, неизменно

вызывали горячий отклик в моей душе.— Здесь пролилась кровь моих сородичей, и хотя я провел большую часть жизни в далеких краях, кровные узы, связывающие меня с этой страной, нерушимы.

Она неспешно кивнула и извлекла из-под складок одежды какой-то предмет, на миг блеснувший в лучах закатного солнца.

— Возьми,— промолвила она,— ты можешь владеть им по праву родства, и я передаю его тебе. Я чувую приближение невероятных страшных событий, но оно оградит тебя от любых бед и от злокозненных порождений мрака. В нем заключена великая святая сила, непостижимая для человеческого разума.

Я с трепетом принял предмет, который она протянула мне, и увидел, что это распятие из золота, украшенное причудливой узорной чеканкой и крошечными драгоценными камнями, изготовленное, вне всякого сомнения, в давние времена кельтскими мастерами. В памяти моей пробудились смутные воспоминания о реликвии, утраченной несколько столетий назад, упоминания о которой встречались в некоторых манускриптах, созданных неизвестными монархами.

— Боже милостивый!— воскликнул я.— Но ведь это... мне кажется... неужели это и есть распятие, принадлежавшее некогда святому блаженному Брэндону?

— О да,— ответила она, сопроводив свои слова величественным кивком.— Это крест святого Брэндона, творение осененного благодатью праведника, созданное задолго до того, как скандинавским варварам удалось превратить Эрин в адское пекло, в те дивные времена, когда обитатели этих краев жили в мире и святости.

— Помилуйте!— с горячностью воскликнул я.— Как же я смогу принять его в дар? Вы, видимо, не представляете себе, сколь велика ценность этого предмета. Само по себе это изделие стоит целого состояния, но вдобавок ко всему прочему оно является реликвией...

— Остановись!— послышался ее полновзвучный голос, и я тут же умолк.— Подобные речи кощунственны. Крест святого Брэндона не имеет цены. Его передавали в дар из поколения в поколение, эта святыня никогда не подвергалась осквернению и не служила предметом купли-продажи. Я передаю тебе этот крест, дабы он послужил тебе защитой от сил зла. И довольно слов.

— Но ведь на протяжении трех столетий считалось, что он безвозвратно утерян!— воскликнул я.— Каким же образом... откуда?..

— Много лет назад слугитель Господа передал его мне,— ответила она,— и я долгое время скрывала его у себя на груди, а теперь вручаю тебе. Ради этого я прибыла сюда из дальних краев, предчувствуя приближение роковых событий. Это распятие послужит тебе щитом и мечом при столкновении с порождениями мрака. Я ощутила, как древнее злокозненное существо, заключенное в темницу, стены которой может разрушить ослепленный безумец, пришло в движение. Но сила креста святого Брэндона поможет тебе одолеть любое зло, ведь мощь его, возникшая задолго до того, как на землю явилась нечисть, о которой теперь уже никто и не помнит, росла и умножалась на протяжении многих веков.

— Но кто же вы такая?— взволнованно спросил я.

— Мое имя — Мэв Мак-Доннал,— ответила она.

И, не обмолвившись больше ни словом, она пошла прочь, ступая по земле, над которой сгущались сумерки. Застыв в изумлении, я увидел, как она пересекла мыс, направляясь к перешейку, связывавшему его с большой землей, и скрылась за вершиной холма. Через некоторое время я вздрогнул, словно пробудившись ото сна, и тоже начал медленно подниматься по склону, намереваясь покинуть мыс. Добравшись до вершины холма, я словно оказался на границе меж двумя различными мирами: позади остались безлюдные места, где царило запустение, навевавшее воспоминания об эпохе средневековья, а впереди раскинулся освещенный яркими огнями, шумный современный Дублин. В картине, открывшейся моим глазам, присутствовал лишь один штрих, напоминавший о старине: на некотором расстоянии от берега виднелись причудливые, едва различимые в неясном свете сумерек очертания памятников старинного кладбища, давным-давно заброшенного и заросшего сорняками. Я заметил фигуру высокой женщины, скользящую словно привидение среди разрушающихся надгробий, и озадаченно покачал головой. Наверное, Мэв Мак-Доннал слегка повредила в рассудке и живет прошлым, пытаясь раздуть пламя их давно прогоревших и обратившихся в пепел углей. Я направился в ту сторону, где виднелись отблески света, отражавшегося в оконных стеклах, постепенно приближаясь к огромному скопищу огней, к Дублину.

Возвратившись в гостиницу, расположенную на одной из его окраин, где остановились мы с Ортали, я не стал рассказывать ему про крест, который отдала мне Мэв Мак-Доннал, решив, что имею право утаить от него хоть это. Я собирался оставить

распятие у себя до тех пор, пока она не попросит вернуть его, — я был уверен, что рано или поздно она это сделает. Думая о ней, я ясно представил себе, как она выглядела, и лишь теперь понял, что в ее странном наряде присутствовала одна деталь, которую я подметил машинально, не сразу осознав ее значение. Мэв Мак-Доннал была обута в сандалии, которые жители Ирландии носили несколько столетий назад. А впрочем, при ее увлечении прошлым вполне естественно, что она одевается так, как было принято в эпоху, которая занимает все ее мысли.

Держа распятие в руках, я с благоговением посмотрел на него. Я ничуть не сомневался в том, что именно оно служило предметом долгих безуспешных поисков, которые вели антиквары. В конце концов, отчаявшись найти этот крест, они сочли его безвозвратно утерянным. Майкл О'Рурк, священник и ученый, в трактате, который датируется примерно девяностым годом семнадцатого века, подробно описал, как выглядит эта реликвия, и изложил множество фактов, связанных с историей ее исчезновения. Согласно его утверждениям, последним из тех, о ком известно, что распятие находилось у него во владении, был епископ Лиав О'Брайен, скончавшийся в 1595 году и передавший его перед смертью одной из своих родственниц. Имя этой женщины установить не удалось, и, по мнению О'Рурка, она тайно хранила у себя этот крест, а затем унесла его с собой в могилу.

При иных обстоятельствах я пришел бы в неописуемый восторг, обнаружив эту драгоценную реликвию, но в тот день душу мою раздирали ненависть и незатухающая злоба. Положив крест в карман, я погрузился в мрачные размышления об отношени-

ях между мной и Ортали, которые вызывали недоумение у моих друзей, но, по сути своей, были не такими уж и сложными.

Некоторое время назад я жил, влача жалкое существование и обучаясь в одном из крупных университетов. Один из профессоров, под чьим началом я трудился, человек по фамилии Рейнольдс, имел привычку самым оскорбительным образом обращаться с теми, кто, по его мнению, не был ему ровней. Мне же, как и любому нищему студенту, приходилось напрягать все силы, чтобы выжить в рамках системы, предельно осложнявшей существование будущих ученых. Я долго терпел оскорбления профессора Рейнольдса, но однажды между нами все же произошла стычка по причине весьма тривиальной и не имевшей особого значения. Мне надоели издевательства Рейнольдса, и я огрызнулся. Он ударил меня, я нанес ответный удар, и он потерял сознание.

В тот же день по его требованию меня исключили из университета. Понимая, что моему обучению пришел конец, что все мои труды пошли прахом и мне грозит голодная смерть, я впал в отчаяние и поздно вечером отправился к Рейнольдсу, намереваясь вытрясти из него всю душу. Кроме него, в кабинете никого не оказалось, но стоило мне переступить через порог, как он тут же вскочил с места и ринулся ко мне словно дикий зверь, схватив кинжал, который он использовал как пресс-палье. Я не нанес ему ни одного удара, я даже пальцем к нему не притронулся, но когда я отступил в сторону, пытаясь увернуться, маленький коврик, на который он ступил на бегу, выскользнул у него из-под ноги. Он рухнул на пол лицом вниз, и, к моему ужасу, кинжал, который он держал в руке, вонзился пря-

мо ему в сердце. Он мгновенно скончался. Я сразу же понял, чем чревато для меня создавшееся положение. Окружающие знали о том, что мы с Рейнольдсом повздорили и даже подрались. У меня были все причины для того, чтобы ненавидеть его. Если бы кто-нибудь застал меня в кабинете рядом с его трупом, мне ни за что не удалось бы доказать на суде, что я не убивал его. Я послушно ушел тем же путем, каким явился, полагая, что меня никто не заметил. Но меня видел Ортали, секретарь покойного. Возвращаясь с танцев, он заметил, как я входил в дом, и решил проследить за мной. Подсматривая в окошко, он оказался свидетелем разыгравшейся в кабинете сцены. Но я узнал об этом лишь через некоторое время.

Труп обнаружила экономка профессора, и, естественно, поднялся большой переполох. Подозрение пало на меня, но из-за недостатка улик мне не смогли предъявить обвинение, и по той же самой причине был вынесен вердикт, гласивший, что Рейнольдс покончил с собой. До тех пор, пока разбирательство не закончилось, Ортали никак не проявлялся, а затем пришел ко мне и объявил о том, что ему известно. Разумеется, он знал, что я не убивал Рейнольдса, но он мог заявить, что я находился в кабинете в тот момент, когда профессора постигла смерть. Он пригрозил, что скажет под присягой, будто видел собственными глазами, как я хладнокровно прикончил Рейнольдса, и я понял, что он способен выполнить свою угрозу. С тех пор он постоянно шантажировал меня.

Следует отметить, что шантаж этот носил крайне необычный характер. У меня не было ни гроша за душой, но Ортали делал ставку на будущее, зная о моих способностях. Он одолжил мне денег и,

умело используя свои связи, добился того, чтобы меня взяли на работу в один из крупных колледжей, а затем, умыв руки, принялся пожирать плоды своих махинаций. Жатва оказалась весьма и весьма обильной. Я добился больших успехов в своей области. Вскоре я стал получать огромных размеров зарплату, а также всяческие денежные награды за открытия, сделанные в ходе различных трудоемких изысканий. Львиную долю денег забирали себе Ортали, я вынужден был довольствоваться лишь славой. Я словно обрел дар Мидаса, но мне доставались лишь жалкие крохи богатств, которые приносили мои достижения.

Я остался почти таким же нищим, как и прежде. Деньги, которые текли ко мне рекой, служили лишь для обогащения поработившего меня, никому не известного Ортали. Он обладал неисчислимыми талантами и мог бы достигнуть невероятных высот на любом поприще, но какой-то душевный изъян и чудовищная алчность привели к тому, что он превратился в паразита, в кровожадную пиявку.

Наша поездка в Дублин была для меня чем-то вроде отпуска. Мне понадобилось отдохнуть, так как исследования и работа в колледже сильно меня утомили. Но Ортали где-то прослышал о каирне Гриммин — так он назывался — и, словно почуявший запах падали стервятник, устремился на поиски таинственных сокровищ. Он вполне бы удовлетворился, обнаружив под камнями хоть одну золотую чашу, и полагал, что ради этого вполне можно осквернить и даже разрушить памятник древности. Этот мерзавец поклонялся лишь одному богу — Маммоне.

•Ну что ж,— мрачно подумал я, раздеваясь перед тем, как улечься в постель,— всему рано или

поздно приходит конец, и хорошему, и плохому. Жить так, как я жил все это время, больше невозможно. Ортали так долго пугал меня виселицей, что я утратил всякий страх перед ней. Из любви к работе я нес свое тяжкое бремя, терпя мучения. Но терпение любого человека не безгранично. Руки мои невольно сжались в кулаки, когда я подумал о том, что мы с Ортали окажемся один на один в полночный час возле заброшенного каирна. Один удар, нанесенный таким же камнем, как тот, что я подобрал сегодня, и я избавлюсь от мучений. Конечно, при этом мне придется расстаться с надеждами, с мыслью о карьере и даже с жизнью, но тут уж ничего не поделаешь. Ах, скольким дивным мечтаниям не суждено сбыться! Деятельность моя была почетной и приносила пользу, и все же в жизни моей неминуемо наступит момент, когда петля, накинута палачом мне на шею, затянется, и я погружусь во мрак забвения. А виной всему злодей-вампир, который высосал из меня все соки, а теперь толкает меня на убийство, которое приведет меня к гибели.

Впрочем, я знал, что не смогу избежать участи, предначертанной на скрижалях неумолимой судьбы. Рано или поздно Ортали непременно выведет меня из равновесия, и я убью его, невзирая на все последствия. Я дошел до последней черты. Пожалуй, все эти бесконечные терзания привели к тому, что рассудок мой помутился. Я понимал, что в ту ночь, когда мы с Ортали примемся вдвоем разбирать каирн Гриммин, жизнь его окажется у меня в руках, а после этого моя собственная пойдет на смарку.

Что-то выпало у меня из кармана, и, наклонившись, я увидел зазубренный осколок камня, кото-

рый подобрал возле кайрна. В унынии глядя на него, я задумался о том, чьи руки прикасались к нему в незапамятные времена и что за мрачная тайна скрыта под возвышением на пустынном мысу Гриммин. Выключив свет, я лег, продолжая держать в руке камень, но вскоре позабыл о нем и в наступившей темноте стал с грустью размышлять о своей несчастной судьбе, а затем начал постепенно погружаться в глубокий сон.

Поначалу, как это нередко бывает, я отдавал себе отчет в том, что грежу. Я понимал, что неясные образы, возникавшие у меня перед глазами, каким-то удивительным образом связаны с осколком камня, который до сих пор покоился в моей неподвижной руке. Грандиозные картины бурных событий, беспорядочные обрывки сцен, разыгравшихся на фоне разнообразных пейзажей, стремительно проносились передо мной, словно клочья облаков, мчащихся по небу под порывами штормового ветра. Но через некоторое время эти видения приобрели упорядоченность, и взору моему открывалась панорама знакомой мне местности, выглядевшей, впрочем, крайне необычно. Передо мной раскинулась широкая голая равнина, окаймленная с одной стороны серыми водами моря, а с другой — темной полосой наполненного шорохами леса. Равнину пересекала извилистая река, а за ней высились стены города, подобных которому мне никогда не доводилось видеть наяву: массивные, сурового вида, полностью лишенные каких-либо украшений строения явно принадлежали к архитектуре иной, значительно более ранней эпохи. Словно сквозь дымку тумана я увидел, что на равнине происходит грандиозная битва. Бойцы, сомкнув ряды, то устремлялись в наступление, то отступали; блеск доспехов

слепил глаза, словно солнечные блики, играющие среди морских волн, и поверженные воины падали на землю подобно колосьям спелой пшеницы. Разгоряченные бойцы в одежде из волчьих шкур, вооруженные боевыми топорами, сражались с высокими ратниками в блестящих латах и увенчанных рогами шлемах, глаза которых отливали, словно море, холодной синевой. А затем я увидел самого себя.

Да-да, в том сне мне удалось взглянуть как бы со стороны на самого себя. Передо мной появился высокий, мощного телосложения человек со востропаннскими волосами, чью наготу прикрывала лишь обернутая вокруг бедер волчья шкура, который бежал вперед вместе с другими бойцами, громко крича и размахивая окровавленным боевым топором, и этим человеком был я. По моему израненному телу струилась кровь, но я почти не ощущал боли. Глаза мои сияли холодной синевой, а всклокоченные волосы и борода были ярко-рыжими.

Поначалу я сознавал, что личность моя как бы раздвоилась, и я являюсь одновременно и неистовым воином, размахивающим на бегу окровавленным боевым топором, и тем, кому пригрезились во сне события давно минувших времен. Но ощущение это вскоре пропало, и я полностью перевоплотился в древнего варвара, наносившего на бегу удары направо и налево. Джеймс О'Брайен как бы вовсе исчез, я стал Рыжим Кумалом, бойцом из войска Брайена Бору, сжимавшим в руках топор, обогранный кровью врагов.

Шум битвы начал затихать, хотя разрозненные группы противников еще продолжали сражаться на равнине. Растянувшиеся вдоль реки полуобнаженные ирландцы, стоя по пояс в покрасневшей от крови воде, громили облаченных в доспехи и шле-

мы ратников, чьи кольчуги оказались плохой защитой от ударов боевых топоров, которые наносили воины из клана Дал Кас. А за рекой обратившиеся в бегство израненные норманны беспорядочно отступали к воротам Дублина.

Заходящее солнце стояло низко над горизонтом. Я провел весь день, сражаясь бок о бок с прославленными военачальниками, и видел, как принц Муррог сразил насмерть ударом меча Ярла Сигурда. Но и принц Муррог погиб у меня на глазах в тот момент, когда победа была уже близка, поверженный суровым великаном в доспехах, имени которого никто не знал. А когда неприятель уже обратился в бегство, Бродир и король Брайен пали в бою у самого входа в шатер великого монарха.

О да, в тот день воронье поживилось на славу, обильные потоки крови обагрили землю, и я понял, что больше никогда в краях этих не появятся боевые корабли, носы которых украшали резные фигуры драконов, и норманны, чьей родиной был окутанный синей дымкой север, не посмеют больше сеять здесь разрушение огнем и мечом. Равнина, усеянная телами викингов, облаченных в сверкающие доспехи, походила на поле жатвы, покрытое колосьями спелой пшеницы, срезанными серпом жнеца. И хотя здесь же пали тысячи ирландцев, одетых в волчьи шкуры, северяне понесли куда более тяжелые потери, чем защитники Эрин. Я почувствовал усталость, запах крови вызывал у меня тошноту. Владевшая мной жажда уничтожения отступила, на смену ей пришла мысль о добыче. Отправившись на поиски, я заметил неподалеку от морского берега тело одного из норманнских вождей в богатых доспехах. Я сорвал с него серебряные латы и рогатый шлем. Они пришлись мне точно

впору, и я побрел прочь, переступая через трупы и призывая своих соплеменников полюбоваться мной, хоть и чувствовал себя в подобном наряде довольно-таки странно, ведь кельтам чужд обычай скрывать тело под броней, и они сражаются полуобнаженными.

Перемещаясь с места на место в поисках добычи, я отошел на значительное расстояние от реки, но и здесь было немало трупов, одетых в латы воинов, ведь после того, как нам удалось прорвать ряды противника, обратившиеся в бегство бойцы и те, кто их преследовал, рассыпались по всей равнине, от темного колышущегося Томарского леса до берегов реки и моря. Оказавшись на обращенном к морю склоне холма на мысу Друмна, верхушка которого скрывала от меня и равнину Клонтарф, и город, я внезапно увидел умирающего воина, высокого, могучего, закованного в серую броню, прикрытую складками большого темного плаща. Он распростерся на земле, откинув в сторону мускулистую правую руку, а рядом лежал сломанный меч. Во время боя рогатый шлем слетел с его головы, и налетевший с запада ветер ерошил его спутанные волосы.

Одна из глазниц зияла пустотой, а его единственный глаз сверкал, подобно Северному морю, мрачным блеском, хотя взгляд его уже начал стекленеть с приближением смерти. Из дыры в доспехах струилась кровь. Я с опаской подошел поближе: какой-то непонятный, леденящий душу страх охватил меня. Держа наготове боевой топор и намереваясь при первых признаках опасности раскроить ему череп, я склонился над ним и признал в нем военачальника, от чьей руки пал принц Муррог, чей смертоносный меч принес гибель мно-

жеству сынов Эрин. Там, где сражался он, норманнам неизменно удавалось взять верх над противником, но на других участках поля боя победу одерживали кельты.

Он заговорил, обратившись ко мне на языке норманнов, и слова его были мне понятны, ведь я провел немало горьких лет среди морских разбойников, угодив к ним в рабство.

— Победа досталась христианам,— со вздохом проговорил он, и хотя голос его звучал негромко, я, как ни странно, содрогнулся от страха: мне почудился за ним плеск мерзлых волн, бьющихся о берега северных земель, и шорох ледяных ветров, бушующих среди сосен.— Тени сгустились над Асгардом, близится Рагнарек. Я не мог вести бой повсюду одновременно, а теперь мне грозит смерть от страшной раны, нанесенной копьем с изображением креста, выгравированным на наконечнике, — иное оружие не смогло бы причинить мне вреда.

Я догадался, что военачальник, чей взор уже затуманился, увидев мою рыжую бороду и норманнские боевые доспехи, принял меня за своего соплеменника. Но черные щупальца ужаса, проникшего в мою душу, продолжали шевелиться, повергая меня в смятение.

— Но Иисус Христос еще не восторжествовал окончательно,— пробормотал он как в бреду — Помоги мне приподняться и выслушай меня.

Сам не понимая почему, я выполнил его просьбу. Прикоснувшись к нему, я содрогнулся, по коже у меня побежали мурашки: плоть его походила на слоновую кость, она казалась неестественно твердой, гладкой и нестерпимо холодной, что несвойственно даже тем, кто находится при последнем издыхании.

— Я умираю точно так же, как умирают люди,— пробормотал он.— Я допустил ошибку, приняв человеческое обличье в стремлении помочь тем, кто благоговеет предо мной. Боги бессмертны, но плоть подвержена разрушению, даже если она служит вместилищем божественного духа. Постарайся побыстрее раздобыть где-нибудь веточку волшебного дерева — хотя бы падуба — и положи ее мне на грудь. Даже если она окажется размером хоть с кончик кинжала, я смогу стряхнуть с себя обличье, которое принимаю, когда веду бой с людьми, пускающая в ход их собственное оружие, и освободиться от сковывающего меня тела, а затем вновь взмыть в небеса, где клубятся грозовые облака. И тогда страшные беды обрушатся на тех, кто не пожелал склониться предо мной. Поспеши, я буду ждать твоего возвращения.

Голова его с похожей на львиную гриву шевелюрой вновь опустилась на землю. Хотя меня била дрожь, я просунул руку под латы и почувствовал, что сердце его перестало биться. Его постигла кончина, что рано или поздно происходит с каждым из людей, но я знал, что за брэнной оболочкой по-прежнему скрывается дремлющий дух демона, порожденного тьмой и холодом.

О да, я узнал его. То был Один, Одноглазый, Седобородый Гримнир, северное божество, превратившееся в воина, чтобы принять участие в битве, сражаясь вместе со своими сторонниками. Но стоило ему принять обличье простого смертного, и он попал в круг ограничений, распространяющихся на людей, как бывало с богами, которые прежде нередко спускались на землю и странствовали по ней, скрываясь под человеческой личиной. Одина, принявшего вид человека, можно было ранить с

помощью особого оружия и даже убить, но одно прикосновение веточки чудодейственного падуба позволило бы этому страшному существу возродиться. В этом и заключалась суть задачи, которую он возложил на меня, не разглядев во мне противника; пока он пребывал в образе человека, восприятие его ограничивалось теми же рамками, что и способности каждого из людей, а с приближением смерти оно вдобавок притупилось.

Волосы у меня встали дыбом, по коже побежали мурашки. Я сорвал с себя норманнские доспехи, борясь с охватившей меня жуткой паникой; мне хотелось кинуться бегом куда глаза глядят и мчаться по равнине, громко вопя от ужаса. Меня тошнило от страха, но все же я насобирал камней и соорудил из них некое подобие ложа, а затем, содрогаясь от отвращения, перенес и опустил на него тело божества, которому поклонялись норманны. Солнце зашло, в тихом небе засияли звезды, а я по-прежнему лихорадочно трудился, возводя над мертвым телом пирамиду из валунов. На мыс забрели некоторые из моих соплеменников, и я поведал им о том, что за существо я пытаюсь похоронить здесь — хотелось бы верить, что навеки, — и они, борясь со страхом, принялись помогать мне. Никогда ветвь падуба не должна коснуться груди Одина. Пусть этот северный демон, о котором позабудут те, кто прежде жил в мучениях под железной его пятой, покоится здесь, под нагромождением из валунов, до тех пор, пока трубы не возвестят о наступлении Судного Дня. Впрочем, памяти о нем в какой-то мере суждено было сохраниться, ведь пока мы трудились, один из моих сотоварищей сказал:

— Отныне мыс, носивший прежде имя Друмна, станут называть мысом Седобородого Гримнира.

Когда прозвучали эти слова, связь между тем, кого я видел во сне, и тем, кем он являлся на самом деле, восстановилась. Я резко пробудился ото сна и воскликнул:

— Мыс Седобородого Гримнира!

Затем я растерянно огляделся по сторонам. Обстановка в комнате, неярко освещенной звездами, сиявшими за окном, показалась мне странной и непривычной, но постепенно я освоился с внезапной переменой места и времени.

— Мыс Седобородого Гримнира,— повторил я.— Гримнир... Гриммин... Мыс Гриммин! Боже милосердый, так вот что скрыто под возвышением!

Эта догадка потрясла меня. Вскочив с постели, я вдруг заметил, что все еще держу в руке осколок одного из камней, из которых был сложен каирн. Как известно, неодушевленные предметы обладают свойством сохранять эзотерическую связь с событиями далекого прошлого. Однажды женщина-медиум, которой дали поддержать круглый камешек с Иерихонской равнины, погрузилась в состояние транса и подробно описала возникшую у нее в мозгу картину, рассказав о том, как происходила осада города и битва, в ходе которой были разрушены его стены. Я нимало не сомневался в том, что этот осколок подействовал на меня как своего рода магнит, и в сознании моем всплыли из подернутой туманом глубины веков эпизоды моей прошлой жизни.

Потрясение, которое я испытал, невозможно описать словами, ибо между этой поразительной историей и теми неясными тревожными ощущениями, которые возникали в глубине моей души, когда я думал о каирне, имелось четкое соответствие, не позволявшее мне счесть все увиденное

просто на редкость ярким сном. Мне очень захотелось выпить стаканчик вина, и я вспомнил о том, что Ортали всегда держал у себя в комнате бутылку с вином. Я торопливо накинул на себя что-то из одежды, прошел по коридору и уже было протянул руку, намереваясь постучаться в номер к Ортали, но тут заметил, что дверь в него слегка приотворена, как будто ее позабыли плотно закрыть. Переступив через порог, я включил свет и увидел, что комната пуста.

Я понял, что произошло. Ортали не доверял мне и побоялся оказаться посреди ночи наедине со мной в пустынном месте. Он решил схитрить и сказал, что мы наведаемся на мыс в другой раз, а сам потихоньку отправился туда.

При мысли о том, к чему может привести разрушение каирна, меня охватил панический ужас, и на время я позабыл о своей ненависти к Ортали. Я ничуть не сомневался в подлинности того, что открылось мне во сне. Пожалуй, это был даже не сон, а обрывок воспоминаний о моей предыдущей жизни. Мыс Гриммин — это, конечно же, и есть мыс Седобородого Гримнира, а под сооружением из валунов покоятся останки чудовищного существа, принявшего обличье человека. Я никак не мог надеяться на то, что тело, послужившее вместилищем для нетленного могущественного духа, обратилось в прах за истекшие столетия.

Мне смутно помнится, как я бежал по городу и по его почти безлюдным окраинам. Мне чудилось, будто ночная темнота — это плащ, под которым скрывается жуткое воплощение зла, а просвечивавшие сквозь ее завесу красные звезды сверкали, как глаза свирепых, кровожадных зверей, и когда громкое эхо моих собственных шагов доносилось

до меня, я ускорял бег, думая, что какое-то чудовище гонится за мной по пятам.

Огни раскачивающихся фонарей остались позади, я вступил в пределы, подвластные страшным таинственным силам. Неудивительно, что прогресс обошел стороной эти места, не коснувшись мрачного затона, в глубинах которого таились кошмары, порождавшие зловещие видения. И очень хорошо, что почти никто даже не подозревал о его существовании.

Впереди показались неясные очертания мыса, но мной по-прежнему владел страх, и я слегка замешкался. У меня возникло смутное, казавшееся странным желание отыскать старую Мэв Мак-Доннал. Загадочные легенды и предания, окутанные тайной времен, были близки ей, как никому другому, и если бы глупец Ортали, пребывая в ослеплении, выпустил на волю позабытого всеми демона, которому некогда поклонялись обитатели северных краев, она сумела бы помочь мне.

Внезапно я заметил в свете звезд силуэт человека и, кинувшись к нему, чуть не сбил его с ног. Слегка заикаясь, он попытался выразить свое возмущение, говоря с сильным ирландским акцентом. Язык у него заплетался, и я понял, что он изрядно пьян. Передо мной стоял здоровенный рыбак, который явно засиделся где-то в кабаке и теперь возвращается домой. Схватив его за плечи, я принялся изо всех сил его трясти. Глаза мои, в которых отражались отблески звездного света, дико сверкали.

— Я ищу Мэв Мак-Доннал! Знаешь ты такую? Да говори же скорей, олух! Ты знаешь старую Мэв Мак-Доннал?

Услышав мой вопрос, он мигом протрезвел, словно на него опрокинулся ушат с холодной, как лед,

водой. Я увидел, как лицо его, на которое падал неяркий звездный свет, побелело; он задергал кадыком, пытаясь совладать со страхом, комком застрявшим в горле, и, приподняв дрожащую руку, осенил себя крестом.

— Мэв Мак-Доннал? Да ты что, спятил? Зачем она тебе понадобилась?

— Отвечай! — завопил я и снова что было мочи затряс его. — Говори, где сейчас Мэв Мак-Доннал?

— Вот там, — выдавил он из себя и указал дрожащей рукой на какое-то сооружение, очертания которого смутно вырисовывались среди ночной темноты на фоне теней. — Во имя всех святых, стинь и пропади, будь ты хоть дьявол, хоть безумец, и оставь в покое честного человека! Вон там ты найдешь Мэв Мак-Доннал, там, где ее похоронили триста лет тому назад!

Не вдумавшись толком в его слова, я оттолкнул его, издав взволнованный возглас, и устремился вперед по заросшей сорными травами равнине, слыша, как со спины до меня доносится неровный тяжелый топот обратившегося в бегство рыбака. Пребывая в полуослеплении, вызванном паникой, я помчался, спотыкаясь о корни и увязая ногами в рыхлой, пропахшей плесенью земле, к приземистому сооружению, на которое указал мне рыбак. Меня словно громом поразило, когда я понял, что оказался на старинном кладбище, расположенном на берегу мыса Гриммин, обращенном к большой земле. Накануне я видел, как Мэв Мак-Доннал направилась сюда, а затем вдруг пропала из виду. Очутившись возле самого высокого из надгробий, я подался вперед, испытывая зловещее предчувствие, и попытался разобрать, что гласит высеченная на плите, глубоко врезавшаяся в камень надпись. Ощупывая

пальцами контуры букв и цифр, едва видневшихся в слабом свете звезд, я наконец прочел слова, написанные согласно правилам полузабытого гэльского языка, на котором уже триста лет как никто не говорил: «Мэв Мак-Доннал — 1565—1640».

Я громко вскрикнул и с ужасом отшатнулся от надгробия. Вытащив из кармана подаренное ею распятие, я замахнулся, намереваясь зашвырнуть его куда-нибудь подальше, но тут же замер, словно ощутив прикосновение невидимой руки. Все происшедшее казалось безумным бредом, и все же я не мог сомневаться в том, что Мэв Мак-Доннал действительно явилась ко мне, восстав из могилы, в которой ее останки покоились на протяжении трех столетий, чтобы вручить мне древнейшую реликвию, некогда вверенную ей священнослужителем, который приходился ей родственником. На память мне пришли ее слова, и я тут же вспомнил об Ортали и Седобородом Гримнире. Собравшись с духом, я решил не тратить времени на размышления о событиях куда менее страшных, чем те, которые могли вот-вот произойти, и принялся торопливо взбираться по склону холма, очертания которого проступали на фоне залитого звездным светом неба, направляясь в ту сторону, где простиралось море.

Добравшись до верхушки холма, я увидел черневший в сумраке каирн и фигуру похожего на гнома существа, копошившегося возле него. Ортали, обладавшему удивительной, почти нечеловеческой силой, удалось сдвинуть с места немало валунов. Меня терзали дурные предчувствия, и, подойдя поближе, я увидел, что он уже расчищает последний слой. До меня донесся его торжествующий вопль, и я застыл как вкопанный в нескольких ярдах от него, глядя на то, что происходит у подно-

жия холма. Над каирном возникло зловещее свечение, а в северной части небосклона внезапно вспыхнули во всей своей ужасающей красе огни северного сияния, перед которыми померк свет звезд. Каирн лучился каким-то странным светом, и камни походили теперь на слитки холодного мерцающего серебра. Я увидел, что Ортали как ни в чем не бывало отбросил в сторону кирку и, предчувствуя пожизну, склонился над проделанным им проемом. Мне удалось разглядеть очертания головы, покоившейся на ложе из камней, которое я, Рыжий Кумал, соорудил своими руками много-много лет назад. Я увидел внушающее трепет неподвижное лицо, наделенное нечеловеческой, повергающей в ужас красотой, лицо существа, лишённого свойственных людям слабостей, неспособного на сочувствие или жалость. Я похолодел от ужаса, заметив, как поблескивает его единственный глаз, оставшийся открытым, придавая некоторую живость чудовищному лику. На гладкой поверхности доспехов, в которые было заковано его огромное тело, играли отблески и вспышки холодного, как лед, огня, подобного северному сиянию, блиставшему в колышущихся небесах. О да, Седобородый Гримнир по-прежнему лежал там, где я оставил его девять столетий назад, и ни ржа, ни тлен не коснулись его.

Когда Ортали наклонился, чтобы как следует осмотреть свою находку, я негромко вскрикнул: веточка падуба, которую он продел в петлицу, демонстрируя свое презрение к суевериям северян, выскользнула. Каирн был освещен лучами странного света, и я явственно увидел, как она прикоснулась к могучей груди одетого в броню великана и внезапно ярко вспыхнула, на мгновение ослепив меня. Вслед за моим возгласом послышался крик

Ортали. Великан пошевелинулся, могучие руки и ноги пришли в движение, и мерцавшие в темноте камни покатались в разные стороны. Его страшный единственный глаз засиял с новой силой, дыхание жизни коснулось его лица, и черты его утратили прежнюю неподвижность.

Разбросав камни, из которых был сложен каирн, он поднялся во весь рост. Над головой его полыхали устрашающие огни северного сияния. Тело Седобородого Гримнира начало претерпевать чудовищные метаморфозы. Казалось, с лица его слетела маска, и оно постепенно утратило сходство с человеческим. Он стряхнул с себя латы, и они рухнули на землю, рассыпавшись в прах. Злокозненный дух мрака, свирепых морозов и льдов, которому некогда поклонялись сыны севера, давшие ему имя Один, предстал передо мной при свете звезд в ужасающей своей наготе. Над его страшной головой то и дело вспыхивали молнии и прокатывались сполохи северного сияния. Его исполинское, отдаленно походившее на человеческое тело, темневшее словно тень, излучало ледяной блеск; пугающие очертания головы и могучих плеч виднелись на фоне нависшего над ним небосвода.

Ортали издал истошный вопль и съежился, когда уродливые когтистые руки потянулись к нему. В неясных, не поддающихся описанию чертах этого существа не было ни намека на благодарность к человеку, вызволившему его из темницы, выражение его лица говорило лишь о чудовищном злорадстве и дьявольской ненависти ко всем представителям рода человеческого. Я увидел, как темная рука взметнулась вверх и нанесла удар. До меня донесся крик Ортали — душераздирающий вопль, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте. В то же

мгновение фигуру его окутало ослепительно-яркое синее сияние, осветившее его искаженное лицо с закатившимися глазами, а затем его словно сбил с ног огромной силы электрический заряд, он рухнул на землю, и я услышал, как затрещали его кости. Впрочем, Ортали скончался прежде, чем завершилось падение; тело его скорчилось и почернело, как труп убитого ударом молнии человека, и впоследствии именно это было сочтено причиной его гибели.

Чудовище, прикончив Ортали, раззадорилось и тяжелой поступью двинулось туда, где стоял я. Раскинутые в стороны руки походили на темные щупальца, его единственный, утративший всякое сходство с человеческим глаз, в котором отражался бледный свет звезд, неистово сверкал, в движениях острых когтей сквозила мощь стихий, губительных для тела и души человека.

Но я не дрогнул перед ним. Ни его чудовищный облик, ни его способность повелевать огромными разрушительными силами уже не внушали мне страха. Перед глазами у меня словно промелькнула яркая белая вспышка, меня осенило, и я понял, почему Мэв Мак-Доннал, восстав из могилы, явилась ко мне и передала мне старинное распятие, которое на протяжении трех столетий хранилось у нее на груди, впитывая незримые силы добра и света, извечно противостоявшие стихиям безумия и мрака.

Я извлек из-под складок одежды старинный крест и замер, почувствовав, как вокруг меня пришли в движение и вступили в борьбу друг с другом колоссальные, недоступные взору стихии. В этой битве я был лишь пешкой, крошечной фигуркой, сжимавшей в руке священную реликвию, являвшуюся символом тех начал, которые издревле сдерживали на-

тиск порождений мрака. Я поднял распятие повыше, и из него забил луч ослепительно белого, невыразимо чистого света. Казалось, сосредоточенные в нем могучие силы Добра обрушились на злобное чудовище, словно лучезарная стрела. Демон с громогласным рыком отступил и сник прямо у меня на глазах, а затем взмахнул огромными, как у стервятника, крыльями, взмыл в усеянные звездами небеса, игравшие сполохами призрачных огней, и начал удаляться, обратившись в бегство, дабы найти пристанище в глубинах мрака, породивших его Бог знает в какие незапамятные времена.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ КАЗОНЕТТО

Я

с любопытством взглянул на тонкий плоский пакет: четко написанный адрес, округлые буквы изящного, ненавистного мне почерка. Я знал, что холодное тело того, кто прислал его мне, уже лежит в могиле.

— Смотри, будь поосторожней, Гордон, — сказал мой друг Костиган. — Этот приспешник дьявола наверняка отправил посылку в надежде причинить тебе зло.

— Мне подумалось, что внутри пакета бомба или нечто в этом

роде, — ответил я, — но он совсем тонкий. Попробую вскрыть его.

Несмотря на все, о чем я говорил, мне пришлось изрядно понервничать, пока я не развязал бечевку и не извлек из пакета содержимое.

— Ну надо же! — хохотнув, сказал Костиган. — Он прислал тебе одну из своих песен!

Перед нами лежала обычная граммофонная пластинка.

Я сказал — обычная? Скорей, самая необычная пластинка на свете. Насколько я знал, лишь на этом плоском диске сохранилась запись дивного голоса Джованни Казонетто, великого гения и злодея, чье исполнение оперных арий повергало в восторг весь мир и чьи таинственные страшные преступления заставили содрогнуться всех и вся.

— Камеру смертников, в которой содержали Казонетто, вскоре займет следующий из приговоренных к казни, а певца с черной душой уже постигла смерть, — сказал Костиган. — Какими же чарами обладает пластинка, посланная им человеку, давшему на суде показания, которые привели негодяя на виселицу?

Я пожал плечами. Мне удалось раскрыть чудовищную тайну Казонетто лишь по чистой случайности, я не ставил перед собой подобной цели. Я оказался в пещере, где он совершал древние кощунственные ритуалы и приносил людей в жертву Сатане, которому поклонялся, не по своему желанию. Но на суде я поведал обо всем, что мне довелось там увидеть, и перед тем, как палач накинул петлю на шею Казонетто, тот пообещал, что меня постигнет кара, доселе не выпадавшая на долю кого-либо из людей.

Весь мир узнал о злодеяниях служителей чуждого культа, главой которых был Казонетто, и после его смерти многие из богатых коллекционеров изъявили желание приобрести пластинки с записями его голоса, но все они были уничтожены согласно условиям его завещания.

Или, по крайней мере, так я считал, но тонкий круглый диск, который я держал в руках, служил доказательством того, что хотя бы одна из пластинок избежала участи, постигшей прочие. Я принялся рассматривать ее, но не обнаружил в центре наклейки с надписью.

— Прочти записку,— подсказал мне Костиган.

В пакет был вложен также маленький листок белой бумаги. Взглянув на него, я узнал почерк Казонетто.

«Моему другу Стивену Гордону для прослушивания в уединении и тиши кабинета».

— И это все,— сказал я, прочитав вслух загадочное послание.

— Ну да, но этого вполне достаточно. Уж не вознамерился ли он погубить тебя с помощью черной магии? А иначе зачем ему понадобилось, чтобы ты в одиночестве слушал его завывания?

— Не знаю. Но, пожалуй, я это сделаю.

— Глупец,— со всей откровенностью сказал мне Костиган.— Если ты не последуешь моему совету и не зашвырнешь эту пластинку в море, я непременно прослежу за тем, что произойдет после того, как ты поставишь ее на граммофон. И не вздумай возражать мне.

Я не стал с ним спорить. На самом деле обещание Казонетто отомстить мне вызывало у меня тревогу, хотя я не мог понять, каким образом

прослушивание песни в записи может причинить мне зло.

Мы с Костиганом отправились ко мне в кабинет и поставили на граммофон последнюю из пластинок, сохранивших дивный голос Джованни Казонетто. Я увидел, как на лице Костигана возникло воинственное выражение, когда диск начал вращаться и алмазная головка иглы заскользила по нанесенным на его поверхность бороздкам. Я невольно напрягся всем телом, словно готовясь к борьбе. Послышался громкий чистый голос:

«Стивен Гордон!»

Не удержавшись, я вздрогнул и чуть было не откликнулся. До чего же удивительно и страшно слышать, как человек, которого уже нет в живых, называет тебя по имени.

«Стивен Гордон,— вновь зазвучал прекрасный мелодичный и глубоко ненавистный мне голос,— если я умру, ты услышишь эту запись, а если мне удастся избежать смерти, я расправлюсь с тобой иным способом. Полицейские уже вот-вот ворвутся сюда, они перекрыли мне все пути к отступлению. Ничего не поделаешь, придется предстать перед судом, и после того, как ты дашь показания, меня приговорят к казни на виселице. Но у меня осталось время для того, чтобы спеть в последний раз.

Эту песню я запишу на пластинку, которая уже стоит на звукозаписывающем аппарате, и передам ее тому, кто не подведет меня и исполнит мое поручение. Ты получишь ее по почте на следующий день после того, как меня повесят.

Друг мой, это место наилучшим образом подходит для исполнения верховным жрецом Сатаны своей последней песни. Я нахожусь сейчас в чер-

ной часовне, где ты недавно застал меня врасплох, проникнув в мою потайную пещеру, а затем мои бестолковые неофиты упустили тебя, и ты скрылся.

Взгляд мой устремлен на капище Того, Кто Не Имеет Имени, на покрасневший от крови алтарь, откуда непорочные души, расставшись с телом, устремлялись к мрачным звездам. Я ощущаю близость таинственных созданий, порожденных тьмой, я слышу, как могучие крылья со свистом рассекают мглу.

О Сатана, повелитель мрака, позволь душе моей проникнуться великой мощью зла, дабы моя дивная песнь звучала, повергая в ужас сердца.

Неповторимый голос обрел небывалую полноту и силу, в нем слышались ликующие нотки. Звуки донесшихся до меня странных ритмичных песнопений обладали каким-то неописуемым завораживающим свойством, казавшимся сверхъестественным.

— Боже милостивый! — прошептал Костиган. — Да ведь это заклинания, которые являются частью Черной Мессы!

Я ничего не ответил. Сердце мое дрогнуло, когда послышалось это удивительное жутковатое пение. В темных глубинах моей души, словно пробудившийся от сна дракон, пошевелинулось, обретя способность двигаться, какое-то чудовищное слепое существо. Воздействие, которое оказывало на меня магическое пение, становилось все мощней, и очертания обстановки в кабинете, где я находился, утратили четкость, а затем и вовсе пропали из виду. Мне казалось, будто в воздухе проносятся какие-то сверхъестественные существа, касаясь порой лица причудливыми, как

у летучих мышей, крыльями,— словно лежавшему в могиле Казонетто удалось с помощью пения призвать сюда зловещих древних демонов, и те окружили меня.

Я вновь увидел мрачную часовню, где горел лишь один небольшой светильник; пляшущие отсветы огня скользили по алтарю, над которым витал дух Того, Кто Не Имеет Имени, самого воплощения Ужаса, рогатого летучего существа, возведенного в кумиры дьяволопоклонниками. У меня перед глазами снова возник запятнанный кровью алтарь, длинный клинок кинжала для жертвоприношений в воздетой вверх руке служителя в черном, фигуры раскачивающихся из стороны в сторону участников ритуала, облаченных в просторные одеяния.

Голос звучал все мощней и мощней, его торжествующие переливы заполнили кабинет, а затем и весь мир, и землю, и небеса — всю Вселенную! Плотная завеса тьмы простерлась, заслоняя звезды. Я отшатнулся, как будто ощутил воздействие могучей реальной силы.

Именно тогда я понял, что звук может стать воплощением зла и ненависти, ибо голос Казонетто поверг меня в глубины преисподней, недоступные даже воображению. Передо мной разверзлись мрачайшие бездонные провалы, немыслимые пустоты на мгновение открылись моему взгляду и невероятная чудовищная реальность, лежащая за пределами того, что известно человеку. Пластинка все вращалась, и дивный страшный голос продолжал звучать, обрекая меня на муки, ведомые лишь узникам Чистилища.

Кожа моя покрылась холодным потом, когда я познал, какие чувства испытывает человек, обре-

ченный на заклятие. Я стал тем, кого должны вот-вот принести в жертву. Я лежал на алтаре, и надо мной простерлась рука убийцы, державшая кинжал.

Звуки голоса, пророчившего мне неминуемую гибель, доносились оттуда, где стоял граммофон. Он приобретал все большую глубину и силу, и по мере приближения к кульминации в нем все чаще и чаще проскальзывали безумные нотки.

Я понимал, какая опасность мне грозит. Я чувствовал, как мозг мой, на который словно обрушился поток смертоносных стрел, наполненных звучанием, постепенно начинает разрушаться. Я тщетно силился закричать, вымолвить хоть слово, но сколько я ни раскрывал рот, мне не удалось выдать из себя ни звука. Я попытался подойти к граммофону, чтобы разбить пластинку, но не смог даже пошевелиться.

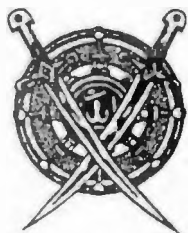
Звучание голоса приобрело немыслимую мощь и стало невыносимым, его переливы были проникнуты чудовищным торжеством; среди нот обрекавшей меня на мучения дьявольской музыки мне чудились выкрики и визг мириадов насмеявшихся надо мной чертей, как будто пение Казонетто раскрыло врата ада и полчища его исчадий, чьи руки были обгарены кровью несчастных жертв, с ревом устремились за его пределы.

Служение Черной Мессы с головокружительной скоростью приближалось к тому моменту, когда клинок кинжала должен вонзиться в тело обреченного на заклятие и лишить его жизни. Хотя силы, питавшие мой ум и душу, почти иссякли, в последнем отчаянном порыве мне все же удалось прорвать завесу чар, сковавших меня словно цепи,

и я разразился криком, издав дикий нечеловеческий вопль, вопль влекомой в преисподнюю души, чей разум вот-вот захлестнет волна безумия.

И тогда, словно отголосок моего вопля, раздался крик Костигана, который кинулся к граммофону, обрушил на него свой тяжелый, как кувалда, кулак, разбил пластинку, и чудовищный дивный голос затих раз и навсегда.

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

1

Р

ев битвы стих. Над холмами на западе, словно золотисто-багровый шар, висело солнце. На вытоптанном поле уже не гремели копыта коней, не звучал боевой клич. Только крики раненых и стоны умирающих долетали до кружащихся в вышине грифов. Они скользили все ниже и ниже, пока птицы не стали задевать кончиками черных перьев мертвенно-бледных лиц людей.

Верхом на стройном жеребце Ак-Бога наблюдал за полем битвы со склона холма.

Он наблюдал с самого рассвета и видел, как войска закованных в броню франков, оцетинившись лесом копий и яркими флагами, вышли на равнины Никополиса встретиться с беспощадными ордами Баязида. Ак-Бога любовался боевыми порядками турок и сверкающими эскадронами рыцарей, которые от нетерпения оставили далеко позади сплоченные ряды пехоты, поначалу возглавлявшей наступление. Он даже прищелкивал языком в знак удивления и неодобрения такой тактики. Здесь собрался цвет Европы: рыцари Австрии, Германии, Франции и Италии, но Ак-Боге не нравилась их тактика.

Он видел, как с громогласным ревом, от которого задрожали небеса, наступали рыцари; видел, как они ударили по всадникам эскорта Баязида, словно слабеющий порыв ветра, и как столпились на пологом склоне, зажатые шквальным огнем турецких лучников. Рыцари косили лучников, как свежую пшеницу, а потом бросили все свои силы против приближающейся легкой турецкой кавалерии — спахи. Легковооруженные всадники спахи метали копья и сражались как сумасшедшие, но не выдержали и расступились, рассеялись подобно водяным брызгам. Ак-Бога обернулся. Далеко позади, стараясь поддержать опрометчивых рыцарей, поднимались по склону крепкие венгерские копьеносцы. Франкские всадники ринулись вперед, не думая ни о лошадях, ни о собственных жизнях, и перешли гребень горы. Со своего наблюдательного пункта Ак-Бога видел оба склона горы. Он знал, что за хребтом находятся главные силы турецкой стороны — шестьдесят пять тысяч человек: янычары, страшная оттоманская пехота, которую поддерживала тяжелая кавалерия — высокие

воины в крепких доспехах, с копьями и могучими луками.

Теперь и франки поняли то, что уже знал Ак-Бога: настоящая битва еще предстоит, а их лошади устали, копыта сломаны, и сами они задыхаются от пыли и жажды.

Ак-Бога видел, что рыцари заколебались и стали оборачиваться, ища взглядом венгерскую пехоту. Но ее скрывал гребень горы. Рыцари в отчаянье бросились на врага, стараясь сломить его ряды своей яростью. Но их атака не достигла неумолимого строя противника: ливень стрел разметал христиан, и на этот раз рыцари на измученных лошадях не смогли уйти от противника. Весь первый ряд рыцарей погиб — и люди, и лошади, утыканные стрелами. Коня рыцарей, ехавших сзади, стали спотыкаться о тела и падать. Янычары кинулись в бой с хриплым криком «Аллах!» — похожим на рев прибоя.

Все это видел Ак-Бога; видел бесславное бегство одних рыцарей и яростное сопротивление других. Рыцари, оказавшиеся пешими, объединившись и превосходя по численности турок, дрались мечами и секирами. Но они стали гибнуть один за другим, когда битва охватила их с обеих сторон. Опьяневшие от крови турки схватились с пехотой, появившейся из-за хребта.

И тут произошла еще одна катастрофа. Бегущие рыцари хлынули сквозь ряды валахов, разрывая их строй, и те в беспорядке оступили. Венгры и баварцы приняли на себя главный удар бешеной атаки турок, покачнулись и попятнулись, упорно отставая каждый шаг, но не в силах сдержать победоносный поток мусульман.

Теперь, внимательно разглядывая поле битвы, Ак-Бога больше не видел сомкнутых рядов воинов с

копьями и мечами. Франки сражались не на жизнь а на смерть, отходя назад той же дорогой, что пришли. Часть турок повернула назад, чтобы ограбить мертвых и добить умирающих. Рыцари, которые, так и не отступив с поля боя, остались живы, побросали мечи, сдавшись. Даже Ак-Бога слегка вздрагивал от воплей пленных, которых добивали ратники Баязида. Вокруг бегали отвратительные проворные дервиши с пеной в бороде и безумием в глазах. Они останавливались над каждой грудой трупов и усердно работали ножами над корчащимися от боли ранеными, вопящими о милосердии смерти. А основная часть турецкого войска сосредоточилась среди деревьев, на дальней стороне долины.

— Эрлик! — прошептал Ак-Бога. — Рыцари хвастались, что смогут поднять небо на острие копий, если оно упадет... И вот небо упало, а их воинство стало мясом для ворон.

Он направил коня в рощу. На поле битвы среди одетых в латы мертвецов его ждала богатая добыча, но Ак-Бога пришел сюда не ради этого. Сначала ему нужно было завершить одно дело. За рощей он приметил добычу, которую не пропустил бы ни один татарин, — высокого турецкого коня с разукрашенным седлом. Быстро подскакав, Ак-Бога поймал отделанную серебром уздечку. Держа на поводу норовистого скакуна, он пустился рысью дальше, прочь от поля битвы.

Неожиданно Ак-Бога остановился среди рощи низкорослых деревьев. Ураган сражения уже перебрался и на эту сторону хребта. Ак-Бога увидел перед собой высокого, богато одетого рыцаря, который ковылял вперед, ворча и ругаясь. Вместо костыля он использовал сломанное копье. Его шлем

слетел, обнажив белокурую голову и багровое лицо холерика. Неподалеку лежала мертвая лошадь со стрелой в боку. Ак-Бога видел, как высокий рыцарь споткнулся и упал, сыпя проклятиями. И тут из кустов вышел человек, подобного которому Ак-Бога еще не встречал даже среди франков. Он был выше Ак-Бога — крупного мужчины, — а его походка напоминала поступь сухопарого серого волка. Бритый, покрытый шрамами череп венчал взъерошенный пучок рыжеватых волос. Лицо казалось черным от загара. Глаза были холодны, как серая сталь. В руках он сжимал меч, обогранный кровью по самую рукоять. Заржавевшая чешуйчатая кольчуга незнакомца была разрублена и изодрана в клочья, а подол шотландской юбки разорван. Правая рука — по локоть в крови, медленно сочащейся из глубокой раны в предплечье.

— Черт возьми! — прорычал хромой рыцарь на норманнском диалекте французского, который Ак-Бога понимал. — Это — конец света!

— Всего лишь конец для шумной толпы дураков, — прозвучал высокий, жесткий и холодный голос странного воина, похожий на скрежет меча в ножнах.

Хромой снова принялся ругаться:

— Дурак, не стой там как болван! Поймай мне лошадь! Моему чертову коню досталось. Я гнал его, пока кровь не брызнула мне на колени. Упав же, конь сломал мне лодыжку!

Высокий воткнул меч в землю и мрачно уставился на собеседника.

— Барон Фредерик, вы отдаете команды так, словно вы в своем саксонском поместье! Если бы не вы и остальное дурачье, то сегодня мы раскололи бы армию Баязида, как орех.

— Собака! — проревел барон с побагровевшим от нетерпения лицом. — Смеешь мне дерзить! Да я с тебя живого шкуру спущу!

— Кто, как не вы, унижал Избранного на совете? — зарычал высокий. Его глаза опасно заблестели. — Кто называл Сигизмунда Венгерского дураком из-за того, что он настаивал разрешить ему пустить вперед пехоту? И кто, как не вы, послушал молодого дурака Главного Констебля Франции Филиппа де Артуа, который повел рыцарей в атаку, не дождавшись поддержки венгерцев, что нас всех и погубило? И теперь вы — тот, кто первым повернулся спиной к врагу, увидев, что наделала ваша же глупость, — вы приказываете мне поймать вам лошадь!

— Да, и быстро, шотландский пес! — заорал барон, содрокаясь от ярости. — Ты мне ответишь за свою дерзость...

— Я отвечу прямо сейчас, — кровожадно прорычал шотландец. — Вы осыпаете меня оскорблениями, с тех пор как мы впервые увидели Дануба. Если я должен умереть, то сначала заплачу по одному счету!

— Предатель! — заорал, бледнея, барон, встав на колено и потянувшись рукой к мечу.

В этот момент шотландец с проклятием нанес удар, и крик барона оборвался страшным булькающим звуком. Огромный клинок шотландца прошел через плечевую кость, ребра, позвоночник, и искалеченный труп безвольно рухнул на землю, поливая ее кровью.

— Хороший удар!

Убийца, освобождая свой меч, повернулся на звук гортанного голоса, словно громадный волк. Несколько напряженных мгновений смотрели друг на друга

застывший над своей жертвой мрачный воин с мечом, готовый убивать дальше и дальше, и татарин, сидящий в седле, словно высеченный из камня идол.

— Я не турок, — наконец сказал Ак-Бога. — У тебя нет повода нападать на меня. Между нами нет вражды. Видишь, моя сабля в ножнах. Мне нужен человек, такой, как ты, — сильный, как медведь, быстрый, как волк, жестокий, как сокол. Я могу дать тебе многое из того, что ты пожелаешь.

— Я желаю только обрушить месть на голову Баязида, — громко ответил шотландец.

Темные глаза татарина блеснули.

— Тогда пойдем со мной к моему господину. Он — заклятый враг турок.

— Кто твой господин? — спросил шотландец подозрительно.

— Люди зовут его Хромым, — ответил Ак-Бога. — Тимур, слуга Бога, татарский эмир милостью Аллаха.

Шотландец повернул голову туда, откуда доносились крики, свидетельствовавшие о том, что бойня еще продолжается. Мгновение он стоял, словно огромное изваяние из бронзы, затем с жестким скрежещущим звуком убрал меч в ножны.

— Я пойду с тобой, — коротко сказал он.

Татарин оскалился от удовольствия и, наклонившись, передал шотландцу повод коня. Франк запрыгнул в седло и вопросительно посмотрел на Ак-Богу. Татарин качнул шлемом, указывая направление, и пустил коня вниз по склону. Они прищипорили скакунов и быстро поскакали галопом в сгущающихся сумерках. У них за спиной еще долго звучали предсмертные крики. В небе тускло, словно напуганные резней, загорались звезды.

2

Солнце снова садилось, на этот раз над пустыней, высветив шпили и минареты голубого города. На вершине холма Ак-Бога натянул поводья и на какое-то время замер, не говоря ни слова, упиваясь привычной картиной, которая каждый раз изумляла его.

— Самарканд,— произнес он.

— Далеко же мы заехали,— отозвался его спутник.

Ак-Бога улыбнулся. Одежда татарина пропылилась, кольчуга потускнела, лицо скривилось, но глаза все еще сверкали. Точеные черты твердого лица шотландца не изменились.

— Да ты, богатырь, из стали,— удивился Ак-Бога.— Путь, что мы проделали, утомил бы и посылного Чингизхана. Клянусь Эрликом, хотя я воспитан в седле, я устал за двоих.

Шотландец молча и пристально смотрел на далекие шпили, вспоминая дни и ночи бесконечного, как казалось, путешествия, когда он, качаясь из стороны в сторону, спал в седле, и все звуки мира заглушал грохот копыт. Франк, не задавая вопросов, следовал за Ак-Богой через холмы, занятые неприятелем. Избегая троп, пробираясь по глухой, дикой местности, по горам, где властвовали холодные, жалящие, словно лезвия сабель, ветра, беглецы пересекли пустыню.

Шотландец ничего не спросил, когда, расслабившись, Ак-Бога всем своим видом показал, что они выехали из земель врага, и молчал даже тогда, когда татарин стал останавливаться у придорожных постов. Там высокие люди в железных шлемах каждый раз давали путникам свежих лошадей. И безудержный аллюр беглецов ничуть не

замедлился. Урывками всадники выпивали по глотку вина, ели они не спешиваясь, редко позволяли себе немного поспать на куче шкур и плащей, и снова — барабанный бой копыт. Франк знал, что Ак-Бога несет известие об исходе битвы своему таинственному господину, и дивился расстоянию, которое они преодолели между первым постом, где их ожидали оседланные лошади, и городом голубых шпилей — конечным пунктом их путешествия. В самом деле, границы владений Тимура Хромого были велики.

Ак-Бога и шотландец проделали длинный путь за очень короткое время. Франк страшно устал от этой ужасной скачки, но внешне не показывал этого. Город мерцал перед ним, смешиваясь с голубизной дымки, и, казалось, находился у самого горизонта. Голубой город — волшебный мираж. Татары жили в землях, обильных красками, но лейтмотивом палитры их страны был голубой. В шпилях и куполах Самарканда отражались оттенки неба, дальних гор и спящих озер.

— Ты увидешь земли, моря, реки, города и караванные пути, которые не видел еще ни один франк, — сказал Ак-Бога. — Ты увидишь величие Самарканда. Раньше это был город высушенного кирпича, но Тимур сделал его столицей голубого камня, слоновой кости, мрамора и серебряной флигарни.

• • •

Всадники не торопясь спустились на равнину, пробираясь среди караванов верблюдов и мулов, погонщики которых вопили не переставая. Все караваны, нагруженные специями, шелками, драгоценностями, и вереницы рабов направлялись к Би-

рюзовым воротам. Здесь были товары из Индии, Китая, Персии, Аравии и Египта.

— Весь Восток идет в Самарканд, — заметил Ак-Бога.

Татарин и шотландец проехали через широкие, инкрустированные золотом ворота, где высокие воины радостно приветствовали Ак-Богу. Тот, довольный, прокричал что-то в ответ, ударив себя по покрытому кольчугой бедру. Он радовался возвращению на родину.

Спутники проскакали по широким, ветреным улицам, мимо дворца, рынка, мечети, базаров, заполненных торгующимися, спорящими, кричащими людьми сотни племен и народов.

Шотландец увидел в толпе хищные лица арабов, тощих, беспокойных сирийцев, толстых рабелепных евреев, индийцев в тюрбанах, томных персов, шумных, самодовольно расхаживающих, но подозрительных афганцев и много представителей незнакомых народов из таинственных северных земель и с Дальнего Востока. Это были коренастые широколицые невозмутимые монголы. От постоянной жизни в седле походка у них была раскачивающаяся. Там встречались и раскосые китайцы в одеждах из муарового шелка, и высокие круглолицые китчаки, узкоглазые киргизы и купцы старинных народов, о существовании которых на Западе и не догадывались. Все страны Востока были представлены в Самарканде.

Удивление франка росло. Города Запада в сравнении с этим великолепием казались скопищем жалких лачуг. Спутники проехали мимо академий, библиотек, увеселительных павильонов, и Ак-Бога свернул в широкие ворота, которые охраняли серебряные львы. Там путники передали своих коней

в руки подпоясанных шелковыми кушаками грумов и пешком отправились дальше по ветреной, мощенной мрамором улице, обсаженной тонкими зелеными деревьями.

Меж стройными стволами открывались клумбы роз и каких-то экзотических цветов, неизвестных франку, заросли вишневых деревьев и фонтаны, в серебряной водяной пыли которых играла радуга. Шотландец и татарин подошли ко дворцу, сиявшему в солнечном свете лазурью и золотом, прошли между высокими мраморными колоннами и через золоченые сводчатые двери вошли в комнаты. Стены комнат украшали изысканные картины персидских художников, золотые и серебряные предметы ручной работы, вывезенные из Индии.

Ак-Бога не стал останавливаться в большой, предназначенной для приемов комнате с тонкими резными колоннами и бордюрами из золота и бирюзы, а направился к лепной позолоченной арке, ведущей в комнату с куполом. Ее окна, забранные золотыми решетками, выходили на ряд широких, затененных, мощенных мрамором галерей. Там одетые в шелка придворные забрали у них оружие и, подхватив под руки, повели меж рядов немых негров-гигантов в шелковых набедренных повязках. Каждый из них держал на плече саблю. У входа придворные отпустили их руки и отступили, согнувшись в глубоком поклоне. Ак-Бога встал на колени перед фигурой, сидящей на шелковом диване, но шотландец стоял непреклонно прямо и не сделал необходимого почтительного поклона. Кое-что от непритязательного двора Чингизхана еще сохранилось при дворах потомков кочевников.

Шотландец пристально смотрел на человека, развалившегося на диване. Так вот он — таинственный Тамерлан, ставший легендой для Запада. Шотландец видел перед собой высокого, как и он сам, человека, сухопарого, но тяжелой кости, с широкими плечами и характерной для татар широкой грудью. Его лицо не было таким смуглым, как у Ак-Боги, а его черные, напоминающие магниты глаза не были раскосыми, к тому же он не сидел, скрестив ноги, как монгол. Во всей его фигуре чувствовалась мощь: в резких чертах лица, в кудрявых волосах и бороде, не тронутых сединой, несмотря на шестьдесят один год. Что-то от турка было в его внешности, но преобладающим отличительным признаком были сухая, волчья твердость, выдававшая в нем кочевника. Ближе, чем турок, стоял он к урало-алтайским корням этого народа и к бродячим монголам — его предкам.

— Говори, Ак-Бога, — разрешил эмир низким, могучим голосом. — Вороны полетели на Запад, но пока не принесли сюда новостей.

— Мы приехали, опережая все слухи, мой господин, — ответил воин. — Новости следуют за нами по караванным дорогам. Скоро скороходы, а за ними торговцы и купцы доставят тебе известие о том, что великая битва произошла на западе и Баязид разбил войска христиан. Волки воют над трупами королей франков.

— Кто стоит рядом с тобой? — спросил Тимур, подперев рукой подбородок. Взгляд его темных глаз остановился на шотландце.

— Это — франк, который избежал смерти, — ответил Ак-Бога. — В одиночку он прорубил себе дорогу через ряды врагов и, убегая, задержался,

чтобы убить одного господина из франков, который в былые времена покрыл его позором. В этом воине нет страха, и у него стальные мускулы. Клянусь Аллахом, мы неслись быстрее ветра, чтобы доставить тебе новости. Этот франк ничуть не устал, в отличие от меня, который научился скакать в седле раньше, чем ходить.

— Зачем ты привел его ко мне?

— Я подумал, что он завоюет себе славу, сражаясь на твоей стороне, мой господин.

— Во всем мире едва ли найдется дюжина людей, мнению которых я доверяю, — задумчиво проговорил Тимур. — Ты — один из них, — кратко добавил он, и Ак-Бога густо покраснел в смущении, довольно оскалившись.

— Франк понимает меня? — спросил Тимур.

— Он говорит по-турецки, мой господин.

— Как твое имя, франк? — обратился к шотландцу Тимур. — Каково твое звание?

— Меня зовут Дональдом Мак-Диза, — ответил воин. — Я родился в Шотландии, далеко от Фракии. У меня не было звания ни на моей родине, ни в армии, где я служил. Я живу своим умом и зарабатываю себе на жизнь лезвием своего меча.

— Зачем ты приехал ко мне?

— Ак-Бога сказал, что это поможет мне отомстить.

— Кому?

— Баязиду — султану турок, которого зовут Громовержцем.

Тимур опустил голову, и в тишине Мак-Диза услышал серебряный звон колокольчиков во дворе и приглушенное пение персидского поэта, аккомпанировавшего себе на лютне.

Наконец великий татарин поднял львиную голову и заговорил:

— Сядь с Ак-Богой на этот диван, рядом со мной,— приказал он.— Я расскажу тебе, как заманить в западню серого волка.

Садясь, Дональд невольно поднес руку к лицу, словно почувствовал боль от удара одиннадцатилетней давности. Его мысли перенеслись к событиям прошлого. Он вспомнил другого, более грубого короля, более грубый двор, и в краткий миг, присаживаясь рядом с эмиром, он быстро охватил взглядом тернистый путь, который привел его в Самарканд.

Молодой лорд Дуглас, самый могущественный из всех шотландских баронов, был своевольным и порывистым. Как и большинство нормандских лордов, он был раздражительным, когда считал, что ему противоречат. Но ему не стоило бить худого, молодого шотландского горца, спустившегося в пограничную страну на поиски славы и добычи и примкнувшего к его свите.

Дуглас привык пользоваться хлыстом и кулаками, общаясь со своими пажам и эсквайрами, которые быстро забывали и боль и причину, вызвавшую ее. Те, с кем лорд так поступал, были норманнами. Но Дональд Мак-Диза был не норманном, а гаэлом, и понятия этого народа о чести и оскорблениях иные, чем у норманнов, так как нравы дикой горной страны севера отличаются от нравов плодородных равнин южной Шотландии. Глава клана Дональда не смог бы безнаказанно ударить своего вассала, а южанин, рискнувший... Ненависть отравила кровь молодого горца, словно черная река, и наполнила его сны багровыми кошмарами.

Лорд Дуглас слишком быстро забыл о том, как ударил Дональда, и, конечно, ни о чем не сожалел. Но сердце горца переполняла месть. Дональд вырос среди дикого племени, которое столетиями не забывало обиды. Он был настоящим кельтом, как и его предки, которые своими мечами вырезали королевство Альбы.

Шотландец спрятал свою ненависть и ждал благоприятного случая, который ему представился в урагане пограничной войны.

Несмотря на протесты короля, война распростерла свои крылья вдоль границы, и шотландцы с радостью отправились в набег. Но, до того как Дуглас отправился в поход, тихий вкрадчивый человек пришел в палатку Дональда Мак-Диза. Он постарался говорить с горцем по существу.

— Зная о том, что один из лордов покрыл вас презрением, я тихо шепнул ваше имя тому, кто послал меня. Воистину, хорошо известно, что этот лорд настолько запугивает королевства и раздувает гнев и вражду между монархами...— Тут незнакомец заговорил еще тише, а потом ясно произнес слово «защита».

Дональд ничего не ответил, и странный гость, улыбнувшись, оставил молодого горца сидящим, подперев подбородок кулаком и мрачно уставившись в пол.

После этого лорд Дуглас вместе со своими вассалами отправился в поход и «ликуя, сжег долины Тайни, часть Бемброфшира и три башни на Рейдс-вирских горах». Он пронес гнев и скорбь по всей Англии, так что король Ричард, придя в ярость, вынужден был послать ему ноту протеста, а потом терпеливо ждать новостей.

После нерешительной перестрелки лучников в Ньюкастле Дуглас расположился лагерем в местечке Оттебурн, и там лорд Перси ночью неожиданно напал на него. В беспорядочной рукопашной схватке пал Дуглас. Шотландцы называли это сражение — «битвой при Оттебурне», а англичане — «Охотничьей травлей». Англичане клялись, что Дугласа убил сам лорд Перси, который со своей стороны не отрицал, но и не подтверждал этого, сам не зная, кого точно убил он в сумятице ночного боя.

Но раненый Дуглас, прежде чем умереть, пробормотал что-то о шотландском плеле и секире. Ни то, ни другое никакого отношения не имело к англичанам. Лорды с пристрастием допросили Дональда. Тем временем король спалил кучу свечей за душу Дугласа, а в своих личных апартаментах поблагодарил Бога за смерть барона, объявив, что «мы слышали о том, что его преследовал один юноша, но нам представляется ясным, что этот горец невиновен точно так же, как и мы сами. За сим мы предостерегаем всех под страхом смертной казни от дальнейших преследований этого юноши».

Так заступничество короля спасло Дональда, но люди втайне подтверждали его вину. Мрачный и озлобленный Дональд ушел в себя. В одиночестве, запершись в хижине, он размышлял до тех пор, пока однажды ночью ему не сообщили, что неожиданно король отрекся от престола и ушел в монастырь. Напряженная королевская жизнь и бурные события тех времен оказались слишком тяжелыми для монарха. Вслед за новостями в хижину Дональда явились люди с обнаженными кинжалами. Но келья оказалась пустой. Сокол улетел, хотя убийцы сразу помчались по его следам. Они

нашли лишь павшего коня на морском берегу и увидели тающий вдали белый парус.

Дональд уехал на континент, потому что в южной Шотландии его ждала тюрьма, а в северной у него было слишком много врагов, да и на границе Англии его наверняка ждала ловушка. Все это случилось в 1389 году. С тех пор прошло семь лет. Дональд провел их в сражениях и интригах. Он участвовал в войнах в Европе и заговорах. Когда Константинополь стал собирать воинов под знамена Баязира, люди стали закладывать земли, чтобы предпринять новый крестовый поход. Шотландский воин присоединился к потоку рыцарей, потянувшихся на восток к своей гибели.

Семь лет скитаний привели его во дворец с голубыми куполами, в легендарный Самарканд. И вот он, облокотившись на шелковые подушки дивана, стал слушать размеренную, монотонную речь владыки татар.

3

Время текло, как всегда течет, вне зависимости от жизни и смерти простых людей. Разлагались тела на равнинах Никополиса, и Баязид, опьяненный своим могуществом, попирает державы всего мира. Его железные легионы перебили греков, сербов, венгров, и в своей растущей империи Баязид попирает взятые в плен народы. Он купался в разврате, безумие которого поражало даже его грубых вассалов.

Сквозь его стальные пальцы протекали женщины всего мира. Баязид разбивал королевские короны, чтобы их золотом подковать своего скакуна. Константинополь пошатнулся под его ударами,

а Европа зализывала раны, как искалеченный волк, и дрожала от страха в ожидании нового нападения.

Где-то в туманных далях Востока правил главный враг Баязида — Тимур Хромой. Баязид посылал татарину официальные письма с угрозами и насмешками. Ответа турок так и не получил, но караваны приносили ему новости о готовящихся походах и великой войне, разгоревшейся на юге, о том, что индийские шлемы с плюмажами бросаются врассыпную, заслышав цокот татарских скакунов. Однако Баязид мало обращал на это внимания. Индия была для него так же далека, как и владения Папы Римского. Взгляд турка был устремлен на Запад, на города Кафры.

— Я стану терзать Фракию огнем и мечом, — объявил он. — Их султаны поволокут мою колесницу, и летучие мыши поселятся во дворцах неверных.

Ранней весной 1402 года на внутренний двор дворца в Брюсе, где, жадно глотая запретное вино и наблюдая за ужимками голых танцовщиц, развалившись восседал Баязид, пришли придворные. Они привели высокородного франка, чье мрачное, иссеченное шрамами лицо потемнело от жаркого солнца далеких пустынь.

— Обезумев, эта кафрская собака на взмыленном коне прискакала в лагерь янычаров, — сказали слуги. — Он говорил, что разыскивает Баязида. Сдирать ли нам с него кожу, перед тем как привязать к хвостам двух коней?

— Собака, ты нашел Баязида, — заговорил султан, сделав большой глоток и с довольным видом поставив кубок. — Говори, прежде чем я посажу тебя на кол.

— Подобающий ли это прием для того, кто прискакал издали, чтобы служить тебе?— самоуверенно возразил франк.— Я — Дональд Мак-Диза, и среди твоих янычаров нет ни одного, кто выстоит против меня в схватке, а среди твоих толстобрюхих борцов — ни одного, кому я не смог бы сломать хребет.

Султан погладил свою черную бороду и ухмыльнулся.

— Жаль, что ты — неверный,— сказал он.— Я люблю смелых на язык. Продолжай. Какие еще у тебя достоинства, зеркало скромности?

Горец оскалился, словно волк.

— Я могу сломать хребет татарину, на скаку срубить голову хану.

Огромный Баязид незаметно изменил позу. От него исходила сила и угроза.

— Что за чепуха? Что означают твои слова?— проговорил он.

— Я не загадываю загадок,— отчеканил гаэл.— Я люблю тебя не больше, чем ты меня. Но я ненавижу Тимура, за то что он швырнул меня лицом в навозную кучу.

— Ты пришел ко мне от этой наполовину неверной собаки?

— Да. Я служил ему, скакал верхом рядом с ним, уничтожал его врагов. Я взбирался на стены городов под градом стрел, рассеивал строй неприятелей. А когда Тимур стал раздавать дары и оказывать почести, что досталось мне? Куча насмешек и град оскорблений. «Проси подарки у султанов Фракии, кафр»,— сказал Тимур, да сожрут его черви, а его советники захохотали. Бог мне свидетель, я заглушу этот смех грохотом рушащихся стен и ревом пламени!

Угрожающий голос Дональда прогремел эхом. В глазах его читались неподдельные холод и жестокость. Баязид вытянул подбородок и произнес:

— И ты пришел ко мне, чтобы я помог тебе отомстить? Но стану ли я воевать с Хромым из-за того, что он обидел какого-то кафрского бродягу?

— Ты будешь воевать с ним, иначе он станет воевать с тобой, — ответил Мак-Диза. — Когда Тимур написал тебе, попросив не оказывать помощи его врагам — турку Каре Юзефу и Ахмеду, султану Багдада, ты ответил ему словами, которые нельзя стерпеть, и послал своих всадников, чтобы укрепить ряды его врагов. Сейчас турки разбиты, Багдад разграблен, Дамаск превратился в дымящиеся руины. Тимур разбил твоих союзников, но не забудет позора, которым ты покрыл его.

— Чтобы знать это, нужно быть особо приближенным к Хромому, — тихо сказал Баязид. Его глаза сузились и засверкали с подозрением. — Почему я должен верить франку? Аллах, я всегда говорю с его соплеменниками при помощи сабли! Как с теми дураками, что пытались противостоять мне у Никополиса.

На долю секунды яростное пламя, неподвластное воле, сверкнуло в глазах горца, но выражение смуглого лица воина ничуть не изменилось.

— Знай, турок, я могу показать тебе, как сломать хребет Тимуру, — сказал горец, перемежая речь ругательствами.

— Собака! — заорал султан. Его серые глаза горели огнем. — Ты думаешь, я нуждаюсь в помощи безродного мошенника, чтобы победить татарина?

Дональд расхохотался ему в лицо тяжелым, безрадостным смехом, который даже звучал неприятно.

— Тимур раздавит тебя, как грецкий орех,— сказал Мак-Диза с тайным умыслом.— Видел ли ты татар скачущими в боевом порядке? Видел ли ты сотню тысяч стрел, пущенных как одна и закрывших солнце на небе? Видел ли ты их всадников, летящих в атаку быстрее ветра, так что пустыня содрогается от топота копыт их коней? Видел ли ты их слонов с башнями на спинах, откуда лучники посылают огненные стрелы, сжигающие человеческую плоть, как извергающаяся лава?

— Все это я уже слышал,— ответил султан, не слишком впечатленный.

— Но ты не видел,— возразил горец.

Он закатал рукав кольчуги и показал шрамы на мускулистой руке.

— Сюда меня поцеловала индийская сабля под Дели. Я скакал с дворянами Тимура, и казалось, весь мир содрогается от грохота боя. Я видел, как Тимур обманул индийского султана и выманил его из недоступных татарам стен. Так выманивают змею из ее логовища. Бог мой, раджпуты, увенчанные перьями, падали под нашими ударами, словно созревшие зерна!.. От Дели Тимур оставил груды развалин, а рядом с разрушенными стенами построил пирамиду из сотни тысяч черепов. Ты не поверил бы, если бы я рассказал тебе, сколько дней Киберийский путь был заполнен толпами воинов в сверкающих доспехах, возвращавшихся по дороге в Самарканд. Горы сотрясались от их поступи, а дикие афганцы спустились с гор, чтобы преклонить колени перед Тимуром... да свернет он себе шею, да слетит его голова к твоим ногам, Баязид!

— Это ты мне говоришь, собака?— воскликнул султан.— Я прикажу зажарить тебя в масле!

— Да. Докажи свою силу Тимуру, убив собаку, над которой посмеялись,— едко сказал Мак-Диза.— Все вы, короли, похожи друг на друга в своих страхах и глупости.

Баязид удивленно уставился на Мак-Диза.

— Аллах! Ты — сумасшедший, если говоришь такое Громовержцу. Обожди при моем дворе, пока я не узнаю, мошенник ли ты, глупец или безумец. Если же ты шпион, я буду убивать тебя долго, не три дня, а целую неделю станешь ты молить моих палачей о смерти!

...

Вот так Дональд и остался при дворе Громовержца, хоть тот и не доверял шотландцу. Вскоре пришло краткое и не допускающее возражений послание — требование выдать Тимуру для справедливого наказания «не христианина, а вора, нашедшего прибежище при турецком дворе». На это Баязид, используя новую возможность оскорбить противника, скалясь, словно гиена, и весело тербя черную бороду меж пальцев, продиктовал такой ответ:

— Знай, калеченный пес, что османы не имеют привычки уступать вздорным требованиям неверных. Веселись, пока можешь, хромая собака, ибо скоро я превращу твое королевство в кучу отбросов, а твоих любимых жен — в своих наложниц.

Больше посланий от Тимура не приходило. Баязид разрешил Дональду участвовать в своих диких попойках, угощая шотландца крепкими напитками. Даже бесчинствуя, Баязид внимательно следил

за своим новым приверженцем. Но подозрительность султана стала притупляться, потому что и в самом бесчувственном состоянии Дональд ни разу не произнес слова, которые могли бы намекнуть на то, что он не тот, кем прикидывается. Имя Тимура он произносил только с проклятиями. Баязид не принимал в расчет Дональда как ценного помощника, но собирался его использовать. Турецкие султаны всегда нанимали иностранцев в телохранители и поверенные, слишком хорошо зная собственный народ. Гаэл, как казалось, не замечал, что за ним наблюдают, напивался и вместе с султаном валится на пол упившись, вел себя с безрассудной доблестью во время набегов на Византию, чем снискал уважение среди упрямых турок.

Играя на вражде генуэзцев и венецианцев, Баязид залег у стен Константинополя. Он готовился: сначала Константинополь, потом Европа. Судьба христианства повисла на волоске и теперь решалась под древними стенами восточного города. Несчастные греки, изнуренные, умирающие от голода, уже подписали капитуляцию, когда подошла весть с Востока. Ее привез грязный, окровавленный посыльный на загнанной лошади.

С Востока внезапно, как смерч, налетели татары, и пограничный город Баязида — Сивас пал.

Той же ночью люди, дрожащие на стенах Константинополя, увидели факелы, мерцающие и передвигающиеся по турецкому лагерю. Огни высвечивали хищные лица и блестящее оружие, но атаки турок так и не последовало. Рассвет открыл огромную флотилию лодок, пересекающих Босфор двумя равномерными потоками, двигающимися параллельно друг другу в разные сторо-

ны. Лодки уносили турецких воинов обратно в Азию. Наконец глаза Громовержца повернулись к Востоку.

4

— Здесь мы станем лагерем, — объявил Баязид, повернувшись в золоченом седле.

Он оглянулся на длинные ряды воинов, исчезающие у горизонта за далекими холмами. В армии его было свыше 200 000 воинов: беспощадные янычары, сверкающие перьями и серебряными кольчугами спахи, тяжелые кавалеристы в броне и шлемах и его союзники со своими подданными — греческие и валахские воины, двадцать тысяч всадников короля Сербии Петра Лазариуса, который сам был закован в броню от короны до пят, а также отряды татар-калмыков, ранее кочевавших в Малой Азии и теперь присоединившихся к Османской империи вместе с остальными народами. В начале похода они готовы были восстать, но Мак-Диза успокоил их, сказав речь на их родном языке.

Несколько недель турецкое войско двигалось на восток по сивасской дороге, ожидая столкновения с татарами в любой момент. Турки прошли Ангору, где султан устроил опорный лагерь, пересекли реку Халис, или Кизил Ирмак, и теперь двигались по гористой местности, лежащей в излучине той реки, что к востоку от Сиваса делала широкую петлю к югу, прежде чем у Киршехра свернуть на север, в сторону Черного моря.

— Здесь будет наш лагерь, — повторил Баязид. — Сивас восточнее миль в шестидесяти пяти. Мы пошлем разведчиков в город.

— Они обнаружат, что в городе нет людей,— сказал скакавший рядом с Баязидом Дональд. Султан ухмыльнулся.

— О, жемчужина мудрости, неужели Хромой мог так быстро улигнуть?

— Он никуда не улигнул,— ответил гаэл.— Не забывай, что его войско может двигаться намного быстрее твоего. Он перейдет горы и нападет на нас, когда мы меньше всего будем этого ожидать.

Баязид презрительно фыркнул.

— Он что, волшебник и может перелететь через горы со стопятидесятитысячной ордой? Ба! Говорю тебе, он придет по сивасской дороге, чтобы вступить в битву, и мы растопчем его армию, как ореховую скорлупу!

Турецкое войско разбило лагерь и с всевозрастающей яростью и нетерпением ожидало татар в течение недели. Разведчики Баязида вернулись с новостью о том, что в Сивасе осталась лишь горстка татар. Тогда султан заорал в гневе и недоумении:

— Дураки, вы что, не заметили татарского войска?

— Его там нет, клянемся Аллахом,— отвечали разведчики.— Татары исчезли, растаяв в ночи, словно привидения. Никто не знает, куда они ушли, мы прочесали горы до самого города.

— Тимур ускользнул обратно в пустыню,— сказал Петр Лазарус, и Дональд засмеялся.

— Тимур убежит, когда реки потекут в гору,— уверил всех Дональд.— Он притаился где-нибудь в горах, но южнее.

Баязид никогда не слушал советов, ибо давно убедился в собственном превосходстве над остальными людьми. Но теперь он был озадачен. До сих пор ему не приходилось драться со всадниками

пустыни, секрет победы которых в маневренности и в умении в нужный момент словно сквозь землю провалиться. И тут верховые принесли весть, что замечены всадники,двигающиеся параллельно правому флангу турецкого войска.

Мак-Диза рассмеялся, и смех его напоминал лай шакала.

— Теперь Тимур налетит на нас с юга, как я и предсказывал.

Баязид подтянул войска и ждал нападения, но напрасно. Разведчики донесли, что всадники проехали дальше и исчезли. Озадаченный впервые в жизни и жаждущий схватиться со своим призрачным врагом, Баязид снялся с лагеря и быстро — в два дня — достиг реки Халис, где ожидал найти Тимура, приготовившегося дать отпор. Но ни одного татарина не было видно. Султан ругался. Где же эти восточные дьяволы? В воздухе растворились они, что ли?

Турецкий султан послал разведчиков через реку, и вскоре те вернулись, шлепая по мелководью. Они видели арьергард армии татар. Тимур ускользнул от турецкой армии и теперь шел к Ангор! Вскипев от гнева, Баязид повернулся к Мак-Диза:

— Что скажешь теперь, собака?

Но горец смело стоял на своем:

— Тебе некого винить, кроме самого себя, в том, что Тимур перехитрил тебя. Прислушивался ли ты к моим советом, хоть к хорошим, хоть к плохим? Я говорил, что Тимур не будет ждать, пока ты придешь. Я говорил, что он покинет город и уйдет в южные горы. Он так и сделал. Я говорил, что он нападет на нас внезапно. Тут я ошибся. Не думал, что он перейдет реку и снова ускользнет. Но все остальное, о чем я предупреждал тебя, произошло.

Баязид неохотно согласился с франком, но внутренне кипел от ярости. Теперь ему ни за что не удастся настигнуть летучую орду до самой Ангоры.

Он перевел войско через реку и отправился по следам татар. Тимур переправился возле Сиваша и, повернув вдоль наружной стороны излучины реки, ушел от турков на другой берег. Теперь Баязид, следуя за ним, повернул от реки в степи, где было мало воды и не было никакой пищи, после того как там прошла орда, выжигавшая все у себя за спиной.

Турки шли по почерневшей от огня пустыне. Тимур за три дня преодолел расстояние, на которое колонне Баязида потребовалась неделя. Сотни миль по выжженной равнине и по голым холмам. Поскольку сила армии заключалась в пехоте, кавалерия вынуждена была соизмерять скорость своего движения с пешим войском, и вся турецкая армия медленно ползла вперед в тучах горячей пыли, поднимавшейся из-под стертых, усталых ног воинов. Под жгучим летним солнцем войско медленно тащилось вперед, жестоко страдая от голода и жажды.

Наконец воины Баязида добрались до равнины Ангоры и увидели, что татары устроились в оставленном ими лагере и осадили город. Из уст обезумевших от жажды турков вырвался рев отчаянья. Тимур изменил течение впадавшей в Ангору речушки так, что теперь она оказалась за спиной татар. Единственный путь к ней лежал через вражеское войско. Все колодцы и источники в округе были загрязнены и отравлены. Узнав обо всем этом, Баязид мгновение сидел в седле, безмолвно переводя взгляд с татарского лагеря на собственное беспорядочно растянувшееся войско, и видел лишь угрюмые

лица воинов. Непривычный страх проник в сердце турка. Это чувство было незнакомо Баязиду, и он не сразу его распознал. Раньше ведь победа всегда была за ним... Разве когда-нибудь могло случиться иначе?

5

В то тихое летнее утро войска замерли, готовые к смертельной схватке. Турки выстроились длинным полумесяцем, концы которого перекрывали татарские фланги, один из которых упирался в реку, а другой — в укрепленный холм на расстоянии пятнадцати миль.

— Никогда в жизни не просил я совета на войне,— заявил Баязид.— Но ты ездил с Тимуром шесть лет. Скажи, он нападет на нас?

Дональд покачал головой.

— Твое войско превосходит его войско по численности. Тимур никогда не бросит своих всадников против янычаров. Он будет стоять и издалека забрасывать тебя стрелами. Тебе самому придется идти к нему.

— Разве я могу атаковать его конницу своей пехотой?— прорычал Баязид.— Однако ты говоришь мудро. Я должен бросить свою кавалерию против его кавалерии... Но, Аллах!.. Его конница лучше.

— У него слабый правый фланг,— сказал Дональд, и его глаза зловеще блеснули.— Сгруппируй сильных всадников на левом фланге, атакуй и разбей правую часть татарского войска, затем подойди ближе, перенеси на фланг основную битву, пока твои янычары будут наступать по всему фронту. Перед атакой спахи на правом фланге могут сделать от-

влекающий маневр, чтобы привлечь внимание Тимура.

Баязид молча посмотрел на газла. Дональд, как и остальные, страдал во время этого ужасного марша. Кольчуга его стала белой от пыли, губы почернели, горло саднило от жажды.

— Да будет так, — сказал Баязид. — Принц Сулейман командует левым флангом, плюс сербская конница и моя тяжелая кавалерия, подкреплённая калмыками. Мы все разом двинем в атаку!

Войска Баязида заняли позицию, но никто не заметил, как плосколицый калмык улизнул из турецких рядов. Он ускакал в лагерь Тимура, наступивая словно сумасшедший свою коренастую лошаденку. На левом фланге турецкого войска собралась мощная сербская конница, а позади нее — вооруженные луками калмыки. Ими командовал Дональд. Так потребовали калмыки. Пусть их поведет франк.

Баязид не собирался противопоставлять татарам огонь луков, он хотел довести своих воинов до врага, чтобы те разметали ряды Тимура, прежде чем эмир сможет получить преимущество искусным маневром. Правый турецкий фланг состоял из спахов, центр из янычаров и сербской пехоты с Петром Лазариусом, а командовал ими сам султан.

У Тимура не было пехоты. Он с охраной засел на холмике позади своего войска. Нур эд-Дин командовал его правым флангом всадников, Ак-Бога — левым флангом, принц Мухамед — центром. В центре находились слоны в кожаной сбруе, с башнями и лучниками. Устрашающий рев слонов был единственным звуком, разносившимся над огромным, закованным в броню татарским войском,

тогда как турки наступали под гром кимвалов и литавров.

Как удар молнии обрушил Сулейман свои эскадроны на правое крыло татар. Турки побежали прямо в самую гущу ливня стрел. Они наступали неудержимо, и ряды татар пошатнулись. Сулейман, выбив из седла увенчанного перьями цапли вождя, торжествующе закричал, но в этот момент за спиной у него раздался гортанный рев.

— Гар! Гар! Гар! Братья, ударим за повелителя нашего Тимура!

Взревев от ярости, Сулейман обернулся и увидел, как его всадники отступают, падая под стрелами калмыков. И еще он услышал смех Мак-Диза, похожий на смех сумасшедшего.

— Предатель!— закричал турок.— Это твоя работа...

Широкий меч горца сверкнул на солнце, и обезглавленный принц Сулейман выпал из седла.

— За Никополис!— прокричал обезумевший горец.— Цельтесь лучше, братья-псы!

Приземистые калмыки завизжали в ответ, словно волки, откатились назад, чтобы избежать сабель отчаявшихся турок, но по-прежнему посылали во врага свои смертоносные стрелы. Многое вынесли калмыки от своих хозяев, и наконец наступил час расплаты. Теперь правое крыло татар били и спереди, и сзади. Турецкая кавалерия оказалась смята. Войско обратилось в бегство. Все шансы Баязида уничтожить врага одним ударом были потеряны.

В начале битвы правый фланг турок наступал под оглушительный рев труб и грохот барабанов. И вот во время этого отвлекающего маневра по туркам неожиданно ударил левый фланг татар.

Ак-Бога налетел на летучих спахов и, потеряв голову в пылу кровавой сечи, погнал их назад, пока преследуемые и преследователи не исчезли за холмами.

Тимур послал принца Мухамеда с резервным эскадроном поддержать левое крыло и вернуть Ак-Богу. В это время Нур эд-Дин, уничтожив остатки кавалерии Баязида, повернулся и ударил по сплоченным рядам янычаров. Те держались, словно железная стена, и вернувшийся галопом Ак-Бога насел на них с другой стороны.

Теперь уж и сам Тимур сел на своего боевого коня. Центр армии татар взметнулся стальной волной, хлынув на едва держащихся турок. Пришло время смертельной схватки.

Атаку за атакой обрушивали татары на сомкнутые ряды турок. Волнами налетали они и возвращались назад. Но янычары непоколебимо стояли в облаках дыма, отбивались окровавленными копьями, зазубренными саблями и топорами, с которых капала кровь. Исступленные всадники, словно смертоносный смерч, сметали ряды противников ураганом стрел, за полетом которых не мог проследить глаз человека. Очертя голову бросались они в ряды янычар и с безумными криками прорубали щиты, шлемы и черепа врагов. Турки отвечали тем же: опрокидывая лошадей и всадников, они рубили, топтали татар, топтали своих же мертвых и раненых, чтобы сомкнуть ряды. Это продолжалось до тех пор, пока оба войска не оказались на ковре из мертвых тел и копыта татарских скакунов не стали разбрызгивать кровь при каждом шаге.

Многочисленные атаки наконец разорвали на части турецкое войско, и сражение с новой силой

вспыхнуло по всей долине: группы турок стояли спина к спине, убивая врагов и погибая под стрелами и саблями всадников степей. В облаках пыли шествовали слоны. Их рев походил на трубный глас ангелов. Лучники на спинах слонов пускали потоки стрел и огня, иссушавшего воинов в кольчугах, как жареное зерно.

Весь день Баязид пешим сражался во главе своих людей. Рядом с ним пал король Петр, пронзенный десятком стрел. С тысячью янычар султан весь день удерживал вершину самого высокого холма на равнине. Он не отступил, хоть рядом с ним и гибли его люди. Расщепленными копьями, разящими топорами и саблями воины султана из последних сил сдерживали татар. И тогда Дональд Мак-Диза, пешком, со свирепым взглядом обезумевшего пса, очертя голову кинулся в гущу схватки и обрушился на султана с такой яростью и ненавистью, что украшенный гребнем шлем Баязида разлетелся вдребезги от удара тяжелого меча. Султан рухнул замертво. На усталые группы сражающихся спустилась тьма, и только тогда литавры татар возвестили о победе.

6

Мощь османов была сокрушена. Перед палаткой Тимура лежала куча голов приближенных Баязида. Но татары на этом не остановились. Вслед за бегущими турками они ворвались в Брюс, столицу Баязида, опустошив город огнем и мечом. Как смерч пронесли татары и растаяли, нагруженные сокровищами из дворца, прихватив с собой женщин из сераля султана.

Прискакав в татарский лагерь вместе с Нур эдином и Ак-Богой, Дональд Мак-Диза узнал, что Баязид жив. Удар шотландца только оглушил султана, и теперь турок стал пленником эмира, над которым раньше насмехался. Мак-Диза сыпал проклятиями. Гаэл был весь в пыли и грязи после тяжелого перехода и еще более тяжелой битвы. Высохшая кровь темнела на его кольчуге и запечатала устье ножен. Пропитанный кровью шарф обвивал его талию грубой перевязью. Глаза гаэла были налиты кровью, тонкие губы скривились от ярости.

— Клянусь Богом, не думал, что этот вол оправится от такого удара. Он будет распят? Ведь именно это он собирался сделать с Тимуром.

— Тимур его хорошо принял и не причинит ему вреда, — ответил один из придворных. — Султан будет присутствовать на пире.

Ак-Бога покивал головой, ибо был милостлив, когда не сражался. Но в ушах Дональда раздавались крики избиваемых пленных в Никополисе, и он горько рассмеялся. Неприятно прозвучал этот смех.

Для свирепого сердца султана смерть была предпочтительней, чем пир, происходивший, как обычно, после победы. На этом пиру он присутствовал как пленник. Баязид походил на мрачного идола, безмолвного и, как казалось, глухого. Он делал вид, что не слышит грохот литавров и рев веселящихся татар. На голове султана был тюрбан верховного владыки, украшенный драгоценными камнями, в руках украшенный драгоценными камнями скипетр его исчезнувшей империи.

Султан не притронулся к огромной золотой чаше, стоявшей перед ним. Много, много раз ра-

довался он агонии побежденных, никому не оказывая таких милостей, как оказали сейчас ему. Незнакомая ранее боль поражения сковала сердце султана.

Он таращился на красавиц своего сераля, которые соответственно татарскому обычаю, трепеща, обслуживали своих новых хозяев: черноволосые еврейки с сонными, тяжелыми веками, смуглые гибкие черкешенки и златовласые русские, темнокожие гречанки и турецкие женщины с фигурами Юноны — все они нагими, как в день рождения, явились перед глазами татарских князей.

Баязид клялся, что изнасилует жен Тимура. Теперь же его коробило, когда он смотрел на Деспину — сестру и любовницу Петра Лазаруса, обнаженную, как и остальные, коленопреклоненную и трепещущую от страха, предлагая Тимуру чашу вина. Татарин рассеянно запустил пальцы в волосы девушки, и Баязид содрогнулся, словно эти пальцы сжали его собственное сердце.

Султан видел Дональда Мак-Диза, сидевшего рядом с Тимуром. Гаэл остался в своей пыльной, испачканной одежде и выделялся среди пышных, разодетых в шелка и золото татар. Дикие глаза Мак-Диза сверкали, а за едой вел он себя дико и необузданно, словно изголодавшийся волк. Он пил крепкое вино чашу за чашей. И тут наконец самообладание отказало Баязиду, и он сломался. С ревом, заглушившим весь остальной шум, Громовержец наклонился вперед, сломав руками тяжелый скипетр, как тростинку, и швырнул на пол обломки.

Все собравшиеся устремили на него свои взгляды, и некоторые из татар быстро встали между ним и своим эмиром, который лишь невозмутимо взглянул на Баязида.

— Собака! Собачье отродье!— ревел Баязид.— Ты пришел ко мне, как беглец, и я приютил тебя! Пусть проклятие всех предателей ляжет на твоё черное сердце!

Мак-Диза поднялся, разметав чаши и кубки.

— Предателей!— закричал он.— Для тебя шесть лет оказалось слишком большим сроком. Ты забыл обезглавленные трупы, оставленные гнить у Никополиса? Ты забыл десять тысяч пленных, которых вы там убили, голых и со связанными руками? Там я сражался с тобой мечом, теперь я сразил тебя с помощью хитрости! Глупец, ты был обречен с той минуты, как войско твоё вышло из Брюсы! Именно я договорился с калмыками, ненавидевшими тебя. Поэтому-то они были довольны и делали вид, что хотят служить тебе. Через них я поддерживал связь с Тимуром с того момента, как мы в первый раз покинули Ангору. Я тайно посылал вперед всадников или притворялся, что охочусь на антилоп... Благодаря мне Тимур перехитрил тебя. Я даже вложил в твою голову план битвы! Я поймал тебя в паутину совпадений, зная, что все равно поступишь, как захочешь, не считаясь ни с тем, что скажу я, ни с тем, что скажет кто-то другой. Я солгал тебе только дважды: когда сказал, что хочу отомстить Тимуру, и когда сказал, что эмир будет ждать в горах и сам нападет на нас. До начала битвы я знал, чего хочет Тимур, и своим советом завлек тебя в ловушку. Поэтому Тимур, придумавший план, который ты посчитал отчасти своим, отчасти моим, заранее знал каждый твой шаг. Но в конечном счете все зависело от меня, так как именно я повернул против тебя калмыков, направив их стрелы в спины твоих всадников. Это и склонило чашу весов в пользу татар, когда исход битвы висел на волоске... Я дорого заплатил за месть,

турок! Я играл свою роль под пристальным взглядом твоих шпионов при твоём дворе, даже когда голова у меня кружилась от вина. Я сражался за тебя против греков, и меня ранили. В пустыне под Халисом я страдал вместе со всеми. Я прошёл через страшный ад, чтобы низвергнуть тебя в пыль!

— Служи же хорошо своему хозяину, как служил мне, предатель,— резко сказал султан.— В конечном счете, Тимур Хромой, ты проклянешь тот день, когда взял себе этого помощника. Когда-нибудь вы уничтожите друг друга!

— Полегче, Баязид,— бесстрастно сказал Тимур.— Что случилось, то случилось.

— Да! — Турок зашелся безумным смехом.— Но Громовержец не станет слугой хромой собаки! Хромой, Баязид говорит тебе: «привет и прощай».

И прежде чем кто-нибудь сумел его остановить, султан схватил со стола нож для мяса и по рукоять воткнул себе в горло. Секунду он раскачивался, словно могучее дерево, а потом с грохотом рухнул вниз. Весь шум стих, пирующие были поражены. Раздался надрывный плач, и вперед выбежала Деспина. Она упала на колени, прижала львиную голову своего свирепого господина к обнаженной груди и, содрогаясь, зарыдала. Тимур медленно, рассеянно погладил бороду. А Дональд Мак-Диза спокойно поднял огромную чашу, в которой в свете факелов сверкало малиновое вино, и осушил ее до дна.

7

Чтобы понять отношение Дональда Мак-Диза к Тимуру, нужно вернуться на шесть лет назад, в тот день, когда в Самарканде во дворце с бирюзовым

куполом эмир размышлял, как же уничтожить надменного турка.

Когда другие смотрели вперед на несколько дней, Тимур мог заглянуть в будущее на годы. Пять лет прошло, прежде чем Тимур подготовился выступить против турка и согласился отпустить Дональда в Брюсу, а потом выслал за ним погоню. Пять лет неистовых сражений среди горных снегов и в пыли пустынь подняли Тимура как мифического исполина. Он жестоко правил своими военачальниками, а к Мак-Диза относился еще суровее. Тимур словно изучал шотландца беспристрастным жестоким взглядом ученого, требуя, чтобы гаэл полностью выкладывался на службе. Казалось, татарин ищет предел выносливости и мужества горца. Но Тимур так и не нашел его.

Гаэл был чересчур безрассуден, чтобы Тимур мог доверить ему войска. Но во время неожиданных нападений, набегов, во время штурма городов — во всем, что требовало личного мужества и отваги, горец был непобедим. Шотландец представлял собой типичного европейского воина, для которого стратегия и тактика имели меньшее значение, чем жестокая рукопашная схватка, где исход битвы решался благодаря личной доблести и силе воинов. Обманывая турка, шотландец лишь следовал инструкциям Тимура.

Между гаэлом и эмиром не могло возникнуть дружеских уз, поскольку Дональд для Тимура был лишь свирепым варваром из чужеземной Фракии. Тимур никогда не осыпал его подарками и почестями, как мусульманских военачальников. Жестокый гаэл презирал мишуру почестей и, казалось, получал удовольствие только от хороших сражений и обильной попойки. Он игнорировал прави-

ла внешнего благоговения, которое демонстрировали Тимуру его подданные, и в подпитии осмеливался говорить мрачному татарину в лицо такие вещи, что окружающие замирали, затаив дыхание.

— Это волк, которого я спускаю с привязи на своих врагов,— сказал однажды про него Тимур.

— Такой человек как обоюдоострый клинок, который легко может поранить владельца,— рискнул заметить один из князей.

— Его обратная сторона не так тщательно заточена, как та, что поражает моих врагов,— ответил Тимур.

После победы под Ангорой Тимур отдал под командование Дональду калмыков и беспокойных, непокорных вигуров. Такой была награда Тимура: большое неосвоенное поле, возможность долго усердно трудиться в поте лица и беспощадно бороться с врагами татар. Но Дональд ничего не сказал. Он держал своих головорезов наготове и экспериментировал с различными типами седел и доспехов, с кремневыми ружьями, тем не менее находя, что они уступают по меткости татарским лукам; экспериментировал с последними видами огнестрельного оружия, громоздкими пистолями на колесах, которые использовали арабы еще за столет до своего появления в Европе.

Тимур бросал Дональда на врагов, как человек бросает дротик, мало заботясь о том, сломалось или нет оружие. Всадники гаэла возвращались в крови, в пыли, усталые. Доспехи их были растерзаны в клочья, мечи зазубрены и затуплены, но к остроколенным седлам всегда были приторочены головы врагов Тимура. Жестокость воинов Дональда, его собственная дикая свирепость и нечеловеческая сила постоянно вызволяли их из безнадежных на вид

положений. А животная энергия Дональда заставляла его снова и снова оправляться от страшных ран, вызывая восхищение у мускулистых татар.

С годами Дональд, всегда отчужденный и неразговорчивый, все больше и больше уходил в себя. Когда войны затихали, он в одиночестве сидел в мрачной тишине в какой-нибудь таверне или угрожающе гордо бродил по улицам, положив руку на рукоять огромного меча, и люди осторожно уступали ему дорогу. У Дональда был только один друг, Ак-Бога, и один интерес, кроме войн и убийств. Во время набега на Персию наперерез его отряду выбежала, крича, тоненькая девчушка, и воины Дональда увидели, как их предводитель наклонился и подхватил ее одной могучей рукой, усадил в седло. Это была Зулейка, персидская танцовщица.

У Дональда был дом в Самарканде и горстка слуг, но только одна эта девушка, миловидная, чувственная и легкомысленная. Она обожала своего господина, а ее страх перед ним доходил до восторженного испуга, но когда Мак-Диза уезжал на войну, она не скрывала своих связей с молодыми солдатами.

Как и большинство персиянок ее касты, Зулейка имела склонность к мелким интригам и не могла не совать свой нос в чужие дела. Она стала доносчицей у Шади Мулх — персидской любовницы Халила, слабовольного внука Тимура, и таким образом косвенно влияла на судьбы мира. Зулейка представляла из себя жадное, тщеславное существо и страшную лгунью, но ее руки были легки, как несомые ветром снежинки, когда она перевязывала раны от мечей и копий на железном теле Дональда. Гаэл же никогда ее не бил и не ругал,

хотя никогда и не ласкал, не ухаживал с нежными словами, как другие мужчины. Он хорошо знал, что для него Зулейка дороже всех владений и наград.

Тимур старел. Он играл с миром в шахматы, и пешками его были короли и армии. Молодым вождем без богатства и власти он сверг своих хозяев-монголов, а теперь сам повелевал ими. Он завоевывал племя за племенем, народ за народом, королевство за королевством, создавая собственную империю, протянувшуюся от Гоби до Средиземного моря, от Москвы до Дели — могущественнейшую империю из всех когда-либо известных миру.

Он открыл двери юга и востока, и через них в Самарканд потекли богатства всего мира. Именно Тимур спас Европу от азиатского нашествия, когда остановил волну турецкого завоевания, о чем он сам так никогда и не узнал. Великий татарин строил и разрушал города. Он сделал сад из бесплодных пустынь и превратил цветущие земли в пустыню. По его приказу возводились пирамиды из черепов и кровь лилась реками. Его князья возвышались над народами и племенами, тщетно, словно женщины, заблудившиеся в горах, вопившими, когда их начинало перемалывать в жерновах империи Тимура.

Теперь же эмир смотрел на восток, где столетиями дремала пышная империя Китая. Возможно, к старости это было всего лишь стремление к истокам своего народа. Возможно, Тимур помнил героических ханов, своих предков, хлынувших некогда в плодородные равнины Китая из бесплодных степей Гоби.

...

Великий визирь покачал головой. Он играл в шахматы со своим царственным господином. Визирь был стар, слаб и осмеливался высказывать свое мнение даже Тимуру.

— Мой господин, что пользы в бесконечных войнах? Ты уже покорил больше народов, чем покорили Чингизхан или Александр. Отдохни от завоеваний, понежись в мире и заверши работу, начатую в Самарканде. Построй побольше великолепных дворцов. Собери вокруг себя философов, художников, поэтов со всего мира.

Тимур пожал могучими плечами.

— Философия, поэзия и архитектура хороши, но их не видно в тумане и дыме завоеваний, ибо все вещи в мире покоятся на окровавленном блеске стали.

Визирь играл фигурками из слоновой кости, покачивая седой головой.

— Мой господин, в тебе словно два человека. Один — строитель. Другой — разрушитель.

— Возможно, я разрушаю, с тем чтобы на руинах можно было строить, — ответил эмир. — Я никогда не пытался до конца разобраться в этом. Я просто знаю, что я прежде всего — завоеватель, а потом — строитель, и завоевание — суть моей жизни.

— Но для чего нужно опрокидывать этот слабый колосс на глиняных ногах — этот Китай? — поинтересовался визирь. — Это означает еще одно большое кровопролитие, а ты уже достаточно окропил кровью землю. Новая война означает новую скорбь и новые страдания для беспомощных людей, умирающих под твоим мечом, словно жертвенные овцы.

Тимур рассеянно покачал головой.

— Что значат их жизни? Они все равно умрут, а ныне их существование наполнено страданием. Я же обовью сердце татарина стальной лентой. Новыми завоеваниями на востоке я усилю свой трон, и правители моей династии станут повелевать миром десять тысяч лет. Все дороги мира будут вести в Самарканд, и тут будут собраны все чудеса, тайны и вся слава мира — институты и библиотеки, величественные мечети, мраморные дворцы, темно-синие башни и бирюзовые минареты. Но сначала я выполню свое предназначение — завоюю весь мир!

— Но приближается зима, — не отступал визирь. — По крайней мере, дождись весны.

Тимур молча покачал головой. Он знал, что стар. Железное тело начинало сдавать. И тогда во сне он слышал пение Алджай Темноглазой, невесты его юности, умершей более сорока лет назад. Вот так через Голубой город пролетела Весть. Мужчины оставили женщин и вино, натянули тетиву на луки, проверили сбруи у коней и вновь ступили на старую, проторенную дорогу завоеваний.

Тимур и его военачальники взяли с собой множество жен и слуг. Эмир собирался остановиться в своем пограничном городе Отраре и, когда весной снег растает, направиться оттуда в Китай.

Как обычно, Дональд Мак-Диза со своей беспокойной шайкой составлял авангард. После нескольких месяцев безделья гаэл был рад отправиться в путь. Зулейку он взял с собой. Годы не пощадили горца-гиганта. Его необузданные калмыки по привычке поклонялись ему, но все-таки он был для них чужаком, и они никогда не понимали его сокровенных мыслей. Ак-Бога со своим

сверкающим взглядом и веселым смехом был единственным другом горца. Но Ак-Бога умер. Его доброе сердце остановил удар арабской сабли. Все сильнее и сильнее старался сбежать Дональд от растущего одиночества, скрыться от него в обществе персидской девушки. Зулейка же не понимала странного, своенравного сердца гаэла, но хоть как-то заполняла болезненную пустоту в его душе. Длинными, одинокими ночами руки Дональда сжимали ее тоненькую фигуру с диким, беспокойным голодом, который смутно ощущала персиянка.

В необычной тишине выехал Тимур из Самарканда во главе длинных, сверкающих колонн. Люди не приветствовали его громкими криками, как в прежние времена. Они стояли со склоненными головами, с сердцами, переполненными чувствами, которые они не могли определить, и смотрели на завоевателя. Потом они вновь возвращались к своей незначительной жизни, к банальности, мелким задачам с неясным бессознательным ощущением, что нечто ужасное, великолепное и устрашающее навсегда ушло из их жизни.

Войска подгоняла набирающая силу зима, и шли они намного медленнее, чем раньше, когда подобно тучам в бурю проносились над землей. Сейчас войско состояло из двухсот тысяч человек и везло с собой стада запасных лошадей, повозки с продовольствием и огромные шатры-палатки.

Тропу под названием Ворота Тимура завалило снегом, но армия упорно шла сквозь буран. Наконец стало очевидно, что даже татары не могут ехать дальше в такую погоду, и принц Халил остался зимовать в странном городке, который почему-то называли Каменным городом. Но Тимур со своим

войском шел вперед. Они перешли Сир там, где толщина льда достигала трех футов. Впереди лежала гористая местность и стало еще труднее. Лошади и верблюды вязли в сугробах, повозки раскачивались на ухабах. Но воля Тимура непреклонно вела их вперед, и наконец они вышли на равнину и увидели шпили Отрара, блестящие сквозь пургу.

Тимур со знатью устроился во дворце, а его воины отправились по зимним квартирам. Тут-то Тимур и послал за Дональдом Мак-Диза.

— На нашем пути лежит Ордушар, — сказал Тимур. — Возьми две тысячи воинов и захвати этот город, чтобы с приходом весны дорога на Китай оказалась открытой.

Когда человек бросает дротик, он не заботится, расщепится ли тот, достигнув цели. Тимур не послал на это безумное дело ни своих придворных, ни отборных воинов. Он поручил расчислить дорогу Дональду. Однако гаэл остался равнодушен. Он был готов пуститься на любую авантюру, если та может заглушить смутные, горькие мысли, все сильнее и сильнее отравляющие его сердце.

В сорок лет Мак-Диза ничуть не ослабел, не размягчился. Но временами он чувствовал, что стар. Все чаще его мысли отвращались от образа жизни в черных и багровых красках, от жизни, переполненной насилием, вероломством, жестокостью и безнадежностью. Сон его стал беспокойным. Порою он слышал странные голоса в ночи. Иногда сквозь воющий ветер ему чудились причитания шотландской волынки.

Получив приказ от эмира, Дональд разбудил своих волков, которые, хоть и зевали, подчинились беспрекословно и отправились из Отрара навстре-

чу ревущему бурану. Этот поход был рискованным предприятием.

...

Во дворце в Отраре Тимур дремал на диване, обложившись картами и схемами. Сквозь сон слушал он непрекращающиеся споры своих жен. Интриги и ревность из Самарканда перебрались в тихий Отрар. Женщины гудели вокруг Тимура, страшно утомляя его своими мелочными склоками.

Когда к железному эмиру незаметно подобрался возраст, женщины заволновались, решая, кто же станет преемником Тимура. В интригах участвовала королева Сарай Мулх Ханума и Хан-Зейд, жена умершего сына Тимура, Джаханчира. Королева пыталась сделать наследником сына Тимура — Шах-Руха, Хан-Зейд стремилась, чтобы это место занял ее сын — принц Халил, которого обвела вокруг пальчика куртизанка Шади Мулх.

Эмир вопреки сильным возражениям Халила взял Шади Мулх с собой в Отрар. Принц становился все беспокойнее, метался по унылому Каменному городу, и до Тимура дошли слухи о его дерзких словах и угрозах.

Сарай Ханума, сухопарая, утомленная женщина, постаревшая в войнах и в горе, пришла к эмиру.

— Персиянка посылает секретные сообщения принцу Халилу, подталкивая его на глупые дела, — сказала королева. — Ты далеко от Самарканда. Если Халил отправится туда, пока ты здесь, всегда найдутся глупцы, готовые восстать даже против повелителя из повелителей.

— В другое время я бы задушил ее, — сказал Тимур устало. — Но Халил по своей глупости поднял-

ся бы против меня, а восстание сейчас, даже немедленно подавленное, расстроило бы мои планы. Посадите персиянку под стражу. Оттуда она не сможет посылать сообщений молодому дураку.

— Я уже сделала это, — резко ответила Сарай Ханума. — Но персиянка посылает сообщения через персиянку франка Дональда.

— Приведите девушку, — приказал Тимур, со вздохом отложив карты в сторону.

Зулейку притащили к Тимуру. Он мрачно смотрел, как девушка хныкала, лежа у его ног. Усталым жестом Тимур подписал ей смертный приговор и сразу же забыл о ней, как король забывает о раздавленной мухе.

Кричащую девушку утащили и бросили на колени в большой комнате, где не было окон, только двери с засовами. Ползая на коленях, Зулейка неистово выла, звала Дональда и взывала к милосердию, пока ужас не сковал ее голос. Оцепенев от страха, она увидела полуголую фигуру палача. Лицо его напоминало маску. Убийца с ножом в руке подошел к девушке...

Зулейка была трусливой, распущенной и глупой. Ее жизнь не была преисполнена достоинства, и некрасиво встретила Зулейка свою смерть. Но даже муха любит жизнь. И возможно, в жестоких загадочных книгах Судьбы записано, что даже император не может растоптать насекомых безнаказанно.

8

Осада Ордушара продолжалась. В ледящих, слепящих и жалящих порывах ветра и снега коренастые калмыки и тощие фигуры старались изо

всех сил и гибли, принимая смерть в жестоких муках.

Они приставили лестницы к стенам и устремились наверх, а защитники, страдая не меньше нападающих, пронзали их копьями, сталкивали валуны, давившие людей в кольчугах, как жуков, и сбрасывали лестницы со стен так, что те, падая, убивали людей внизу. Ордушар, возвышавшийся в ущелье и защищенный сбоку скалами, на самом деле был бурятской крепостью.

Волки Дональда рубили замерзшую землю обмороженными, ободранными руками, едва державшими кирки, и старались сделать подкоп под стены. Они долбили стены, всовывали наконечники копий меж камней, вырывали куски кладки голыми руками, а сверху на них дождем лились дротики и расплавленный свинец. С огромным трудом воины Дональда соорудили импровизированные осадные машины из поваленных деревьев, кожаной упряжи и веревок, сплетенных из грив и хвостов лошадей.

Тараны тщетно долбили массивные стены. Вдоль парапетов сражались атакующие и защитники, пока окровавленные руки не примерзали к древкам копий и к рукоятям мечей, а кожа не начинала сдираться, обнажая кровавые струпья. Но неизменно, с нечеловеческой яростью, продлевающей агонию, защитники отражали атаки.

Центральная башня крепости была обнесена стенами с бойницами, откуда жители крепости лили горящую нефть. Люди Дональда походили на жуков, попавших в пламя. Снег и дождь со снегом налетали ослепляющими шквалами, затянув весь мир ледяной пеленой. Убитые валялись там же, где падали, раненые умирали, замерзая. Не было

ни передышки, ни конца агонии... Дни и ночи слились в единый ад. Люди Дональда со слезами страдания, замерзающими на лицах, остервенело колотили таранами в заиндевевшие, каменные стены, сражались ободранными руками, сжимавшими сломанное оружие, и, умирая, проклинали сотворивших их богов.

В крепости горя было не меньше. Там не осталось никакой пищи. Ночью воины Дональда слышали вой умирающих от голода людей. Отчаявшиеся мужчины Ордушара перерезали глотки женщинам и детям и вышли из крепости. Изможденные, переполненные яростью калмыки напали на них. В водовороте битвы снег был густо обгажен кровью, и воины Дональда вошли в городские ворота. Страшная битва продолжалась в городских пределах.

Дональд использовал последнее дерево у подножия крепости, чтобы поднять еще одну штурмовую башню. Теперь в долине перед крепостью не осталось ничего, что могло бы гореть. Сам шотландец стоял у подъемного моста башни, который можно было бы в любой момент опустить. Гаэл не щадил себя. Штурмовую башню повернули к стене под градом стрел, убившим половину людей, не успевших укрыться за высоким валом. Со стены прогремела чугунная пушка, но громадное ядро просвистело над головой Дональда. Потом буряты пытались поджечь башню с помощью горящей нефти. Наконец мост удалось опустить.

Выхватив широкий меч, Дональд шагнул вперед. Со звоном отлетали стрелы от его лат и шлема. Загремели выстрелы, но гаэл шагал вперед. Тощие люди в доспехах, с глазами обезумевших собак, карабкались на перила, стремясь разломать мост. Дональд шагнул к ним, и меч его со свистом рассек

воздух. Клинок гаэла разрубал доспехи, плоть и кости. Толпа защитников распалась.

Тяжелый топор обрушился на щит Дональда, и он зашатался на парапете, но нанес ответный удар, разрубив надвое нападавшего. Гаэл удержался на стене, отшвырнув разбитый щит. За ним по мосту пошли его волки, сбрасывая защитников со стен. Размахивая тяжелым мечом, Дональд продвигался вперед в водовороте битвы и вдруг подумал о Зулейке. Она показалась ему чем-то нереальным, мысль о ней больно ранила его под сердце. Но не мысль была это на самом деле, а вражеское копье, прошедшее сквозь кольчугу. Яростно рубанул Дональд своего противника. Меч сломался в его руке. Шотландец прислонился к стене. Лицо его на миг исказилось. Вокруг шла резня: ярость обезумевших от долгих страданий калмыков не знала границ.

9

К Тимуру, сидевшему на троне во дворце Отра-ра, пришел великий визирь:

— Выжившие из тех, кто был послан в ущелье Ордушара, возвращаются, мой господин. Города в горах больше нет. Воины несут Дональда на носилках. Он умирает.

Усталые, окровавленные люди с потухшими глазами, перевязанные грязными тряпками, закутавшиеся в растерзанные одежды и доспехи, внесли носилки. Они бросили к ногам Тимура золоченые латы военачальников, ящики с драгоценностями и одеждой из шелка и серебряной тесьмы — добычу из Ордушара, где среди богатств люди умирали голодной смертью. Носилки опустили перед Тимуром.

Эмир взглянул на умирающего Дональда. Шотландец был бледен, но на лице его не появилось и тени слабости. Его холодные глаза горели огнем.

— Дорога на Китай открыта, — сказал Дональд, с трудом выговаривая слова. — Ордушар лежит в дымящихся руинах. Я выполнил твой последний приказ.

Тимур кивнул. Казалось, его глаза смотрели сквозь шотландца. Что значил умирающий на носилках для эмира, столько раз видевшего смерть? Его мысли были уже где-то на дороге в Китай. Дротик наконец разбился вдребезги, но последний его удар открыл Тимуру дорогу в новые земли. Темные глаза эмира странно засверкали. Знакомый огонь пробежал по его жилам. Новая война! Снаружи завывал ветер, словно гремели трубы, гудели кимвалы. Они пели песнь победы.

— Пришлите ко мне Зулейку, — прошептал умирающий.

Тимур не ответил. Он едва ли слышал слова Дональда, погрузившись в собственные видения. Давно уже забыл эмир и о Зулейке, и о ее судьбе. Что значила еще одна смерть в устрашающем и ужасающем плане становления империи?

— Зулейка, где Зулейка? — повторял гаэл, спокойно задвигавшись на носилках.

Тимур слегка вздрогнул и поднял голову, что-то вспоминая.

— Я приговорил ее к смерти, — спокойно ответил он. — Это было необходимо.

— Необходимо?! — Глаза Дональда округлились. Он попытался приподняться, но, обессилев, упал на носилки и закашлялся кровью. — Безумный пес, она была моей!

— Твоя или чья-нибудь еще, какая разница, — рассеянно возразил Тимур. — Что значит женщина, когда решается судьба империи?

В ответ Дональд выхватил из одежды пистолет и выстрелил в Тимура. Эмир вздрогнул и покачнулся на троне. Закричали придворные.

Сквозь дым они увидели, что Дональд, лежащий на носилках, мертв. На губах гаэла застыла жесткая улыбка. Тимур, согнувшись, сидел на троне, одной рукой сжав грудь. Сквозь пальцы эмира сочилась кровь. Свободной рукой он махнул знати, прося людей отступить.

— Довольно, все кончено. Каждому когда-то приходит конец. Пусть вместо меня правит Пир Мухамед. Пусть он усилит границы империи, которую я воздвиг.

Мучительная агония исказила черты эмира.

— Аллах, это — конец империи!

Яростный крик страдания вырвался из его горла.

— Я — тот, кто топтал королевства и уничтожал султанов. Я умираю из-за раболепной проститутки и франка!

Военачальники беспомощно смотрели на могучие руки Тимура, сжатые, словно железные клещи. Лишь негибаемая воля эмира не позволяла Смерти забрать его душу. Фатализм ислама никогда не находил отклика в языческой душе Тимура. Он боролся со смертью до последней капли крови.

— Пусть народ мой не узнает, что я умер от руки франка, — с трудом проговорил он. — Пусть летописи не прославляют имя волка, убившего императора. О, Аллах, горсть пыли, маленький кусочек свинца уничтожил Завоевателя Мира! Пиши,

писец, что в этот день не от руки человека, а по воле Аллаха умер Тимур, слуга Аллаха.

Военачальники застыли вокруг в изумлении и молчании, пока побледневший писец доставал пергамент и писал дрожащей рукой. Мрачный взгляд Тимура застыл на умиротворенном лице Дональда, который, казалось, тоже смотрел на эмира. Лицо мертвого человека на носилках было повернуто к умирающему на троне. И прежде чем скрип пера замер, львиная голова Тимура упала на могучую грудь. Вслед за поющим панихиду ветром, заметающим снегом все выше и выше стены Отрара, пески забвения стали засыпать империю Тимура — последнего завоевателя и повелителя мира, — сокрушенную одним выстрелом.

ГИЕНА СЕНЕКОЗЫ

С

мутное недоверие к этому колдуну по имени Сенекоза возникло у меня в первую нашу встречу. Со временем же оно постепенно переросло в ненависть.

Я был на восточном побережье новичком, в избытке наделенным любопытством, ничего не смыслил в африканских обычаях и легко поддавался порывам души. Приехал я из Вирджинии, поэтому расовые предубеждения во мне были очень сильны, и, без сомнения, чувство собствен-

ной неполноценности, постоянно внушаемое мне Сенекозой, послужило главным поводом для антипатии.

Он был удивительно высок и строен — шести футов и шести дюймов ростом, и так мускулист, что весил, наверное, не меньше двухсот фунтов. При его-то стройности подобный вес мог бы показаться невероятным, но этот чернокожий гигант словно сплошь состоял из мускулов. Чертами лица он не слишком походил на негра. Высокий, выпуклый лоб, узкий нос и тонкие, прямые губы куда лучше подошли бы берберу, чем банту, но волосы его были курчавы, словно у бушмена, а кожа — чернее даже, чем у масаи. Цвет его лоснящейся шкуры был не таким, как у людей из окрестных племен, и я решил, что Сенекоза принадлежит к какой-то другой породе.

На ранчо он появлялся редко, как правило, без предупреждения. Иногда он приходил один, а порой его сопровождали, держась на почтительном расстоянии, с десятков масаи, причем самых диких. Эти обычно останавливались поодаль от построек и, крепко сжимая древки копий, подозрительно следили за каждым из нас.

Сенекоза приветствовал нас в высшей степени любезно. Он вообще обладал крайне изысканными манерами, однако мне его безукоризненная вежливость казалась неискренней, и меня никак не покидало смутное ощущение, будто этот черномазый насмехается над нами. Обнаженный чернокожий великан совершал какие-нибудь незатейливые покупки вроде медного котла, бус или старого мушкета, передавал вести от какого-нибудь местного вождя и величественно удалялся.

Как я уже говорил, мне он вовсе не нравился, и я как-то поделился своим мнением с владельцем ранчо Людтвиком Стролваусом, который приходился мне

дальним — что-то вроде десятикородного брата — родственником. Людтвик только хмыкнул в русую бороду и заявил, что с этим колдуном все в порядке.

— Да, верно, среди туземцев он — сила. Все они боятся его. Но белым людям он друг. Я.

Людтвик обитал на восточном побережье с давних пор, до тонкости понимал и туземцев, и австралийских коров, которых разводил, но воображением был обделен.

Обнесенное частоколом ранчо стояло на вершине невысокого холма, а вокруг на многие мили простирались лучшие выпасные луга во всей Африке. Частокол был замечательно приспособлен для обороны, а в случае набега масаи внутрь можно было загнать почти всю тысячу голов скота, принадлежавшего Людтвику и составлявшего предмет его необычайной гордости.

— Уже тысяча голов, уже тысяча, — говорил он, и улыбка медленно расплывалась на его круглом лице. — А потом — о! — десять тысяч, и еще десять тысяч. Хорошее начало, очень хорошее. Я.

Я-то, сказать по секрету, восторгов насчет коров не питал. Туземцы и пасли их, и загоняли в коррали, а нам с Людтвиком оставалось лишь разъезжать по округе да распоряжаться. Такая работа ему нравилась больше всего, и потому я оставил ее ему почти целиком.

Таким образом, моим основным занятием было ездить с ружьем по вельду, иногда в одиночку, иногда в сопровождении слуги. Не могу сказать, что я добывал много дичи: во-первых, стрелок из меня никакой, даже в слона попаду с трудом, а во-вторых, жалко было убивать зверей просто так. Какая-нибудь антилопа могла выскочить из зарослей прямо перед грудью моей лошади и умчаться прочь, а я

замирал, восхищенный ее стройным, грациозным телом, пораженный ее дикой красотой, и ружье мое оставалось лежать на луке седла.

Мой слуга, туземный парнишка, начал было подозревать, что я нарочно не стреляю, и принялся отпускать подленькие намеки на мою женоподобность. Я был еще зелен и дорожил даже мнением туземца, хоть это и крайне глупо. Его замечания уязвляли мою гордость, и однажды я, выбив его из седла, лупил до тех пор, пока он не запросил пощады. После этого он больше не отваживался обсуждать мои действия.

Однако в присутствии колдуна я чувствовал себя каким-то неполноценным. Другие туземцы отказывались о нем говорить. Сколько я ни пытался вытянуть из них хоть что-нибудь, они лишь испуганно закатывали глаза, показывали жестами, что им страшно, да еще изредка лепетали, что колдун обитает среди каких-то племен вдали от побережья. Пожалуй, все сходилось на том, что Сенекосу лучше оставить в покое.

Но одно происшествие утвердило меня в моей неприязни к колдуну.

Тем самым таинственным образом, каким распространяются новости в Африке, минуя уши большинства белых, мы узнали, что Сенекоса что-то не поделил с вождем какого-то крохотного племени. Слух был весьма неопределенным и, казалось, не особенно подтверждался фактами. Но вскоре после этого вождя нашли наполовину сожранным гиенами. Само по себе это не было столь уж необычным, однако испуг, с которым восприняли эту новость туземцы, был очевиден. Тот вождь для них ничего не значил и даже не пользовался уважением, но его кончина перепугала всех чуть не до смерти.

А чернокожий, если он чего-то сильно боится, опасен, как загнанная в угол пантера. К следующему визиту Сенекозы туземцы снялись с мест все до единого, ушли и не возвращались до тех пор, пока он не соизволил удалиться.

Казалось, между страхом туземцев, Сенекозой и разорванным гиенами вождем существует некая неуловимая связь.

Вскоре после этого еще одно происшествие усилило мои подозрения. Я, сопровождаемый слугой, заехал далеко в вельд. Мы остановились возле маленького холмика-копи, чтобы дать отдохнуть лошадям, и я увидел гиену, пристально рассматривавшую нас с его вершины. Весьма удивленный: эти твари вообще-то стараются не приближаться к человеку днем,— я вскинул ружье и начал целиться, так как гиен терпеть не могу. Но слуга схватил меня за руку.

— Нет стреляй, бвана! Нет стреляй! — воскликнул он и затараторил что-то на своем языке, которого я не понимал.

— Что еще? — с нетерпением спросил я.

Но он продолжал лопотать и цепляться за мою руку, пока я не догадался, что эта гиена — не простая, а что-то вроде фетиша.

— Ладно, не буду,— согласился я, опуская ружье.

Именно в это мгновение гиена повернулась к нам спиной и скрылась из виду. Костлявый, омерзительный зверь двигался вроде бы и неуклюже, но одновременно так грациозно и величественно, что забавное, хоть и совершенно нелепое, сходство было очевидным.

Рассмеявшись, я указал туда, где скрылась гиена:

— Ну точно словно сам колдун Сенекоза воплотился в гиену!

Моя невинная шутка оказалась неудачной: слуга-туземец буквально позеленел от ужаса, а затем, развернув своего пони, погнал куда-то в сторону ранчо, испуганно озираясь на меня.

Раздраженный, я поскакал за ним, на ходу обдумывая, что же случилось. Гиены, колдун, разорванный на части вождь, вся округа в страхе — какая между всем этим связь? Я думал и думал, однако, будучи в Африке новичком, да еще вдобавок молодым и нетерпеливым, в конце концов досадливо пожал плечами и выкинул эту неразрешимую загадку из головы.

В следующий свой визит на ранчо Сенекоза ухитрился встать прямо напротив меня, и на какой-то миг взгляды наши встретились. Невольно вздрогнув, я отступил на шаг, ощущая примерно то же самое, что должен ощущать человек, неосторожно взглянувший в глаза змеи. Казалось бы, Сенекоза вел себя как обычно и вовсе не искал со мной ссоры, однако от него явно исходила угроза. Краска отлила от моих щек, и я совсем уже было собрался полезть в драку, но он развернулся и ушел, даже не посмотрев в мою сторону. Я никому ничего не сказал, но отлично понял: Сенекоза по совершенно не понятным мне причинам ненавидит меня и замышляет убить.

Как раз с того дня мое недоверие к колдуну превратилось в глухую ярость, которая затем переросла в ненависть.

А потом на ранчо появилась Эллен Фарел. Отчего ей вздумалось отдыхать от светской жизни в Нью-Йорке на восточноафриканском ранчо — бог весть. Вообще-то Африка — не место для женщин. Именно так Людтвик, также приходившийся ей сколько-то-там-юродным братом, и сказал, хотя был невероятно рад ее приезду. Что до меня, я никогда

особенно не интересовался девушками, чувствовал себя в их присутствии крайне глупо и всякий раз спешил поскорее откланяться. Однако в нашей глуши белых было всего несколько человек, и общество Людтвика успело порядком мне наскучить.

Эллен была молода и хороша собой. Розовые щечки, золотистые локоны, огромные серые глаза, стройная фигура...

Она стояла на просторной веранде; краги, шпоры, куртка и легкий пробковый шлем удивительно шли ей. Я, сидя на жилистом африканском пони, глазел на нее и чувствовал себя крайне неуклюжим, грязным и глупым.

А Эллен увидела перед собой коренастого парнишку с песочного цвета шевелюрой и водянистыми, сероватыми глазами, невзрачного и несимпатичного, облаченного в пропыленный костюм для верховой езды и перепоясанного патронташем, на котором с одной стороны болтался крупнокалиберный кольт, а с другой — охотничий нож устрашающей длины.

Я спешил, и она подошла ко мне, протягивая руку.

— Меня зовут Эллен, — заговорила она, — а ты, я знаю, Стив. Кузен Людтвик о тебе рассказывал.

Я пожал ее руку, и дыхание мое остановилось — каким восхитительным может быть простое прикосновение!

Эллен принялась осваиваться на ранчо с невероятным энтузиазмом — она все делала именно так. Пожалуй, я никогда не встречал человека более жизнерадостного, умевшего так наслаждаться жизнью. Она просто кипела весельем и задором!

Людтвик отдал ей лучшую лошадь на ранчо, и вскоре мы объездили всю округу.

Эллен очень интересовалась черными. Те, не привыкшие к белым женщинам, боялись ее. Только позволь ей — тут же спешится и примется играть с негритятами. Никак не могла понять, отчего к черным нужно относиться, как к грязи под башмаками. Мы много об этом спорили, но убедить ее я не сумел и просто выпалил: она-де ничего здесь не знает и поэтому должна поступать, как я говорю. В ответ она надула свои прелестные губки, обозвала меня тираном, прищпорила лошадь и унеслась в вельд, на прощание обернувшись и бросив мне презрительную улыбку. Распущенные волосы ее стелились по ветру...

Тиран... Да я с первого дня стал ее рабом! Мне и в голову не приходило, что она может полюбить меня. Не оттого, что Эллен была на несколько лет старше или что в Нью-Йорке у нее остался милый (а скорее, даже не один). Я просто преклонялся перед ней. Само ее присутствие одурманивало, и я не мог представить себе жизни более сладкой, чем преданное, рабское служение ей.

Однажды я чинил седло, и вдруг на веранду вбежала Эллен.

— О, Стив! — воскликнула она. — Там такой романтический дикарь! Идем скорее, скажешь мне, как его зовут!

Она схватила меня за руку и поволокла на двор.

— Вот этот! — Она наивно указала на Сенекозу, стоявшего с надменно поднятой головой и скрещенными на груди руками.

Людтвик, разговаривавший с колдуном, не обращал на Эллен внимания, пока не покончил с делами, а затем обернулся, взял ее за руку и увел в дом.

Я снова оказался один на один с этим дикарем, но на сей раз он даже не взглянул в мою сторону. Невозможно описать охватившую меня ярость: он

неотрывно смотрел на Эллен, и его змеиные глаза выражали такое...

В тот же миг я выхватил кольт и прицелился, но рука дрожала от гнева, точно лист на ветру. Несомненно, Сенекозу следовало пристрелить, как змею, стереть с лица земли эту гадину!

Он перевел твердый, немигающий взгляд на меня. Нет, такого отстраненного, ироничного спокойствия не может быть в глазах человека!

Я не смог спустить курок.

Несколько мгновений мы стояли друг перед другом, затем он повернулся и величественно зашагал прочь. Я смотрел ему вслед, беспомощно рыча от ярости.

Сенекоза скрылся из виду, и я удалился на веранду. Что за таинственный дикарь! Что за странной властью он обладает? Не ошибся ли я, не почудилось ли мне вожеление во взгляде, которым он провожал Эллен? Мне во всем моем юношеском безрассудстве казалось невероятным, чтобы черный — неважно, каково его положение, — вот так смотрел на белую женщину. И самое удивительное: отчего я не смог выстрелить?

Кто-то коснулся моего плеча, и я вздрогнул.

— О чем задумался, Стив? — со смехом спросила Эллен и, прежде чем я смог хоть что-то ответить, продолжила: — Ну разве не прелесть этот вождь, или кто он там, этот дивный дикарь? Пригласил нас в гости, к себе в крааль — так это, кажется, называется? Словом, куда-то в вельд. Мы обязательно поедем!

Я вскочил, точно ужаленный, с яростным криком:

— Нет!

— О, Стив, — ахнула она, — как ты груб! Он вел себя как настоящий джентльмен. Не правда ли, кузен Людтвик?

— Я, — умиротворенно кивнул Лютдвик. — Мы вскоре поедem к нему в крааль. Этот дикарь — сильный вождь. С ним будет хорошая торговля.

— Нет! — бешено выдохнул я. — Если кому-то нужно ехать, поеду я. А Эллен и близко не подойдет к этой твари!

— Распрекрасно! — с негодованием передернула плечами Эллен. — Может быть, вы, мистер, мой хозяин?

Эллен был крайне упряма. Несмотря на все мои старания, они решили отправиться в деревню, где жил колдун, завтра же.

Вечером, когда я сидел на веранде при свете луны, она подошла ко мне и присела на подлокотник моего кресла.

— Ты ведь не сердишься на меня, Стив? — доброжелательно спросила она, обнимая меня за плечи. — Не злишься?

Злиться? Нет! Скорее, я обезумел от прикосновения ее нежного тела, и то было безумие рабской преданности. Хотелось пасть ниц к ее ногам и целовать ее изящные туфельки. Неужели женщины ничего не знают о том, как действуют на мужчин?!

Я нерешительно взял ее руку и поднес к своим губам. Наверное, она почувствовала мою преданность.

— Дорогой мой Стив, — ее слова ласкали и нежили, — идем, погуляем под луной.

Мы вышли за частокол. Следовало бы захватить оружие — при мне не было ничего, кроме длинного турецкого кинжала, который я носил вместо охотничьего ножа. Однако она не позволила.

— Расскажи мне про этого Сенекозу.

Поначалу я очень обрадовался представившейся возможности, но тут же подумал: а что говорить? Что гиены сожрали какого-то масайского царька?

Что колдуна до смерти бояться все туземцы? Или как он смотрел на нее?

Мои размышления были прерваны громким криком Эллен: из высокой травы выскочил зверь, едва различимый в свете луны. Что-то тяжелое и лохматое обрушилось на меня. В ужасе я успел вскинуть руку, в которую немедленно впились острые клыки, и упал на землю, яростно отбиваясь. Вскоре куртка моя была разодрана в клочья, а клыки почти добрались до горла, но я наконец сумел вытащить нож и ударить вслепую. Клинок вонзился в хищника, и тот исчез, словно тень. Весь дрожа, я поднялся на ноги и пошатнулся. Эллен схватила меня за плечо и помогла устоять.

— Что это было? — выдохнула она, ведя меня к частоколу.

— Гиена, — ответил я. — По запаху узнал. Только никогда не слышал, чтобы они вот так нападали...

Она вздрогнула. Позже, когда мне перевязали израненную руку, она подошла поближе и удивительно покорно сказала:

— Стив, я решила не ездить в эту деревню, если ты против.

После того как мои раны зажили, мы с Эллен, как и следовало ожидать, возобновили верховые прогулки. Однажды мы заехали довольно далеко в вельд, и она предложила скакать наперегонки. Ее лошадь легко обставила мою. Остановив ее, Эллен весело рассмеялась. Она поджидала меня на вершине маленького копи и, стоило мне приблизиться, указала на небольшую рощицу вдалеке:

— Деревья, смотри! Поедем туда, ведь в вельде почти нет деревьев!

Она прищипорила лошадь, а я, повинувшись некоему предчувствию, расстегнул кобуру, вытащил нож

из ножен и переложил за голенище, где его вовсе не было видно.

Мы проделали около половины пути к роще, но тут трава перед нами расступилась, и из нее выступил Сенекоза в сопровождении двух десятков воинов.

Один из них схватил поводья лошади Эллен, а остальные бросились на меня. Эллен выстрелила, и воин, остановивший ее лошадь, упал, получив пулю между глаз, а еще один рухнул после моего выстрела. Затем брошенная кем-то дубина выбила меня из седла, наполовину лишив чувств. Меня обступили черные, и я увидел, как лошадь Эллен, обезумев от случайного укола копьем, с визгом встала на дыбы, разметав державших ее чернокожих, и, закусив удила, понеслась прочь.

Сенекоза легко прыгнул на мою лошадь и поскакал вдогонку, отдав через плечо какой-то приказ своим дикарям. Вскоре оба всадника скрылись за копи.

Воины связали меня по рукам и ногам и поволокли в рощу. Там, среди деревьев, стояла хижина из коры и соломы. Вид ее почему-то заставил меня задрожать. Хижина казалась мрачной, отталкивающей и неопределимо зловещей. При виде ее невольно приходили на ум воспоминания о непристойных и ужасных ритуалах вуду.

Не знаю, почему так, однако вид одинокой, укромной туземной хижины вдалеке от деревни или кочевья всегда означал для меня нечто ужасное. Возможно, оттого, что в одиночку живут лишь чернокожие, повредившиеся в уме или же столь преступные, что собственное племя отказалось от них.

У самого входа меня швырнули на землю.

— Когда Сенекоза вернуться с девушкой, ты будешь войти.

С дьявольским смехом мои пленители удалились, оставив одного чернокожего стеречь меня. Он злобно пнул меня в бок. То был звероподобный негр, вооруженный старым мушкетом.

— Твой — глупец, — насмешливо сказал он. — Они идти убивать белых! Идти на ранчо и фактории. Сначала — к тот глупец, англичанин.

Он имел в виду Смита, чье ранчо находилось неподалеку от нашего.

Негр продолжал рассказ, выкладывая все больше и больше подробностей. Он хвастал, что замесел принадлежит самому Сенекозе и что все белые на побережье будут изловлены и убиты.

— Сенекоза — не простой человек, — хвастал негр. — Твой, — тут он понизил голос и оглянулся по сторонам, сверкнув белками из-под густых черных бровей, — будешь увидеть волшебство Сенекозы. — Он ухмыльнулся, обнажив сточенные клыки. — Мой — людоед. Человек Сенекозы.

— Который не убьет ни единого белого, — поддел его я.

Он дико оскалится:

— Мой будет убить твой, белый человек!

— Не посмеешь.

— Это правда, — признался он. — Сенекоза будет убить твой.

В это время Эллен неслась в сумасшедшей скачке. Колдун не мог догнать ее, но сумел отрезать от ранчо и теперь гнал все дальше и дальше в вельд.

Чернокожий развязал стягивавшие меня веревки. Причина тому была до абсурда ясной: он не смел убить пленника Сенекозы иначе как при попытке к бегству. Жажда крови свела его с ума. Отступив на несколько шагов, он приподнял свой мушкет, наблюдая за мной, точно змея за кроликом.

Уже потом Эллен рассказывала, что примерно в это время ее лошадь споткнулась и сбросила ее. Прежде чем Эллен успела подняться, чернокожий колдун спешился и схватил ее. Она закричала и принялась отбиваться, но он держал ее слишком крепко и только рассмеялся. Разорвав куртку Эллен, он связал ее по рукам и ногам, сел на лошадь и поскакал вперед, перекинув пленницу через седло перед собой.

А я тем часом медленно поднялся с земли, растерзанные руки, придвинулся чуть ближе к охранявшему меня черному, потянулся, затем наклонился, начал растирать ноги и неожиданно, поскользя, прыгнул на него, выхватив из-за голенища нож. Мушкет его грохнул, однако я успел ударить ногой по стволу, и заряд просвистел над моим ухом. В рукопашной мне, конечно, не сравниться бы с таким великаном, не будь у меня ножа. Я был слишком близко, и он не мог оглушить меня прикладом. Но он-то сообразил это не сразу. Пока негр напрасно старался размахнуться, я отчаянным толчком вывел его из равновесия и по самую рукоять вонзил нож в глянцевого-черную грудь.

Потом, высвобождая лезвие, пришлось потрудиться, однако другого оружия не было: мушкет оказался разряженным.

Не имея никакого представления, куда направилась Эллен, я решил, что нужно идти в сторону ранчо. Кроме того, следовало предостеречь ничего не подозревавшего Смита. Воины Сенекосы намного опережали меня и могли уже добраться до его ранчо.

Не успел я преодолеть и четверти пути, как грохот копыт за спиной заставил меня оглянуться. Меня догоняла лошадь без седока. Та самая, на которой ездил Эллен. Поймав поводья, я заставил ее остановиться. Либо Эллен успешно добралась до

безопасного места и отпустила лошадь, либо, что более вероятно, ее схватили, а лошадь вырвалась и, как они всегда это делают, поскакала к дому. Взгромоздившись в седло, я помчался к ранчо Смита: до него было недалеко, черные дьяволы наверняка еще не успели расправиться с ним, а мне, если уж я намеревался спасти девушку из лап Сенекозы, следовало раздобыть ружье.

Примерно в полумиле от ранчо Смита я нагнал всадников и промчался сквозь них, словно сквозь облако дыма. Пожалуй, работники Смита были поражены видом всадника, который во весь опор подскочил к частоколу с криком «Масаи! Масаи! Тревога, дурачье!», выхватил у кого-то ружье и унесся прочь.

Словом, подоспевшие вскоре дикари обнаружили, что их ждут. Прием им был оказан столь теплый, что после одной-единственной попытки штурма они поджали хвосты и убрались обратно в вельд.

А я скакал, как никогда прежде. Бедная кобыла едва не падала от изнеможения, но я безжалостно гнал ее вперед. Направлялся я к единственному известному мне месту — к той самой хижине среди деревьев. Колдун, без сомнения, должен был вернуться туда. Рощи еще не было видно, когда прямо на меня из высокой травы вылетел всадник. Лошади наши столкнулись и рухнули наземь.

— Стив!

Крик был исполнен радости, смешанной со страхом. Эллен, связанная по рукам и ногам, изумленно взидала с земли, как я поднимаюсь на ноги.

Сенекоза бросился на меня. Клинок его длинного ножа сверкнул в лучах солнца. Довольно долго мы топтались на месте, били и парировали, нападали и уклонялись, и никто не мог одержать верх: моя ярость и увертливость противостояли его дикой силе.

Наконец он нанес сильнейший удар, и мне удалось поймать на клинок его руку, раскроив ее едва не до локтя, и быстрым поворотом выбить у него нож. Но, прежде чем я сумел воспользоваться своим преимуществом, он прыгнул в траву и пропал.

Я поднял Эллен, освободил ее от пут, и она, бедняжка, вцепилась в меня изо всех сил. Пришлось взять ее на руки и отнести к лошадям. Но с Сенекозой еще не было покончено. Должно быть, где-то неподалеку он припрятал ружье — в каком-то футе от моей головы свистнула пуля.

Я схватил было поводья кобылы, но тут же понял, что она уже сделала все, на что была способна. Тогда я посадил Эллен на свою лошадь и скомандовал:

— Езжай к нашему ранчо. В вельде полно черномазых, однако прорваться можно. Скачи быстрее, но постарайся, чтоб не заметили!

— Стив, а как же ты?

— Вперед!

Я подхлестнул ее лошадь. Эллен понеслась прочь, с тоской оглянувшись на меня. Тогда я взял наизготовку одолженное у Смита ружье и углубился в буш. До самого вечера мы с Сенекозой играли в прятки под жарким африканским солнцем. Ползали, скрывались в редком кустарнике, прятались в высокой траве и обменивались пулями. Шелест травы, хруст ветки под ногой — гремит выстрел, за ним еще, и все начинается снова.

Патронов у меня было немного, поэтому я старался беречь их, но вот наконец зарядил ружье — огромную, шестого калибра одностволку, заряжающуюся с казенной части (некогда было выбирать), — последним. Сжавшись в комок в своем укрытии, я ждал, когда чернокожий выдаст себя неосторожным движением. Ни звука, ни шепотка не слышно было

в траве. Где-то вдаль разразилась дьявольским хохотом гиена, и тут же, словно в ответ, неподалеку от меня захохотала другая. Лоб мой покрылся холодным потом.

Но — что это? Грохот подков! Неужели воины Сенекозы возвращаются? Я осторожно выглянул из травы — и чуть не завопил от радости. Прямо ко мне неслись человек двадцать белых и чернокожих пастухов с ранчо, а впереди всех скакала Эллен! Расстояние до них было еще порядочным. Я скользнул за высокий куст, встал во весь рост и замахал руками, чтобы привлечь их внимание.

Все разом закричали, указывая на что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидел ярдах в тридцати от себя огромную гиену, быстрыми прыжками приближавшуюся ко мне. Я окинул быстрым взглядом вельд — где-то там, среди травы, прятался Сенекоза. Выстрел мог выдать меня, да к тому же и патрон оставался последний. А мои спасители все еще были слишком далеко...

Я снова взглянул на гиену. Она приближалась, и намерения ее не вызывали никаких сомнений. Глаза зверя сверкали адским огнем. Судя по шраму на плече, то была та самая гиена, что напала на меня возле ранчо. Объятый ужасом, я покрепче прижал к плечу приклад старого слоновьего ружья и послал в гиену свою последнюю пулю. С визгом, до дрожи похожим на человеческий, гиена скрылась в кустах, сильно хромая на бегу.

И тут меня обступили спасители. Град пуль обрушился на то место, откуда Сенекоза стрелял в последний раз, но ответа не последовало.

Кузен Людтвик кипел от ярости, что заметно усилило его бурский акцент:

— Нишефо, не уйдет, смеюка!

Мы рассыпались цепью по вельду, прочесывая каждый дюйм, но колдуна и след простыл. Нашли только незаряженное ружье да россыпь стреляных гильз. Но самым странным оказалось то, что от брошенного ружья в траву вел след гиены.

От темного ужаса волоски на моем загривке встали дыбом. Мы переглянулись и, ни слова не говоря, пошли по следу. Зверь явно подкрадывался ко мне, скрываясь в высокой, по плечо, траве, терпеливо выслеживая свою жертву. Кусты, куда гиена нырнула после моего выстрела, были обагрены кровью, так что ошибиться было невозможно. Мы двинулись по кровавому следу дальше.

— Да ведь след ведет к хижине этого колдуна, — пробормотал Смит. — Здесь, господа, какая-то дьявольская тайна!

После этого кузен Людтвик велел Эллен не ходить дальше и оставил с ней двоих мужчин.

След тянулся на вершину копи, а затем — в ту самую рощу, прямиком ко входу в хижину. Мы внимательно осмотрели все вокруг, но других следов не нашли. Значит, зверь там. Держа ружья наготове, мы распахнули грубо сколоченную дверь...

Вокруг хижины не было никаких следов, кроме отпечатков лап гиены, однако внутри оказался вовсе не зверь. На земляном полу с пулей в груди лежал Сенекоза, туземный колдун.

ЗМЕЯ ИЗ НОЧНОГО КОШМАРА

Н

очь выдалась на удивление тихой. Расположившись на просторной веранде, мы смотрели в необъятную темную даль. Ночной покой вошел в наши души, и мы все долгое время молчали.

. Затем вдалеке, над темными горами на востоке, появилось едва заметное сияние, и вскоре огромная золотистая луна залила землю призрачным светом, в котором, словно дыры, зияли тени деревьев. С востока подул легкий, прохлад-

ный ветерок, и неподвижные травы всколыхнулись долгими, широкими волнами, почти невидимыми в неверном свете луны. И тут молчание, воцарившееся на веранде, разорвал негромкий, на вдохе, вскрик, заставивший всех нас обернуться.

Фэминг подался всем телом вперед, вцепившись в подлокотники кресла. Лицо его в призрачном свете сделалось мертвенно-бледным, а на подбородок стекла тонкая струйка крови — он прикусил губу. Все мы смотрели на него в изумлении. Издав отрывистый, больше похожий на рычание смешок, он резко бросил:

— Нечего глазеть на меня! Уставились, как стадо баранов! — и столь же внезапно умолк.

Мы пораженно молчали, не зная, что ответить, и Фэминг заговорил вновь:

— Пожалуй, лучше рассказать обо всем, иначе еще примете меня за чокнутого. Только чтоб никто не перебивал! Мне нужно избавиться от мыслей об этом! Всем вам известно: я не из впечатлительных. Но это наваждение, от начала до конца порожденное моим воображением, преследует меня с самого детства. Сон... — Он прямо-таки съехался в кресле. — Сон! О, господи, что за сон! С первого раза... Хотя нет, я не помню, когда все это приснилось мне впервые... Эта дьявольщина снится с тех пор, как я помню себя. Сон такой. На холме, среди диких трав, стоит дом вроде бунгало — не такой, как этот, но происходит все здесь, в Африке. И я живу в этом бунгало со слугой-индусом. Как я туда попал, наяву никогда не помню, хотя во сне причина мне точно известна. Вообще, становясь тем человеком из сна, я помню свою прежнюю жизнь, которая никоим образом не связана с моей жизнью наяву, но, стоит проснуться, и от этой памяти не остается и

следа. Однако, по-моему, я скрылся там от преследования властей, и индус тоже. Откуда взялось бунгало, я не помню и даже не могу сказать, в какой это части Африки, хотя во сне знаю все. Бунгало, как я уже говорил, стоит на вершине холма и состоит всего из нескольких комнат. Других холмов вокруг нет, во все стороны — травы, до самого горизонта, где по колено, а где и по пояс.

Сон всегда начинается с того, что солнце клонится к закату и я поднимаюсь на холм — возвращаюсь с охоты, и ружье мое сломано. Это я помню ясно. Все это — точно вдруг поднимается занавес и начинается пьеса. Или будто я переносусь в тело и жизнь другого человека, напрочь забывая жизнь наяву. Вот в чем настоящий кошмар! Как всем — ну, по крайности, многим — из вас известно, во сне человек где-то в глубине сознания понимает, что это сон. Как бы он ни был ужасен, мы знаем, что спим и, стоит нам проснуться, кошмары прекратятся. А в моем сне я не знаю этого! Он так ярок и подробен, что иногда я думаю: а вдруг этот сон и есть реальность, а то, что я считаю жизнью наяву, лишь сон? Но это, конечно, не так, ибо в этом случае я бы умер много лет назад...

Словом, я поднимаюсь на холм и первым делом отмечаю: что-то не так. К вершине поднимается странный след — будто волоком тащили что-то тяжелое и примяли траву. Но я не обращаю на это особого внимания, потому что раздражен: другого оружия, кроме этого сломавшегося ружья, у меня нет, и охоту придется оставить, пока не смогу послать за новым.

Видите, я помню, что думаю и чувствую во сне — в настоящем своего сна. Но тот «я», во сне,

наделен воспоминаниями, которых я не могу вспомнить наяву. Так вот, я поднимаюсь на холм и вхожу в бунгало. Двери распахнуты настежь, индуса нигде нет, а в комнате беспорядок: кресла сломаны, стол опрокинут... На полу валяется кинжал моего слуги, но крови нигде не видно.

Надо заметить, что во сне я не помню предыдущих снов, как порой бывает с людьми. Все всегда происходит словно в первый раз. И происходящее я воспринимаю так же ярко, как впервые. И вот я стою посреди жуткого беспорядка и ничего не понимаю. Индус пропал, но что же стряслось? Будь это набег чернокожих, они бы разграбили и сожгли дом. Заберись в бунгало лев, все вокруг плавало бы в крови. И тут я внезапно вспоминаю тот след! По спине пробегает холодок. Все становится ясно: тварь, поднявшаяся на холм и разорившая бунгало, не может быть ничем иным, как только гигантской змеей. Стоит мне вообразить ее размеры, лоб покрывается бисеринками холодного пота, а сломанное ружье начинает дрожать в руке.

Тогда я бросаюсь к выходу в диком ужасе и с одной-единственной мыслью: бежать как можно скорее к побережью. Но солнце уже садится, на землю опускаются сумерки, и где-то там, в высокой траве, прячется эта ужасная, громадная тварь. Господи!..

С губ его брызнула слюна. Мы сидели молча, напряженно слушая, боясь пропустить хоть слово.

Фэминг продолжал:

— Я запираю двери и окна на засовы, зажигаю лампу и замираю посреди комнаты. Стою, точно статуя. Жду. Прислушиваюсь. Вскоре в небе

появляется луна, заливая все вокруг неверным светом. Я стою неподвижно. Ночь очень тиха, совсем как сейчас, лишь легкий ветерок порой шелестит в траве, всякий раз заставляя меня прижимать руки к груди и стискивать кулаки так, что кровь течет из-под вливающихся в ладони ногтей. Я стою, жду, вслушиваюсь в ночь. Но змея не появляется!

Последние слова прозвучали, точно взрыв. Все мы невольно вздохнули с облегчением. Напряжение спало.

— Тогда я решаю, если доживу до утра, попытать счастья в лугах и отправиться к побережью. Но вот наступает утро, и я не осмеливаюсь! Неизвестно, в какую сторону уползло чудовище, и я боюсь встретиться с ним на открытом месте, да еще без оружия! Я остаюсь в бунгало, точно в ловушке, и глаза мои неотрывно следят за солнцем, которое неумолимо движется к горизонту. О, господи! Если б я только мог остановить его!

Фэминг был охвачен ужасом настолько, что едва мог говорить.

— Солнце клонится к закату, траву прорежают длинные мрачные тени. Опьянев от страха, я запираю окна и двери и зажигаю лампу задолго до того, как угаснет последний солнечный луч. Свет в окнах может привлечь чудовище, но мне не хватает духу потушить лампу и остаться в темноте. Я снова стою посреди комнаты и жду.

Фэминга сотрясала дрожь. Сделав паузу, он продолжал едва слышным шепотом:

— Жду, утратив всякое ощущение времени. Времени больше нет, каждая секунда растяну-

лась до бесконечности. Но вдруг... Господи, что это!?

Он резко подался вперед. В призрачном свете луны его застывшее лицо сделалось столь ужасным, что все мы невольно вздрогнули и поспешно оглянулись.

— На сей раз то — не ночной бриз, — зашептал Фэминг. — Что-то шуршит, словно прямо по траве тащат нечто огромное, длинное и тяжелое. Шорох все ближе и ближе, и наконец он смолкает — перед самой дверью! Ночную тишь взрывает скрип, дверь прогибается внутрь... Еще, еще! — Руки Фэминга словно вцепились во что-то невидимое для нас, но находившееся прямо перед ним. Дышал он, будто загнанная лошадь. — Я понимаю, что должен навалиться на дверь всем телом, но нет — страх превратил меня в камень! Я лишь стою, как баран под ножом. Однако дверь выстояла!

И снова у всех вырвался вздох облегчения. Фэминг отер лоб трясущейся рукой.

— Всю ночь я неподвижно простоял посреди комнаты, разве что поворачивался лицом туда, где шуршала в траве ползавшая вокруг дома тварь. Тихий, зловещий шорох словно приковывал к себе мой взгляд. Порой он стихал на миг или даже на целых несколько минут, и тогда у меня перехватывало дух от ужаса — казалось, змея сумела как-то пробраться внутрь. Я начинал вертеться по сторонам, хотя — уж не знаю почему — страшно боялся шуметь: меня не оставляло чувство, будто это исчадь ада — прямо за моей спиной. Но шорох возобновлялся, и я снова замирал на месте...

Только в одном-единственном смысле мое сознание — то, что руководит мною наяву, —

проникает под покров этого кошмара. Во сне я не имею ни малейшего понятия, что сплю, однако косвенным образом кое-что передается и в сон. Моя личность как бы мгновенно раздваивается, и получается нечто вроде того, как две руки, правая и левая, существуют независимо друг от друга, хотя принадлежат одному телу. Во сне мое «я» не осознает «я» реального, сознание временно подавляется, попадает под контроль подсознания и словно бы вовсе перестает существовать. Но сознание все-таки способно воспринимать мысли, волнами набегающие из моря сна. Конечно, я объясняю все это не слишком внятно, но суть в том, что и сознание и подсознание мое — на краю гибели. Там, во сне, меня не покидает страх перед тем, что змея поднимет голову и заглянет в окно. И я — во сне — знаю: если это случится, я сойду с ума. И переживания, доносимые мысленными волнами из мутного моря кошмара, так отчетливы, что мой разум наяву колеблется так же, как колеблется разум во сне. Туда-сюда, туда-сюда, пока и я сам не начинаю раскачиваться. Ощущение не всегда одинаково, но я вам скажу одно: если когда-нибудь во сне эта ужасная тварь взглянет на меня, не миновать мне буйного помешательства.

Слушатели беспокойно всколыхнулись.

— Господи, ну и перспектива,— пробормотал Фэминг.— Повредиться умом и непрерывно, днем и ночью, жить в этом кошмаре! — Он сделал паузу.— Я стою посреди комнаты, проходят века, но наконец за окнами светлеет, шорох исчезает вдаль, и вскоре кровавое, точно изможденное, солнце начинает карабкаться в небо из-за восточного горизонта. Я поворачиваюсь, смотрю в

зеркало — мои волосы совершенно седь! Шатаюсь, я иду к двери, распахиваю ее настежь... Ничего. Ничего, кроме широкой проплешины в траве, уходящей не к побережью, а в противоположном направлении! Зайдясь в безумном визгливом смехе, я бросаюсь бежать вниз по склону — и дальше, и дальше, через заросшие травами луга. Бегу, пока не падаю от изнеможения, и лежу, пока не обретаю силы подняться и снова бежать.

Так продолжается весь день. С нечеловеческими усилиями я двигаюсь к побережью, подгоняемый оставленным позади ужасом. И непрерывно, бредя ли на подгибающихся ногах, лежа ли и хватая ртом воздух, не спускаю молящего взгляда с солнца! Как быстро несется оно по небу, когда бежишь наперегонки со смертью! И, когда солнце опускается к самому горизонту, а холмы, до которых нужно было добраться засветло, ничуть не приблизились, я понимаю, что гонка проиграна.

Голос его с каждым словом звучал все тише, и все мы невольно подались вперед. Пальцы Фэминга крепко-накрепко впились в подлокотники, из прикушенной губы сочилась кровь.

— Темнеет. Я все бреду вперед, падаю и снова встаю. И хохочу, хохочу, хохочу! Но вскоре умолкаю: взошедшая луна превращает луга в какой-то призрачный, окутанный серебристой дымкой, морок. Заливая землю молочно-белым светом, сама она красна, как кровь! Я оглядываюсь... И... Далеко позади...

Мы еще сильнее подались вперед. По коже пробежал холодок. Голос Фэминга снизился до еле слышного, призрачного шепота.

— ...Далеко позади... Вижу... Колышущуюся... Волнами... Траву. Воздух неподвижен, но высокие стебли расступаются и раскачиваются в свете луны, образуя темную извивающуюся линию. Она еще далеко, но с каждым мгновением все ближе и ближе...

Фэминг умолк. Только через некоторое время кто-то из нас осмелился нарушить воцарившуюся тишину:

— И что же дальше?

— Дальше — просыпаюсь, — ответил Фэминг. — Пока что я ни разу не видел этого ужасного чудовища. Но кошмар преследует меня всю жизнь. В детстве я пробуждался от него с криком, а уже в зрелом возрасте — весь в холодном поту. Снится он нерегулярно, но в последнее время... — Голос Фэминга осекся, однако он продолжил: — В последнее время змея с каждым разом подползает все ближе. Колышущаяся трава отмечает ее путь, и с каждым новым кошмаром чудовище приближается. Когда оно настигнет меня...

Он резко смолк, ни слова более не говоря, встал с кресла и пошел в дом. Остальные еще немного посидели в молчании, потом последовали его примеру — время было позднее.

Не знаю, как долго я спал, но внезапно сон мой был прерван. Казалось, в доме кто-то смеялся — долгим, громким, отвратительным безумным смехом. Вскочив с постели и гадая, не приснился ли мне этот смех, я выбежал из спальни, и в тот же миг по всему дому разнесся воистину ужасающий визг. Дом мгновенно наполнился разбуженными людьми, и все мы кинулись в спальню Фэминга — похоже, звук доносился именно оттуда.

Фэминг был мертв. Он лежал на полу — так, точно упал, борясь с чем-то ужасным. На теле его не было ни царапины, но лицо было страшно искажено, словно раздавлено какой-то невообразимой силой, подобной той, какой должна обладать гигантская змея.

ДИТЯ СУДЬБЫ

С рождения ход судьбы проклятием ведьмы повязался,
И оттого всю жизнь мою пришлось брести уныло
По странным тропам, по путям порочным и постылым,
И, как слепец, у асфodelей сломанных я оказался.
Жилище дьявола, нет топи безысходней,
Разбитая дорога пролегла там в асполах огня.
И призраки сквозь тусклый свет луны ведут меня.
Чтоб слушать демонов в гранитной преисподней...*

Роберт И. Говард

Роберт Ирвин Говард родился 24 января 1906 года в деревушке Пистер графства Паркер (штат Техас), находящейся в десяти милях северо-западнее Уизерфорда и тридцатью пятью милями западнее Форт-Уорта. Доктор Говард отвез туда жену, когда подошел срок ро-

* Перевод А. Андреева.

дов, ибо в крошечном селении Темная Долина, где они тогда проживали, не было прача. Принимать единственного ребенка миссис Говард помогал доктор Дж. Э. Уильямс.

Рождение сына было большим событием в этой семье, ибо Айзек и Эстер Говарды уже не надеялись завести ребенка. Они оба считали, что Эсси, как доктор Говард называл свою жену Эстер Джейн, слишком стара для этого, да и здоровье у нее слабовато. Говарды даже подумывали попросить брата Айзека, Дэвида, чтобы он позволил им усыновить его последнего сына, маленького Уоллеса, и вырастить его как своего собственного. Но когда братья начали всерьез обсуждать это, обнаружилось, что Эстер беременна.

В детстве Роберт постоянно общался лишь с матерью, а отец, фанатично преданный своему делу, оставался для него чужим. Несомненно, он внушал трепет ребенку — крупный, энергичный, с пронзительными синими глазами и роскошными угольно-черными волосами, сильный и властный, но нежной привязанности, как к матери, сын к нему не испытывал.

Доктор Говард полностью отдавал себя постоянной борьбе за жизнь своих пациентов. Для него болезнь и смерть были врагами, с которыми он вел непрекращающуюся войну. Он чувствовал, что, если позволит себе расслабиться хотя бы на миг, смерть победит, и считал смерть не естественным процессом, а своим личным упущением.

Айзек Говард стремился придать черты совершенства окружающему миру, не признавая полутонов и не идя на компромиссы. Для него существовало либо зло, либо добро — и никакой границы между ними. Он видел себя чем-то вроде воина Христа, посланным на землю для беспощадной борьбы со злом. В юности он хотел стать священником, но, как заметил один из его двоюродных братьев, «для этого в нем было слишком много от Лукавого».

Невероятная вспыльчивость и раздражительность всегда были присущи Говарду-старшему, что, несомненно, не шло на пользу избранной им благотворительной миссии. В один из воскресных дней, когда еще молодой Айзек Говард и его жена выходили из церкви, какой-то неуклюжий прихожанин наступил на юбку Эстер и порвал ее подол. Перед всем приходом доктор пригрозил ему нанесением увечья в столь непристойных выражениях, что об

этом вспоминали и семь десятков лет спустя. Его соседи немедленно решили, что Айзек Говард не достоин сана священника, поскольку в его натуре нет и тени смирения. С возрастом он, конечно, научился в некоторой степени управлять собой, но до конца жизни так и остался резким, вспыльчивым человеком.

Будучи взрослым, Роберт любил говорить, что, несмотря на его английское имя, он, по крайней мере, на три четверти ирландец, а на оставшуюся четверть — англичанин с примесью датской крови. Его двоюродный брат Мэксин Эрвин утверждал, что, хоть Роберт и был яростным кельтоманом, в семье все же царил английский дух.

Годы, казалось, были не властны над отцом Говарда. Одетый во все черное (обычный костюм врача той эпохи), он вскакивал на лошадь, к седлу которой были приторочены огромные сумки, наполненные опиумом, эфиром, рвотным корнем, аспирином и другими лекарствами для очищения желудка, потения и снижения жара. Для маленького Роберта этот человек шести с лишним футов ростом, должно быть, казался невероятно огромным, вполне подходящим на роль Властелина Темной Долины. Выезжая в облаке пыли из ворот или возвращаясь домой, чтобы заключить свою Эсси в объятия и наградить ее крепким поцелуем, он, скорее всего, возбуждал в своем маленьком сыне беспокойство и обиду.

Чувства эти обострялись, если мать не понимала его детских желаний, и тогда Роберт осознавал себя обездоленным и неспособным противостоять натиску злых враждебных сил.

Так для Роберта в первые годы его жизни возникли две Темные Долины: «хорошая» долина счастья и удовлетворенности и «плохая», населенная демонами страха и разочарования. Поскольку он никогда не мог избавиться от своего страха, гнева и неуверенности, Роберт Говард был обречен жить в неуправляемом хаосе и ему постоянно казалось, что его преследуют демоны. Он всегда чувствовал себя одиноким, и потому душа его непрерывно страдала.

Детство Роберта Говарда, в котором было так мало тепла, навсегда отложило отпечаток на его уязвимую натуру. Он стремился к любви и пониманию, и вместе с тем в его сознании постоянно жил ужас и страх сумасшествия. Говард считал эти ощущения проявлением памяти пращуров и древних суеверий,

происходящих от общего знания его северных предков, в которых он олицетворял себя через своего прапрадеда, Сэма Уолзера.

Там, в замороженных краях, говорил он, между ледяным берегом и заснеженным лесом, дикие северяне впитали в себя темные мечты и безумные порывы. Небеса, затянутые вечными тучами, окутанные мгlistыми саванами древние холмы, мрачные деревья пробуждали воспоминания, вызывающие чувства столь же острые и проникновенные, как преследование. Здесь были посеяны семена безумия, которые выросли среди потомков этих северян в Салеме во время охоты на ведьм в 1692 году. Говард считал, что, когда воспоминания предков и первобытные страхи прорываются сквозь толщу веков, они приобретают поистине чудовищные формы.

Когда Говард упоминает язычников Скандинавии, на самом деле он пишет о себе. Мысли о памяти предков и его страхи скрывают превратности развития его сознания, когда привольные луга стали в воображении ребенка Вратами Ада, а отец — надзирающим над ними Темным Властелином. Годами позже Говард писал: «Жизнь дикарей была, конечно, адом; однако, не думаю, что современная значительно лучше».

Впоследствии, когда Роберт Говард отчаялся понять, почему жизнь оборачивается для него адом, Темная Долина претерпела еще одно превращение. Она стала его фантастической Киммерией. Как серые, затянутые тучами небеса его мечтаний, Темная Долина оказалась затененным местом даже в ясные дни. Ночью же она была черной, как леса Киммерии, Страны Тьмы и Ночи. Теперь смутно запомнившийся ему ручей, протекавший по Темной Долине, превратился в Бразос, «сумеречные воды, текущие без звука».

Затерянный в этой населенной призраками стране своего внутреннего мира, Роберт Говард создал удивительное стихотворение-жалобу, плач, нисходящий к плавному течению грусти:

Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-синих туч,
Печальных вод бесшумное паденье
И шорох ветра в трещинах теснин.
За лесом — лес, и за горой — гора;

За склоном — склон...
Один и тот же вид:
Суровая земля. Сумев подняться
На острый пик, откроешь пред собой
Один и тот же вид: за склоном — склон,
За лесом — лес, как вылитые братья.
Унылая страна. Казалось, всем:
Ветрам, и снам, и тучам, что таились
От света солнца, — всем дала приют
В глухих чащобах, голыми ветвями,
Стучавшим на ветру, и было имя
Земле, не знавшей ни теней, ни света, —
Киммерия, Страна Глубокой Ночи.
С тех пор прошел такой огромный срок —
Забыл я даже собственное имя.
Топор, копье кремневое — как сон,
Охоты, войны, тени... Вспоминаю
Лишь бесконечных зарослей покров
Да тучи, что засели на вершинах
На долгий век, да призрачный покой
Киммерии, Страны Глубокой Ночи.

(Перевод Г. Корчагина)

Поскольку ни один из живущих ныне не помнит Роберта ребенком, эта глава основана на косвенных свидетельствах и собственных воспоминаниях Говарда.

«Техасцы по природе своей бродяги», — писал Роберт Говард своему другу Лавкрафту в 1931 году. В подтверждение своих слов он перечислял различные места штата, где успел пожить за первые девять лет своей жизни. Это были маленькие техасские городки, такие как Бэгвелл, и большие, как Сан-Антонио. Многочисленные переезды и сопровождающие их хлопоты, постоянная смена окружения и необходимость привыкать к новым условиям, без сомнения, сильно повлияли на психику юного Роберта. Вместо того чтобы со свойственной юности любознательностью познавать окружающий мир, он мечтал разыскать «тихую гавань». Отношения с матерью стали для него точкой отсчета в калейдоскопе суеты, которая окружала юношу.

Жизнь Роберта в Темной Долине окончилась внезапно, когда семья переехала в городок Семинол в долине Льяно Эстакадо, близ границы с Мексикой. Роберт позже описывал его как застывшее, сухое

место; говорил о разрушении духа, которому способствовали царившая вокруг атмосфера невезения, вечная пыль, рев скота, изнуряющий труд и постоянное опасение, что тебя ужалит гремучая змея, скорпион или еще какая-нибудь мерзкая тварь. Маленького мальчика, должно быть, сильно пугали рев скота и крики пастухов на тракте, который проходил прямо за их дверью. Он предпочитал скрываться у колен матери на теплой, безопасной кухне.

К несчастью для Роберта, его семью лишь с определенной натяжкой можно было назвать нормальной. Снисходительные во многом старшие Говарды считали своей целью -изменение и оформление- своего сына. Эстер Говард постоянно следила за ним от младенчества до вполне зрелых лет. Она проверяла его друзей, руководила кругом его чтения и старалась постоянно находиться с ним рядом. Мать потакала всем его прихотям, и тем не менее это слишком пристальное внимание, а также навязываемое ею догматическое утверждение о ценности семьи не давали Говарду возможности жить собственной жизнью. Его отец также частенько пытался привить молодому Роберту искаженные взгляды на действительность. Ребенка приводили в недоумение и вежливая лож отца с целью защитить самолюбие своей жены, и утверждения, что его семья, скорее, живет в мире, который должен быть, нежели в том, что существует на самом деле.

Роберта, должно быть, приводила в негодование и чрезмерная строгость родителей. Как правило, слишком часто сталкиваясь с запретами, дети пытаются строить собственное поведение через отрицание. Стремление к самостоятельности в юном возрасте невероятно сильно, и Роберт не единожды выдерживал генеральные сражения с собственной матерью, отказываясь повиноваться ее требованиям.

В воображении впечатлительного, наделенного богатой фантазией мальчика рано начали возникать причудливые видения чудовищ, привидений и демонов. Полностью свободный от материнского страха перед индейцами, Роберт населил окружающий его мир злобными существами, может быть, и не совсем ему понятными, но уж, несомненно, наводящими ужас.

По мере того как развивалась его фантазия, Роберт придумывал воображаемых людей, с которыми он мог беседовать, а также никогда не существовавших животных. Матери удалось войти в эту игру сына, которую она поддерживала много лет. Собственно,

ей не впервой было притворяться. В свое время она даже придала своей речи специфический акцент, чтобы подтвердить мнение Роберта о том, что он имеет ирландские корни.

Мы не знаем, участвовал ли в то время в этих играх доктор Говард, однако существуют свидетельства более поздних его фантазий. Том Уилсон сообщает, что в 1924 году Роберт, которому тогда исполнилось восемнадцать лет, прислал ему обувную коробку, набитую изображениями героев, которых он придумал вместе с отцом — они дали каждому из них собственное имя и часто беседовали с ними. Подобные поступки с трудом поддавались пониманию Тома — впрочем, как и большинству остальных людей. Хотя игры с вымышленными персонажами представляются развлечением для доктора и его сына, не лишена смысла версия о том, что с помощью призрачных персонажей Роберт пытался исправить искаженную стараниями его родителей картину бытия.

Как правило, игра отражает подлинный образ мыслей ребенка. Пересказ игр с выдуманными персонажами превращается в законченные истории, в которые вплетаются внутренние ощущения рассказчика. Изложение мыслей Говарда в его взрослые годы напоминает образные повествовательные ряды, потому что он так и не развил язык, подходящий для отображения того, что в его жизни всегда находилось под запретом — собственных эмоций.

Нестабильный окружающий мир, который угнетал и подавлял его, породил у маленького Роберта частые вспышки раздражения. В этом нет ничего удивительного — подобное происходит почти со всеми детьми. Но у Роберта раздражительность осталась на всю жизнь. Он никогда не мог определить, где находится предел возможностей человека, сколь много можно ожидать от той или иной личности. В школьные годы Роберт понял, что не в состоянии сдерживать вспышки бессильной злости. Часто за столом он мог вспылить из-за замечания отца и, опрокинув стул, вскакивал и убегал во двор, где колотил кулаком по стене дома до тех пор, пока не разбивал руку в кровь.

Ребенок, так часто и так бессмысленно растрачивающий свою энергию, как правило, несчастлив. Его постоянно дразнят сверстники и наказывают за дурное поведение взрослые. Он переживает глубокое чувство стыда за отсутствие самоконтроля и обычно, достигая зрелого возраста, склонен занижать самооценку.

Таких детей часто преследуют ночные кошмары. Не был исключением в этом смысле и Роберт, о чем он упоминал в своих письмах к Лавкрафту. Повторяющиеся ночные кошмары обычно бывают у тех, кому плохо удается справляться с определенными жизненными ситуациями. Какое количество возникших из этих ночных видений чудовищ встретил потом выдуманный Говардом варвар-киммериец, мы никогда не узнаем, но, без сомнения, какая-то часть этих безымянных страхов осталась в подсознании молодого Роберта.

Так в раннем детстве Роберт Говард начинал создавать свой вымышленный мир, проследовавший за ним в его взрослую жизнь. Это было неизбежно, поскольку перед мальчиком не существовало альтернативы между фантазией и реальностью — он всего-навсего совершал выбор между окружающими его выдумками. Фантастический мир, который Говард создал в своем воображении, обрел для него по прошествии времени все большую важность. Он дал Роберту возможность почувствовать себя хозяином собственного «я». Именно этот поиск себя вкупе со способностью к фантазии способствовал превращению мальчишки-фантазера в настоящего художника.

...

В 1909 году доктор Говард перевез свою семью в Бронт — городок, построенный возле Восточной Железной Дороги, которая была пущена лишь между Свитуотером и Сан-Анджело. Бронт располагался в графстве Кок, где холмы переходят в равнины Юго-Западного Техаса. В то время это был район, где в основном выращивали овец, хотя в долине реки Колорадо были и пахотные земли.

Население всего графства насчитывало около шести тысяч человек. Эти места казались Эстер Говард пустыней. Однако здесь Говарды имели возможность видеться с жившими неподалеку любимой сестрой доктора — Вилли, ее мужем, индейцем-полукровкой Уильямом Оскаром Мак-Клангом и их детьми. Фанни Мак-Кланг вспоминает, что дядя Кью (так племянники и племянницы называли Айзека Говарда, второе имя которого было Мордекай), был частым гостем в Кристал-сити. Этот приграничный городок в Южном Техасе был настолько пустынен, что по ночам на его улицах нередко можно было наткнуться на забредших из прерий койотов.

Роберт и его мать неоднократно сопровождали доктора. Именно в Кристал-сити Роберт впервые увидел, как упал крупный метеорит, вспышка которого, сопровождаемая ужасным грохотом, заставила сжаться от страха сердце четырехлетнего мальчика.

Именно дядя, вплоть до своей смерти в 1912 году, поддерживал Роберта интерес к приграничным зонам. Говард рассказывал Лавкрафту, что еще с раннего детства слышал из первых уст истории первопроходцев и сам участвовал в освоении Юго-Западного Техаса, включая Великое Плоскогорье и нижнюю часть долины Рио-Гранде. Лавкрафт — по нашему мнению, небезосновательно — обвинял Боба в том, что он идеализирует тот период.

Конечно, сложно представить, какое участие мог принимать маленький мальчик в освоении долины Рио-Гранде за то короткое время, что он жил в Бронте. Говарды пробыли в городке всего год (8 января 1910 года доктор Говард представил свои рекомендации в избирательный округ графства Бексар, указав домашний адрес в Потите, местечке за несколько миль от границы). Много лет спустя Говард сообщал, что жил некоторое время на ранчо в графстве Атакоса, близ Сан-Антонио. Эти голые факты — единственное имеющееся у нас свидетельство о пребывании семьи Говардов в Южном Техасе.

Скоро семья Говардов вновь сменила место жительства. Хотя медицинское управление в 1912 году указывало еще прежний адрес доктора, мы знаем, что миссис Говард получала почту в Ороне, графство Пало Пинто, около деревни Кристиан, в нескольких милях от первого дома Роберта в Темной Долине. И в августе 1912 года мать доктора Говарда, Элайза Генри Говард, получила в Маунт-Калме письмо внука, адресованное миссис Э. Г. Говард в Ороне, где она, очевидно, навещала свою невестку Эстер Джейн.

...

На фотографии, сделанной, вероятно, в Южном Техасе, Роберт предстает бутузом в широкополой шляпе, сдвинутой на затылок. Хотя он и не кажется особенно счастливым, ребенок тем не менее выглядит здоровым и крепким. Судя по одежде, снимок сделан зимой.

На следующем снимке Роберт уже на несколько лет старше. Он очень худ и смотрит в камеру исподлобья, недоверчивым взглядом. Хотя он одет в костюм индейца, вид у мальчика невеселый и

болезненный. Этого ребенка Альма Бэйкер Кинг описывала как маленького дикого мальчугана, обожающего игры, в которых требовалось убивать. Создается впечатление, что какое-то событие произвело на Роберта неизгладимое впечатление: он выглядит встревоженным.

От больной туберкулезом матери, кормившей его грудью невероятно долго — до четырех лет, и даже от нечастых встреч с дядей, страдавшим той же болезнью, у мальчика мог развиться туберкулез. На то, что ребенком он был слаб здоровьем, жаловалась впоследствии его мать в беседах со своей сиделкой. Миссис Говард признавала, что из-за этого она баловала Роберта, увеличивая его привязанность к ней.

Маленького Роберта преследовали не только обычные страхи шестилетних детей, он боялся и громкого шума, и темной комнаты, и воя ветра, и угрозы пожара. А если к тому же ребенок еще и болен, детские страхи становятся значительно сильнее.

В тот период, когда большинство детей начинает постепенно отходить от своих матерей и обращается за поддержкой к отцам, Роберт был лишен этой возможности. Профессия доктора Говарда требовала, чтобы он ставил нужды своих пациентов выше желаний маленького сына иметь в его лице покровителя и товарища. В результате шестисемилетний Роберт, должно быть, чувствовал себя отвергнутым.

Это усугублялось и тем, что миссис Говард стремительно отдалялась от своего мужа. Его непостоянный, вспыльчивый характер и вечные наполеоновские планы часто давали ей повод к недовольству. Она начала понимать, что, выйдя замуж, совершила мезальянс, поскольку Эрвины гораздо более благородны, чем Говарды. К тому времени, когда Роберт уже повзрослел, она начала заявлять, что в ее жилах течет частичка королевской крови.

Для доктора Говарда его Эсси дней жениховства стала Хетч или даже Хек, а позже так стали ее называть и другие. Каждую попытку миссис Говард поддержать тот образ жизни, который она считала необходимым, ее супруг безжалостно высмеивал. Чем более утонченными были ее поступки, тем более грубым становилось поведение доктора Говарда. Когда доктор приглашал на обед гостей, Эстер в отличие от всех остальных жен подавала каждое блюдо по очереди. И когда она убирала первую перемену блюд, Айзек, чтобы подразнить ее, кричал в дверь кухни: «Эй, Хек, это

уже все? Эстер Говард имела все меньше и меньше возможностей отдохнуть, тогда как ее муж часто обедал с друзьями и пациентами, причем не стеснялся рассказывать им о недостатках своей супруги.

Чем более бесцеремонным и грубым становился Айзек Говард — «ветер в голове», как часто называли его друзья из Западного Техаса, — тем к большому совершенству стремилась Эстер, увеличивая тем самым пропасть между ними. Ее неизлечимая болезнь превращалась в действенное оружие, когда никакими другими способами не удавалось привести в чувство бесцеремонного супруга.

Это хоть и не явное, но продолжительное унижение, которому подвергали друг друга родители, мешало Роберту видеть каждого из них в реальном свете. Когда он стал старше, то часто оставался наедине с отцом, ссорившегося с матерью, причем так громко, что их голоса доносились до соседского дома Батлеров.

В очередной раз Говарды переехали в деревню, расположенную около водопада Уичита. Но и здесь они пробыли очень недолго. У Роберта сохранились неприятные воспоминания об этой деревне. Он увидел практически необитаемую голую землю. Бесконечные миль белых барханов солончака лежали, словно обглоданные кости великанов, там, где верхний слой почвы был снесен безжалостными ветрами. В солнечный день на них было невозможно смотреть — слепило глаза.

Здесь мальчик впервые увидел характерные для Северного Техаса «синие бураны». Для «синего северянина» характерно потемнение горизонта и внезапно поднимающийся ледяной ветер, и тогда теплый день превращается в холодный вечер. Синева с горизонта распространяется по всему небу, а моросящий дождь обычно сменяется обильным снегом или колючим градом. Если ветер усиливается, неминуем буран.

Роберту тогда было около семи лет, а значит, настала пора пойти ему в школу. Но списки учеников свидетельствуют, что Роберт пошел в первый класс тогда, когда ему исполнилось уже восемь, и сам он подтверждает в письмах этот факт. Возможно, мальчик еще не полностью оправился от своей болезни, но могла существовать и другая причина. Школьники всегда и везде с определенным подозрением относятся к новичкам, очень часто ус-

траивают настоящие заговоры против ученика, только что появившегося в классе. И разумеется, Роберт, вечный новичок, был для них идеальной жертвой.

Слабый, замкнутый, постоянно испуганный защиты у материнских колен, Роберт всегда служил естественным объектом для насмешек. Даже когда он еще не ходил в школу, он часто боялся выйти со двора, зная, что его выследят соседские мальчишки.

Мальчишки в Северном Техасе жестоки не более, но и не менее, чем их остальные сверстники. По словам Лэрри Мак-Мэрфи из графства Арчер, у маленького Роберта Говарда были серьезные причины для страха. Мак-Мэрфи пишет:

«Широко используется метод запугивания в его самых грубых формах. Обычно слишком умных закидывают экскрементами, поскольку в маленьком городке человек, наделенный мозгами, становится прямой угрозой для людей, ими не обладающих. У меня был друг, очень сообразительный мальчик, выросший в сельской местности, где отхожие места чаще всего устроены вне дома. Когда он достиг второй ступени школы, его ум выделил его как личность чрезвычайно опасную, и в те дни, когда ему хватало безрассудства отвечать на поставленные учителем вопросы, сверстники жестоко расправлялись с ним, окуная головой в дерьмо».

Применялись ли такие средства воздействия к Роберту или нет, он, несомненно, знал о подобных случаях. Это видно по одному из эпизодов рассказа «Сплошь негодяи в доме» («Багряный жрец»). Юный Конан, кое-как перебиваясь воровством, бежит из тюрьмы и узнает, что его девушка изменила ему. Убив своего соперника, он хватается за неверную возлюбленную и тащит ее под мышкой по карнизу окна.

Добравшись до заранее намеченного места, Конан остановился и крепко ухватился пальцами свободной руки за выбоины в стене. Девушка то принималась молить его о прощении, то скулила без слов. Конан посмотрел вниз, прислушался к шуму, доносившемуся из дома, и швырнул девицу прямо в выгребную яму. Понаблюдав с любопытством за барахтавшейся в дерьме изменницей и с удовольствием выслушав все то, что она ему кричала, варвар захохотал во все горло, что позволял себе крайне редко.

Для Роберта любое перемещение, а особенно туда, где подобная дикая практика считалась обычной, было чрезвычайно сложным. Переезд на новое место обостряет любые противоречия, ко-

торые только могут быть у семилетнего ребенка с окружающими его людьми, и требует большей приспособляемости в условиях незнакомом окружения. Когда ребенок, испытывающий различные страхи, оказывается в ситуации, подобной описанной выше, у него стремительно исчезает способность к приспособлению. Это стало трагедией всей жизни Роберта Говарда: быстро сменявшиеся люди и события не давали ему возможности приспособиться к ним.

Сознавая потребность сына в самовыражении, доктор Говард принял предложение о работе в Бэгвелле. Этот городок расположен в графстве Ред-Ривер в Восточном Техасе на краю Сосновых лесов. Здесь Говарды жили почти в центре города, в так называемом Доме Пекаря, прямо за церковью Христа.

Хотя Бэгвелл прошел путь большинства мелких железнодорожных городков, в 1914 году в нем кипела довольно-таки оживленная жизнь. Он насчитывал пять сотен человек, включая сто семьдесят избирателей, около десятка магазинов, пару банков, по три церкви и отеля и две аптеки. С помощью имевшейся железной дороги и раскинувшихся вокруг хлопковых полей Бэгвелл быстро становился центром хлопководства. Каждый день в Бэгвелле останавливалась дюжина поездов.

Сэм Базби, который все еще живет в доме, где он родился, хорошо помнит доктора Говарда. Мистер Базби, которому сейчас за восемьдесят, поведал о проделке, в которую был вовлечен доктор Говард вскоре после переезда в Бэгвелл. Базби имел обыкновение регулярно охотиться с компанией приятелей. После охоты они обычно разводили огонь и готовили тушеное мясо или барбекю. Один из охотившихся был большим любителем поживиться на дармовщину. Он никогда не вносил свою долю, и ему решили преподать урок. Его подговорили украсть цыпленка из курятника Базби. Тот, заранее предупрежденный об этом, выскочил из дома с ружьем и всадил в незадачливого ворюшку заряд птичьей дробь.

Обезумев от боли, бедняга помчался в аптеку. Джим Риз, аптекарь, послал за доктором Говардом. Когда тот услышал, что у человека огнестрельная рана, то не стал тратить времени, седлая лошадь, а схватил сумку и побежал к пострадавшему. За это время Базби с помощью аптекаря выковырял всю дробь из ягодиц несчастной жертвы, и, когда доктор прибыл на место, эта парочка спорила о том, кому же из них оплачивать услуги доктора.

«Доктор увидел, что повреждения несерьезны,— вспоминает Сэм Базби,— и страшно разозлился. Он начал проклинать всех, кто только попадался ему на глаза, а чертыхаться, надо сказать, он умел. Джим Риз пытался его успокоить, уверяя, что вызов будет оплачен».

В конце концов доктор Говард успокоился. «Черт меня побери,— сказал он,— я не могу брать деньги за то, чего не делал».

Мистер Базби продолжает свой рассказ: «Я слышал, он был очень хорошим доктором. Мать миссис Мак-Уортер назвала в его честь одного из своих мальчишек».

В Бэгвелле была школа. Хотя все называли ее «маленький красный школьный домик», это был дом, покрашенный при перестройке в белый цвет, с кружевной резьбой по дереву в викторианском стиле, которой были отделаны балконы и карнизы. Здесь Роберт пошел в первый класс.

В восемь лет он уже умел читать. Он глотал книги одну за одной. Хорошо известно, что дети, рано начавшие читать, обладают чрезмерной впечатлительностью и прекрасной, почти фотографической памятью. У Роберта такая память сохранилась и в зрелые годы. Друзья поражались его способности мгновенно проглатывать книги, причем впоследствии выяснялось, что он прекрасно помнит их содержание. Конечно, интерпретация — совсем другое дело. Тщательное самокопание Роберта часто мешало ему правильно понять прочитанное, ведь обычно умение приспособить действительность к своим собственным ощущениям заставляет сухие факты оживать, но лишает их какой бы то ни было объективности.

Хотя восьмилетний Роберт по-прежнему оставался замкнутым и робким, он сумел победить свои страхи настолько, что смог ходить в школу и даже завел нескольких друзей. Эта дружеская привязанность, вероятно, была инициирована доктором Говардом, поскольку в основном мальчики оказались сыновьями его коллег. За все детство Роберта большинство его друзей были детьми близких приятелей отца, в основном медиков. Сверстников привлекало также живое воображение мальчика, а также придуманные им интересные истории, которыми он сопровождал каждую игру с ними.

Непривычный к тем играм, в которые обычно играют дети, Роберт любил сочинять различные истории, превращая рассказы в целые спектакли, распределяя роли в них между своими товари-

щами. Хотя он больше не чувствовал того, что должен в действительности становиться выдуманным героем, Роберт беспокоился, что может слишком войти в роль. К примеру, летом 1914 года, ознаменовавшим начало I мировой войны, они с друзьями играли, естественно, в войну. Роберт быстро определил свое отношение к союзникам и наотрез отказывался играть германских солдат. Поскольку почти все испытывали ненависть к немецкой армии, мальчик, к своему восхищению, обнаружил, что его точка зрения весьма популярна. В это время у Роберта возникла симпатия к французам. В его художественных произведениях более поздних лет герой, если не являлся американцем или ирландцем, уж непременно был французом.

Взрослеющие дети бывают сильно обеспокоены тем, что их страхи более ранних лет могут не исчезнуть. Неведомое и невидимое хотя и влечет, но все еще вселяет ужас. Однако такие страхи можно преодолеть, если суметь назвать и определить их. Уже будучи взрослым, Говард утверждал, что самые кошмарные страхи внушают явления или предметы, которые не описаны подробно и не названы.

Прекрасный способ избавиться от страха перед привидениями и другими сверхъестественными существами — напугать кого-то страшными историями собственного сочинения. Мальчишки из Бэгвелла обнаружили «ведьму» — темнокожую старуху, жившую на окраине города. Она ходила босиком, носила одежду из черных гусиных перьев и собирала голыми руками навоз для удобрения своего сада. Хотя Роберт и не говорил этого в своем письме Лавкрафту, описывая бэгвеллскую ведьму, ребята, должно быть, ужасно боялись ее, поскольку она якобы наложила «смертельное проклятие» на одного из них и тот вскоре умер.

Восьмилетним детям не так уж трудно найти какую-нибудь престарелую «ведьму», а в любом городке отыщется по меньшей мере один человек, которого можно так окрестить, и потому совпадение проклятия и смерти мальчика очевидно. Эта история может послужить ранним примером того, что Э. Хоффман Прайс назвал «наглой ложью» Роберта. Однако это могло сослужить хорошую службу маленькому мальчику, чьей целью было впечатлить друга или напугать врага.

Кухарка Говардов в Бэгвелле также старалась помочь Роберту преодолеть страхи перед сверхъестественным, рассказывая маль-

чику истории на самые различные темы, способные потрясти воображение восьмилетнего ребенка. Старая тетушка Мэри Бьюкенен родилась в рабстве. Она обладала достаточно светлой кожей и, кроме того, была чрезвычайно красива, а ее хозяйка — необыкновенно ревнива и жестока. Воспоминания о мучениях, которые перенесла тетушка Мэри, сохранились у Роберта до зрелого возраста, наполняя его тем же сладостным страхом, который он испытал, впервые услышав ее рассказы. Отголоски этих рассказов можно найти в разных произведениях Говарда.

К тому же тетушка Мэри могла сколь угодно долго рассказывать о призраках, заставляя каждый раз цепенеть от страха своего маленького слушателя. Дом плантатора, в котором появлялся великан без головы; звуки шагов, раздающиеся без участия человека; громохание цепей, холодные порывы ветра, расчлененные тела; вздохи, стоны и другие леденящие кровь звуки — все это из сказок тетушки Мэри.

А Роберт, широко раскрыв глаза, сидел на кухне и слушал, слушал...

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬМАРИК

† Альмарик. Перевод с англ. И. Рошаль	7

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

Гончие смерти

Перевод с англ. М. Николаевой	195

Эксперимент Джона Старка

Перевод с англ. М. Николаевой	237

Не рой мне могилу

Перевод с англ. М. Николаевой	271

Погибель Дэймода

Перевод с англ. М. Николаевой	293

Каиря на мысу

Перевод с англ. О. Воейковой	301

Последняя песня Казонетто

Перевод с англ. О. Воейковой	337

ПОВЕЛИТЕЛЬ САМАРКАНДА

Повелитель Самарканда { }

Перевод с англ. А. Курич	347

Гисна Сенскозы

Перевод с англ. Д. Старкова	399

Змея из ночного кошмара

Перевод с англ. Д. Старкова	417

Л. Спрэг де Камп. Дитя судьбы	427

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Екатерины Пеняевой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.11.98.
Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз.
Заказ 779.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

*Вместе с героями Говарда
окупитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.*

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-химмерийца,
легендарным правителем Валузии.

КУЛЛ
И ТРОН ВАЛУЗИИ
КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

•Северо-Запад®

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1

«Миддорский оборотень»

ТОМ 2

«Нефритовая страна»

ТОМ 3

«Стальное сердце»

ТОМ 4

«Ветры Катраза»

ТОМ 5

«Раб Сармы»

ТОМ 6

«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7

«Край Вечных Снов»

ТОМ 8

«Золотой скакун»

ТОМ 9

«Мятежник»

ТОМ 10

«Проигравший — умирает»

ТОМ 11

«Погибший мир»

ТОМ 12

«Корнуэльский кровосос»

fantasy

**Издательство «Северо-Запад»
представляет серию
«fantasy»**

*Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Сванн «День Минотавра»

М. Муркок «Город в осенних звездах»

Готовятся к выходу книги:

А.С. де Камп «Кольцо тритона»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

Р. Сильверберг «Книга черепов»

Г. Бир «Фуга бесконечности»

Т. Ли «Повелитель Смерти»

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард
(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**...Над Черной Цитаделью, высеченной в сердце
базальтовых скал, кружили слепые слуги
Королевы Ночи. Кэрн сжал рукоять меча, на
клинке которого еще дымилась зеленая кровь
песчаного червя...
Его последний бой начался.**

ISBN 5-7906-0050-6

•Северо-Запад®